

СМЕНА

2001

март

■ *А. Молчанов, В. Артемьев* Улыбка зверя

■ *Любовь Русева* "Урод рода человеческого"

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА

БЕРИ

НАСТОЯЩЕЕ

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела
литературы и искусства

Тамара Чинина

3 2001
март (1637)

Сдано в набор 19.1.2001.
Подписано к печати 16.2.2001.

Печать офсетная.

Заказ № 358

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Бумажный проезд, 14.

Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena @ gamet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается
студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29, 257-41-03

Журнал распространяется

на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2001.

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

- 42 Людмила Макарова
САША И САШЕНЬКА
Рассказ
- 78 Гэри Бранднер
ТЕТЯ ЭДИТ
Зарубежный рассказ
- 126 Андрей Молганов,
Владислав Артемов
УЛЫБКА ЗВЕРЯ
Детектив
- 4 Наталья Смирнова
**ЕСТЬ ЛИ ШАНС
СТАТЬ
ОБРАЗОВАННЫМ
ЧЕЛОВЕКОМ?**
- 14 Дмитрий Шеваров
**ОДИН ДЕНЬ
В АПРЕЛЕ...**
- 68 Галина Калининна
"ФОТОН" В ЭФИРЕ
- 94 Елена Клыкова
**12 КАРАТОВ
ЧИСТОЙ ВОДЫ**
- 260 Игорь Логвинов
**"ЗВЕЗДНЫЕ"
РЕЦЕПТЫ**

март '2001

В НОМЕРЕ:

стр. 36

стр. 106

24 *Любовь Русева*
**"УРОД РОДА
 ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО"**

36 *Николай Караџенцов:*
**"Я ОДНОЛЮБ
 И РОМАНТИК"**

56 *Светлана
 Бестужева-Лада*
**ФИЛОСОФИЯ
 ЛЕГКОМЫСЛИЯ**

86 *Елена Прокофьева*
**"ТЕПЕРЬ,
 ДЖУЛЬЕТТА,
 ТЫ МОЖЕШЬ
 ПЛАКАТЬ..."**

106 *Лидия Байрамова*
ПУССЕН

248 *Иван Зюзюкин*
**ДУЭЛИ "ЖЕЛЕЗНОГО
 КАНЦЛЕРА"**

272 *Ольга Быстрых*
ДАНКО

65 *Эльвира Частикова*

*Мэри Хиггинс
 Кларк*

**"ПРИТВОРИСЬ,
 БУДТО НЕ
 ВИДИШЬ ЕЕ..."**

Молодая риэлтерша Лейси Фаррелл приводит в дом своей приятельницы Изабелл клиента и оказывается невольной свидетельницей преступления. Незадолго до этого в автокатастрофе погибла Этер — дочь Изабелл, и мать подозревала, что это не просто дорожное происшествие. За что убили Этер? Почему устранили ее мать? Кто преследует саму Лейси? Чем изощреннее закручен сюжет детектива, тем эффективнее его развязка, что лишний раз доказывает мастерство писательницы.

*Натаалья
 Дроботыко*
**ГРЕМУЧАЯ
 СМЕСЬ
 ИНТЕЛЛЕКТА
 И СЕКСА**

Суперзвезда американского кинематографа Шэрон Стоун сегодня самая кассовая звезда Голливуда. От предложений знаменитых режиссеров сниматься нет отбоя. Еще большее количество мужчин хотели бы, чтобы она стала их женой. Но ни один ее любовный роман не продолжался более трех лет. Никто не выдерживал.

Есть ли шанс стать образованным

**"Темерник",
"Гулливер",
далее...?"**

*"— Да у тебя на лбу
десять классов нарисовано!"
Капитан Жеглов — Шарапову.
"Место встречи изменить нельзя".*

Ростовский вещевой рынок "Темерник"... Хочется описывать его как Гоголь — Сорочинскую ярмарку. Можно гулять там часами, мерить все, что понравилось, и уходить с чувством, что поносила разные красивые вещи. А продавщицы такие любезные, что даже неловко ничего не купить. Постепенно переключаюсь с вещей на лица торгующих. У каждого второго продавца на лбу нарисовано высшее образование, а то и кандидатская степень. Проверить свое предположение не могу — неудобно спрашивать. Единственные продавцы, кого я здесь знаю, иностранцы, выпускники вуза, где я много лет преподавала. Дипломированные инженеры, торгуют всякой ерундой. Почему они здесь, а не на родине, другая те-

ма. Но им, так же, как и нашим, иначе виделось будущее. Один из них тихо сказал мне: "Если придется так жить и дальше, лучше бы я совсем не родился".

Одна учительница рассказывала, что некоторые ее коллеги, не выдержав нищеты, бросили школу и пошли реализаторами на рынок "Гулливер". Зарботки там, конечно, побольше учительских. Но целыми днями на морозе стоять холодно, а учительницам еще и стыдно. От того и другого помогает водна. Непривычные педагоги за зиму спились.

В газете "Вечерний Ростов" по понедельникам появляется страница "Вечерняя биржа труда". Есть там две колонки — "Требуются" и "Ищу работу". Требуются швеи, сапожники, электромонтеры, фрезеровщики и т.п., то есть умеющие делать руками полезные вещи. Если вдруг приглашают специалиста с высшим образованием, то к нему столько претензий — начиная с возрастного ценза, кончая наличием собственного автомобиля, — что мало кто подойдет. Зато среди ищущих ра-

В предыдущем номере журнала мы напечатали полемические заметки ростовской журналистки Натальи Смирновой о реформе школьного образования. Сегодня — продолжение темы, но теперь о реформе высшей школы.

ЧЕЛОВЕКОМ?

боту все сплошь с дипломами вузов, опытом работы, владением иностранными языками и компьютером.

Несколько лет назад остались без работы знакомые — муж и жена, инженеры. Сначала здание их проектного института (одного из самых престижных и крупных в Ростове) понемногу сдавали в аренду всяким фирмам. Потом те совсем вытеснили хозяев, пришлось переселиться в какую-то развалюху. А тут и зарплату перестали платить. И предложили искать работу. Обоим супругам за сорок, дочь-первокурсница, старики-родители. Поиски работы ничего не дали: высокая квалификация, запатентованные изобретения — все это никому не нужно. В службе занятости предложили переквалифицироваться. Жена согласилась, окончила курсы парикмахеров, потом год металась в поисках постоянного места. Пробавлялась разовыми подработками на дому у знакомых. Муж тоже не нашел работы. Кончилось все эмиграцией в Германию, где у них, на счастье, оказались родствен-

ники. Там они живут на пособие, причем так, как здесь им, преуспевающим, по нашим понятиям, инженерам, не доводилось.

Уезжают не только старшие поколения. Только что уехали в другую европейскую страну молодые, около тридцати лет, знакомые. Муж после университета торговал на вещевом рынке разными мелочами, заработка не хватало на еду семье. Жена, студентка-заочница, работала организатором в школе, получая около двухсот рублей. Обращение в службу занятости принесло ей столько унижений и скандалов, что она зареклась туда ходить. Дочка-первоклассница постоянно ходила голодная. От полного отсутствия перспективы, от нищеты уехали почти наобум, без официального разрешения, по туристической визе. Устроились, пока довольны.

Нажется, у Толстого есть притча про двух лягушек, которые упали в ведро с молоком и стали тонуть. Одна быстро отчаялась и пошла ко дну. Вторая трепыхалась до последнего, а когда силы кон-

чилились, оказалось, что стоит на твердом масле, которое сбила лапками. Сейчас эту сказку часто вспоминают. Но разница в том, что мы провалились не в молоко, а в выгребную яму. А там как ни сучи ножками, ничего хорошего не собьешь.

"Гаудеамус игитур, ювенес дум сумус"

*"От сессии до сессии
Живут студенты весело,
А сессия всего два раза в год".
Студенческий фольклор, XX век*

"Будем веселиться, пока мы молоды", — так пели средневековые студенты в Европе. Смысл отечественной песенки XX-го века примерно тот же.

Говорят, в последние два года значительно выросли конкурсы в вузах. Значит, скоро на вещевых рынках прибавится реализаторов — со свеженькими дипломами старых и новоявленных университетов. Больше всего будет юристов и экономистов — именно на эти специальности самые большие конкурсы уже много лет. Положим, не хватало в стране правоведов и бухгалтеров, но не в таком же количестве. Не говоря о качестве... Впрочем, юридические и экономические знания им пригодятся в торговле.

Конечно, абитуриенты уверены, что у них-то все получится: они преуспеют в жизни. А безработные, лоточники и тому подобные с дипломами просто неудачники или дураны. На самом деле перепроизводство выпускников вузов началось у нас давным-давно. Только безработица была скрытой. Она маскировалась псевдоза-

нятостью. Выпускников распределяли на производство, но реальной работы не давали или заставляли заниматься не тем, к чему они готовились. Сколько помню — всегда было так: чем выше образование, тем труднее найти работу, и зарплата обычно ниже. Тогда еще шутили: "Чтобы мало получать, нужно много учиться". Кстати, в других странах людей с высшим образованием давно уже больше, чем рабочих мест для них: мы просто догнали Запад.

Зачем же поступать в университеты, тратить годы, если на хорошую работу по специальности устроятся 5-10 процентов выпускников? Во-первых, после школы все равно не найдешь работу. А так проблема откладывается лет на пять. Во-вторых, вуз — средство избежать армии (но эта причина может вскоре отпасть: есть такое нехорошее предчувствие). В-третьих, для родителей важен престиж. Они повторяют магическую формулу — "надо получить образование!", понимая под этим диплом вуза. Хотя вон Иосиф Бродский формально окончил восемь классов, а двадцать лет преподавал в американском университете. И не потому, что у них такой низкий уровень требований, а потому, что был по-настоящему образованным человеком. Но у нас даже словарь Ожегова дает тавтологическое определение: "образованный — получивший образование". Однако если вдуматься, когда мы о ком-то говорим "образованный человек", то подразумеваем именно культурный кругозор, глубинные гуманитарные, общечеловеческие знания и способность ими оперировать. А это достигается самообразованием.

Вуз, в лучшем случае, дает направление, толчок.

А сами абитуриенты (исключая небольшое число тех, кто выбирает вуз по призванию), почему они хотят стать студентами?

Когда-то было принято встречать молодых специалистов на производстве словами: "Забудьте все, чему вас учили в институте!" На практике так и получалось. Профессию осваивали заново. Подозреваю, что выпускникам вузов было не так уж обидно и трудно забывать изученное. Чего там забывать? Накануне экзамена выучил, после него выкинул из головы. Когда с восторгом вспоминают студенческие годы, ведь не лекции, семинары и сессии имеют в виду. Легендарная студенческая жизнь — вот что привлекает абитуриентов: пять лет веселья — и при этом станешь образованным человеком. А как же: есть диплом — значит, образованный. И в школе то же самое: получил аттестат — имеешь среднее образование. Что интересно — большинство вполне довольно проведенным временем и считают, что образование получили самое хорошее.

Спору нет, неплохо весело провести несколько лет в юности. Если нет других целей и не жаль потерянного времени.

Но вот что мне всегда казалось удивительным: со времен средневековья формы обучения не изменились в принципе. Ученые преподаватели тогда являлись единственными носителями знаний и передавали их устно большим группам учеников, а тем приходилось все записывать. Ведь книги были дорогой и малодоступной вещью. Почему же тог-

да и сегодня, в XXI-м веке, студенты строчат конспекты, если можно просто издать курс лекций? У нас в каком-то смысле по-прежнему средневековье. Давно известно, что информация глубже и во много раз быстрее усваивается глазами, что больше пятнадцати минут сосредоточенно слушать лектора студенты не могут. Писание конспектов — вообще марasmus. Вы загляните, чего студенты там лепят. А хоть и успеют правильно зафиксировать устную речь преподавателя, усвоению смысла лекции это не поможет, все забудется назавтра. И зачем старались Иоганн Гутенберг и Иван Федоров? Однако даже диссертации защищены на темы пользы конспектирования (ноторому при этом нигде не обучают; наоборот, в школе учат писать медленно и красиво; в вузе считается, что студенты сами этому научатся). Может быть, есть и научные труды, доназывающие, что учиться большой толпой лучше, чем индивидуально. Хотя эта форма обучения — и в школе, и в университете — возникла от нехватки образованных людей и бедности. Богатые предпочитали индивидуальное обучение.

Во времена Ломоносова можно было превзойти все науки своего времени и быть выдающимся ученым сразу и в физике, и в химии, и в лингвистике... В начале XXI века мы не успеваем знакомиться с новой информацией по своей узкой специальности. Говорят, что в наступившем веке человеку придется в течение жизни пять-шесть раз менять специальность из-за ускорения научно-технического прогресса. И только система образования ворочается

вымирающим динозавром, нехотя меняя какие-то частности. Но пока пути реформирования тупиковые.

Вот опять передача про чудодетей, которые в 12-14 лет уже студенты. Чуда как раз нет. В средние века никого не удивляли столь юные студенты. Франсуа Вийон в XV веке поступил в 12 лет на подготовительный факультет Парижского университета. С тех пор продолжительность жизни увеличилась в два раза, но возраст умственного созревания от этого не стал более поздним. К 13 годам, согласно исследованиям психологов, человек достигает максимума своих интеллектуальных способностей, то есть скорость решения умственных задач наивысшая. Ребенок быстро соображает и способен решать творческие задачи. Но не хватает знаний и опыта. Нормальный ребенок вполне способен усвоить всю школьную программу к этому возрасту — было бы желание да разумная организация времени. Но вместо того, чтобы использовать возраст творчества для *продукции*, период обучения искусственно растягивают чуть не до середины жизни. Затея со школьной 12-летней продинтована любыми соображениями, кроме цели оптимально использовать природные способности ребенка. А еще вуз. Человек до 22-23 лет не работает, а тратит время на усвоение информации, которая ему, скорее всего, не пригодится или устареет через пять лет. Еще хуже то, что к этому возрасту у него — уже сформировавшейся личности — нет привычки к труду, зато есть привычка к безделью.

Недавно вспомнили сенсацию 1970 года. Американские психологи тогда обнаружили, что у дошкольников творческие способности невероятно высокие, а с 6-7 лет резко снижаются, причем навсегда. Вывод напрашивался сам собой. Школа отбивает склонность к творчеству у всех, кроме двух процентов упрямец, ее сохраняющих. Впрочем, еще до научного эксперимента эта мысль приходила в голову многим. Но практику обучения так и не изменили.

В те же 70-е, кажется, вышел номер журнала "Нурьер ЮНЕСКО" под девизом "Пока им не исполнилось шести лет". Ученые, учителя, методисты разных стран писали о том, что обучение нужно начинать буквально с колыбели, используя все возможности. Потому что способности к обучению маленьких детей намного превышают тот минимум, который мы им даем. С тех пор идею эту пытались осуществить только энтузиасты-одиночки, в том числе образованные родители. Их дети и становились студентами в 12 лет. Остальные "веселились, пока молоды" и теряли природные способности.

Детям часто кажется, что они умнее взрослых. Помните по себе? Так вот, возможно, это справедливо в некотором смысле. Если слово "умнее" не нравится, скажем точнее — сообразительнее. Примеров много. Самый наглядный — кубик Рубика. Дети подбирают грани по цвету за минуту. Взрослые крутят часами, большинство безрезультатно. Новейший пример — юные хакеры, взламывающие сложнейшие системы компьютерной защиты.

Если книжка "Мэри Поппинс" близко, перечитайте серьезно главу "История Близнецов". Сказка ложь, да в ней намек. Джон и Барби, грудные близнецы, удивляются взрослым: "Они все какие-то глупые..." А Мэри им объясняет, что когда-то взрослые тоже все понимали, но позабыли, потому что стали старше.

Странно, что взрослые считают детей гораздо глупее, чем они есть, забыв, как много они сами понимали в этом возрасте. Памела Трэверс помнит, ее сказочная версия похожа на гипотезу. У писателей память лучше. Лев Толстой тоже говорил о том, как много он знал в пять лет. А вспомните детей в рассказах Рэя Бредбери: с дьявольской находчивостью они уничтожают мешающих им взрослых, беспомощных и бестолковых по сравнению с маленькими убийцами.

Был не так давно эпизод в моей педагогической жизни: полгода работала в восьмом классе. Двадцать мальчиков и десять девочек, всем по тринадцать лет. Учатся, мягко говоря, не блестяще. Но соображают все очень неплохо и быстро. Если собрать столько же взрослых, лет сорока, людей — да тех же самых детей лет через тридцать, — коэффициент интеллекта у них был бы, думаю, намного ниже. Вероятно, каждый из нас в детстве был более способным, чем оказался спустя много лет. Не хочется повторять общеизвестные истории про выдающиеся открытия, совершенные — в большинстве — молодыми людьми.

Обидно, да? Молодые и нахальные могут такое, что уже не дается умудренным и опытным.

Они — опасные конкуренты. Пусть лучше подольше учатся. А пока доверяют старшим — внушим, что они ни на что не способны, если не знают горы научнообразной информации.

Нет, конечно, так никто не рассуждает. Может, эта мысль брезжит в подсознании. А период обучения — согласно новой реформе — искусственно растягивается все больше.

О белизне и пушистости

Медведь (ехидно):

— Лягушка, а лягушка!

А почему ты такая противная, скользкая, зеленая?

Лягушка (обиженно):

— Это я болею, в вообще-то я беленькая и пушистая!

Один из любимых советских мифов — наше лучшее в мире образование. Даже сейчас повторяют: "Наша школа дает столько знаний! Никанам американцам не угнаться! Наши дети, если попадают в американские школы, там первые в учебе!" (положим, в американские школы попадают не совсем рядовые наши школьники, но это другая тема). Первым делом приходит в голову пошлый американский вопрос: "Если ты такой умный...", почему уровень жизни в России в 27 раз ниже, чем в США? Разве между уровнем образованности населения и уровнем жизни нет прямой зависимости?

Это правда, по сложности программ российская школа на первом месте в мире. Но учителя даже в официальных выступлениях говорят, что только половина учащихся справляется с программой.

По-моему, это явное преувеличение — как и с лягушкой, беленькой и пушистой. Школьную программу невозможно уместить в одну ученическую голову. Оно и к лучшему (об этом дальше).

Вот злорадное сообщение ИТАР-ТАСС: "Свыше половины взрослого населения США не понимает самых примитивных текстов. В Швеции эта новая болезнь под названием "вторичная (функциональная) неграмотность" поразила каждого пятого гражданина". Подтекст ясен: а у нас — как всем известно — самая читающая страна. Еще один советский миф, созданный на основе цифры книжных тиражей (помните эти книжные магазины, где книг полно, а читать нечего?). А кто проводил в России исследования того, сколько людей на самом деле способны прочитать и осмыслить несложный текст? Мы пушистые, мы читаем Пушкина и Достоевского? Ой, сомнительно, что результат был бы намного лучше, чем в Америке.

Упомянутые восьмиклассники (за исключением единиц), которых я преподавала литературу и русский язык, категорически не читали ничего из школьной программы. Про Пушкина они заявили, что все о нем знают: "Он всю жизнь сидел в тюрьме"! Ни один человек не мог написать элементарный диктант, хотя курс орфографии давно остался позади, изучали уже синтаксис. Как-то я пообещала сразу поставить пятерку в журнал тому, кто правильно напишет ОДНО слово — "ВЕСНУШЧАТЫЙ". Мне предложили пять вариантов написания. Правильного — ни одного. Проведите сами эксперимент над окружаю-

щими. Предложите им написать три слова — "веснушчатый", "дощатый" и "брусчатый". Увидите, что будет...

Кинорежиссер А. Прошнин снял фильм "Русский бунт" по "Капитанской дочке" Пушкина (она в школьной программе за восьмой класс). Никто из десяти молодых актеров, которых он пробовал на главные роли, не читал эту повесть. Мне тоже не удалось уговорить учеников ее прочитать. Единственный результат, которого добиваются программа и учебники по литературе, а также методика ее преподавания, — прочное отращивание к изучавшимся произведениям, часто — к чтению вообще. Возражения типа "А вот у нас была замечательная учительница, которая всем привила любовь к чтению" отражают раритеты (вправду беленькие и пушистые).

Одна пожилая дама недавно рассказала, что у них в классе соревновались, кто выучит наизусть всего "Евгения Онегина". Какново?! А у вас в классе какие были соревнования? У нас — кто доплюнет до училки из трубочки жеваной бумагой.

Почему поколение моих родителей, учившихся в школе далеко от столицы в 20-30-е годы, было намного лучше гуманитарно образовано, чем мы? Не потому ли, что их обучали учителя, получившие образование (гимназическое, которое так ругал Владимир Ильич) до революции? А затем инерция убывала с каждым новым поколением педагогов.

Помню, как веселили нас перлы наших учителей... "Выгваю из класса!!!" — вопила одна, таким странным манером спрягая глагол "выгнать". К другой подошли двое

мальчишек. Они поспорили: кого убил Мцыри? Один утверждал, что тигра, другой — что льва. "Мцыри убил барсуна!" — авторитетно разрешила спор литераторша. Еще одна (учителя менялись почти каждый год) вслух читала на уроке "Евгения Онегина", становясь в тупик каждый раз, когда встречались слова, написанные иностранными буквами. Хорошо, если вы успели прочитать произведения из школьной программы до того, как их по методике разделали на уроке. Но тогда Пушкин (и вся русская классика) может на всю жизнь заразить вирусом вольнодумства. А это опасно. Поэтому на уроке вам преподнесут в качестве Пушкина какого-то кастрированного Ленского, боровшегося против царизма. А вы уж сами сделаете вывод про тюрьму.

Спрашиваю: зачем такой обширный курс математики в школе? Обычно отвечают, что она развивает логику. Но ведь для того, чтобы понять, что всякие "МММ", "Властилины" и тому подобные пирамиды создаются исключительно с целью освободить ваши карманы от денежных излишков, не нужна даже математическая логика, достаточно простой житейской. Все эти миллионы буратинок, радостно вручивших деньги жуликам, обучались математике в школе. И где обещанная логика? Да нет, школьная математика обучает действовать по заданным алгоритмам, принимать на веру все, что говорится в учебнике и на уроке. Чему учат, то и получаем.

Вы пробовали поговорить на иностранном языке, который учили в школе (обычной) и вузе (неязыновом), с его носителями? Если общение состоялось, значит, у

вас был уникальный педагог. Здесь я как профессионал уверена, что выучить язык при той сетке часов, которая заложена в программу, невозможно. Это чистая потеря времени. Кроме того, во многих школах обучают по старым учебникам, где на иностранном языке даются тексты-кальки с русского языка о пионерах-героях, о Москве и т.п. А почитайте программу: если ей верить, все выпускники должны владеть языком. После гимназии, кстати, люди свободно говорили на одном-двух языках.

На подготовительный факультет института, где я преподавала, приезжают иностранные студенты из так называемых развивающихся стран. Их тестируют по математике, физике, химии по нашей школьной программе. И всякий раз говорят, что их программы хуже наших, что студенты не справляются с задачами, которые у нас решает каждый выпускник школы. А у них программы не хуже. Они *другие*. Например, у моих студентов из Колумбии экзамены на родине сдать труднее, чем у нас (между прочим, за границей не принято пользоваться шпаргалками и подсказывать: не потому, что они индивидуалисты, а потому, что уважают себя и знания). Но любой закон физики там изучается только на примере из повседневности, поэтому школьники понимают, для чего учатся. Да и на экзаменах вопросы формулируются всегда применительно к жизни (вот пример экзаменационного билета по физике: на четырех картинках показаны варианты прыжка человека с подножки едущего автобуса; требуется с помощью соответствующего физиче-

сного закона объяснить, какой из вариантов наиболее безопасен). Еще у них в школах преподают психологию общения, благодаря чему они умеют мирно преодолевать конфликты. И много еще чего необходимого и полезного для жизни выносят там из школы в соответствии с программой. А у нас, даже когда вдруг решатся внести в программу что-нибудь нужное реально, нарочно придают предмету псевдонаучную форму изложения, чтобы было скучно и противно учить.

За границей многие знают, какое у нас на деле образование. В 1998 году в "Известиях" была статья литературоведа С. Марголиной "Не упивайтесь мифом о "лучшем в мире образовании". Прежде всего, писала она, это миф охранительный, защищающий устаревшую систему и ее носителей от конкуренции новых идей и людей, способных ее изменить. Кардинальное отличие нашей образовательной системы от западной автор видит в вопиющем неравенстве по территориальному и материальному признакам.

Да мы и сами знаем: у нас выдается за норму столичное либо привилегированное. Например, существует несколько известных на весь мир вузов с очень высоким уровнем преподавания и подготовки выпускников. Они — как выставочные экзemplяры на ВВЦ. Однако официально разница между ними и рядовыми, особенно провинциальными, вузами считается как бы несущественной — дипломы то одинаковые.

Спустя год после окончания филфака Ростовского универси-

тета я попала в сентябре в Москву и познакомилась со студентами МГУ, которые пригласили послушать у них на первом курсе филфака несколько лекций. Там очень скоро мне стало ясно, что я в университете вообще не училась. Слушая лектора, я чувствовала себя как Орленок Эд из "Алисы...": "Что это он говорит? Я и половины этих слов не знаю!" А профессора МГУ кидали их в аудиторию, уверенные, что та все поймет.

Наверно, среди наших преподавателей тоже были образованные люди (вот блестящих лекторов не было — факт!). Но нам читались курсы на уровне ликбеза. Дословно запомнила цитату из лекции: "Идеал Пушкина — Татьяна, характерной чертой которой являлось то, что она была русская душой". Мы изучали классику, которых знает любой образованный человек, не филолог. Правда, из произведений отбирались не те, что интересные, а те, что "идеологически выдержанные". Из советской литературы — благонадежные и, соответственно, бездарные (я так и не смогла заставить себя прочесть "Бруски" Панферова и "Цемент" Гладкова, а также "Жизнь Клима Самгина" великого пролетарского писателя). Из условно современной, как нашей, так и западной, предпочтение отдавалось покойникам (чтоб не ляпнули вдруг чего супротив самой передовой страны). Вместо Сартра, Камю и Пруста мы изучали Луи Арагона (толстенную книгу "Коммунисты" так и не прочитала) и Анри Барбюса ("Огонь" — читали?) в качестве якобы властителей дум передовой Франции. На-

кой-нибудь Ричард Олдингтон и другие писатели второго или третьего ряда включались в программу за свою "прогрессивность", с советской точки зрения. О тех, кого действительно высоко ценят на Западе, мы узнавали не из лекций, а понаслышке и далеко не обо всех. Названия специальных предметов по журналистике неприлично даже воспроизводить, настолько все похоже на "научный коммунизм"; содержание было не лучше. Скажете: это было давно, сейчас иначе. Ну да, встречаются и сейчас образованные преподаватели. Но ведь и те все почти остались. Недавно читала рукопись одного ныне действующего доцента, преподававшего нам больше 25 лет назад. Невообразимая орфография и пунктуация, жуткий стиль, о содержании лучше умолчать. Видели бы абитуриенты, может, не стремились бы так поступить на журналистику. Про другие факультеты не буду говорить, не знаю. Но выпускники нашего факультета тоже считают, что получили хорошее образование, стали беленькими и пушистыми.

В последние годы я спрашивала всех знакомых: какой процент изучавшегося ими в вузе оказался вообще ненужным в их практической деятельности? У меня самой эта цифра близка к ста процентам, но я думала, что, может, у медиков, инженеров и других конкретных специалистов бывает иначе. Врач с 20-летним стажем, специалист в области, требующей разнообразных медицинских знаний, подумав, ответил: 95 процентов. Инженер-химик, кандидат наук, со стажем

около сорока лет: 60-70 процентов. И все другие опрошенные называли похожие цифры. Половина предметов вообще не имела отношения к работе. Другие были перегружены частностями, смысл которых в отрыве от практики невнятен. Все, что действительно нужно в профессии, усваивается в процессе работы и быстрее, и эффективнее. Вузовские преподаватели скажут, что они дают широкий кругозор, умение находить нужную информацию, учат творческому подходу. Это тоже из сферы белизны и пушистости. В реальности голову студентов загружают информационными опилками и плотно урамбовывают, чтоб свои мысли не просочились. Кому-то повезло встретить лектора, который научил широко и нестандартно мыслить, дал такую базу, какой ни в одном учебнике не найти. Но сколько таких педагогов на общем сером фоне? Тех, кто, по известному выражению, не заполняет сосуд, а зажигает фанел? Единицы.

От редакции. Мы закончили публикацию полемических заметок ростовской журналистки Натальи Смирновой о реформе школьного и высшего образования. Как нам кажется, они не должны оставить равнодушными тех наших читателей, кто так или иначе причастен к происходящим реформам. Автор заметок высказал свое мнение. А что вы, уважаемые читатели, думаете по этому поводу? Пишите нам, все интересные письма будут опубликованы на страницах "Смены". ■

Один день в апреле...

**12 апреля 1961 года,
среда. Лирический
репортаж об этом
далеком дне ведут
очевидцы.**

"Надо сберечь этот день. Сохранить его на будущее таким, каким он был, — писал в апреле 1961 года журналист Борис Агапов. — Надо сохранить в сейфах записи радостных возгласов и песен, раздававшихся на улицах городов, киноленты стихийных демонстраций, тексты интервью..."

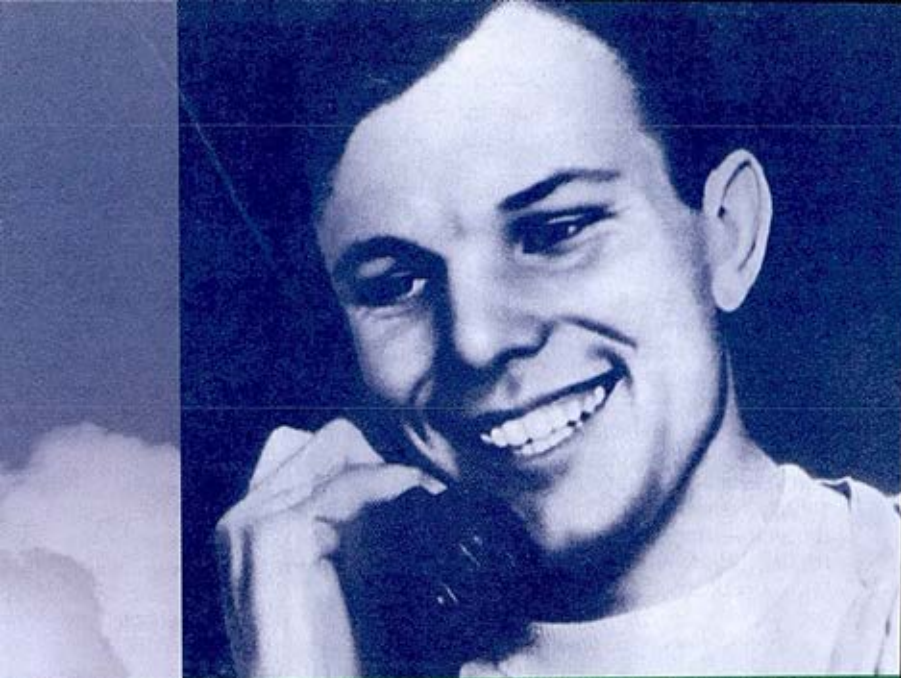
Сохранились и киноленты, и репортажи в старых подшивках. Из них складывается замечательная картина того дня. Но при этом она выдержана в одной, несколько бравурной, официальной интонации. Будто бы на все происходящее смотрел один человек.

А ведь этот день был особенно удивителен тем, что запомнился на всю жизнь очень многим людям. Запомнился таними деталями, о которых не писали газеты. Не потому, что в этих деталях было что-то запретное, а просто они

составляли частную, никому не известную жизнь.

Обстоятельства, при которых люди узнавали о полете Гагарина, были чаще всего самыми обыденными, иногда — несуразными. О них тогда и рассказывать было бы смешно. Все назалось пустяками рядом с эпохальным событием. Но прошли годы и оказалось, что без этих "пустяков" картина того дня выглядит черно-белой: митинги, демонстрации, плакаты... Оказалось, что тексты интервью и кинохроника худо-бедно хранятся, а самые простые свидетельства о том дне исчезают, уходят. Ну вот хотя бы какого цвета было небо...

Нам надо вовремя расспрашивать друг друга. Можно спорить об исторической ценности таких воспоминаний, но разве это главное? Психологи говорят: ничто так не скрепляет семью, как об-

щие воспоминания. Быть может, это утверждение справедливо и для целого народа?..

Итак, представим, что на календаре 12 апреля 1961 года, среда. Юрия Гагарина и Германа Титова разбудили в 5.30 утра. Вскоре они уже ехали в бело-голубом автобусе к стартовой площадке. Доклад председателю Государственной комиссии. Прощание. Ярослав Голованов в книге "Норолев" пишет: "Целоваться с Гагариным было трудно: мешал шлем. Все стучались лбами о верхний срез прозрачного забрала. Андриян Николаев даже шишку себе на лбу набил. Норолев поцеловал Юру в щечу, как ребеночка. Прежде чем шагнуть к ракете, Юрий обернулся к группе космонавтов и крикнул:

— Ребята, один за всех и все за одного!

Лифт... Гагарин оглянулся, помахал стоящим внизу людям. Ему аплодировали, что-то кричали. Норолев махал своей велюровой шляпой..."

В 9.07 корабль "Восток" стартовал. Через двадцать три минуты помощники разбудили президента США Кеннеди (в Вашингтоне была ночь) и сообщили, что русские запустили человека в космос.

Наша страна еще ни о чем не знает. Левитан зачитывает сообщение ТАСС только через пятьдесят минут после старта. А пока — обычное апрельское утро.

...День был пасмурным, лепил мокрый снег. Верхом на гнедне я вез страховой мешок с почтой на аэродром, который находился близ райцентра Ношки. Меня встретил радист, выскочивший из распахнутой двери своей контор-

ни. Он махал руками и кричал: "Иди быстрее!.. Передают... челювен в космосе побывал!"

В тесной комнатухе сивозь треск одряхлевшей рации мы слышали голос Левитана. Мороз по телу пробегал, сердце запрыгало, мы с радистом смотрели друг на друга, выкатив глаза... В космосе был наш ровесник. Мне шел двадцать третий год. Гагарину — двадцать седьмой. Признаюсь: я тогда позавидовал.

Дома меня встретила моя милая, не знавшая ни одной буквы мама: "Ванюшка, сыночек, Юрка-то Гагарин на тот свет слетал и вернулся..." Я обнял маму, поцеловал ее, и мы рассмеялись...

И. Д. Сидоров,

Нефтегорск Самарской области

...Нам, учащимся восьмых классов поселка Большое Мурашино, вручали комсомольские билеты. Мы стояли группками возле здания райкома и зубрили устав, волновались. И вот в это время кто-то сообщил нам, что по радио объявили о полете Гагарина. Все волнения об уставе моментально улетучились. Когда меня вызвали, только спросили весело, какое событие свершилось сегодня... После получения комсомольских билетов мы побежали на почту отправлять телеграмму Юрию Гагарину. Стоя у окошка, составляли текст и считали деньги, у кого сколько было. Конечно, на первоначальный текст не хватило и мы отправили довольно краткую телеграмму.

А какая была погода! День был настолько теплый, что все ходили без пальто, а мы, девчонки, все были в школьных платьицах и в белых фартуках.

Когда я вернулась домой, меня ждала еще одна радость — покупка шифоньера. Его уже привезли на лошади, и мы с мамой стали думать, куда бы его поставить. Места было много, ведь кроме кровати, стола и пары стульев, ничего не было у нас.

В общем, к вечеру я не могла еще успокоиться от всего, что произошло в этот день. Мне надо было что-то сделать необычное, чего я никогда не делала. И я придумала стихотворение "Товарищ Гагарин, ты слышишь нас?.."

Это было мое первое и последнее стихотворение...

Галина Лисовская, Минск

...Мне посчастливилось служить в Грузии в начале 60-х годов. И вот, находясь в казарме дневальным у телефона, слышу по радио: "...произведен запуск космического корабля "Восток" с человеком на борту..."

Но мне подбежали двое солдат, закричали громко "Ура!", схватили меня, вытащили на крыльцо, говорят: "Звони!" Трубку поднял рядовой Захаров, я ему сообщил новости, он бросил трубку и закричал так, как будто объявили войну. Все начали кричать, ликовать, друг друга обнимать. Капитан Лужков не сразу понял, что происходит. Потом звонит мне, кричит: "За разложение дисциплины я тебе обещаю 15 суток, какой еще может быть космонавт Гагарин, откуда он появился?" Минут через десять приходит старший сержант, приводит мне на смену ефрейтора и говорит: "Сейчас придет машина, и я тебя отвезу на губу". Спасибо, что были свидетели, все объяснили, и появилась улыбка у всех на лицах.

Узнав через несколько дней о том, что случилось у нас, приехал начальник политотдела подполковник Цирамца, вызвал меня, я ему все рассказал — если бы вы знали, как он смеялся! "Ну, Красников, мы тебя отправим в краткосрочный отпуск домой". Слово сдержал...

Федор Красников,

с. Сетное Белгородской области

...В Алма-Ате был теплый солнечный день. Мы с мамой дома. Я собираюсь в школу, занятия начались во вторую смену. Оноло часа дня радио передало позывные и сообщение ТАСС. Мама разволновалась, сказала: "Наташа, это же прорыв! Мы ожидали такого лет через десять!" Соседи по квартире куда-то ушли, а так хотелось с кем-то поделиться. Я выглянула в окно. Во дворе стоял наш сосед, известный композитор. Он о чем-то беседовал со своим знакомым. Мама закричала в форточку: "Евгений Григорьевич! Наш человек в космосе!" Оба солидных мужчины кринкнули "Ура!" и помахали в воздухе снятыми шляпами...

Наталья Суслова, Орел

...Мне десять лет. Дома только я и ангина. В очередной раз за эту весну лежу с большим горлом и температурой. Включился радиоприемник: "В Советском Союзе осуществлен запуск..."

Стрижом слетела с кровати! Прыгаю по комнате. В теле легкость необыкновенная: ангина пропала. Дома никого — мечусь от окна к дверям: хоть бы папка скорей пришел на обед, а я ему... Махом проглотила кисловатый морс и опять — к окну. "Ну хоть бы он не знал! Ну хоть бы не знал! А я ему первая! Вот будет рад!..."

Летаю по комнате. Когда появился отец, я бросилась ему навстречу, мешала раздеваться, теребила за рукав: "Ты ничего не слышал? Правда-правда? Ну точно ничего не знаешь? Радио не слушал? Вот здорово! Наш человек в космос полетел! Представляешь?! Летчик! Летчик-космонавт!..."

Отец то ли и правда не знал, то ли просто подыграл мне, но очень обрадовался. Смеялся вместе со мной...

Вечером пришли девчонки из класса и рассказали о том, что было в школе. Директор объявил новость на линейке, и вся линейка прыгала и кричала "Ура!". В нашей школе обнаружился свой Гагарин, Вовна. Девчонки бегали на него смотреть, влюблялись, замечали в его улыбке что-то гагаринское. Смешные девчонки...

А ровно через два месяца после этого дня отец внезапно умер. У него было большое сердце. И этот день тоже стоит в памяти, он был тихий и ясный...

Т. В. Журавлева,

Дивногорск Красноярского края

...Видеть надо было, что творилось в ординаторской. И врачи, и сестры прыгали, смеялись, целовали друг друга... Пошли на трамвай шумной, как никогда, гурьбой. Навстречу идет мой одноклассник Гена Попов. Не идет, а летит. И первое, что говорит: "Римма, ты представляешь, ведь кусочек моего труда в космос полетел!" Он работал на металлургическом заводе "Красный Октябрь"...

Римма Вишнякова, Волгоград

В то время я служил лейтенантом на самой северной точке ПВО Сахалина.

26 февраля 1961 г. я женился и после свадьбы оставил молодую жену в Охе, так как квартиры на точке не было. И встретились только в начале апреля, когда я ушел в отпуск. Прилетели в Москву 10 апреля, устроились в гостиничном корпусе ВДНХ. Хотелось немного посмотреть столицу. Тогда только недавно открыли Кремль. Деталь: купил в Москве молодой жене кофточку за 3 руб. 58 коп. Только прошла денежная реформа. До сих пор с улыбкой вспоминаем эту покупку, особенно ее цену.

Купили билет на поезд, чтобы поехать к моим родителям. Утром 12 апреля жена пошла в парикмахерскую, а я прилег на диван, слушаю радио. И вдруг, примерно в 10 часов утра, передачи прерываются для важного правительственного сообщения...

Вскочил с дивана, и первая мысль: "Война!.." А у меня только начался первый офицерский отпуск, настоящий медовый месяц спустя полтора месяца после свадьбы. Не успел увидеть родителей, братьев, (два года не виделись), поздравить им молодую жену. "Надо искать комендатуру, срочно возвращаться в часть..."

Первые секунды после сообщения я был в некотором шоке: "Хорошо, что не война!.." Как во сне открываю окно в номере, кажется, на третьем этаже, и ору на улицу прохожим: "Наш летчик-космонавт Юрий Гагарин летает в космосе!.."

Люди вначале недоуменно смотрят на меня, останавливаются, потом улыбаются, переспрашивают, нисходят в вестибюль гостиницы слушать радио. Тут идет моя жена, красивая, улыбающаяся. Мы обнялись.

Мы еще сутки пробыли в Москве в приподнятом настроении. А 13 апреля после обеда ехали на такси на Киевский вокзал. Смотрим — наряжают дома, улицы нумачом, планатами. Спрашиваю таксиста: "По какому случаю?" "А вы что, не знаете, что завтра Москва встречает Гагарина?" До сих пор сожалею, что не сдали билеты и не перенесли поездку домой.

Дома, на Украине, при встречах с родственниками и друзьями тема полета Ю. А. Гагарина долго была темой № 1 любых разговоров. Даже курьезы были: в то время в нашем колхозе на Полтавщине еще оставались воли в качестве тягловой силы. Так вот слышу как-то, как знакомый односельчанин понукает этих бынов ругательно-ласково: "Цабэ, цабэ, носмонавт!"

У нас давно выросли две дочери, растут внуки. Но мы часто со светлой грустью вспоминаем эти незабываемые апрельские дни 1961 года. С глубокой печалью сожалеем о безвременной гибели Ю.А.Гагарина. У меня с ним много общего в биографии, хотя он и старше меня на четыре года. Наши родители — колхозники. Нас тоже было четверо детей у родителей, мы танюе пережили два года оккупации. Мы с Юрием в один год поступили в военное училище, служить офицерами начали в дальних и трудных гарнизонах: он — на Севере, я — на Дальнем Востоке. У нас — по две дочери.

Для меня, для моей семьи Ю.А.Гагарин, первые космонавты — дорогие люди, мои знаменитые современники.

Алексей Маляренко,
*инженер-полковник
в отставке, Минск*

Если определять величие какого-то события по числу людей, испытавших радость, то, я думаю, 12 апреля 1961 года было самым великим днем XX века.

Когда позднее я пыталась соотнести силу тех ощущений с газетными и телевизионными клише, то приходила к выводу: тот всплеск эмоций не соответствовал объяснениям наших журналистов и политиков. Эти эмоции выходили за границы предлагаемых объяснений.

Восхищение технической мощью не могло вызвать всеобщий восторг, ведь "холодная война" была в полном разгаре и научные достижения нагоняли уже больше страха, чем надежд на благо...

Чему же мы так доверчиво радовались? Юрий Гагарин первый увидел из космоса Землю и восхитился ею. И мы ему поверили. Сто восемь минут полета Гагарина дали людям Земли возможность увидеть и восхититься лучшим в себе. В тот незабываемый день мы были действительно людьми...

Нелли Геворкян, Краснодар

...Отпросилась с работы на один день и поехала в Москву встречать первого космонавта. Посчастливилось быть на Красной площади в тот прекрасный весенний день. Помню, когда мы присоединились к одной из колонн, кто-то недовольно проворчал — что, мол, чужие пристраиваются, но его тут же пристыдили: "Сегодня можно. Сегодня все свои!.."

Галина Савкина, Орел

...Я был студентом, жил в общежитии. Услышав сообщение, выскочил в коридор, стал бун-

вально врывать в комнаты однокашников, крича: "Человек в космосе! Гагарин, Юрка!" В считанные минуты общепитие превратилось в ликующий, восторженный поток, мы поехали к Красной площади. На улице в руках москвичей и на фасадах зданий я увидел портреты Юрия Алексеевича Гагарина. Мой однокашник Володя Ним, ташкентский кореец, сумел пристроиться к официальной корейской делегации и просочился на Красную площадь...

Юрий Шумаков, Москва

...Я работал водителем городского автобуса, ездил по маршруту от вокзала до аэропорта. В кабине у меня был приемник "Маяк", и вот на остановке "Судоремонтный завод" произвожу высадку и посадку. А в это самое время по радио сообщают: в космос запущена ракета с человеком на борту. Я сделал погромче, все пассажиры приникли к моей кабине и в форточку просили меня, чтобы до конца новостей я не трогался...

Иван Мурнаев,

Южно-Сахалинск

...Я училась в ленинградской аспирантуре и работала в научном зале библиотеки им. Салтыкова-Щедрин. Кто бывал в этих великолепных залах, тот помнит царящую там атмосферу творчества, склоненные над книгами головы анадиминов, профессоров и аспирантов. Помнит тишину, сохраняемую мягкими дорожками между рядами столов и резиновыми башмачками на ножках стульев. Но после сообщения о полете Гагарина ученых в библиотеке было не

узнать. Все вскочили с мест и устремились на Невский проспект. А там уже текла нескончаемая восторженная людская река в направлении к Дворцовой площади. А площадь была заполнена народом, смеющимся и танцующим.

Лидия Радченко, Брест

Через десять лет после полета Гагарина у нас родился первый сын. Муж служил в Балтийске и в это время был в море. Он прислал телеграмму: "Назови как хочешь, но от гагаринской улыбки светлее было б на земле". Наверное, вместе с именем Юрий наш сын получил в наследство и улыбку, умение смеяться всем бедам назло, а еще жажду узнать Землю. Нет, летать он не смог. Попал в аварию. Лишился ноги, стал инвалидом. Но... за год стал говорить по-английски, сам сделал радиостанцию, нашел друзей в разных странах и теперь встречается с ними в эфире. А еще полюбил цветы, вся квартира утопает в зелени. Он сам сажает и ухаживает за своими "маленькими". У него растет дочь Инга. Жизнь продолжается...

Людмила Скрьсь,

п. Василишки

Гродненской области, Беларусь

...Это было весной, грязь, все ходили в резиновых сапогах. Мы стояли человек двадцать мужиков около конторы правления колхоза примерно в половине пятого, потому что вечерний наряд председателя проводил в пять вечера. А я только что демобилизовался из армии, работал бригадиром в животноводстве. И вот мы услышали, что Гагарин полетел в космос и, облетев один круг вокруг Зем-

ного шара, вернулся. Все мужики закричали "Ура!"...

Анатолий Хисамутдинов,

деревня Аккузова Актанышского района, Татария

...В нашем 7 "В" шел урок математики, когда внезапно открылась дверь в класс и кто-то крикнул: "В космосе — человек!.." Мы почему-то вскочили на парты и стали выглядывать в окна, видимо, думая, что можем на небе что-либо увидеть. День был ясный и теплый. Вообще та весна в Сибири наступила рано, и мы, дети, ходили уже без пальто...

Детство ушло. Мы выросли. В феврале 68-го мы с моим будущим мужем подали заявление в загс. Дата регистрации выпала на 30 марта. Кто мог знать, что это будет день траура? Мы жили в Москве, в Бирюлеве, и до загса Пролетарского района добирался на перекладных. На улицах — траурные флаги. Садовое кольцо перекрето, люди плачут... Опустили не мы одни, нас было семь пар, которые не очень-то радовались личному счастью, когда не только Москва плакала — в городе была вся страна...

Зарегистрировали нас быстро, никто не пошел в банкетный зал. При мне вот уже столько лет остается обручальное кольцо с гравировкой даты нашей свадьбы: 30 марта 1968 года. Это память и о Гагарине...

Вера Воронкова, Тюмень

...Мне было двенадцать лет. Сообщение о полете Гагарина застало нас в школе. Солнечный день в разгаре, ручьи, снег повсюду таял. Мне казалось, что даже воздух, которым мы дышим, стал

другим, космическим. Наша учительница Зинаида Дмитриевна Пронькина, только что приехавшая из Смоленска по распределению, говорила: "Давайте посмотрим в небо, может быть, увидим первого космонавта".

Мы и до сих пор с моей младшей дочерью Леной выходим вечерами с биноклем наблюдать межзвездное пространство. И когда она первой увидит летящую звездочку, говорит мне с восторгом: "Папа, гляди, там спутник"...

Алексей Юрченко,
Стерлитамак

...Все искали в небе вертолет. Вот один появился из-за горизонта. К месту посадки хлынули тысячи людей. Но из вертолета вышли военные и сказали, что Гагарина везут в следующем. И тут в другом конце аэродрома показался и начал снижаться вертолет. Мне повезло — у меня велосипед, на котором я ездил на аэродром из гостиницы офицерского состава. И вот представьте себе: тысячи людей, все виды автотехники, велосипеды — все движется к одной цели. Что увидел я: поддерживаемый генералами, из вертолета вышел космонавт. Все кричат "Ура!". Я был метрах в двух от Гагарина. Одет он был в желтоватый костюм, волосы слиплись, бледный, запомнились его слова: "Что вы, братцы! Что вы, братцы..." Он явно не ожидал такого линования. Кто-то снял с его головы артиллерийскую фуражку (на месте посадки его встречали артиллеристы) и надел авиационную...

Владимир Мигунов,
Бобруйск
Могилевской области, Беларусь

...Я учился в ремесленном училище в Челябинске, а мать жила на Украине. И вот 12 апреля на мое имя приходит срочная телеграмма от мамы, помню ее дословно: "Дорогой сыночек, поздравляю тебя с полетом в космос Юрия Алексеевича Гагарина будь мужественным успехов тебе в жизни". И денежный перевод на пятьдесят рублей (большая такая бумажка была). Я был в тот день как именинник, ведь я тезка первого космонавта...

Юрий Алексеевич Фролов и его внук Алеша, Чехов

...День был солнечный и ветреный. Наша районная газета "Колхозная стройка" ютилась в трех комнатках на нижнем этаже, а второй полностью занимал аппарат райкома. Шло заседание бюро. Оно заслушивало ряд председателей колхозов по молочным делам.

И вдруг дедушка включил репродуктор: шли известные позывные, возвещающие о важном событии. Все, кто в те минуты находился на улице, замерли; выбежали и мы, журналисты, хотя и так через окна было прекрасно слышно. И услышали: наш человек в космосе!

По-иному отреагировали члены бюро во главе с первым секретарем. Он-то буквально взорвался: кто это, мол, отдал распоряжение включить радио, да еще в такой важный момент, когда должно состояться голосование за занесение выговора в учетную карточку председателю колхоза имени Кирова Н. Г. Серикову.

Но наш замечательный редактор Александр Петрович Горбатовский сразу, без разрешения, по-

кинул заседание и собрал нас в своем кабинете:

— Давайте все записывать сообщение, одному можно и ошибиться.

К тому времени три полосы уже сверстали, чистой оставалась только первая. Мы, конечно, сообщение ТАСС законспектировали со всей скрупулезностью, а редактор распорядился его дать самым крупным кеглем, который только нашелся в типографии.

Тем временем бюро как-то само собой пошло на убыль, а главное — с миром отпустили председателя, стоявшего на грани самого строгого партийного наказания. Говорят, что по приезде домой он собрал свой актив, накрыл стол и произнес тост:

— Дай Бог здоровья Юрочке Гагарину — спас меня, не дал замарать учетную карточку.

Вячеслав Жилин,

Губкин Белгородской области

В то апрельское утро 61 года я против обыкновения никуда не поехал. Пришел в корреспондентский пункт (тогда я представлял газету "Красная звезда" в Приволжском военном округе). Работал при включенном радио и не обращал внимания на передачи. Но вдруг из динамика послышались необычные позывные, оставшиеся в памяти еще с войны.

Через несколько минут настойчивый телефонный звонок из Москвы: "Через два часа Гагарин будет у вас в Нуйбышеве. Надо встретить и дать отчет". Для военного журналиста это приказ.

Вызываю машину, захватываю с собой фотокорреспондента окружной военной газеты Виктора Ляшенко. Мчимся по улицам города.

Оказались в первых рядах встречающих. Самолет замер на бетонке. Медленно открывается люк. Виктор Ляшенко уже нацелился вести съемку. Я весь внимание — разглядываю Гагарина. Он легко спускается по лестнице. На нем костюм светло-голубого цвета. На голове — летный шлем.

Нам хотелось побыстрее встретиться с космонавтом, но куда там! Даже Герман Титов, его дублер, ждал очереди, чтобы обнять друга.

Нанонец-то и я оказался рядом с Гагариным.

— Юрий Алексеевич, читатели "Красной звезды" поздравляют вас с благополучным полетом в космос и возвращением на родную землю.

Улыбается, пожимает руку:

— Спасибо! Очень тронут вниманием ко мне.

Понимаю, космонавт устал, рядом стоят люди, жаждущие пообщаться с ним. Уступаю место. Чуть позже, улучив момент, еще раз подошел к Гагарину и попросил написать пожелание воинам армии и флота. Он, не задумываясь, взял мою записную книжку и начал писать: "Желаю самых лучших успехов в учебе и службе...". Моя задумка чуть не сорвалась. Вмешался особист. На снимке хорошо видно, как среагировал Юрий Алексеевич на попытку прервать запись. Он сказал офицеру:

— Так это же для "Красной звезды"...

Дописал и размашисто расписался.

Все! Держим путь в редакцию... Утром открываю газету. Вижу и снимок, и отчет о встрече под заголовком "На финише космического полета", и пожелание

воинам. Ни моей, ни фотокорреспондента фамилий по понятным причинам не было.

Илья Максимов, Самара

...Жили мы в поселке Верх-Чемской Тогучинского района Новосибирской области. Школа от нас — в трех километрах, в селе Дергоусово. Я помню, как мы бежали из школы в интернат где-то в двенадцать или в час дня. В интернате нас ждал обед — наваристый пшеничный суп и картошка мягкая с молоком. Еще было много снега, солнце светило так, что невозможно было смотреть на снег. Прибыв в интернат и усевшись за огромный стол, мы ждали обеда, но нас спешно позвали в школу. Сказали: экстренное сообщение. Собрали на линейку и объявили: наш советский человек на космическом корабле "Восток" облетел вокруг Земли. Все радовались, бросали вверх шапки и кричали, как грачи.

Когда наступил вечер, весь интернат, человек двести, высыпал на улицу, вглядываясь в черное небо. Звезды в эту ночь казались ближе, ярче и крупнее. И учиться мы как-то разом стали лучше. А потом все лето пели песни про геологов, космос и про то, что на Марсе будут яблони цветсти...

Людмила Бочарова,
Новосибирск

...Мне было тогда всего шесть лет. Дома радио у нас постоянно было включенным, а если кто-то болел, лишь уменьшали громкость. И вот радостный, торжественный голос диктора сообщил о полете человека в космос. Родители стали бурно обсуждать услышанную новость. Я не мог до кон-

ца понять, чем вызвана их радость, и почему их лица стали такими светлыми, но радость передалась и мне.

Мы все расположились оноло радио, слушали бесконечные сообщения... В окно увидели бегущую домой Олю, мою старшую сестру, ей было тогда двенадцать лет, а за ней — стайку подружек. Все они ворвались в дом, все пытаются говорить, а мы слышим только Олин голос, которая, захлебываясь, стала рассказывать... Радость еще сильнее заполнила наш дом. Потом все мы вышли на улицу и, запрокинув головы, напряженно вглядывались в бездонную небесную синеву, будто могли что-то там обнаружить. Помню, Оля мне объясняла, как это высоко, выше всех самолетов, и, кажется, тогда я впервые задумался о бесконечности мироздания...

Сергей Зеленский,
с. Мандрово Белгородской области

Гагарин приземлился на левом берегу Волги, неподалеку от села Узморье. Весна была ранней, и в деревне многие уже сажали картошку. Жена лесника Анна Тимофеевна Тахтарова с шестилетней внучкой Ритой тоже пришли на свой огород, когда их заметил Гагарин.

Анна Тимофеевна испугалась его странного оранжевого комбинезона и, подхватив Риту, заторопилась к деревне. Ей вспомнилось, как год назад газеты сообщали об американском шпионе Пауэрсе.

— Мамаша, куда же вы бежите?! — закричал Гагарин, у которого не было сил ее догонять. — Я свой!.. ■

Предисловие и публикация
Дмитрия ШЕВАРОВА.

«Утро» рода человеческого»

Любовь РУСЕВА

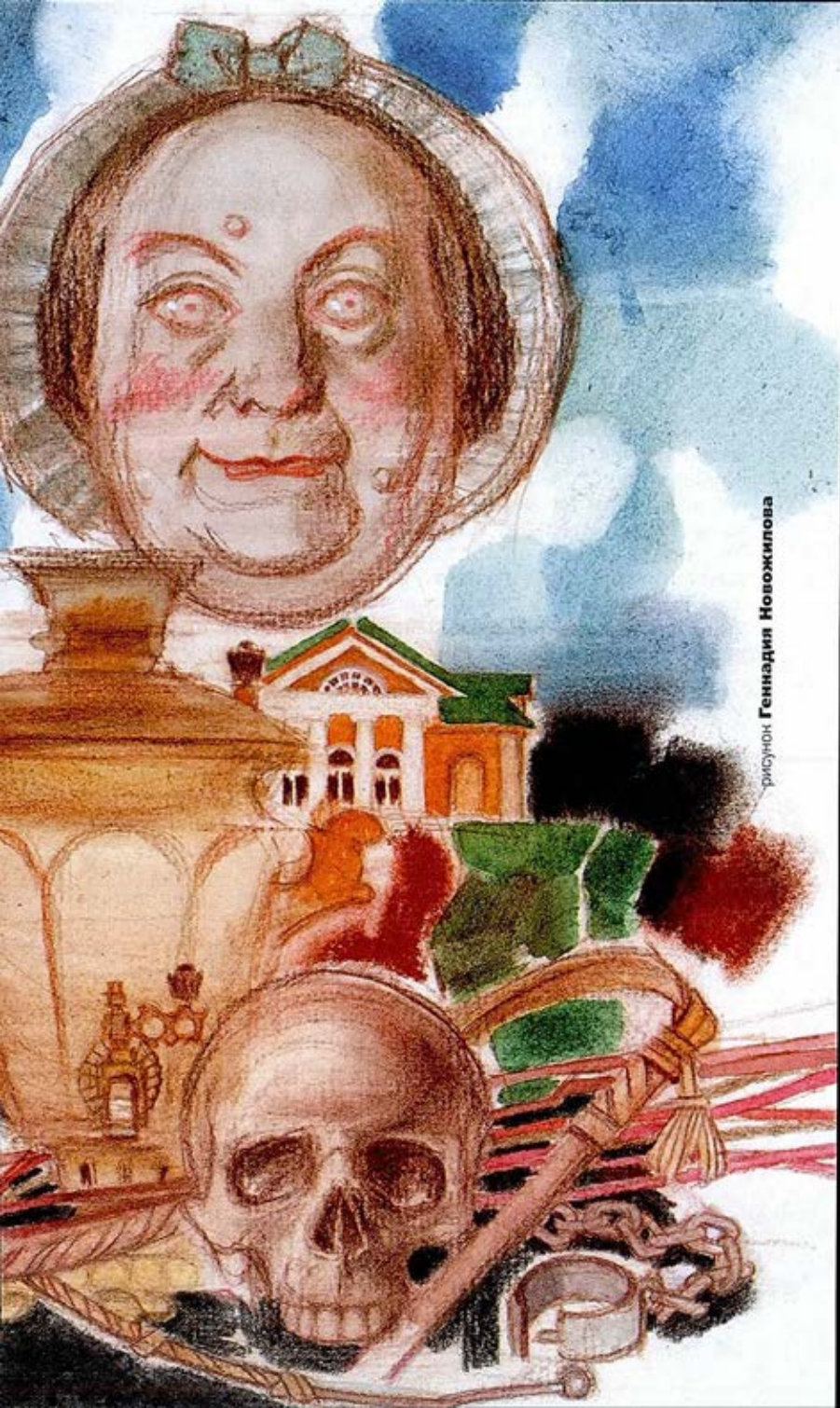

рисунок Геннадия Новожилова

В небольшой душевной комнате набралось больше дюжины человек. Вдыхая да крестясь, они слушали хозяина дома, который, склонясь над столом при свете свечи, уже в третий раз перечитывал от руки переписанный указ государыни.

— “Указ нашему сенату. Рассмотрев поданный нам от сената доклад об уголовных делах известной бесчеловечной вдовы Дарьи, Николаевой дочери, нашли мы, что сей урод рода человеческого... — Хозяин снова на этом месте прервал чтение и, подняв глаза к образу, перекрестился. — Спаси и сохрани нас грешных, — вздохнул старик и продолжил читать указ, — не мог воспричинствовать в столь разные времена и такого великого числа душегубства над своими собственными слугами обоего пола, одним первым движением ярости, свойственным развращенным сердцам, но надлежит полагать, хотя к горшему оскорблению человечества, что она, особливо пред многими другими убийцами в свете, имеет душу совершенно богоотступную и крайне мучительскую. Чего ради повелеваем нашему сенату: 1) Лишить ее дворянского названия и запретить во всей нашей империи, чтоб она ни от кого никогда, ни в каких судебных местах и ни по каким делам впредь, так как и ныне в сем нашем указе, именована не была названием рода ни отца своего, ни мужа. 2) Приказать в Москве, где она ныне под караулом содержится, в нарочно к тому назначенный и во всем городе обнаруженный день вывести ее на первую площадь и, поставя эшафот, прочесть пред всем народом заключенную над нею в Юстиц-Коллегии сентенцию... с надписью большими словами: **Мучительница и душегубица**. 3) Когда она выстоит целый час на сем поносительном зрелище, то чтоб лишить злую ея душу в сей жизни всякого человеческого сообщества, а от крови человеческой смердящее ея тело предать Промыслу Творца всех тварей, приказать, заключа в железы, отвести оттуда ее в один из женских монастырей, находящийся в Белом или Земляном городе, и там, подле... церкви, посадить в нарочно сделанную подземельную тюрьму, в которой по смерти ея содержать таким образом, чтобы она ни откуда в ней света не имела. Екатерина”.

Спустя шесть лет после подписания этого указа, в один из субботних дней москвичей взбудоражил дружный стук топоров. На Красной площади воздвигался высокий эшафот, к которому вело множество ступеней. По приказу императрицы полицейские и чиновники Сената оповестили всех жителей и гостей Первопрестольной о предстоящей на следующий день, 18 октября 1768 года, публичной казни...

Донос

Мартовским днем 1762 года в доме Дарьи Николаевны Салтыковой, что на углу Кузнецкого моста и Лубянки, все перевернулось вверх дном. Такой разъяренной свою кровожадную хозяйку люди еще не видели.

— Догнать! Вернуть! Заковать! Смертным боем бить! — в испуге вопила она, мечась по хоромам.

На этот раз причиной гнева барыни стал побег шести дворовых, которые, презрев мучительную смерть, отправились доносить на нее в московскую сенатскую контору. Кто из дворовых не знал, что ждет доносчика?! Нефедьева, по наказанию кнутом, отправлена в ссылку, но это еще ничего. Федора Сомина и Федота Богомолова, например, после наказания кнутом, по просьбе Салтыковой, возвратили барыне. Вот кто не раз проклинал тот день, когда на свет появился! Таких смельчаков Салтычиха обычно отправляла в село Троицкое, где и держала в “железах” под караулом. В перерывах между убийствами женщин и девок Кровавая барыня отводила душу с ними. В результате большинство доносчиков спустя некоторое время “ударялись в бега”. Документы свидетельствуют, что “находиться в бегах” означало то же самое, что в нашем недавнем прошлом означало “десять лет без права переписки”. Убив очередного человека, Дарья Николаевна приказывала зарыть растерзанное тело, а Мартьян Зотов тут же сообщал полиции о “побеге” замученного.

Правда, были исключения. За год до упомянутого храброго поступка шести дворовых (в Великий Пост 1761 года) убежал из-под караула гайдук Салтыковой Федор Иванов, сделавший на нее донос. Он был отдан под надзор Григорьеву, старосте села Вокшина. Старосту привезли для ответа в село Троицкое, где тогда жила госпожа. Наказание соответствовало “страшному преступлению”. Начали с того, что четыре конюха попеременно драли кнутами и батожем неисправного караульщика. Когда Григорьев уже едва дышал, Салтычиха остановила экзекуцию, но не из человеколюбия, а чтобы растянуть удовольствие. Через три дня барыня решила, что силы несчастного достаточно восстановлены, и продолжила истязания. На этот раз Салтычиха приказала конюху Артамонову бить Григорьева кулаками по лицу. Бездыханное тело бросили в сарай, и поп Петров исповедал Григорьева “глухой исповедью”, причастил, но вздумал, было, отказаться хоронить убитого старосту. Барыня “пригласила” непонятливого попа в хоромы, после чего тот совершил обряд погребения.

Шестеро бежавших во главе с Некрасовым до сенатской конторы добратся не успели. Люди Салтычихи нагнали их раньше. Заметив погоню, беглецы с криком “Караул!” бросились к караульной будке. Полицейские отвели мужиков на съезжий двор.

Салтыкова, между тем, пыталась увести своих беглецов, для чего послала верного Зотова с шестью крестьянами на трех подводах, приказав упрятать доносчиков в ее загородных домах. Но слишком большого шума наделал этот побег, и друзья Салтыковой не рискнули вернуть ей доносчиков, а переслали в полицейскую канцелярию, где, моря их голодом, пытались узнать сущность челобитной и, наконец, отправили в Сенатскую контору, которая и передала их в распоряжение Юстиц-коллегии. Здесь

челобитчики стали давать показания, обвиняя хозяйку в многочисленных убийствах.

Бегство этих лиц доставило Салтыковой много хлопот и вынудило к большим тратам. Кровавая барыня лютовала. Она участвовала посещения начальника полицейской канцелярии Молчанова, который за определенную мзду всегда ее выручал. На этот раз ей пришлось отдать ему 120 рублей и 20 возов сена.

Каждый случай доноса влетал Салтыковой в копейку. Чтобы против нее не возбуждали дела, приходилось раскошелиться и платить чиновникам разных контор.

Но доносом шестерых крепостных дело не кончилось. Сколько веревочке не виться... В конце апреля того же года из Москвы в Петербург тайно бегут еще двое — Савелий Мартынов и Ермолай Ильин. У последнего барыня поочередно убила трех жен. На их счастье совершился дворцовый переворот, на трон взошла Екатерина II, и они лично встретились с императрицей. Истощенные беглецы вызывали сочувствие, их рассказы леденили кровь.

Третью жену конюха Ильина Салтычиха забила скалкой и поленом. Когда Аксинья потеряла сознание, барыня приказала мужу снести ее в заднюю палату, куда спустилась и она в сопровождении кормилицы и девки Аксиньи — неизменными компаньонками ее злодеяний. В задней комнате несчастную пытались "отлить" вином, чтобы привести в сознание. Ночью помещица приказала отвезти труп в село Троицкое и отдать старосте.

— Ты хотя и в донос пойдешь, только ничего не сыщешь, разве хочешь, как и прежние доносители, кнутом быть высечен, — предупредила госпожа овдовешего Ильина.

— И ты поэтому не донес, — догадалась императрица.

— Не донес, государыня, убоюсь. И прежде того по разным убийствам доносителей секли кнутом и ссылали в ссылку, а других отдавали барыне для жесточайшего мучения. А сии смертоубийства, как барин наш преставился, не счесть. Вели учинить следствие, оно откроет и другие преступления, не ведомые нам.

Императрица приказала Сенату начать следствие.

Кровь вопиет

Овдовев, двадцатипятилетняя Дарья Николаевна Салтыкова стала хозяйкой 600 крестьян и в течение семи лет замучила до смерти почти третью часть принадлежавших ей людей, преимущественно женщин, в том числе, нескольких девочек 11-12 лет. Злодеяния "Кровавой барыни" ужаснули XVIII столетие.

Убивала Салтычиха в основном женщин (около 140), но лютая смерть выпала на долю и некоторых мужчин. За год до начала следствия, находясь в Троицком, Салтыкова расправилась за какой-то маловажный проступок с дворовым человеком Михеевым. Она схватила беднягу за волосы и била головой об стену до тех пор, пока тот не смог стоять на ногах. Чтобы Михеев не упал, ба-

рыня приказала обставить его стульями, и продолжила свое занятие с прежним остервенением. Но вот и стулья уже не помогают — Михеев валится на пол.

Дальше все идет по накатанному сценарию: Михеева сносят в печально знаменитую заднюю палату, пытаются поддержать в нем жизнь “вливанием вина”, призывают попа Петрова. Священник исповедует полумертвого Михеева глухой исповедью, причащает, и очередная жертва расстается с жизнью. Очевидцы, наученные прежними приговорами правосудия, не доносят, а поп Петров преспокойно совершает обряд погребения. Мертвого не воскресить, а умирать никому не хочется.

— Когда б ей послабления не было, — говорил про Салтыкову дворовый Савелий Мартынов, — то б она от таких порядков и смертных людей ее побои унятца могла.

И конюх был прав. Злодеяния эти были возможны только благодаря попустительству местных властей. Кроме собственных крепостных, служивших ей в качестве палачей, убийства покрывали попы, хоронившие истерзанные трупы. Полицейские власти и врачи тоже мирволили Салтыковой. Вытребованные Юстиц-коллегией из полиции дела по доносам о жестокостях Салтыковой все оказались решенными в ее пользу, доносчики же всегда были наказываемы кнутом, некоторые из них сосланы в Сибирь, а другие отдавались опять Салтыковой по собственной ее просьбе.

Вряд ли бесчинства Салтыковой можно полностью приписать бесправию крепостных и отсутствию законодательства. Не случайно же сокрытие каждого убийства доставляло ей столько хлопот. Почти все преступления Салтычиха совершила в царствование Елизаветы Петровны — императрицы, отменившей в России смертную казнь. Причины попустительства московских чиновников крылись, с одной стороны, в крупных взятках, на которые не скупилась Салтычиха, а с другой — в ее фамилии.

Выйдя замуж за ротмистра лейб-гвардии конного полка Салтыкова Глеба Алексеевича, Дарья Иванова породнилась с самыми знатными людьми того времени: Салтыковыми, Строгановыми, Головиными, Толстыми, Голицыными, Нарышкиными, Глебовыми и Мельгуновыми. На некоторых чиновников действовал магически тот факт, что племянница Салтыковой была замужем за очень сильным лицом того времени Алексеем Мельгуновым — другом могущественного фаворита Ивана Шувалова.

Настоящее положение дел, в том числе, и судопроизводства, вырисовывается из истории убийства крестьянина Хрисанфа Андреева. “Зимою, в Филиппов пост, вечером, — показывал дворовый человек Сергей Леонтьев, — помещица била Андреева сама езжалым кнутом, якобы за несмотрение его за бабами и девками в мытье полов...”. Опять полы!

Утомившись, кровавая барыня призвала на помощь гайдука, да не любого, а непременно Федота Богомолова, поскольку тот

приходился жертве родным дядей. Салтычиха приказала Богомолу бить обнаженного племянника до тех пор, пока тот не мог стоять на ногах. Обливаясь слезами, гайдук на руках отнес племянника в караульную. Видать, чтобы Андреев быстрее пришел в себя, Салтычиха приказала караульным вывести его во двор. Хрисанф всю ночь простоял босым на морозе. Утром его привели в палаты Салтычихи. Разминку барыня начала битьем палкой, затем приказала Леонтьеву принести разожженные “припекаательные” щипцы, которыми она хватала Хрисанфа за уши. Лоскутки испеченных ушей, голову и лицо Салтычиха стала поливать горячей водой (почти кипятком) из чайника, затем снова взялась за палку. Когда юноша упал, столбовая дворянка била его “пинками”.

Из палаты племянника вынес дядя, уложил его в сани и отвез по приказу барыни в Троицкое.

Богомоллов добрался до Троицкого ночью, Андреев дорогой скончался. Гайдук поставил сани с телом в хлев, сообщил старосте приказ барыни и предложил похоронить племянника здесь же, во дворе. Михайлов отказался, так как к нему по делу приходит много посторонних людей, которые могут заметить и донести властям, тогда его, старосту, ждут пытки лютые. Богомоллов при Михайлове перенес тело племянника в подполье поварни. Сразу же после этого гайдук отправился в Москву и донес в Сыскной приказ об убийстве барыней племянника. Узнав об этом, Салтыкова подала в этот же приказ челобитную о побеге Андреева.

Следствие

Не прошло и двух недель после коронации Екатерины II, как по ее приказу началось следствие по делу Дарьи Салтыковой. Длилось оно долгих шесть лет, и было настолько большим, что только краткий “экстракт” дела заключает более ста страниц. Во время следствия выяснилось, что Салтычиха убивала в основном по одной причине — плохое мытье полов и плохая стирка.

Орудиями преступления ей служили: утюг, скалка, которой платье и белье катали, валец, поленья, палки, плети. Салтыкова лучинами палила жертвам волосы на голове; раскаленными “припекаательными” щипцами рвала уши; лила на голову и лицо горячую воду, била “пинками”, морила голодом, заставляла в зимнее время “в холодном покое, где оконницы подняты, мыть полы и отряхивать из оконниц голыми руками из платья пыль”.

Убитых хоронили или в Москве, если удавалось уговорить на то священника Иванова, или отвозили в Троицкое. В последнем случае тела отправляли преимущественно по ночам, прикрывая их сеном, зимою — в санях, а летом в телеге. Сопровождали тела конюхи Давид и Роман Ивановы, иногда другие, но почти всегда была при этом девка Аксинья Степанова.

Даже находясь под следствием, Салтычиха продолжала свое черное дело. Летом и осенью 1762 года конюхи секли розгами девок Феклу Герасимову, Авдотью Артамонову, Авдотью Осипову и двенадцатилетнюю девочку Прасковью Никитину, а после сечения барыня заставила их опять мыть полы. Хотя девки эти “и ходить на ногах не могли, но Салтыкова била их еще скалкою. Фекла Герасимова была едва жива: “и волосы у ней были выдраны, и голова проломлена, и спина от побоев гнила”. Авдотью Артамонову после сечения Салтыкова била еще скалкою, а когда она упала, то приказала вынести вон и поставить в саду, где Артамонова стояла в одной рубахе (в октябре месяце). Салтыкова вышла сама в сад бить ее скалкою, а потом приказала привести ее в сени и поставить в угол. Здесь Артамонова упала и умерла.

После того, как Кровавая барыня собственноручно избивала Прасковью Ларионову поленом, она приказала конюхам выкинуть свою жертву на мороз и бить батожем.

Ларионову забили до смерти. Труп повезли в Троицкое. На мертвую Ларионову положили ее грудного ребенка, который, не доезжая села, замерз на трупе матери.

Следствие установило также, что вдова вела “распутную жизнь”.

Любовь

Те же конюхи Ильин и Мартынов доносили, что барыня их “жила незаконно с обретающимся у межевания земель капитаном Николаем Андреевичем Тютчевым”, производившим межевание под Москвою, на калужской дороге, в той местности, где находились ее имения. Сколько длилась любовь — точно не известно, но перед Великим постом 1762 года любовники расстались.

То ли Тютчева устрасили садистские наклонности подруги, то ли она ему просто надоела, то ли партия подвернулась более выгодная, но, как бы то ни было, а офицер посватался к девице Панютиной, жившей близ Левшинских бань.

Смириться с потерей Салтыкова не пожелала, а, как известно, от любви до ненависти один шаг. 32-летняя вдова задумала отомстить бывшему любовнику и его невесте. Она приказала конюху Савельеву купить в главной конторе артиллерии и фортификации 5 фунтов пороху, из которого, с примесью серы, сделали состав, завернули все это в пеньку, и нажгли из тряпки труту, “чтоб подоткнуть под застреху”. С этим составом помещица послала конюха Романа Иванова поджечь дом так, “чтоб оной капитан Тютчев и с тою невестою в том доме сгорели”.

Иванов испугался ответственности — это не своего брата убить, а дворянина, — и не исполнил приказания, за что был нещадно бит. На другую ночь Салтыкова опять послала его уже с

Леонтьевым, “наказывая непременно сожечь дом, и чтоб Тютчев с Панютиной сгорели”.

— Ежели же вы того не сделаете, то убью до смерти.

Иванов с Леонтьевым отправились; первый собрался уже поджечь состав, но его остановил Леонтьев. Вернувшись к Салтыковой, они объявили, “что сделать того никак невозможно”, за что были биты батожем; а затем Ильин и Артамонов били одного только Иванова “в две палки”.

После этой неудачи Салтыкова не покушалась более на поджог дома; но, узнав, что Тютчев с Панютиной отправляются в Брянский уезд и им придется ехать по тому тракту, где находятся ее имения, она послала Ильина, Давида и Романа Ивановых с другими дворовыми в свою деревню Теплые Стани. Здесь они с мужиками других деревень, вооруженные дубьем, должны были ожидать проезда Тютчева с его невестой, “и как он проедет из деревни в поле, нагнать с мужиками, разбить и убить до смерти”.

Но и на этот раз покушение не удалось — произошла “утечка информации”. Через совершенно посторонних людей Тютчев узнал о готовящемся убийстве и подал в Судный приказ объявление “о выезде за ним, нарядным делом, на четырех санях, с дубьем”.

Салтыкова в коллегии показала:

— Крестьянина Романа Иванова и человека Леонтьева для зажигания двора оной Панютиной не посылала, убить до смерти их — не говаривала, и за то сечь никому не приказала; а и в то время крестьянина Иванова в Москве не было, а был в деревне или в бегах, — не упомяну; да и я в то время была больна и исповедана, а человек Леонтьев находился при московском доме”.

Спустя год после начала следствия комиссия представила 6 ноября 1763 года все протоколы допросов со своим мнением: “... означенную вдову, яко оказавшуюся в смертных убийствах весьма подозрительною ... во изыскании истины, надлежит пытать”.

На это императрица приказала сообщить Салтыковой, что если она чистосердечно не признается в содеянных преступлениях, то ее действительно будут пытать. Сенату Екатерина II приказала приставить к Салтыковой на несколько месяцев опытного священника, который либо сумеет привести к раскаянию преступницу, либо, в случае неудачи, приготовит ее к пытке.

При связях и средствах Салтыковой первые годы следствия надзор за ней не был строгим. Подсудимая имела возможность общаться с чиновным приказным людом. Нет ни малейшего сомнения, что именно ее “радельцы” — Молчанов, Яров, Пафнутьев и другие, спасая свои шкуры, вдохновляли убийцу на стойкость. Благодаря их наущению на все вопросы и обвинения следовал один ответ: “знать не знаю, ведать не ведаю”.

Полгода безрезультатно увещевал Салтыкову отец Дмитрий Васильев. После этого ее повели на пытку разбойника, но и после присутствия на ней Салтыкова не признала себя виновной.

17 марта 1764 года 6-й департамент, основываясь на высочайшем повелении, предписал справиться: “есть ли к облегчению Салтыковой довольное свидетельство и был ли повальный обыск? И ежели онаго не было и еще какое свидетельство потребно, то оное и обыск учинить, как оным ея императорского величества указом повелено, не чиня ни людям, ни ей пыток”.

По распоряжению коллегии повальный обыск в Москве, “около ея жительства, где дом ея состоит”, производил член коллегии — коллежский советник Степан Волков, а около подмосковного Салтыковой села — Троицкого, — надворный советник князь Дмитрий Цицианов.

Волков опросил более 100 человек разного звания, из которых 94 заявили, что не знают, какой образ жизни вела вдова Салтыкова, “о мучительствах и смертных убийствах ею людей... они подлинно не ведают...”. Какой-то священник показал, что одна из дворовых девок Салтыковой приходила к нему как-то летом и передала, что помещица взяла к себе в дом ея дочь 12 лет, бьет и мучит ее, и будет ли жива — неизвестно. Другой священник рассказывал, что летом в 1762 году ему довелось быть на съезде двора 1-й полицейской команды, где видел в телеге мертвое тело женщины, на спине которой “были великие раны; при чем дьякон и прочие люди говорили ему, что мертвое тело взято из Салтыковского дома”.

Одновременно с обыском Волкова в Москве, Цицианов опрашивал жителей подмосковного села Троицкого. 43 человека показали, что они слышали от ее крестьян жалобы, что она бьет и мучит своих людей. Священник и дьякон (на основании слухов многих людей) говорили Цицианову, что Салтыкова “жизнь свою продолжала в худом состоянии и к людям своим строгость употребляла, наказывая их жестоко, а сами они того не видали и заподлинно не знают”.

22 человека помещичьих крестьян показали, что Салтыкова людей своих бьет и мучит. “Три года назад, — говорили они, — летом из села Троицкого везли чрез их деревни мертвое тело девки, при чем провожавшие рассказывали, что девка та убита помещицею, и они видели на теле ея с рук и с ног кожа и с головы волосы сошли”. Следствие установило, что была убита Фекла Герасимова.

Крестьяне разных сел и деревень видели окровавленные трупы других девок, которых убила Салтычиха. Многие из них, по свидетельству чужих крестьян, были обварены.

Собранные Волковым и Цициановым сведения коллегия представила Сенату 25 апреля 1765 года. Тот, в свою очередь, спустя полгода предписал Юстиц-коллегии: перепроверить все факты, затребовать все бывшие дела и доносы из Сысского приказа и губернской полицеймейстерской канцелярии. Коллегия должна была рассмотреть, правильно ли дела произведены, нет

ли в них какого упущения, законно ли подверглись истязанию доносители. Особое внимание императрица требовала обратить на свидетельства против судей, канцелярских служителей и других чиновников, брали ли они подарки. Кто давал и кто принимал?

Наконец началось настоящее следствие.

Коллегия тщательно расследовала сведения о каждом убитом или пропавшем лице и, прежде всего, собрала справки от вотчин: кто и когда из крестьянских жен и дочерей были взяты помещицей в дом и куда потом девались.

Только теперь, в конце 1765 года, Коллегия вытребовала к себе дела, которых оказалось 21. Многие доносы на Салтычиху содержали прямые обвинения против чиновников разных ведомств. Следствие доказало виновность чиновника полицеймейстерской канцелярии действительного статского советника Андрея Молчанова, члена Сысного приказа, надворного советника Петра Михайловского, надворного советника Льва Вельяминова-Зернова, прокурора Федора Хвоцинского, актуариуса Ивана Пафнутьева и секретаря тайной конторы Ивана Ярова. Перечисленные чиновники обвинялись в получении от Салтыковой подарков. Вследствие этих взяток дела о жестокостях Кровавой барыни оканчивались всегда в ее пользу.

Дарья Салтыкова так и не признала себя виновной. Тем не менее виновность злодейки была очевидна. И вот Юстиц-коллегия, а затем Правительствующий Сенат "изрекают правдивый приговор о ее виновности". В 1768 году Юстиц-коллегия, признав, что Салтычиха немалое число людей своих "мужеска и женска пола бесчеловечно мучительски убивала до смерти", приговорила ее к смертной казни.

Возмездие

18 октября 1768 года снег шел хлопьями, в этот день в Москве установилась зима. С раннего утра народ несметными толпами валит по всем улицам, ведущим на Красную площадь. Перед полуднем началось "позорище"...

Вот как описывает публичную казнь очевидец: "...Прежде шла гусар команда, потом везена была на роспусках (в саване) Дарья Николаевна Салтыкова... людей мучительница, по сторонам которой сидели с обнаженными шпагами гренадеры. И как привезена была к эшафоту, то, сняв с роспусков, взвели и привязали цепями ее к столбу, где стояла она около часу; потом, посадив паки на роспуски, отвезли в Ивановский девичий монастырь, в сделанную для нее, глубиною в земли аршина с лишком в три, покаянную, коя вся в земле, и ни откуда света нет. Она в железах, и никого к ней, кроме одной монахини и караульного, допустить не велено; да и им тогда только ходить к ней, когда есть принести должно будет, и то при свече, а как отъест, то опять

огонь погасить и во тьме оставить; а когда будет церковное пение, то допускать ее к церковному окну, к коему по обыкновенным у ходов ступеням всходить должна; и быть ей велено до смерти.

А во время ея у столба привязи надет был на шею лист с напечатанными большими литерами: Мучительница и душегубица. А как ее повезли, то после ея биты были кнутом и клеймены люди ея и поп: поп — за то, для чего он мученных ею хоронил, а людей — дворецкого, который в особливой милости был, и кучера, что убитых валил, и других, — чем и кончилось сие позорище. Что ж принадлежит до народу, то не можно поверить, сколько было оно: почти ни одного места не осталось на всех лавочках, на площади, крышах, где бы людей не было, а карет и других возков — несказанное множество, так что многих передавили, и карет переломали довольно. Пищу ж ей велено давать обыкновенную монашескую, и лишена имени, дворянства и отцовской и мужеской фамилии”.

Эпилог

Любопытно, что Ивановский монастырь, основанный Еленой Глинской в честь рождения сына, будущего Ивана Грозного, стал последним прибежищем Кровавой барыни.

Монастырь этот был не только усыпальницей для умерших, но в его стенах издавна томились заключенные и опальные, жившие под строгим надзором. Здесь не по доброй воле была пострижена и заключена разлученная с супругом своим в 1610 году царица Мария Петровна Шуйская. Сюда прислана была из Владимира постриженная также насильно на Белом озере вторая супруга несчастного Иоанна Иоанновича, царица Прасковья Михайловна, здесь она и умерла в 1620 году.

Вот сюда, в склеп под соборную церковь Ивановского монастыря, прямо с “позорища” на Красной площади 18 октября 1768 года и перевезена была Салтычиха. В этой подземной темнице провела она одиннадцать лет.

Насущную скудную пищу подавал ей солдат сперва в окно, потом в дверь. От своего караульного Кровавая барыня родила в тюрьме сына.

Любопытные зачастую толпились у железной решетки окошечка ее застенка. Салтычиха ругалась, плевала и совала палку сквозь решетку в открытое в летнюю пору окошечко. Закоренелое зверство Кровавой барыни не погасло за долгие годы заключения. Народная молва обвиняла злодейку в людоедстве. Уверяли, что Салтычиха употребляла себе в жаркое, вместо сладкого мяса, женские груди, но в следственном деле об этом не упоминалось.

27 ноября 1801 года Дарья Салтыкова скончалась и была похоронена в Донском монастыре, где погребались все ее родственники. Злая память о ней сохранилась в народе. ■

“Я однолюб и

Николай Караченцов:

Его вряд ли можно отнести к писаным красавцам. Но как притягателен независимый и слегка утомленный взгляд актера, как приятен для слуха низкий бархатистый голос, как романтичны и в то же время очень надежны его киногерои. Он почти не играет обольстителей и страстных любовников, но его благородные и бесстрашные персонажи заставляют по-особому трепетать женские сердца. А вот тема собственной семейной жизни у Николая Караченцова за семью замками. Как истинный Скорпион и страшно суеверный человек, он тщательно оберегает свои тылы, дабы не разрушить ненароком того, что называет своим очагом. Хотя и не скрывает, что наслаждается видом красивых и изысканных молодых женщин, с которыми сталкивает его жизнь вне сцены и съемочной площадки.

романтик"

фото Виктора Горячева

— Вы влюбчивы?

— Человек, который влюбляется каждый день, влюбчивый? А если влюбляется однажды и навсегда?

— Тогда вы — однолюб. Ну, а увлечься-то способны?

— Да, конечно.

— А та романтическая любовь, та страсть, что захлестывает вашего героя в спектакле "Юнона и Авось", возможна ли она в реальной жизни?

— Очень хочется верить в это. Иначе зачем на эту тему столько говорить, писать, играть? Вон сколько времени идет наш спектакль, а всегда аншлаги. Наверное, потому, что люди устали жить в атмосфере злобы, насилия, извращенности чувств. Значит, им по сердцу такая романтика. Пусть даже и несколько идеализированная.

— В "Ленном" в последнее время вышло несколько спектаклей, где мужчины раздеваются... Но вы в этих сценах не заняты. Способны ли вы обнажиться на сцене?

— При условии, что в зале будет только один зритель. Желательно женского пола.

— Говорят, что вы человек постоянных привычек?

— Что же, наверное, так. Например, я всю свою сознательную жизнь пользуюсь только одним оденолоном "Форенгейт" и курю одни и те же сигареты "Дымок".

— А сколько раз вы женились?

— Один. Я же говорю, что постоянен. Супруга — Людмила Поргина, она актриса нашего театра. А еще у нас растет сын.

— Как вы думаете, почему сегодняшние молодые не очень-то стремятся создавать семьи?

— Наверное, в силу особой, появившейся в последнее время рациональности. Знаю, что, снажем, в Англии мужчины издревле женились по достижении сорокалетнего возраста, ведь создание семьи — бремя ответственности. И прежде, чем пускаться в семейное плавание, нужно подготовить некую базу. А у нас сегодня настолько все нестабильно вокруг, что, по-видимому, это и отталкивает от создания семьи. Я уже не говорю о свободе, переходящей в распущенность.

— Герой вашего песенного творчества — романтик во взаимоотношениях с женщинами. А вы?

— Понимаете, мои родители разошлись практически сразу, как только я родился. Меня воспитывала мама. Она с раннего детства культивировала во мне думающего человека и очень во многом со мною советовалась как с единственным мужчиной в доме. Мы были предельно открыты друг с другом до самого последнего дня ее жизни.

— Я слышала, что ваша мама была балетмейстером, и вы под ее воздействием всерьез мечтали о балете?

— Да, мама работала балетмейстером, и в том возрасте, когда поступают в хореографическое училище, я хотел танцевать. Но мама сказала мне: "Если б ты был девочкой, не задумываясь отвела бы тебя в балетную школу..." Она очень серьезно относилась к тому, чтобы я вырос крепким мужчиной...

— Считается, что одинокой женщине сложно воспитать парня, ибо в семье не хватает жесткого мужского начала...

— Моя мама была очень требовательным человеком, к тому же в моих глазах обладала непререкаемым авторитетом. Часто мне приходилось оставаться одному, когда она уезжала: работая с балетными коллективами, много ездила и по Союзу, и за рубеж. Я в это время жил в интернате. Так что и мама, и сама жизнь рано сделали меня самостоятельным человеком. Но мы постоянно общались с ней: почти каждый день писали друг другу длинные и очень подробные письма.

— Мама голливудской кинозвезды Невина Ностнера всегда предупреждала его, что не следует гулять с девушкой, если не собираешься на ней жениться...

— Я бы, пожалуй, сказал своему сыну: не ухаживай за девушкой без любви...

— А если бы у вас была дочь?

— Понимаю, насколько сегодня опасна жизнь молодой девушки, сколько ее подстерегает ударов и неприятностей. Была бы дочь, конечно, я бы психовал! Думал бы, наверное, все время, как ее от беды уберечь. По-дурацки звучит, но важно, чтобы она попала в хорошие руки, чтобы не обожглась, не влюбилась в подонка... Вообще за последние годы наша прекрасная половина сильно изменилась...

— В лучшую или худшую сторону?

— Женщины стали гораздо лучше одеваться, стали экстравагантнее. У них на вооружении теперь масса косметических, парфюмерных средств, салоны красоты. Наверное, благодаря этому дамы стали эффектнее выглядеть. Они стали более внима-

тельны к себе. Что же касается "хуже"... Я точно знаю, что женщина не бывает хуже, женщина всегда прекрасна!

— Я наблюдаю за вашим творчеством на протяжении нескольких лет, и вы всегда в отличной форме... Как вам это удается?

— Я как артист не имею права распускаться себя и свое тело, а не выйти на сцену, как учит нас Марк Захаров, актер имеет право только в том случае, если он умер. "Если вы заболели, — говорит Марк Анатольевич, — значит, вы не профессиональны!.." И он абсолютно прав, потому что любое заболевание — следствие того, что человек был невнимателен к себе: или попил чего-то холодного, или распаренный вышел на улицу, попал на сквозняк... Или допустил переутомление, недоспал, организм ослаб и в результате схватил какую-то инфекцию...

Но травмы, совершенно неожиданно в результате перегрузок, у меня все же случаются. Так, например, в 84 году на гастролях в Куйбышеве за месяц я сыграл чуть ли не 30 спектаклей. А это просто колоссальная нагрузка, ведь в спектакле "Юнона и Авось" я должен быть очень активным в движениях: там и танцы, и падения, и прыжки... Организм переутомился. И я во время спектакля попал ногой в соединение щитов, которые сцену поднимали вверх. Будь я в лучшей форме, я бы подсознательно никогда в жизни в это место ногой не наступил. А так... Повредил связку, коленную капсулу, произошел разрыв мышцы и мениска... К счастью, я попал

в Москве во Врачебно-физкультурный диспансер номер 1. И теперь чуть что — сразу мчусь туда...

— Насколько я знаю, в спорте травма колена требует крайне серьезной операции, и процесс лечения очень мучителен и долг...

— Слава Богу, с операцией меня пронесло. Из десятка форм поражений мениска и есть только одна единственная, которая не требует операции. Нет, он не заживает и не срачивается, в отличие от мышц и связок, но на том месте может нарасти мозоль. И мне сказали, что нужно просто закачивать колено специальными упражнениями, чтобы эту мозоль нарастить. У меня вся кровать в то время была увешана резиновыми жгутами и амортизаторами, с помощью которых я начался просто до изнеможения. Потом начал бегать и плавать. А ведь до этого не бегал вообще. Поначалу это был бег — даже не бег, аковыляние черепашью шагом на 150 метров — на большее просто не хватало сил. Но постепенно я заразился страстью к бегу. И года два-три увлеклся им как одержимый. Но тогда я жил на Юго-Западе, и там были замечательные условия для бега. А потом мы переехали в центр, участились гастроли, концерты — и условий для бега стало все меньше и меньше. Думаю, что вскоре куплю себе велотренажер...

— А вы с рождения были таким крепким парнем?

— Совсем нет. Я послевоенный ребенок, в детстве был крайне хилым. Мама говорила, что и

рахит у меня был, и сохла нога. И она продала всю нашу роскошную библиотеку, чтобы меня вылечить. Но потом мне повезло: лет в 9 я попал в центральную детскую спортивную школу, в секцию по прыжкам в воду. Года четыре там тренировался, но затем мама забрала меня в длительную командировку в Монголию — на полтора года. Потерять столько времени в этом виде спорта без тренировок просто немыслимо. А я к тому времени уже был перворазрядником. Но благодаря тренировкам я очень окреп. Мы ведь много занимались в зале и на тренажерах, и акробатикой, и на батуте... И, кстати, многое из приобретенного тогда в занятиях спортом до сих пор помогает в моей профессии.

— Интересно, а из друзей детства никто не стал врачом, чтобы так же, как спортивные навыки, помогать вам в жизни и профессии?

— Да, есть такой друг — мой одноклассник Володя Пашковский, врач скорой помощи. И, конечно, если вдруг у меня возникают какие-то проблемы со здоровьем, я сразу же звоню ему, даже в том случае, если вопрос не по его профилю. Ведь так же, как у меня в каждом театре есть знакомые или приятели, у него есть свои контакты в разных институтах и клиниках. И он, естественно, мне помогает... Но все же главное — заботиться о себе самому и не доводить организм до сбоев. Тогда ни медицина, ни эликсир молодости не понадобятся.

— Мы знакомы уже много лет, и я постоянно удивляюсь ва-

шей жизненной и творческой энергии — вы все время в работе. Как вы все это успеваете?

— Сплю часов 4-5, не больше...

— И вы совсем не устаете?

— Мужчина не имеет права соединять два этих слова. Не помню, кто мне это сказал, но я всегда стараюсь следовать этому правилу.

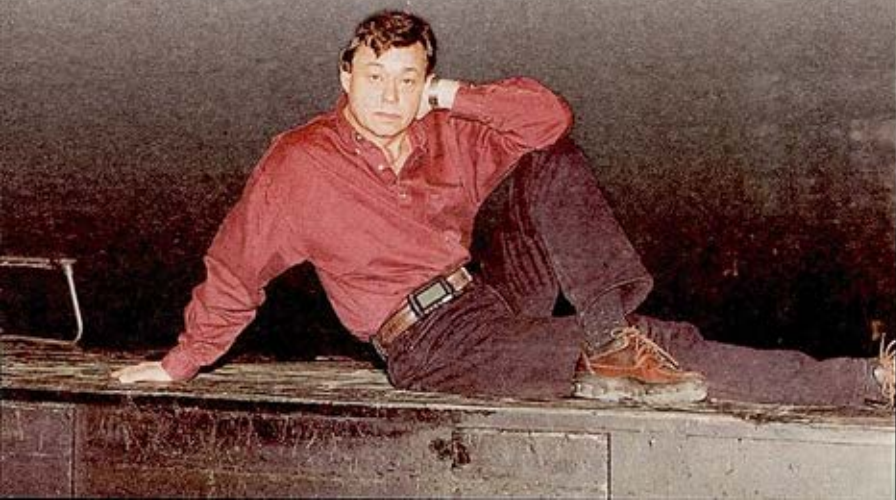
— Вы — Скорпион. Астрологи говорят, что Скорпионы сжигают

себя изнутри своей неумемной энергией и работоспособностью. Это про вас?

— В свое время замечательный человек и кинорежиссер Юрис Подниекс сказал, что есть категория людей, которые поджигают себя с обеих сторон и горят до тех пор, пока пламя не дойдет до середины... Возможно, это и про меня. ■

Беседовала

Татьяна СЕКРИДОВА.

Людмила МАКАРОВА

Он жутко вымотался с привередами-немцами за этот безразмерный день и услышал телефон только на седьмом звонке. Хорошо еще, не успел сообразить, что жена может звонить ему в гостиницу среди ночи только по поводу каких-нибудь неприятностей. Ему часто приходилось бывать в коротких командировках, но привыкнуть не волноваться за жену и маленького Дениску он так и не смог. Причем чем дальше оказывался от дома, тем больше волновался. Мучило странное чувство, что, куда бы он ни заехал, про себя ему точно известно, что в данную минуту жив-здоров, а про них известно лишь, что были живы-здоровы, только когда видел перед отъездом или последний раз звонил. Вот это "были" и не давало покоя. Боролся, как мог, с постоянным желанием набрать домашний номер и спросить: "У вас все нормально?" И вот, пожалуйста, — когда неприятности все же нагрянули, а голос жены срывался и звенел слезами, он оказался застигнут врасплох и ровным счетом ничего не соображал со сна.

— Тетя Валя прислала телеграмму. Просит на время забрать к себе Сашу. Тетя Валя очень плохо себя чувствует. Ей нужно лечь в больницу, а Сашу не с кем оставить. Саша, ты слышишь? — захлебываясь, тараторила Наталья, и он окончательно запугался. Саша — это он. Понятно. И какого-то Сашу нужно куда-то забрать. Непонятно. Он тряхнул головой, пытаясь сбросить остатки сна, и спросил самое важное:

— Дениска в порядке?

— Да при чем тут Дениска? — возмутилась жена. — Я же тебе объясняю: тетя Валя просит, чтобы Саша, Катина дочка, пожила у нас. Тетя Валя надолго ложится в больницу. Ты не против?

— Ну, ты меня напугала! — в свою очередь возмутился он и вспомнил, что совсем недавно, с месяц назад, у жены умерла не то двоюродная, не то троюродная сестра Катя. Он эту Катю никогда не видел и вообще ни разу не выбрался в родной городок жены, чтобы познакомиться с многочисленной родней, которую по ее бесконечным путаным рассказам до сих пор не научился различать.

— Саш, ты чего замолчал? Ты не против? А то тети Валина соседка завтра утром выезжает, может взять девочку с собой, — требовала ответа жена.

Саша

и сашенька

— Да не против я, не против, только в следующий раз не пугай так среди ночи, — сказал он, положил трубку и мгновенно провалился в сон.

Добираясь из аэропорта домой, он порядочно замерз. После почти летнего, мягкого европейского тепла город ощущался особенно промозглым и сыкотным. Жена осторожно открыла дверь, сразу приложив палец к губам:

— Тихо. Дети уже спят.

— Я только посмотрю, — прошептал он и заглянул в детскую.

Дениска разметался поперек кровати — одеяло сбилось в комок, руки свисали на пол, а ноги торчали на стене. Щеки у сына полыхали красным. Жена как всегда напаялила на него теплую пижаму, но переубеждать ее — бессмысленное занятие.

— А это Саша, — полюбовавшись сыном, сказала Наталья и подошла к дивану-малютке.

— Ой, а я ей ничего не привез. Забыл, — признался он и тут же нашел оправдание. — Но ведь я даже не знал, сколько ей лет.

— Скоро пятнадцать, — объяснила жена и тихонько всхлинула. — Бедная девочка. Ни отца, ни матери. — И тут же перешла на будничный тон. — Ничего, завтра купим ей что-нибудь.

Девочка зашевелилась, открыла глаза и села на постели, натянув одеяло под подбородок. Она была длинная, но такая до невесомости худая, что и по очертаниям сквозь одеяло это сразу бросалось в глаза. Невзрачная, с почти бесцветными волосами, бровями, ресницами и водянисто-бледными глазами, отчетливо в темноте вместе с простыней выглядела сплошным размытым белым пятном.

— Саша, не бойся. Это дядя Саша, — погладила ее по голове жена, и он отчетливо почувствовал, как девочка дернулась и напряглась под непрощенной лаской.

— Ой, — спохватилась Наталья, добавив в голос деланной веселости. — Вас же зовут одинаково, как же я буду вас различать? Ладно, ты будешь Шура, а дядя Саша — Саша. Договорились?

— Нет! — еле слышно, но твердо произнесла Саша. — Мама не любила, чтобы меня Шурой называли! Я — Саша.

— Ну, вот еще забот на мою голову, — пожаловалась на кухне жена. — Какая ей разница, как ее будут звать? Это все Катерина со своими завихрениями. Можешь себе представить, как вернулась тогда из города беременная, с тех пор ни слова о том, от кого ребенок. Никому за столько лет, можешь себе представить? И дочка вся в нее. Ну, какая ей разница, как будут звать — Шурой или Сашей? Меня хоть горшком называй, только в печку не сажай.

Он смотрел на Наталью и удивлялся, насколько быстро и незаметно она успела стать какой-то... Какой-то безвозрастной.

Какой-то женщиной вообще — то с плаксивыми, то с назидательными интонациями, с неизвестно откуда взявшейся привычкой без конца искать на нем или на сыне одной ей ведомые ниточки-пылинки.

— Большая разница, — почти грубо отрезал он. — Я тоже терпеть не могу, когда меня Шуриком называют. Как-нибудь разберемся. Можно ее Сашенькой называть, а меня Сашей.

— Ладно, — успокоила жена мягким, вкрадчивым голосом. — Ты устал с дороги, иди ложись.

Всю ночь он ворочался и мучился странными мыслями — представлял себе, как бы жил, если бы в детстве у него умерли родители. Или кто-нибудь из родителей. Наверное, его взяла бы к себе тетя Надя, мамина сестра — всю жизнь озабоченная какими-то выставками, концертами, гаданиями на картах дама, видимо, забывшая в этой суете выйти замуж и родить детей. Нет, это ужасно — она таскала бы его по своим невыносимым выставкам, и когда-нибудь он не выдержал бы и придушил ее во сне одним из многочисленных шифоновых шарфиков, которыми она прикрывала морщинистую шею.

Лучше бы его усыновили папин брат дядя Слава и его жена тетя Оля. У них совершенно нормальная семья, если не считать особого пристрастия тети Оли к воспитанию дочерей. Девчонки были обязаны каждый день вытирать пыль и ложиться спать строго в девять часов. А если прибавить к этому обязанность приносить только пятерки из всех трех школ... В детстве он жалел двоюродных сестриц, а потом стал обходить их за версту, как еще тех зануд.

Утром он уже ничегошеньки не помнил о безумных ночных конструкциях, но в перерыв купил цветы и поехал к родителям обедать.

— Что-нибудь случилось? — спросила мама, расправляя в вазе хризантемы.

У него чуть было не сорвалось: “Да, случилось. Случилось, что вы сумели выжить. Что вы меня не подвели”. Но он вовремя спохватился, чмокнул маму в щеку и сказал:

— Ничего не случилось. Я что, не имею права родной матери цветы подарить?

— О каком праве ты говоришь? — засмеялась она — Это твоя святая обязанность. Пойдем есть борщ, а то папа голодный и злой.

Девочку было не видно и не слышно. Он приходил с работы поздно, она уходила в школу рано. Несколько раз она проскользнула мимо него слабой тенью, шепнув “Здравствуйте”. Если бы он встретил ее на улице, то скорее всего не узнал. Но даже такое ее присутствие ему не нравилось. Как-то давило. Напрягало. И вообще с появлением Сашеньки в доме повисла какая-то неловкость, и в разговорах с женой он избегал затра-

гивать девочку, боясь, что Наталья заметит безотчетное желание поскорее спровадить незваную гостью. Но жена ничего не замечала, или делала вид, что не замечает, о Сашенькином отъезде домой не заговаривала, а все чаще покупала билеты на концерт, в театр или в кино и радовалась:

— Сашенька такая умница, совсем как взрослая. Оставляешь ее с Дениской, и душа не болит.

И действительно, когда поздними вечерами они возвращались домой, то всегда заставали одну и ту же картину — аккуратно вымытые Денискины тарелочки и глубокая тишина в детской. Но однажды Сашенька задержалась на кухне, за чтением какого-то учебника. Девочка сидела на его стуле, и ему пришлось занять другой, спиной к двери. Было непривычно и постоянно тянуло оглянуться. Жена засновала между плитой и холодильником:

— Не спишь? А мы с дядей Сашей проголодались. Сейчас все вместе подзакусим.

Она устала стол множеством тарелок и тарелочек, на которых чего только не было: от покупных колбасы, сыра и лосолевой икры до домашнего лечо и холодца. Он знал, что у жены это пунктик — полный дом еды (не дай Бог, кто застанет врасплох!). Он потер руки и неумело подмигнул сжавшейся на другом конце стола Сашеньке:

— Ну что, налетай?

— Спасибо, — прошевелила бледными тонкими губами девочка и не шелохнулась.

Жена вздохнула, осторожно пристроилась рядом с Сашенькой и проникновенно-ласково спросила:

— Тебе что положить? Давай колбаски, хорошая, в фирменном брала. А?

Но едва она протянула руку к Сашенькиной тарелке, как девочка нервно дернулась:

— Нет!

— Ну ладно, — вздохнула жена. — Тогда хоть салатика давай положу. Или бутербродик с икоркой. Бутербродик, а?

И она принялась ловко размазывать твердый, только из холодильника, кусочек масла по хлебу. Бутерброд был сооружен и лежал перед Сашенькой, но девочка только еще больше сжалась и еще раз выдавила: "Спасибо", а к еде так и не притронулась.

— Ну вот, что с ней делать. Ничего не ест. Я уже замучилась, сил нет. Упрашиваю, уговариваю, стараюсь, готовлю, — слезно пожаловалась ему жена и без паузы обратилась к Сашеньке:

— Ешь, говорю! Я, между прочим, за тебя отвечаю, а ты вон какая худющая, одни глаза торчат.

Она схватила Сашенькину тарелку, громко стуча вилкой, накидала в нее первой попавшейся снеди и решительно заключила:

— Вот. Пока не съешь, из-за стола не выйдешь.

Сашенька, как замороженная, смотрела на поставленную перед ней еду и не шевелилась. Тихину нарушило всхлипывание — жена плакала, салфеткой размазывая по щекам тушь:

— Саш, ну скажи хоть ты ей.

Ему ничего не хотелось говорить. Ему хотелось есть и спать. Завтра трудный день. Рано вставать. Но если для того, чтобы все это поскорее прекратилось, нужно что-то сказать — пожалуйста.

— Сашенька... — как можно ласковее начал он и постарался поймать взгляд ее бледно-голубых глаз.

Но попытка не удалась, потому что Сашенькин взгляд был не здесь. Она не видела кухню, не видела его, не видела жену. Она видела комнату, маленькую комнату в двухэтажном деревянном доме послевоенной постройки, который уже двадцать лет как собираются снести. Она видела маму на белых-белых (тетя Валя — большая аккуратистка) простынях. Она видела мамины иссохшие пальцы, без конца теребившие край одеяла, и ей казалось, что эти пальцы еще жили, когда мама уже умерла. Она слышала спокойный, даже какой-то обреченный тети Валя голос: “Ничего, девонька, прокормимся. Пенсию давно не несут. Но это ничего. Картошку успели в погребушку насыпать, вот и ладно, вот оно и ничего”.

— Не трогай ее, не трогай и перестань плакать, — неожиданно для себя и слишком резко сказал он жене. — Пусть идет спать, завтра вставать рано.

В пятницу вечером он купил два билета в кино на субботу. Перед этим долго выбирал фильм — листал справочник и вычитывал аннотации. Выбрал какую-то знаменитую мелодраму с трагическим концом. Почему, он и сам не знал.

На площади и в кинотеатре было полно народу. Вначале он показывал Сашеньке: “Налево, направо, прямо, иди за мной”, а потом это надоело, и он просто взял ее за руку. Ее рука, узкая, холодная и безвольная, неподвижно стыла в его ладони, пока они, наконец, не добрались до своих мест.

Фильм был длинный, очень страшный и невозможно трогательный. Огромный корабль, полный музыки и красивых людей, тонул в холодном океане, разлучая близких, в отчаянии тянувших друг к другу руки. Он не любил такие фильмы: переживать — глупо, потому что кино, и не переживать — глупо, зачем тогда это кино нужно. Он уже жалел, что пошел на эту “душещипаловку”, да еще потащил с собой несчастную девчонку, как почувствовал, что в темноте его локоть сжали горячие, даже сквозь куртку жгучие пальцы. Сашенька, не отрываясь, смотрела на экран, мертвой хваткой сжимала его локоть и плакала, плакала, плакала... То беспомощно и почти не слышно, то горько, с громкими всхлипываниями, то улыбаясь сквозь поток

слез. Он прислушивался к ее интонациям, точь-в-точь повторявшим сюжет фильма, и крутил в голове странную, неведомую откуда взявшуюся фразу: “Ну, вот и ладно, вот оно и ничего...”.

После фильма они молча шли по центральной улице города. Он не знал, о чем говорить с Сашенькой, и разглядывал девчонку-подростков, в бесчисленном количестве их обгонявших или мелькавших во встречном движении. Кожаные курточки в талию, короткие юбки вразлет, потешные крохотные рюкзачки, высокие шнурованные ботинки, пряди крашенных волос, застилающие глаза. Длинные кузнечикообразные ноги, беспоконные руки, резкие голоса, небрежно замазанные прыщи на носах и неловкие, подпрыгивающие походки.

Сашенька была белой вороной на этом субботнем шабаше юности. Она была одета, как одевались девочки во времена его детства — черное драповое пальтишко, сапоги на молниях с огромными зубьями, вязаная шапочка и шарфик из мохера. Она выглядела бы жалкой на фоне этих беззаботных девчонок, если бы знала о своем жалком виде. Но она не знала, и в каждом ее движении скользила невольная грация существа, замкнутого в своем мире.

Девчонки держались стайками и надрывно хохотали — то там, то тут. И ему почему-то показалось, что все они смеются над Сашенькой — над ее куцым пальто, над ее глупой шапочкой, над ее белыми ресницами и тощей косой. Ему захотелось закричать на всю улицу в лицо этим самодовольным хохотушкам: “Не смейтесь! Она не хуже вас. Она другая. Она даже лучше. Красивее. Вы это поймете, когда она наденет такую же курточку, ботинки и рюкзачок”.

Но тут Сашенька спросила:

— Извините, а вы не знаете, как зовут артиста, который играл главную роль?

— Нет, — очнулся он. — Не знаю, но это не проблема, придем домой и в рекламной газете посмотрим.

Он очнулся и понял, что девчонки тут ни при чем. Они хохочут по своим дурацким девчоночьим делам. И Сашенька совсем не другая, а такая же. Просто до нее никому нет дела. Никому.

На следующий день он купил Сашеньке плакат с улыбающимся во все зубы киногероем, да еще книжку с его фото на обложке — это оказалось совсем не трудно, такого добра было навалом на каждом лотке. Сашенька приколотла плакат над своим диванчиком, а книжку повсюду таскала с собой. Однажды, не умея по-другому проявить к ней интерес, он попросил у Сашеньки эту книжку почитать, на денек. Она метеором умчалась в комнату за своей драгоценностью и протянула ему книжку с таким радостным волнением, вспыхнувшим ярким румянцем на ее тонкой прозрачной коже, что ему стало совестно, и он прочел штампованный сентиментальный опус о голливудском красавчике от корки до корки.

— Слушай, — смеялась жена. — В тебе умер великий педагог. Мне теперь с Сашенькой стало легче легкого, стоит только сказать, что дяде Саше это не понравится или, наоборот, понравится, — и никаких проблем. Даже есть по-человечески начала. Только вот с английским беда — у них английский историчка вела, которая и сама-то еле-еле. А здесь совсем другой уровень. Нужно бы ей на курсы какие-нибудь или уроки походить.

— Конечно, — согласился он, стыдясь почти бездушной легкости, с которой достался ему этот непрощенный авторитет. — Конечно, я сам поищу хорошего репетитора, а то тебе некогда.

Репетитор не понадобился. Вернее, появился на добровольных началах в лице Сашенькиной одноклассницы, вызвавшей ее помогать.

— Карина... — протянула она с выжидательной интонацией, выглянув из комнаты, где они с Сашенькой занимались английским.

— Очень приятно, — автоматически ответил он, сразу почувствовав, что представиться ей дядей Сашей будет неуместно. Какой из него дядя для этой девицы! А просто Сашей — слишком фамильярно. Все-таки неровня. И он не представился никак. Тем более, что Карина сразу и решительно ему не понравилась. Высокая, на полголовы выше Сашеньки, с непомерно длинной и узкой талией и засаленными коротко стриженными волосами, она не просто осмотрела, а оцупала его с головы до ног своими огромными карими глазищами, не только ничего не пропустив, но даже специально притормозив на самой мужской части тела.

“Ничего себе, девочки пошли”, — поежился он под ее взглядом и шепнул жене на кухне:

— Может, все-таки лучше репетитор?

— Ну, как ты не понимаешь, — как всегда здраво рассудила жена. — Ей же подружка нужна. Я в ее возрасте, помню, без подружки никуда. Может, хоть отойдет, волчонком коситься перестанет.

И Сашенька действительно отошла. То, как быстро, буквально на глазах, это происходило, повергало его в мистический трепет. Коса, с голым розовым пробором, распушилась в небрежную гриву, с челкой, лукаво прикрывающей один глаз. Глаза, обрамленные вычерненными тушью ресницами, словно покрылись блестящей глазурью. Жалкое драповое пальтишко сменилось приталенной курточкой, под которой на каждом шагу оживала юбка-клеш. Неумело связанная (мамой или тетей Валей?) шапочка уступила место кокетливой беретке, парящей над челкой. Правда, она так и не научилась внезапно и оглушительно хохотать, трясти челкой и манерно закидывать ногу на ногу, как это делала Карина. Сашенькины движения оставались округло-замкнутыми, а взгляд время от времени усколь-

зал вовнутрь, и потому на нее хотелось смотреть и смотреть часами, ни на что не отвлекаясь.

Он часто ходил с Сашенькой в кино, музей или просто гулял. И каждый раз, когда замечал, что кто-нибудь смотрит на нее с восхищением, то переполнялся такой гордостью, что, будь у него возможность раздуться, как у индюка, наверняка бы лопнул.

Тетю Валю давно выписали из больницы, но о возвращении Сашеньки домой никто не вспоминал. Ее пятнадцатый день рождения они с женой решили отпраздновать по-домашнему, с именинным пирогом и задуванием свечей. Пригласили только Карину.

Но когда он, как и было условлено, пораньше вернулся домой, на кухне царил полный беспорядок, жена и Сашенька металась из комнаты в комнату, а Карина в блестящем мини-стрейче, уныло смотрела телевизор.

— Ты не волнуйся, — сразу бросилась к нему жена. — У Дениски коренной режется. Температура была почти сорок, но врач приходила, сказала, все нормально. Только я не успела ничего. Надо же, именно сегодня!

Она виновато развела руками и кивнула в сторону Карины. Пока он стоял у кровати сына, прислушивался к его, уже ровному, дыханию и щупал прохладный влажный лобик, за дверью произошел тихий словесный поединок между Сашенькой и женой, окончившийся, естественно, победой жены. Вернувшись из детской, он застал Карину уже натягивающей свои бесконечные сапоги. Жена твердо заявила:

— Отвези девочек куда-нибудь поужинать, нельзя же портить праздник.

Ему меньше всего хотелось ехать сейчас в шум ресторана и есть то, что там обычно выдают за еду и после чего мучает изжога. Из-за бесконечных командировок и обязательных нудных ужинов с деловыми партнерами он научился дорожить простой, но целительной, стряпней жены и старался избегать любой другой еды. Сейчас бы похлебать борща и рухнуть на диван, время от времени заходя в детскую для того, чтобы убедиться — у Дениски все в порядке. Но он прекрасно чувствовал моменты, когда с женой спорить бесполезно.

Когда они устроились за столиком маленького ресторанчика с так называемой русской кухней и выводящим щемящие медленные мелодии дуэтом скрипка-рояль, Сашенька скользнула взглядом по книжке меню и попросила:

— Давайте недолго, тете Наташе нужно выспаться, а Дениска ночью будет хныкать.

— Ну вот... — протянула Карина, внимательно осматривая зал и немногочисленную публику. — Какая же ты занудливая, Сашка. Тут так классно. У тебя же день рождения. Раз в году!

— Конечно, — поддержал он Карину, почувствовав себя виноватым за тоскливое настроение. — Будем веселиться. Тем более, что наша именинница сегодня прекрасно выглядит.

Дав возможность этой самой имениннице справиться со вспышкой румянца, он сделал заказ, подошел к столику метрдотеля и попросил:

— Пожалуйста, цветы. У девушки за нашим столиком, той что в белой блузке, сегодня день рождения.

— Конечно, конечно, — кивнул тот и уже через десять минут явился перед ними с охапкой белых роз в хрустящей упаковке. Блеснув на Сашеньку острым цыганистым глазом, метрдотель еще больше приосанился и торжественно изрек:

— Прошу вас, от всей души поздравляю. Вы очаровательны, просто очаровательны.

Ему всегда неприятно резали ухо оплаченные восторги тех, кто называется обслуживающим персоналом. Он предпочитал, чтобы официанты, продавцы, лифтеры и администраторы гостиниц делали свое дело со спокойным достоинством профессионалов, не суя носы в чужое пространство, как это умеют за границей. А липкая показная любезность слишком досаждала.

Но Сашенька никогда не бывала в ресторанах, гостиницах и дорогих магазинах. Она все смотрела и смотрела на розы с беспомощным, детским выражением лица и, казалось, не понимала, что цветы предназначены ей, не догадывалась, что нужно протянуть руку и взять их. Он забрал скользкую упаковку и положил ее перед Сашенькой, а она так и застыла, глядя в ту точку в пространстве, где только что были цветы, а теперь оказались тщательно заглаженные узкие складочки на сорочке метрдотеля.

— Ой, — тихонько взвизгнула Карина, схватила со стола розы и зарылась в них лицом. — Ой, какая прелесть! Как я тебе завидую, Сашка!

Сашенька перевела на подружку взгляд, и он лишь мельком, по пути, захватил выражение ее глаз, но то, что он там увидел, заставило его быстро вскочить, едва не опрокинув стул, схватить Сашеньку за руку и увести танцевать. Сквозь тонкий шелк блузки он чувствовал, как больно напряжены ее мышцы, сквозь пронзительное соло скрипки слышал рвавшийся из нее немой крик: “Мама, мамочка, почему ты сейчас не со мной? Почему сегодня, когда я такая красивая и счастливая, ты не можешь меня видеть! Мама, ты где!..”. Он не знал, как объяснить этой девчонке, что в жизни всегда так — счастье тем острее, чем больше в него намешано беды. И сказал непонятную ему самому фразу:

— Она сейчас счастлива за тебя. Очень-очень.

Сашенька сразу обмякла в его руках, улыбнулась накрашенными знакомой помадой жены губами и переспросила:

— Правда?

— Точно, — ответил он, почему-то твердо убежденный, что так оно и есть.

— А можно мне мороженое? — прошептала она.

— Еще бы! — засмеялся он, заказал девочкам мороженое и ради справедливости пошел с Кариной танцевать.

Карина без остановки лопотала, запросто называя его Сашей, резко пахла какими-то арбузными духами и все время норовила потеснее прижаться к нему бедром, но он не обращал на нее внимания. Он смотрел на Сашеньку, весело уплетавшую разноцветные шарики, и по-дурацки, во все зубы, улыбался, как тот голливудский актер над диванчиком в детской.

Через пару дней, в субботу, когда Дениска уже совсем поправился, а жена и Сашенька отправились за обновками, по какому-то неотложному делу заявила Карина. Он даже не успел сказать, что Сашеньки нет дома, как она оказалась в прихожей и, расстегивая куртку, спросила:

— А Саша еще не пришла? Ну вот, а мы договаривались. Ладно, я подожду.

Голос ее звучал ровно и дружелюбно, в прихожей она ориентировалась привычно и естественно, и у него язык не повернулся заметить, что ждать придется слишком долго. Он аккуратно повесил Каринину курточку в шкаф и кивнул ей на дверь гостиной:

— Проходи, включай телевизор. Только тихо, а то я Дениску спать укладываю.

Дениска долго возился в постели. Саше всегда было немножко жаль, что сына заставляют спать днем. Еще со времен своего детства он не забыл обидное подозрение, что взрослые просто-напросто стараются избавиться от докучливых малолеток хоть на пару часов. Сын чувствовал его слабинку и засыпать не торопился. В затянувшемся процессе чтения сказки Дениска все время заставлял его то кукарекать как петух, то рычать как волк, то блеять как овца, а в промежутках невинно спрашивал:

— А мама придет?

Когда непоседа в конце концов уснул, Саша и сам не заметил, как задремал рядышком, в уютном детском тепле, но скоро очнулся, вспомнив, что в гостиной сидит Карина и неудобно надолго оставлять ее одну. Ну, и еще немножечко стало стыдно, что она может догадаться о его сладком малышовском сне посреди дня.

Карина растянулась в кресле так, что ее ноги в штанах из чего-то, похожего на кожу, занимали полкомнаты.

— Уснул? — вежливо поинтересовалась она. — Такой чудесный малыш. Просто лапочка.

Он не знал, о чем с ней говорить, уселся на соседнее кресло и развернул недочитанный журнал. Но ее присутствие, резким арбузным запахом духов заполнившее всю комнату, с бесконеч-

ным ёрзаньем, словно она нарочно принимала самую неудобную позу, чтобы через секунду ее сменить, мешало сосредоточиться, и он пялился на яркие журнальные страницы, ничего не видя. А она, так и не сумев по-человечески сесть, поднялась с кресла и подошла к нему, близко-близко поднесла арбузный дух и длинные ноги. Опустилась на ручку его кресла, взяла у него журнал и ловко соскользнула к нему на колени, попутно чуть коснувшись ладонью его ширинки. Теперь у него перед самым носом оказалась ложбинка ее открытой, идеально круглой груди в кофточке в обтяжку, а ее короткие жесткие волосы щекотали ему подбородок.

— Ты просто обалденный мужик, — сказала она как нечто само собой разумеющееся и застыла в ожидании.

Это было весьма точное определение, потому что на несколько секунд он действительно обалдел. Сидел балда балдой, смотрел на ее бесконечные ноги, плотно обтянутые штанами, и даже успел подумать: “Вот дура-то! Для таких случаев надо юбку надевать”. Эта вполне здравая мысль привела его в себя, и он медленно, не суетясь, даже ласково, взял Карину под мышки, встал вместе с ней с кресла, обнял ее за плечи и повел в прихожую. В прихожей достал из шкафа ее курточку, повесил ей на плечо, огляделся, нашел ее сумочку, повесил на другое плечо. Открыл входную дверь, потом легонько подтолкнул ее в проем и негромко, но отчетливо выделяя каждый звук, произнес:

— Чтобы я тебя рядом с Сашенькой больше не видел.

Осмотрелся, заметил в углу чужие сапоги, распахнул дверь и выставил их наружу.

Самым неприятным последствием этой истории была необходимость объяснений с Сашенькой. Он все оттягивал этот момент, перебирая в голове слова, которыми смог бы объяснить ей, почему Карина больше не появляется. Он ждал, что Сашенька придет из школы в слезах и отчаянии от потери единственной близкой подружки, окончательно замкнет свой мирок и потушит свет глаз. Он был уверен, что поступил правильно, что никакого повода Карине не давал, и что по-другому она не поняла бы, но мучился виной за эту самую правоту.

Но Сашенька приходила из школы веселая, о Карине не говорила ни слова, по вечерам вместе с женой встречала его в прихожей и хлопотала на кухне.

— Странно, что Карина больше не приходит. Поссорились, наверное, но ведь из Сашеньки слова не вытянешь, — сокрушалась жена. — Как же теперь с английским? Меня уже в школу вызывают, только все не могу выбраться из-за Дениски.

— Ничего страшного, — успокоил он. — Мы с Сашенькой будем ходить к преподавателю. Я уже договорился. Сам давно собирался английским заняться, вместе будет веселей, и Сашеньке не возвращаться одной по вечерам.

После первого урока они возвратились домой поздно и с порога громко пожаловались на надорванные от хохота животы — по совету преподавателя, всю дорогу пытались говорить по-английски.

— Мой руки, есть и спать, — намеренно сдержанно сказала жена Сашеньке.

— Ага, сейчас, тетя Наташа, — не заметила ее тона девочка, быстро скользнула в ванную, на кухню и в спальню. От ее привычного беспрекословного послушания у него к горлу подступил комок.

— Я была сегодня в школе, — сказала жена, когда за Сашенькой закрылась дверь.

— Ну? — буркнул он, набрасываясь на котлету.

— Классная мне дала понять, что в классе все только и говорят, будто Сашенька и ты... В общем, понимаешь. Ее теперь все “лолиточкой” называют. Карина утверждает, что Сашенька ей такое говорила, такое... В общем, понимаешь.

Жена говорила ровным бесцветным голосом, глядя куда-то в сторону, словно отчитывалась, поэтому он не сразу откликнулся, не сразу перестал жевать.

— Какой еще “лолиточкой”?

— Как какой? — возмутилась жена, на секунду оставив бесстрастный тон. — Обыкновенной. Про которую Набоков написал. Ты что, не читал?

— Не читал, — огрызнулся он. — У меня нет времени читать всякую ерунду. Мы в спецшколе и институте все больше на физику и математику налегали.

Ему стало все ясно. Для того чтобы понять, о чем речь, не нужно читать никакого Набокова. Все и так знают, что “лолита” — малолетняя любовница какого-то сексуально озабоченного дядьки.

— Это не ерунда, — твердо возразила жена. — И тебе полезно прочесть.

Он смотрел на бледное лицо жены и не верил своим ушам:

— Ты что, в самом деле думаешь, что я...

— Неважно, что я думаю, — отрезала она, не повышая голоса. — Но, согласишься, ты ведешь себя странно. Когда ты приходишь домой, то интересуешься в первую очередь не мной и даже не собственным сыном, а ею. И эти уроки...

— И что теперь? — переняв ее бесстрастный тон, спросил он.

— Ничего. Просто она должна уехать обратно.

Он видел, как открылась дверь кухни, как вошла, жмурясь от яркого света, Сашенька в байковом халате, и слышал, как жена, будто заговоренная, повторяла все громче и громче: “Ей пора обратно, к тете Вале. От греха подальше. И чем скорей, тем лучше”. Если жена сказала бы еще хоть слово, ему больше не выдержать. Он мог ударить ее, лишь бы замолчала, потому что отчетливо видел, как с каждым ее словом Сашенькин

взгляд ускользал и терялся где-то в не доступных ему глубинах нечеловеческого страдания. Но жена в последнюю секунду замолчала, а Сашенька выскочила из кухни и хлопнула входной дверь. Он замешкался, срывая с вешалки свою куртку и ее пальто, и едва успел заметить, где в темноте двора скрылась Сашенькина хрупкая фигура.

Она сидела на мокрой холодной скамейке, трясась от холода в своем байковом халатике, и отчаянно сжимала кулачки. Нужно было что-то сказать ей, успокоить, согреть, наконец. Но он боялся. Предательски боялся сказать не то, дотронуться не так. Просто сидел рядом и тоже трясась от холода, комкая на коленях ее пальто и свою куртку.

— Мама, — не сказала, не всхлипнула даже, а еле слышно, как новорожденный котенок, пискнула Сашенька в темноту, еще сильнее сжав кулак.

Он разжал ей пальцы и достал из них маленькую фотографию. Под тусклым светом уличного фонаря с трудом рассмотрел фото. Некрасивая молодая женщина, из-за мешковатой одежды отечественного производства советских времен и неумелой прически выглядевшая лет на десять старше, чем была на самом деле, в нелепой вынужденной позе стояла у стены красного кирпичного здания. По напряженному выражению ее лица он сразу догадался, что эту фотографию сделал Сашенькин отец. Когда он был студентом “политеха”, ему время от времени попадались такие женщины — немногословные, словно рожденные для роли незаметных безропотных жертв чужих прихотей. Сашенькин папаша, скорее всего, и понятия не имел о рождении дочки, какой-нибудь залетный солдатик или студент. Как когда-то он сам. Как он. Простая арифметика. Ему тридцать пять, а Сашеньке пятнадцать. Совсем простая арифметика.

— А я знаю, почему твоя мама не любила, чтобы тебя называли Шурой, — громко, на весь двор, сказал он.

— Почему? — вздрогнула Сашенька от неожиданного его заявления.

— Потому что это я терпеть не могу, когда меня так называют. Потому что эту фотографию сделал я. Потому что я твой отец, только раньше об этом не знал. И не знал, что твоя мама — та самая Катя. У меня даже была где-то такая же фотография, но затерялась при переезде. И ты никуда не поедешь, потому что ты моя дочь, и здесь твой дом.

— Правда? — спросила она, уже поверив каждому его слову.

— Конечно. Мы расскажем тете Наташе, и все станет на свои места, — ответил он, надел свою куртку, укутал Сашеньку в пальто и с легким сердцем крепко-крепко обнял ее, чтобы согреть. Она как-то сразу затихла и расслабилась в его руках. Ребенок, просто одинокий ребенок, маленькая сирота в безумном мире взрослых подозрений. ■

Овен (20 марта — 19 апреля)

Овен — первый знак Зодиака, символизирующий собственную жизнь. Он — ребенок и, как любое дитя, полностью поглощен своим собственным "Я" и занят только самим собой. Его интересы — превыше всего. Как и младенца, его не интересует, что думают и чувствуют окружающие. Овен рассматривает окружающий мир как приложение к самому себе. Он настолько естествен и искренен во всех своих проявлениях, что это несколько скрашивает его эгоизм и агрессивность.

Люди, рожденные под знаком Овна, обладают огромной жизненной энергией, импульсивностью, способностью быстро принимать решения. По натуре эти люди — первопроходцы. Поэтому их привлекают те области, где можно проявить самостоятельность и инициативу.

Большинство людей этого знака достигают своей жизненной цели, высокого социального уровня и материального благополучия благодаря позитивным чертам характера, если они способны обуздать некоторые негативные черты, которые мешают им как в работе, так и в отношениях с людьми.

В Овне удивительным образом уживаются реалист и идеалист. Редко кто может продемонстрировать такое упорство и силу духа, и вместе с тем мало кто бывает столь же сентиментален, поэтичен и так свято верит в чудеса. Люди, чьим покровителем является Марс, совершенно не способны признать поражение, даже тогда, когда оно очевидно. Они верят в счастливый конец — будь то в любви или в спортивном матче.

Все Овны склонны к преувеличениям. Овен может строить воздушные замки, но вовсе не для того, чтобы кого-нибудь обмануть. Он сам свято во все верит. В характере Овна нет ничего скрытого или сложного: он весь перед вами, как на ладони. Овен раним, как ребенок, и почти столь же незащищен.

Овен очень вспыльчив, но вспышки гнева обычно молниеносны, и через минуту Овен забывает причину гнева и искренне вам улыбается. Обычно Овны очень романтичные люди. Их страсть к переменам — это жизненная необходимость. Жизнь любого Овна — это сплошная борьба, причем зачастую она

происходит у него с самим собой. В Овне нет хитрости, и таким он останется на всю жизнь — доверчивым, ошибающимся и верящим вновь. Любые полученные обиды вмиг забываются, стоит кому-либо пригреть и обласкать его.

Хотя Овен с уверенностью продвигается по жизни, мало заботясь о чувствах других, а его отношение ко всему можно выразить коротким девизом "прежде всего я...", он, тем не менее — один из самых щедрых и добрых знаков Зодиака. В нем нет жестокости. Он искренне верит в то, что может сделать любое дело лучше других.

Если Овну придется выбирать между славой и богатством, он, не задумываясь, предпочтет первую. Это не значит, что он презирает деньги, отнюдь. Просто слава и признание для него дороже. Вот почему так много среди Овнов знаменитостей и так мало — состоятельных людей.

Судите сами. Под этим знаком родились: Ганс Христиан Андерсен, Иоганн Себастьян Бах, Отто фон Бисмарк, Марлон Брандо, Екатерина Дашкова, Никита Хрущев, Чарли Чаплин, Константин Станиславский, Симона Синьоре и многие, многие другие.

Мы же выбрали великого итальянца Джаккомо Назанову — обольстителя женщин, знаменитого авантюриста, писателя, переводчика, финансиста, музыканта и алхимика. Короче говоря, стопроцентного Овна.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Философия легкомыслия

Джованни Джаккомо Назанова родился 2 апреля 1725 года в Венеции в довольно своеобразной актерской семье. Своеобразной потому, что мать мальчика — прелестная Дзанетта — до конца своей жизни не знала, кто отец ребенка: ее законный муж, актер-неудачник,

или директор театра Сан-Самуэле, аристократ и меценат. Впрочем, она особо в эту проблему не вникала, благо супруг ее чувства ревности не испытывал, а к детям вообще был откровенно равнодушен.

Он был дитя любви и нелюбимым ребенком. У него было два

отца, один бедный и законный, а другой незаконный и богатый; ни один о нем не заботился. У него была юная прелестная мать, делавшая карьеру на сценах и в постелях, от Лондона до Дрездена, но этого ребенка она отдала на воспитание бабушке, как только ему исполнился год, и с тех пор видела сына крайне редко.

Впрочем, когда Джаномо было девять лет, венецианские врачи настоятельно посоветовали ему сменить климат, и тогда мать повезла его в Падую, в компании с двумя своими тогдашними воздыхателями — аристократом и аббатом. Путешествовали на суденышке, которое тащила вверх по рене лошадь (гуманный аналог наших бурлаков). Мать и сын спали в одной, кавалеры в другой каюте. Под утро Дзанетта открыла окно. Джаномо со своей нижней койки увидел деревья, марширующие вдали по берегу, как зеленые солдаты.

— Деревья ходят? — спросил он, как только появились кавалеры.

— Это мы плывем, — ответила Дзанетта, вздыхая.

Тогда Джаномо открыл гелиоцентрическую систему мира:

— Значит, солнце тоже стоит, а мы движемся с запада на восток.

— Идиот! — закричали актриса и аббат.

Однано аристократ сказал:

— Правильно, Джаномо! Вращается земля, а не солнце. Всегда думай логично и заставишь людей смеяться!

Этому правилу Казанова следовал всю свою жизнь. Именно его манера мыслить логично принесла ему способность привлекать к себе людей и убеждать их в

своей правоте. Даже те, кто смеялись, в конечном итоге поступали так, как это было выгодно хитроумному венецианцу, ибо Овны всегда заставляют плясать под свою дудку любое окружение.

Лишенный ложной скромности (да и скромности вообще, в полном соответствии со своим знаком Зодиака), Казанова впоследствии писал о себе так:

"Я, Джаномо Казанова, венецианец, по склонностям — ученый, по привычкам — независимый человек и настолько богат, что не нуждаюсь ни в чьей помощи. Путешествую я для удовольствия. В течение моей долгой страдальческой жизни я являюсь жертвой интриг со стороны негодяев". Дополняет этот автопортрет фраза о том, что он "жил, как подобает философу, и умирает, как подобает христианину". Хотя, если говорить о философии, то Джаномо всю жизнь исповедовал и проповедовал только одно ее направление — эпикурейство. Что же касается христианства...

Излечившись в Падуе от своего непонятного недуга, Казанова приступил к изучению теологии и достиг в этом больших успехов. настолько больших, что всерьез намеревался стать священником и даже принял сан. Более того, начал читать проповеди в одной из падуанских церквей, но...

Но физические удовольствия привлекали его куда больше духовного наслаждения и совершенствования. К тому же семнадцатилетний аббат с хорошо подвешенным языком пользовался большим успехом у своих прихожанок. Одно любовное свидание следовало за другим, причем для Казановы не имели значения ни

внешность дамы, ни ее возраст, ни социальное положение. Он с одинаковым успехом обольщал зрелых матрон и молоденьких служанок, причем в те времена даже не пытался подводить под свои похождения какую-то теоретическую базу — просто срывал цветы удовольствия, нимало не задумываясь о последствиях.

Так продолжалось до тех пор, пока в недобрый для Назановы час он не попался на глаза самому епископу, причем произошло это в тот момент, когда Джаномо обнимал очередную легкомысленную красотку. Скандал был громким, замять его никто даже и не пытался, так что молодому грешнику пришлось снять сутану и навсегда распрощаться с мечтой когда-нибудь стать... папой Римским. (Действительно, Джаномо какое-то время носился с этой идеей, которая ему, как настоящему Овну, ни капельки не казалась абсурдной.)

Но экс-аббат не унывал. Он все-таки нашел себе покровителей и отправился в Рим, где его представили папе, и где он какое-то время даже исполнял обязанности его секретаря. Но потом опять впал в немилость у высшего духовенства, скорее всего, из-за неистребимого влечения к прекрасному полу. Здравомысленно рассудив, что церковная карьера ему, мягко говоря, не грозит, Джаномо надел военный мундир и отправился служить на остров Норфу, побывав в Константинополе, потом вышел в отставку, вернулся в Венецию и... принялся за азартную игру. Но вскоре проигрался в пух и прах и поступил музыкантом в театр.

Назанова играл на скрипке, даже помогал знаменитому Ви-

вальди в сочинении ораторий. И обольщал, обольщал... Ради пары прекрасных глаз несостоявшийся священнослужитель переезжал из города в город. С некоторыми дамами он вел философские беседы, а одной подарил целую библиотеку. Назанова спал с аристократками, проститутками, монахинями, с девушками, со своей племянницей, может быть, и со своей дочерью. Но за всю жизнь, кажется, ни одна любовница ни в чем его не упрекнула...

Оставив музыкальное поприще, Назанова, пользуясь дружбой и благодеяниями одного венецианского сенатора, поселился в его доме и стал на досуге заниматься магией и предсказаниями. Свой тогдашний образ жизни авантюрист характеризовал в немногих словах: "Я был не беден, одарен приятной и внушительной внешностью, отчаянный игрок, расточитель, красноречив и забияка, не трус, поклонник женского пола, ловкий устранитель соперников, веселый компаньон... Я наживал себе врагов на каждом шагу, но я умел постоять за себя и потому думал, что могу позволить себе все, что угодно".

Парфразируя знаменитого русского писателя, можно с полным основанием задать риторический вопрос: какой же Овен не может себе позволить все, что угодно?

Он много играл в эти годы, ведь игра, по сути дела, была единственным подлинным смыслом его жизни. Если, конечно, не считать любви. Еще в возрасте двадцати лет Назанова писал: "Мне нужно как-то зарабатывать себе на жизнь, и в конце концов я выбрал профессию игрока".

Но цена выигрыша для блистательного авантюриста не всегда измерялась деньгами. Однажды, еще во времена военной службы, итальянец познакомился с красавицей — женой командира галеры. Суровая командирша долго отказывала ему в любви. Тогда, чтобы заполучить красотку, Казанова сел играть с ее мужем в карты. Тот, разумеется, проиграл, и как раз ту сумму, которую накануне дал жене на сохранение, — 200 цехинов (золотых монет). Супруг потребовал вернуть ему деньги, но выяснилось, что красавица их уже потратила.

Вот тут-то командирша, чтобы спасти честь мужа, и обратилась за помощью к Казанове. Тот, конечно, с радостью "выручил" ее — известным способом. Так что игра благополучно и вполне мирно существовала с любовью, добавляя амурным приключениям Джанкомо пикантный элемент риска, а карточным комбинациям — элемент страсти. Тот самый случай: все или ничего, негласный девиз Овнов.

Удача часто сопутствовала Казанове в азартных играх, что дало серьезный повод многим его современными биографам прозрачно наметать: знаменитый итальянец "подозрительно часто пользовался благосклонностью Его величества Случая во всем, что касалось азартных игр". Впрочем, явление можно было объяснить тем, что Казанова хорошо запомнил наставления своего венецианского друга-сенатора: не платить долг, если проиграл на слово, никогда не вистовать, а самому держать банк и бросать игру тотчас, как только удача начинает переходить на сторону партнера.

Истории известно, что лишь однажды, оназавшись в Венеции и зайдя в игорный дом, где привилегией держать банк пользовались, кстати, только игроки благородного происхождения, Казанова за одну ночь проиграл 500 000 цехинов. Однако вскоре ему удалось полностью компенсировать понесенные потери. Правда, основная заслуга принадлежала здесь его очередной любовнице, которая на собственные деньги сумела отыграть, казалось бы, безвозвратно утерянное золото.

Впрочем, женщины почти всегда содействовали материальному благополучию Казановы. Речь идет не о тех суммах, которые он получал от своих постоянных или мимолетных любовниц, тем более, что тогда это было в порядке вещей, а слово "альфонс" стало нарицательным позднее. Джанкомо не был бы ни авантюристом, ни венецианцем, если бы не изобрел нового способа эксплуатации прекрасного пола. Так что любовь была для Казановы не только жизненной потребностью, но и профессией. Он покупал понравившихся ему девиц (более всего по душе ему были молоденькие худые брюнетки), обучал их любовной науке, светскому обхождению, а потом с большой выгодой для себя уступал другим — финансистам, вельможам, королю. Составление счастья бедных девушек — таким был для Казановы один из постоянных источников доходов. Что ж, когда за хобби еще и платят...

Но лучше, точнее всех Казанову-влюбленного описал, пожалуй, Стефан Цвейг:

"Казанова, вечно изменчивый, остается неизменным в своей

страсти и женщинам. Предложите ему перстень венецианского дожа, сокровища царя Соломона, дворянский патент, дом и конюшни, славу полководца или поэта, он с легким сердцем отбросит все эти безделушки, глупые, не имеющие цены вещи, ради аромата нового тела, неповторимого сладостного взгляда и мгновения слабеющего сопротивления, ради переливающегося блеском и уже затуманенного наслаждением взора отдающейся, но еще не принадлежащей ему женщины. Все обещания мира, почет, власть и знатность, время, здоровье и любое удовольствие выпустит он, как табачный дым, ради приключения. Более того, ради одной лишь возможности приключения. Ибо этот эротический игрок не нуждается во влюбленности для своих желаний. Предчувствие, шуршащая, еще не ощутимая близость авантюры воспламеняет его фантазию предвкушением наслаждения и страстью".

Доходит до гротеска: направляясь по делам с экстренной почтой в Неаполь, он останавливается переночевать в какой-то гостинице в Парме и видит — нет, не видит, а слышит в соседней комнате молодой женский смех. Этого достаточно, чтобы Казанова забыл обо всем и устремил все свои силы и всю свою изобретательность на завоевание незнакомки. Да, она оказалась красавицей-аристократкой, да, эту встречу он будет помнить, точнее, вспоминать всю свою жизнь, но ведь могло быть и по-другому... Могло? Да, конечно, но тогда это уже был бы не Казанова, не герой этой истории, не Овен, наконец.

Однако самую значительную в своей жизни сумму денег итальянец заработал не на игре и не на женщинах, а на организации государственной лотереи в Париже в 1757 году. Тогда король Франции задумал открыть Высшую военную школу. Но на эту затею требовалось 20 миллионов франков. При этом правительство не хотело обращаться к помощи государственной или королевской казны, а намеревалось получить необходимую сумму от народа.

Но как заставить людей добровольно раскошелиться? И тут на сцену вышел Казанова, предложив королю организовать лотерею.

Но прежде он узнал о неких братьях Нальсабиджи, которые, оказавшись, уже составили план проведения лотереи, но за неимением покровителей не знали, как его осуществить. Казанова моментально вникнул в суть проекта, додумал его до конца и представил в специально созданную комиссию для обсуждения. Узнаете Овна? Пришел, увидел, победил. Точнее, убедил.

Он действительно убедительно доказывал, что народ с готовностью станет раскупать лотерейные билеты, так как в розыгрыше будут и довольно крупные призы, а вырученные деньги наверняка принесут королю прибыль. К тому же лотерея, по замыслу мошенника, должна была проводиться под эгидой короны, а не от лица частных предпринимателей, что значительно укрепит доверие к ней со стороны обывателей и рассеет любые сомнения относительно честности и порядочности устроителей.

В конце концов предложение приняли, и Назанова был назначен официальным представителем короля, ответственным за проведение лотереи.

Тут-то он и развернулся, возглавив шесть из семи отделений по продаже лотерейных билетов. Сверх того, Назанове было назначено вознаграждение в 4 тысячи франков. Он начал с того, что продал пять отделений другим лицам за две тысячи каждое. Они давали неплохой доход в виде процента с суммы, вырученной от продажи билетов. Помимо этого, по договору с назной Назанова мог оставить службу по своему желанию, и тогда ему должны были выплатить жалованье в сумме 100 тысяч франков.

В течение двух месяцев Назанова богател и жуировал. Нанял хорошую квартиру, роскошно ее обставил, обзавелся каретой и окружил себя роскошью, подобающей собирателю королевских миллионов.

Скоро его узнал в лицо весь Париж. Всюду — в театрах, в гостях, на балу к нему подходили люди, соблазненные возможностью выиграть, совали в руки деньги и просили прислать билеты лотереи.

Чем все это кончилось, история умалчивает. Но известно, что никогда еще фортуна не одаривала Назанову своей благосклонностью в таком размере. Затея с лотереей, по его словам, оказалась самым удачным, хотя и последним крупным предприятием блистательного проходимца. Последующие несколько лет его жизни — это бесконечный ряд нутежей, романтических происшествий и нарточной игры.

Однако в конце концов наступило пресыщение, подкрадывалось утомление. Все чаще в любовных делах, разного рода проделках и азартных играх Назанову подстерегали неудачи. И великий соблазнитель решил уйти на покой. Нашел себе приют в каком-то богом и людьми забытом замке в Чехии и приступил к пространному воспоминаниям о своем вене, точнее, о себе.

Похождения Джанкомо Назановы дают лучший ответ на вопрос, каким был знаменитый собеседник коронованных особ, узник европейских тюрем и завсегдагой игорных домов и вертепов. Он пользовался милостями прусского короля Фридриха Великого, интересовавшегося его мнением о делах государственного управления, был советником Штутгартского князя, двору которого прививал французские нравы, обедал у супруги Людовина XV, Марии Лещинской, вел беседы с фавориткой короля, всемогущей маркизой де Помпадур. Назанова был лично знаком с Екатериной II и даже хотел стать секретарем императрицы или воспитателем Великого князя. Между тем каждое из деяний знаменитого итальянца становилось лишь очередной авантюрой, хотя могло бы стать залогом блистательной карьеры для любого его современника. Но наш Овен быстро пресыщался каждой новой игрушкой и спешил позабавиться новой...

Три просторные комнаты старинного замка в живописном уголке Северной Чехии стали последним пристанищем авантюриста и писателя Джанкомо Назановы. Однажды на пути из Вены в Берлин в 1785 году он встретил

графа Вальдштейна. И тот предложил Джаномо, которому шел седьмой десяток, стать библиотекарем в его замке, где Казанова и провел последние четырнадцать лет своей жизни. Здесь из-под пера знаменитого венецианца вышли "Мемуары", пятитомный роман "Искамерон". Они долго не печатались, ибо издательства, видимо, боялись его откровений. Следующее поколение романтиков уже не верило в существование самого Казановы.

А ведь он не только существовал — вел оживленную переписку с многочисленными адресатами в разных городах Европы, со многими даже встречался, но в конце концов превратился в вечно недозволенного, больного и брюзжащего старикашку и дни доживал почти в полном одиночестве.

Джаномо Казанова, автор и герой всемирно известных воспоминаний, так же загадочен и глубоко номичен, как и его сладострастные любовные приключения и вся его чудесная жизнь. Фигура Казановы сегодня соединяет в себе как Казанову-человека, много пожившего и много любившего, так и некую выдуманную фигуру, ставшую одним из типажей человечества. Он юморист — и одновременно персонаж юмориста. Он самый радостный авантюрист XVIII века, сенсационный бестселлер века XIX-го, ставший типическим представителем человечества в веке XX-м.

Почти все сказанное этим нурьезным человеком было потом оспорено. Редок человек, так безудержно рассказывающий о своей жизни то, что другие пытаются боязливо спрятать. Однако некоторые критики называли его са-

мым бесстыдным лжецом мировой литературы. Его существование отрицали. Его воспоминания объявляли наглой фальшивкой. Парижский библиофил уверял, что распознал в мемуарах Казановы руку Стендаля, писателя с сотней псевдонимов. Но такую жизнь вряд ли можно придумать, ее можно только прожить.

Безудержной откровенностью и безмерной самовлюбленностью Казанова из авантюрной жизни очаровательного плута создал сюрреально громадную историю о неотразимом соблазнителе. Так он стал легендой. Но Казанова жил на самом деле. И сам написал свои мемуары.

Был ли этот идол женщин по крайней мере красивым мужчиной? По суждению своего остроумного друга Шарля де Линя "он был бы очень хорош, если бы не был так безобразен". Но был ли Казанова в самом деле величайшим соблазнителем всех времен? За сорок лет, описанных в воспоминаниях, Казанова называет имена всего 116 возлюбленных. Это дает в среднем по три возлюбленные в год — вообще не цифра для холостяка, непрестанно разъезжающего по Европе, знающего тысячи и знаемого тысячами людей всех классов и национальностей, сознающего себя рожденным для прекрасного пола.

Но если на мгновение забыть о женщинах и посмотреть, что же сделал Казанова за свою жизнь, перечень окажется более чем внушительным. Он перевел "Илиаду" Гомера итальянскими терцинами, перевел Вольтера и других французских авторов итальянской прозой и стихами. Он напечатал за

свою жизнь две дюжины книг на французском и итальянском языках, среди которых беллетристика, исторические, математические, астрономические, экономические, философские трактаты, показывающие солидные знания и личный опыт.

Он издавал журнал, основал фабрику, заведовал лотерейным бюро и устраивал лотереи в военной школе. Он был секретарем адвоката, секретарем кардинала, капитаном галеры, послом, библиотекарем. Он ездил по поручениям масонов, был дипломатическим агентом короля Португалии, финансовым агентом короля Франции, он получил от короля Пруссии приглашение на место воспитателя в надетской школе. Он был шпионом многих правительств и венецианской государственной инвизиции, заключенным которой он тоже побывал однажды. Он был профессиональным игроком и ассистентом профессиональных шулеров, директором театра и журналистом, скрипачом, офицером, вечным создателем прожектов, в вечном поиске золота и сокровищ, лжецом, колдуном и шарлатаном.

"Как часто делал я в жизни то, что самому мне было противно и чего я не понимал. Но меня толкала таинственная сила, которой я не сопротивлялся..."

Так писал сам Казанова в своих мемуарах.

4 июня 1789 года Джованни Джаномо Казанова скончался. Имя же великого итальянского авантюриста и по сей день является нарицательным. И как бы там ни было, свой след в истории он оставил.

Какая же сила его толкала? Сластолюбие? Сладострастие? Авантюризм? Или просто — расположение звезд при его рождении? Ибо тем, кто появился на свет под знаком Овна, нужно либо все, либо ничего.

И они это получают.

P.S. Те, кто ожидали подробного рассказа о любовных похождениях Казановы, наверняка разочарованы. Увы! Мимолетные связи его откровенно неинтересны, чтобы не сказать — грубы, а настоящих романов... просто не было. Их придумали потом поэты-романтики, в том числе обожавшая Казанову Марина Цветаева, которая посвятила знаменитому венецианцу цикл стихотворений и пьесе "Приключения" — один из лучших образцов этого жанра.

А составлять "донжуанский список" Казановы — занятие не только бесполезное, но и вредное. Все равно, что обрывать бабочке крылья. ■

Эльвира ЧАСТИКОВА

ПРОЛОГ

Голос ваш, словно южное море,
Обтекает, лаская и наг.
То в мажоре ему, то в миноре
Отвечаю, то — в полутонах.

Разве что-нибудь есть между нами?
Расстояния, люди, дела...
Вы все время звоните мне сами.
Чтоб ваш голос забыть не могла?

Кроме встреч на виду всей округи —
Это личный уже островок.
Чтоб в разлуке жилось без разлуки?
Или так затянулся пролог?

Льнут к мембране с готовностью губы.
Сердце мечется, как взаперти.
Может, это неловко и глупо,
Но ведь мы в поцелуе почти!

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВЕЧНОМУ

Я пью, наслаждаясь, тяну еле-еле
Напиток из темных сортов винограда.
А рядом пчела — беспощадный Сальери —
Решает, достойна ль я капельки яда.

* * *

Эти пальцы виртуозны, эти пальцы вездесущи...
То скользит, то замирает обожаящий смычок.
Он волнует тело скрипки, райские суля ей кущи.
Но она ему не верит, сжавши сердце в кулачок.

Вот отчаянье откуда, одинокие стенанья!
Безысходность и надежда, как песочные часы.
Но когда клокочет в жилах откровенное желанье,
Все стороннее мутится, словно воздух в миг грозы.

Ох, сейчас черкнет зигзагом, попадая точно в сердце!
И от бешеной победы станет сладко-горячо
Победителю и жертве... Потому что это скерцо!
Утолень вечной жажды — и молчок, молчок, молчок.

БАБОЧКА

От жаркого волнения хорошея,
Я полюбила вас. Не ради вас.
Меня манила бабочка на шее,
Передо мной мерцавшая анфас.
Неоглашенной королеве бала,
Вы были ей единственный к лицу.
И я без пауз с вами танцевала,
Боясь дыханьем сбить с нее пылью.
Когда вы говорили, я немела:
Для крылышек и мягкий голос груб.
И не следя за смыслом, то и дело
Взгляд опускала ниже ваших губ.
Я погружалась, словно в тайну ночи,
В напудренный магический узор.
А вы считали — я смущалась очень,
И вдохновлялись этим, фантазер!
Поэтому все ближе, ближе, ближе
Сводил нас танец, кровь разгоряча.
— Надеюсь, я вас завтра вновь увижу, —
Шептала я на уровне плеча.
Переживая, чтоб не упорхнула
Меж нами греза на гипноз огня...
Среди мелодий, всплесков, блеска, гула
Вы, как в прозренье, поняли меня.
Мы, точно заговорщики, сбежали
Под бархатные своды темноты...
Вы судорожно бабочку сорвали
И почему-то мне сказали "ты".
Но без нее (исчезла и манишка!)
Я вас не узнавала наотрез.
Моя душа захлопнулась, как книжка,
Как бабочка, как тщетный интерес.
И я не скрыла в горечи финала,
Что были вы не более, чем фон,
Для той, чье имя так и не узнала...
Павлиноглазка? Бражник? Махаон?

* * *

Измены и пирушки...
Жизнь прямо бьет ключом!
Ну, а виновен Пушкин,
Ты вроде ни при чем.

Макнув перо в чернила,
Царапнул: "Не пыли!
Ты вообще затмила
Кокетством Натали!"

Я просто задохнулась...
Такое обо мне?!
Но странно улыбнулась
В зеркальном полотне.

И локоп ближе к ушку
Зачем-то подвела.
Да в мочке безделушку,
Чуть покачивув, зажгла.

Сравнил!!! Однако... лестно.
И губками-безе
Шепнула (интересно —
Кому же?): “Же ву зем...”

ПАРИЖ

Умчалась бы я, улетела, как стриж,
В придуманный вами веселый Париж,
Достала бы деньги и визу..
Но тянет инерция книзу.
И вот те: привычное кресло милей,
Чем звонкий разбег Елисейских полей,
Чем горное русло Монмартра,
Чем ключ к слову Жан-Поля Сартра.
Ну что я могу? Разве русское “р”
Во рту покатают на французский манер...
Но выйдет заведомо плохо
(не пушкинская ведь эпоха).
И я выбираю лощеный альбом
Парижских сокровищ, где в сне голубом
Дега поощряет танцорок,
Луну растворив меж оборок.
Сплетаясь руками, они кружат мир.
И воздух прозрачно звенит: — Мон плезир... —
Творящей души отраженьем.
Мы связаны вечным движеньем.
Во сне мсье Эдгара иль наяву
Я тоже навстречу чему-то плыву.
Как в центре теченья на кладях,
Когда взгляд удержишь на глади,
Меж темною Сеной и светлой Окой
Гляжу — до Парижа подать лишь рукой!
Мне имя его, женолюба,
Щекочет и сердце, и губы.

“ФОТОН” в эфире

Галина КАЛИНИНА

Они очень разные, эти люди. Хозяйственник советских еще времен, время которого, по общепринятым меркам, давно ушло. Женщина, привыкшая жить за широкой мужниной спиной, но волею судьбы оставшаяся в одиночестве. Красавица, после увольнения из милиции потерявшая вместе с погонами привычную защиту в лице государства. Сколько их не сумело вписаться в новые времена... Для многих потеря опоры (в лице государства, мужа или родного предприятия — неважно) стала крахом всей жизни.

Но этих людей я встретила не в очереди безработных на бирже труда и не под крылом государства в какой-нибудь дышащей на ладан конторе, а в современной (куда уж современнее!) коммерческой фирме. Впрочем, не буду забегать вперед.

НАТАЛЬЯ

— Так это вы — Наташа Наумова? — удивляюсь я ее молодости.

— Наталья Ивановна, — управляет она меня, делая ударение на отчестве.

Нас прерывает требовательный телефонный звонок. “Кому принадлежит такой приятный баритон?” — легко останавливает она бурный поток слов в телефонной трубке. И минут двадцать пытается отбиться от кого-то на том конце провода, судя по всему, уже готового открыть ей душу со всеми потрохами. Это по ее части. Душа — это то, что ее интересует.

Наталья Наумова родом из Оренбурга. Отец — “из породы хороших ментов”, в свое время про него в газетах очерки писали.

Отец очень гордился тем, что сумел устроить дочку в политехнический институт. Договорился там как-то, чтоб ее взяли. Дело в том, что окончание политеха сулило работу за рубежом — сначала на сахарном заводе на Кубе. Но Наталье нравились... песни Джо Дассена. Когда она забрала документы из института, дома был колоссальный скандал. Пошла в иняз, на французское отделение.

Дальше рассказывает пунктиром. Работа в школе. Неожиданное приглашение на телевидение в Горячем Ключе. Делала десятки сюжетов в день, в 91-ом даже снимала Ельцина на танке — коллеги в школе тогда впервые увидели ее на телеэкране. Поступила... на юридический факультет университета. Мечтала “надеть

милицейскую форму и удачно выйти замуж за сотрудника уголовного розыска".

Самое ужасное в наших желаниях то, что они сбываются. Наталья попала и в милицию, и замуж. И там, и там надолго не задержалась. Правда, в детскую комнату милиции, куда рвалась работать, ее не взяли, но и в следователях "нахлебалась досыта".

И вот итог: "Зима, я грузу йогурты на оптовом рынке в Краснодаре".

Но, как вы понимаете, это только пролог.

ЕЛЕНА

Чуть-чуть за тридцать. Уверенность, вызывающая у кого-то желание "сбить спесь". Язычок еще тот: сначала припечатает, а потом

ахнет: "Зачем же это я? — А все равно!"

Не так давно Елена Логунова была, по ее выражению, "новорусской женой". "Я целых четыре года сидела дома, потому что мой новорусский муж нигде меня не выпустил, а я его любила и шла у него на поводу". Она стирала пыль с мебели в огромном особняке и потихоньку зверела.

Финал этой истории не отличается оригинальностью:

— Мы расстались. Я потеряла все: мужа, дом, средства к существованию. Потеряла друзей: поскольку я не работала, нашими общими друзьями были его коллеги и они остались с ним. Единственное, что у меня осталось, это Тоха, мой кот — Клавдий Тиберий Друс. Муж не отдавал мне его, но когда

Елена Логунова

я ушла, Тоха устроил настоящий дебош, он начал мочиться на все углы в особняке. Через неделю мне его привезли.

Я сняла у бабульки флигелек во дворе — масенькую наморну, метров шесть, без удобств.

Когда утром не хотела просыпаться и спрашивала себя: "Господи, зачем я тут?", кот начинал орать — просил есть. И я вставала, чтобы убрать за ним и покормить его. Вся моя жизнь рухнула.

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

Его биография поразила меня своей планатной однозначностью. Худоерно — идеальный герой очерка советских времен. Знаете, из тех, что "прошел путь от..." В случае с Анатолием Ивановичем — от рабочего, мастера, старшего мастера до начальника цеха и так далее. Шутка ли — тридцать пять лет на знаменитом ЗИПе — заводе измерительных приборов в Краснодаре. За плечами — электромеханический техникум, приборостроительный институт и университет марксизма-ленинизма, институт повышения квалификации руководителей работников.

А начиналось все с детского хулиганства. Анатолий несколькими медными проводочками "нелегально" подсоединил репродуктор к радиопроводке, которая проходила по столбам рядом с домом. Проводки от бесплатного радио

парень постарался замаскировать в кроне ближайшего дерева.

Мог ли кто-то тогда предвидеть, что Худоерно впоследствии будет на "почтовом ящике" делать "аппаратуру спецназначения". Анатолий Иванович специально для меня сочинил эту обтекаемую формулировку, поскольку аппаратура эта была засекречена и столь унианальна, что Худоерно не уверен, можно ли даже теперь об этом писать.

А мне особенно нравится вот такой эпизод его трудовой биографии. Министерство рекомендовало руководству завода освоить выпуск сложных вычислительных комплексов, телемеханики, которая могла бы управлять газовыми, нефтяными установками, контролировать нефте- и газопроводы. А руководство завода возражало — мол, у нас ни опыта работы, ни специалистов в этой области. Тогда министр спросил: "А зачем у вас есть Худоерно?" Руководству завода крыть было нечем. И Анатолий Иванович создал два новых цеха. А уж сколько он за свою жизнь восстановил хиреющих производств, сколько эконоимически запущенных цехов вытащил — не счесть. И министр, прямо как в фильме про Журбинных, приходя на завод, первым делом шел в цех к Анатолию Ивановичу, хотя и сам все на заводе знал, как свои пять пальцев.

Все было, когда-то было... Нетрудно догадаться, что, когда "завод стал валиться", Худоерно оназался за его проходной.

И даже это — еще только пролог.

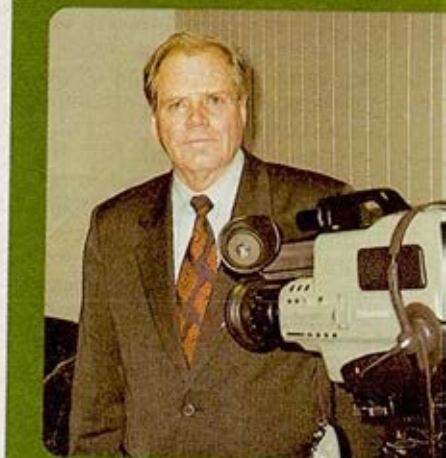
ЕЩЕ ИДУТ СТАРИЙНЫЕ ЧАСЫ

Часы идут, дни бегут, а годы, наши годы, действительно, как

птицы летят... Сначала думаешь, что все еще впереди, но не успеешь оглянуться, как окажется, что время уже ушло, силы потрачены на организацию производства, отправленного новым временем в нокаут, все самое лучшее — возведенные "с нуля" цеха, победы в соцсоревнованиях, дружба с министрами — все уже минуло...

Недавно узнала о любопытном исследовании питерских социологов под руководством Нуанышбека Муздыбаева. Они предложили разным людям выбрать одно из таких суждений: "мое время ушло", "время, в которое мы сейчас живем — это мое время", "мое время еще не пришло". Оказалось, что большинство из нас не умеют жить реалиями сегодняшней жизни, сегодняшнего дня. Мы либо пытаемся убежать в прошлое (едва ли не треть опрошенных считают, что их "время уже ушло"), либо вообще не находим себе места ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

Я долго пыталась понять, как Лена Логунова и Наталья Наумова, Анатолий Худоерно и Любовь Булах, Валентина Шевчук и Альберт Норобской, Ольга Павлычева и Максим Мурзинов, которых я встретила в Краснодаре, оказались в одной команде. По воле какого случая таких разных людей волной жизни прибило друг к другу? Что общего между ними — желание не пропасть поодиночке? Способность начать даже не "с нуля" — "с минуса"? А, может, просто сегодня — их время? Даже не так. Просто они сами не отказались от настоящего времени в угоду прошлому или будущему и вопреки логике полагают, что их время не ушло.

Анатолий Худоерно.

...В начале девяностых Анатолий Иванович оказался в сфере бытового обслуживания — занимался ремонтом телерадиоаппаратуры. Помните, в Советском Союзе были такие "...быттехники". Кубанская крайрадиобыттехнина, как и везде, превратилась в производственное объединение — "Фотон". Худоерно стал там главным инженером. Там же работал электронщиком-настройщиком Валерий Васильевич Павленко. На новые времена они не ворчали, а соображали, как деньги заработать, чтобы в новую жизнь вписаться. Появилось кабельное телевидение — они с готовностью взялись за монтаж оборудования для него в Краснодаре. Но морочки оказалось — выше крыши, а прибыль — копейки.

Что же делать? Новое время давало другой бесприоритетный рецепт — торговля. Его по достоинству оценила вся страна — от челноков до предприятий бытового обслуживания, перешедших от ремонта телевизоров к их прода-

же. Так что же — открыть магазин, булочную или, на худой конец, ларек? А что если открыть телерадиокомпанию? Говорят, хороший бизнес.

К счастью, рядом не онаялось умного человека, который популярно объяснил бы, что затея с телерадиокомпанией — бред, пустая трата времени и сил, что получение лицензии на производство программ и вещание — гиблое дело, и, главное, что ремонт даже телевизоров — это еще далеко не телевидение.

Кому-то из восточных мудрецов принадлежит мысль: "Если ты овладел одной профессией, значит овладел и всеми остальными". В самом деле, ведь умен не тот, кто учится на чужих ошибках, а не на своих, а тот, кто — учится. Если это так, то Худоерко, который научился создавать с нуля цеха для выпуска оборудования, о котором раньше понятия не имел, сумеет и телерадиокомпанию открыть на ровном месте? Ведь мы бы не удивились, открыл он магазин, хотя ни Худоерко, ни Павленко и не специалисты в торговле. (Нак и в журналистике — напомним в снобках.)

На получение лицензий на производство передач и вещание на восьмом частотном канале 22 часа в сутки ушло почти... пять лет. Телерадиокомпания "Фотон" родилась в 95-ом в составе ПО "Фотон" — как его структура.

В РОЛИ "ОСТАНКИНО" — СТАДИОН

Анатолий Иванович подводит меня к окну: "Во-о-он видите осветительную вышку на стадионе "Кубань"? На эту вышку мы и затащили передатчик". Так вот, значит,

как выглядит местная Останкинская башня. Рассказывают, в холода там что-то клинило и один из отцов-основателей телерадиокомпания Валерий Васильевич Павленко сам все ремонтировал. А Анатолий Иванович возил "на своем горбу" сломавшийся передатчик на завод в Новосибирск. К кубанцам вполне лояльно отнеслись и суровые дежурные в московском метро, когда Худоерко с Людмилой Никитичной Гребенюк спускались по эскалатору, обвешанные осветительными лампами для телестудии и авоськами с видеонасестами. Особенно хорошо, наверное, смотрелась тренога для видеонамеры, на манер дамской сумочки подвешенная на веревочке через женское плечо. Из каждой поездки в столицу они тащили на себе столько добра для родного детища — "Фотона", что оставляли домашних даже без символических московских гостинцев.

— Сначала была "пустая земля" и даже без изгороди, — рассказывает главный редактор, одна из "матерей-основательниц" телерадиоканала, как она шутит, Людмила Гребенюк. — Вместо четного изображения на нашем канале — слабые очертания фигур. Из пяти лет у нас два года ушли на "техническое становление". Я пришла в мае 96-го, когда телерадиокомпания уже год работала в качестве подразделения ПО "Фотон". Пришла и увидела... бесперспективность канала. Надо вкладывать деньги в развитие телерадиокомпания, а если не засеять землю, то что ж ожидать урожая? Ведь не было даже видеонамеры. Кому и чем снимать, на чем монтировать передачи? Канал имел всего два видеомонитора — оба, естественно,

на выпуске: одна видеонассета идет в эфир, а вторая ждет — ей на смену.

Они отремонтировали полузаброшенное здание у стадиона "Кубань". Здесь было столько мусора, что женщины даже ломали каблуки в помещении будущей студии прямого эфира. "Отцы-основатели" работали и за столяров-плотников, и за элентринов, и за уборщиц, и за юристов. А еще все это время ТРК "Фотон" исправно выходила в эфир, как здесь говорят, они вещали, хотя "вещали" и забавно звучит.

Они ведь не знали, что невозможно делать телевидение без видеокamera, монтажного стола (не

Людмила Гребенок.

говоря уж об отсутствии операторов, журналистов...). "Отцам-основателям" повезло — им никто не объяснил, что талантливых людей, умеющих делать ТВ и в Москве-то — днем с огнем, а уж на Кубани...

Как же у них получилось?

ПОПРОСИТЕ — И ВАМ ПОМОГУТ

Знаменитый итальянский психолог Антонио Менегетти советует руководителям опираться не на тех, кто их любит, кто им беззаветно предан, а на тех, кто их... использует для собственного рос-

та — это бесприоритетный путь к успеху и процветанию фирмы. На "Фотоне", не подозревая о рецепте знаменитости, на практике доказали его действенность.

Главный редактор "Фотона" обезоруживает искренним признанием, что вообще-то она — "больше газетчик", чем телевизионщик, да и в газетах в свое время работала, как сейчас принято говорить, менеджером. Но, видимо, когда человек готов учиться, его недостатки легко превращаются в достоинства. Вот и отсутствие большого опыта работы в телевизионной журналистике у "верхушки" телеконпании странным образом порой превращается в ее преимущество. По крайней мере профессиональный апломб и презрение к кустарям не висят тяжким грузом предвзятости над этими людьми.

Они просто оглянулись и увидели, что очень много способных ребят хотят сделать что-то для телевидения, но у них нет опыта, знаний, они не знают — где и как? Если даже опытный телевизионщик с большим стажем, режиссер высшей категории с республиканского телевидения в Ашхабаде Любовь Сергеевна Булах, попав волею судьбы в Краснодар, не смогла найти работу на государственном телевидении, то что говорить о начинающих ребятах, бредящих съемками? Многие творческие группы, мечтавшие попасть "в телевизор", в отличие от "Фотона", имели даже видеонамеры, монтажные столы, но талант этих энтузиастов, их желание работать оставались невостребованными. Новорожденная телеконпания обратилась к ним за помощью. И "Фотону" дали все.

Главный редактор звонила мало-знакомым людям: "Можно взять намеру?" — "Нет проблем". "А, может, у вас и оператор есть?" — "Есть". Они монтировали сюжеты у кого-то дома, едва ли не на кухне, а бездомные операторы порой работали в еще не приведенном в порядок помещении "Фотона". Так — чужими силами, чужими руками новая телекомпания заполняла эфир. Талантливые ребята получили возможность приобрести опыт, неприкаянные творческие группы помогли сделать теленал, а он, в свою очередь, стал той благодатной почвой, тем гумусом, который позволил им встать на ноги, обрести собственное творческое лицо.

Теперь у "Фотона" есть свои журналисты, операторы и видеоинженеры.

— Мы мягко лепим профессионалов из молодых ребят, — рассказывает Людмила Гребенюк. — Мы вырастили несколько операторов, которые пришли к нам, не имея элементарного представления о том, что такое монтаж программ. Но нередко случается так, что люди начинают что-то уметь и мы становимся им не нужны, они уходят туда, где больше платят.

Обижаться тут глупо и непродуктивно. Нефункционально, как, наверное, сказал бы Антонио Менегетти. Обиженными полны очереди на биржи труда во всем мире и в очередях за бесплатными обедами их, обиженных, — пруд пруди. Но я ничего этого не сказала Людмиле Нинитичне. Она и без меня понимает, что теперь уже телекомпании надо тянуться за ними: за видеооператором, который начнет права, забыв о том, как с ним месяц сидели на выпуске про-

грамм, обучая мастерству; за журналистами, не желающими "приносить в клювике" коммерческие сюжеты вместо творческих полетов... Когда люди (и телекомпания) растут, у них возникают проблемы. Иногда их называют проблемами роста. А никаких противоречий нет только в болоте — булькнет и затянет. И не поспоришь. Здесь же спорят. И даже с "самим" Худоерко.

— На меня не давят, — рассказывает Лена Логунова. — Пусть что-то во мне кому-то и не нравится, но когда решается серьезный вопрос — у меня тоже есть голос. И этот голос учитывается. Даже если на меня жмут в определенных вещах, то оставляют мне возможность делать то, что мне нравится.

Нетрудно догадаться, что под "определенными вещами" подразумевается необходимость искать коммерческие сюжеты — искать деньги, увязывать творчество с экономикой.

ТВОРИТЬ ИЛИ ЗАРАБАТЫВАТЬ?

В крае можно поймать и ставропольские, и ростовские теленалы, а на черноморском побережье — даже турецкие развлекательные программы. Местных телеканалов — тринадцать, половина из них — метровые. В гостинице "Москва", где я остановилась, старенький "Рекорд" очень мутно ловил четыре программы: три московских — ОРТ, РТВ, ТНТ и "Фотон". Пригладевшись к мутному экрану, я поняла, что ТНТ "формально" программа... местная. Дело в том, что ее ретранслирует одна из краснодарских телекомпаний — ее "лэйбл" светится в углу экрана.

— "Фотон" — единственный в городе канал, который принципиально против того, чтобы региональное телевидение превращалось в ретранслятора московских каналов, — утверждает Людмила Гребенюк. — Сегодня у нас практически все ретранслируют Москву. Даже маленькая телекомпания с четырьмя часами вещания в день умудряется в это время вставлять московскую программу. А мы с первого дня решили, что будем развивать собственное вещание на собственной технической базе. Это принципиально. Да, мы сотрудничаем с другой телекомпанией, которую можно увидеть на нашем канале, но это местные люди — ТРК "Екатеринодар". "Фотон" не будет ретранслятором московских программ. Мы хотим показывать краснодарские лица.

По словам Анатолия Худоерно, "Фотон" неоднократно пытались вовлечь в какие-то холдинги, увлечь политическими играми. А уж подобных игр здесь, как и везде: играй — не хочу. Достаточно упомянуть только одну ситуацию, но весьма показательную. Передачи телекомпании Кубань-РТВ, созданной больше года назад под патронажем губернатора, видно действительно от Парижа до Находки. О чем и сообщают русские эмигранты из Парижа. Говорят, интересные есть программы. Однако их нельзя увидеть в... Краснодаре. И дело здесь отнюдь не в советских телевизорах или плохих передатчиках. С ними, с передатчиками, дело обстоит как раз очень здорово. Проблема в другом. У телекомпании нет лицензии на вещание на Краснодар. Ее частота отдана одному из московских

каналов, который никак не собирается с силами освоить это поле. До декабрьских выборов (а выбрали, если помните, губернатора, мэра и депутатов в местные органы власти) на Кубани только ленивый не обсуждал противостояние между тогдашними мэром и губернатором — мол, наверное, из-за этого в Краснодар и "не пуцают" губернаторское телевидение. Оно и понятно: нынче ведь любое телевидение — "что-то".

"Фотон" же вот уже шестой год плавает сам по себе. Ничейный канал — в смысле неполитический, независимый ни от чьего влияния. А стало быть никто его и не подкармливает. Пока "Фотон" зарабатывает себе на хлеб сам. А его "хлеб" — это и новая телестудия прямого эфира, и новая цифровая видеонамера, и оптоволоконный кабель, протянутый непосредственно к телецентру (передатчик на осветительной вышке стадиона уже ушел в историю).

Жизнеспособность телекомпании здесь меряют не рейтингами, а рублями. Что, согласитесь, вполне логично, хотя и... несколько коробит. Но с фактами не поспоришь. А факт прост: "Фотон" живет. В 1999 году телекомпания перечислила только на выплату дивидендов по акциям своему соучредителю — ПО "Фотон" 140 тысяч рублей. По словам главного инженера ПО Сергея Владимировича Терпельца, телекомпания — единственная из всех дочерних предприятий ПО приносит прибыль. Отношения телеканала с держателем контрольного пакета акций — отдельная песня и отдельная тема. Оно и понятно: когда курочка начинает нести золо-

тые яйца, у старина со старухой не всегда хватает мудрости не прирезать ее, чтобы вытащить их все.

Говорят, не раз и не два приезжали сюда столичные купцы, пытавшиеся купить "Фотон" на корню — технические возможности канала теперь, когда он встал на ноги, стоят того.

— Конечно, можно продать канал и на этом нажиться, — рассуждают в телекомпании. — Но то, что в Краснодаре появится еще один ретранслятор московских программ, пользы не принесет. Мы ратуем за дальнейшее развитие телеканала. Мы вытащили его на собственном горбу, за нами — те творческие группы, с которыми мы сотрудничаем. Если завтра нас здесь не будет — их программы уйдут с канала.

ОЛЯ, ЛЕНА, НАТАША...

Когда на "Фотоне" мне жаловались на жизнь и на начальство (а как без этого?), я не переставала удивляться: "Что же вас здесь держит?" В ответ неизменно слышала порой растерянное, порой обреченное: "Здесь все — родные", "это уже почти родня". Именно здесь, в этих далеко не идеальных условиях, под руководством директора, который тридцать пять лет провел не в телестудиях среди людей раскованных профессий, а в заводских цехах, именно здесь для многих начался новый, далеко не худший этап жизни.

У каждого был свой путь в "Фотон". Например, будущий видеоинженер Денис Сергиенко зашел в этот дом ...погреться. В течение следующих сорока минут Наталья Наумова рассказывала ему, как ин-

тересно делать телевидение. А у нее дар убеждать людей. Сама Наталья Ивановна к тому времени уже нашла свою тропинку, и тут действительно не обошлось без мистики. Говорит, она встретила ясновидящего, который "всех врагов превратил в друзей", который стал для нее животворным глотком воздуха. Учителем, насколько я поняла. Впрочем, и урок, извлеченный ею самостоятельно из работы в милиции, вполне достоин телеведущей: "Лишних слов не говорить. Каждая фраза с другой связана и одно слово может убить".

Лена Логунова "попала в телевизор после развода": работа стала для нее всем — и ленаством, и ядом, и смыслом жизни. Наверное, она и ночевала бы в студии, если бы не необходимость кормить кота. Того самого, который Клавдий Тиберий Друс.

Любовь Булах после смерти мужа продала за бесценок квартиру в Ашхабаде и приехала сюда к дочери, которая в Краснодаре вышла замуж. У дочери уже и ребеночек родился, второго надумала, а зять — учитель, так что никакой тебе "жилищной перспективы". Надо сказать, работа на коммерческой телекомпании поначалу Любови Сергеевне показалась кошмаром — любительские камеры, ни ассистентов режиссера, ни работников сцены, которые таскают мебель, ни профессиональных операторов... Сейчас ей все это кажется забавным. Забавляет не отсутствие гримера и помрежа, веселит собственное недоумение по этому поводу. Помаялась она, помаялась да и купила на вырученные от продажи квартиры деньги (не деньги — слезы!) недостроенный домин — "коробна" называется — семь на во-

семь и четыре сотни. Теперь все деньги туда с родственниками вбухивают, уже первый этаж освоили.

А еще Любовь Сергеевна выдала Лену Логунову замуж за иностранца. Ее Нолька — с Украины. Вот Любовь Булах всякие там бумаги-законы освоила и обо всем договорилась, чтобы Лену с Колей в России расписали. Кстати, когда Лена с ним познакомилась, об этом немедленно узнала вся телекомпания — все же здесь "почти родня". Дело было так. "Я после очередного субботнего эфира шла жутно злая по Красной, — рассказывает Лена. — А там была какая-то молодежная тусовка, музыканты что-то играли, народ толпился вокруг. Я увидела молодого человека и поняла, что это — мое... Я минут сорок стояла, сверля его глазами, но он не обращал на меня ни малейшего внимания. Тогда я подошла и поздоровалась. Он ответил: "Здравствуйте". Я спросила: "Вы кого-нибудь ждете или скучаете в одиночестве?" — "Скучаю". Тогда я спросила: "Как насчет новых знакомств?" Он ответил: "Не против." "Лена" — "Ноля". Я сказала: "Пойдемте отсюда, здесь слишком шумно". Мы пошли в ближайшее кафе. Потом сели в трамвай, приехали ко мне, он у меня остался и больше не уходил".

На следующий день коллеги с "Фотона" пошли с Еленой на свидание — это смотрины такие она устроила своему Николаю. Друзья одобрили.

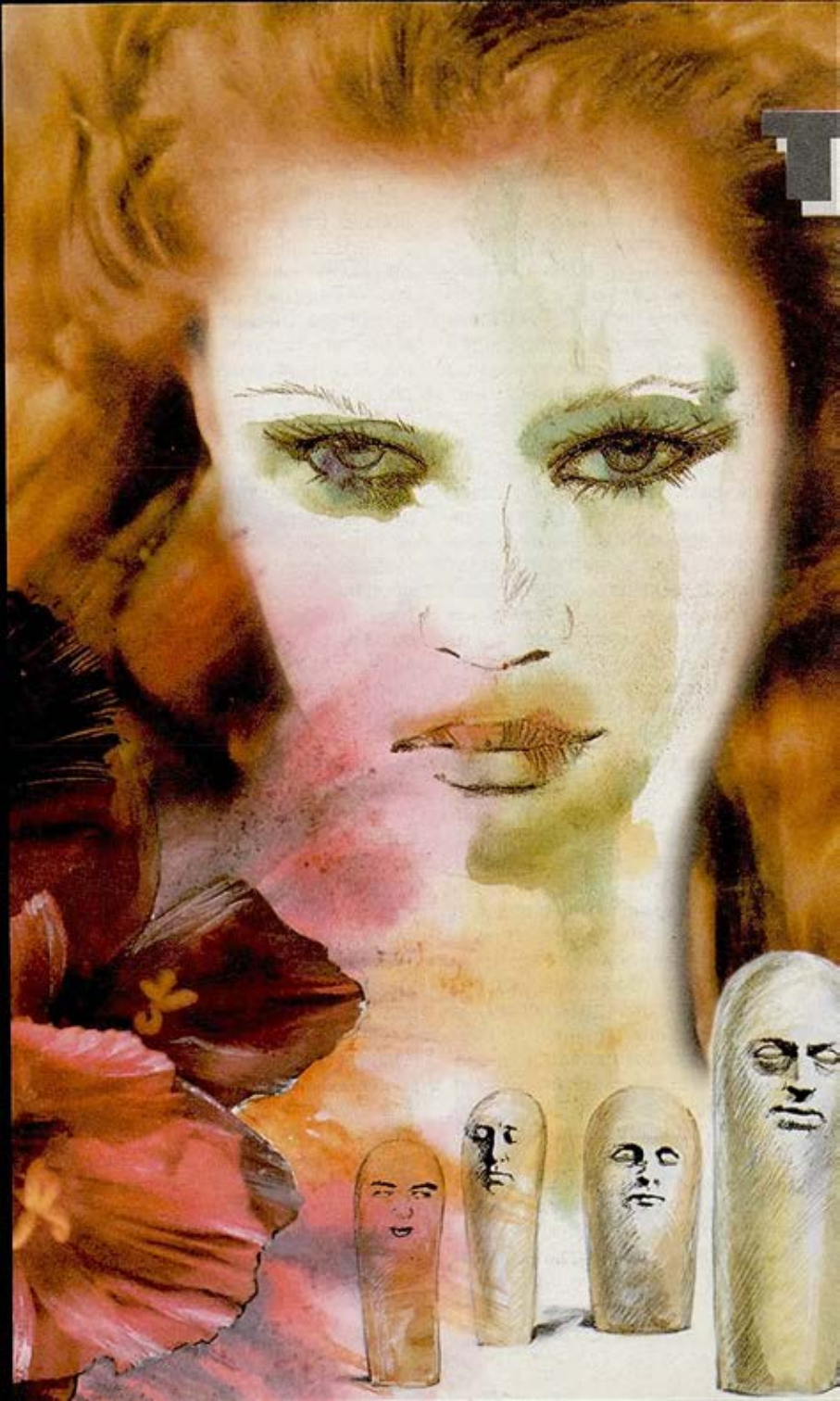
— Я подала плохой пример, — смеется Елена Логунова. — Теперь некоторые представители мужской половины нашей компании ждут, что женщины сами к ним подойдут, сами познакомятся и увлекут их в светлое будущее.

После этой истории я как-то особенно верю рассказам о том, как они все изменились за последнее время — время нашей новейшей истории.

— Раньше я была другим человеком, — уверена Наталья Наумова. — Раньше у меня были такие приоритеты: карьера, достаток, замужество. Когда я потеряла государство, которое стояло за спиной и защищало. Теперь мне без этого не страшно.

— Я раньше была женщина такая измененная, холеная, у меня всегда были дорогие духи, модные шмотки, я выбирала разное золото под разные наряды, — хохочет Любовь Булах. — Теперь я все распродала, серезни-колечки как лом в скупку сдала. То дочка рожала — деньги были нужны, то надо было срочно рамы в доме остеклить. Нет, мне ушедшего нисколечки не жалко. Я раньше сама не жила. Раньше за меня все кто-то решал. Жила как в золотой клетке. В золотой, но — клетке. Я думала, что никогда не смогу зарабатывать деньги. А теперь я все могу.

Уже стало общим местом ворчать на новые времена, жаловаться на жизнь, на Чубайса с Гайдаром, Ельцина с Жириновским или кто там еще у нас на повестке дня? Но вот она, рядовая коммерческая фирма, из "современных". Куда уж современнее — и по дате рождения, и по профилю работы. Что станется с ними со всеми? Главное, по-моему, — их уже не съест. Даже поодиночке. Главное — они могут "подойти и увлечь в светлое будущее", не обращая внимания на чьи бы то ни было попытки увлечь нас в прекрасное прошлое. ■

Тетя Эдит

Гэри БРАНДНЕР

Руки Скипа вжались в бока, ноги слиплись друг с другом, тело закаменело. Его несли к зеву пещеры, темной, влажной, таинственной. Он пытался заговорить, крикнуть, но ни звука не вырвалось из сдавленной груди. Ни единого звука.

Тремя часами раньше Скип сидел за рулем своего "БМВ", рядом с очаровательной блондинкой. Одна рука обнимала девушку за плечи, вторая лежала над верхним полукружьем юной груди. Он мотнул головой в сторону чистенького, выкрашенного белой краской коттеджа, расположенного в глубине участка, подальше от тротуара:

— Значит, вот где живет тетя Эдит. Я-то ожидал увидеть замок Дракулы.

Девушка грациозным движением головы отбросила назад длинные волосы.

— Ты так говоришь, потому что наслушался всяких историй о моей тете.

— Да уж, если исходить из того, что я слышал, на милую старушку она не тянет, — кивнул Скип. — Никто не знает, что происходит за этими стенами, но версии выдвигаются прелюбопытные. Некоторые говорят, что эта дама занимается колдовством, воскрешает мертвых, что она — вампир и спит в гробу. — Он улыбнулся. — Моя гипотеза — твоя тетя создает чудище из подручных материалов. А чем она в действительности занимается, Одри?

Девушка нервно хохотнула.

— Над этим не стоит смеяться. Тетя Эдит, может, не совсем... такая, как мы, но она — моя единственная родственница. Родителей я потеряла в детстве, и она всегда была очень добра ко мне.

— Насколько мне известно, твой отец оставил тете Эдит приличные деньги, чтобы ты видела от нее только добро. Во всяком случае, пока тебе не исполнится двадцать один год и ты не вступишь в права наследницы.

— Ты многое обо мне знаешь.

Он вновь улыбнулся.

— Я работаю в банке, помнишь? И когда вижу, как твоя тетька сорит принадлежащими тебе деньгами, мне это не нравится.

— Скип, ты несправедлив.

— Слушай, я просто пошутил. Не принимай мои слова всерьез.

Взгляд ее огромных синих глаз замер на его лице.

— Дело не в деньгах, не так ли? Тебя привлекли ко мне не деньги?

— Дорогая, ты же знаешь, что нет. Я люблю тебя и хочу на тебе жениться. Неужели я выгляжу подонком, который мечтает обратиться до твоих денег?

— Нет, но скажи мне еще раз, что влечет тебя ко мне.

Скип прижал ее к груди, зарылся носом в белокурые волосы.

— Я люблю тебя, потому что ты молодая, красивая, веселая и сексуальная. Я бы женился на тебе, даже если б у тебя не было ни цента. Тогда, по крайней мере, мы начнем на равных.

При этих словах рука Скипа сильнее сжала девичью грудь. Он почувствовал, как под пальцами набух сосок.

Одри выпятила грудь.

— Дорогой, я тебе верю. И очень надеюсь, что ты поладишь с тетей Эдит. Она должна одобрить мой выбор, это очень важно. Потому что еще два года, пока мне не исполнится двадцать один, она будет распоряжаться моими деньгами.

— Поверь мне. — Он говорил, а его рука делала свое дело. — Я знаю. Не волнуйся... с дамами в возрасте я всегда нахожу общий язык. Они видят во мне сына.

Его рука уже спустилась пониже живота, нырнула в брючки Одри. Она чуть повернулась, облегчая путь пальцам Скипа.

— Я вибрирую, как скрипичная струна, — прошептала Одри.

С видимой неохотой Скип убрал руку.

— Концерт отложим на потом. А сейчас нам лучше пойти к тете.

Одри долго сидела, откинувшись на спинку сиденья и глубоко дыша.

— Господи! Если б твоя рука провела там еще минуту, я бы плевать хотела и на тетю Одри, и на весь этот чертов город. Пусть приходят и смотрят, чем мы тут занимаемся. — На мгновение она закрыла глаза, затем вновь посмотрела на Скипа. — Но ты прав, дорогой. Надо идти.

По тропинке, усыпанной ракушечником, они зашагали к двери коттеджа. Из-за портьер пробивался приятный оранжевый свет. Одри открыла дверь ключом, и они переступили порог.

Их встретил запах сандалового дерева и восточных благовоний. Скип оглядел тесную, плотно заставленную гостиную. Очень уж она напоминала салон оккультных наук: везде знаки зодиака, не знакомые ему руны — на висящих на стенах табличках, тарелках, подушках, даже на ковре. Бутылочки из цветного стекла, керамические фигурки, странные картины, деревянные маски. С трапеции им ухмылялось чучело обезьянки.

Скип продолжал осмотр, пока его взгляд не остановился на шести выстроенных в ряд на каминной доске высоких статуэтках. Он нахмурился, стараясь понять, почему они кажутся ему такими знакомыми. Громко рассмеялся, когда до него дошло, что они ему напоминают.

— Слушай, ты знаешь, на что это похоже?

Одри покраснела, опустила глаза.

— Да, знаю, но я тут ни при чем. Их делает тетя Эдит. Такое у нее хобби. Тетя Эдит очень талантлива. Она делает их из особой пластмассы. Хочешь пощупать, какая она на ощупь?

— Нет, благодарю, — быстро отказался Скип. — Похоже, тетушка у тебя — большой оригинал. Не удивительно, что о ней чего только не говорят.

— Ш-ш-ш, она идет.

— Это ты, Одри?

Громкий, энергичный голос никак не мог принадлежать старушке. А когда тетя Одри вошла в гостиную, у Скипа просто отпала челюсть.

И было от чего. Высокая, стройная, с медными волосами, ниспадающими на великолепные плечи. Кремовая кожа без единой морщинки или почечной бляшки. Вечернее золотистобелое платье, подчеркивающее высокую грудь, облегающее тонкую талию, выставляющее в лучшем свете округлость бедер.

Откуда-то издалека до Скипа донеслись слова Одри:

— Тетя Эдит, это Скип Дайл, о котором я тебе говорила. Скип, это моя тетя, мисс Эдит Калдерон.

— Добрый день, мистер Дайл. — В устах женщины его фамилия звучала, как музыка. Легкая улыбка заиграла у нее на губах.

Скипу пришлось шумно сглотнуть слюну, чтобы вернуть себе дар речи.

— Привет. Пожалуйста, зовите меня Скип.

— С удовольствием. — Озорная искорка мелькнула в глазах цвета морской волны. — Пожалуйста, прошу к столу. Я приготовила уху. Это мое фирменное блюдо.

— И мое любимое, — пробормотал Скип.

Тетя Эдит шагнула к нему, взяла за руку и повела в столовую. От ее прикосновения его словно ударило электрическим током.

Пока они сидели за столом, Скип с немалым трудом заставлял себя уделять хоть минимум внимания своей невесте, настолько доминирующей была аура тети Эдит. А когда она прошла мимо него на кухню, как бы невзначай задев обтянутым шелком бедром за плечо, он почувствовал прилив желания.

По ходу неспешной беседы Скип поделился с рыжеволосой женщиной своими впечатлениями.

— У вас в гостиной столько необычных вещей.

— Да, вы правы. В большинстве своем они имеют отношение к моей профессии. Я — ведьма, знаете ли. Полагаю, вы слышали обо мне немало историй.

— Каких только глупостей о вас не говорят. — Скип улыбнулся, давая понять, что он выше городских сплетен.

— Возможно, некоторые из этих историй правдивы, — возразила тетя Эдит.

Тут в разговор вмешалась Одри, изрядно удивив Скипа: он просто забыл о ее присутствии.

— Пожалуйста, тетя Эдит, разве мы не можем обойтись без разговоров о колдовстве?

— Разумеется, можем, если они тебе неприятны, — согласилась тетя Эдит.

— Слушай, а мне так интересно. — Скип широко улыбнулся и огляделся: — Правда, я не вижу метлы.

— Полеты на метле — не мой профиль, — пояснила тетя Эдит.

— А у ведьм существует специализация?

— Конечно. Есть, разумеется, и практикующие универсалы, но оккультные знания очень уж обширны. Вершков они понахватались, а проку от этого — чуть.

Скип наклонился вперед, его глаза не отрывались от роскошной груди, готовой разорвать обтягивающий ее шелк.

— А на чем вы специализируетесь, тетя Эдит?

Она улыбнулась.

— На переносе душ.

Скип ожидал продолжения, но, поскольку тетя Эдит молчала, задал новый вопрос:

— То есть вы можете вынуть душу из чьего-то тела и перенести куда-то еще?

— В принципе, да.

— Кому-то при этом приходится туго, — заметил Скип. — Я про того, кто остается без души.

— Скип, тут вы абсолютно правы. — Тетя Эдит повернулась к племяннице. — Одри, боюсь, нам нечего выпить после обеда. Тебя не затруднит сходить в магазин и принести бутылку “Хен-неси”? Вы пьете коньяк, Скип?

— Конечно. Послушайте, я же могу съездить туда. Мой автомобиль у дома.

— Нет, нет и нет. До магазина два шага. А мы пока сможем познакомиться поближе.

— Я схожу. — Одри поднялась. — После обеда приятно подышать свежим воздухом. А тетя Эдит о тебе позаботится.

Скип что-то пробормотал. Едва Одри скрылась за дверью, тетя Эдит обошла стол и остановилась рядом со Скипом.

— Не вернуться ли нам в гостиную?

У Скипа голова пошла кругом от тех интимных намеков, что слышались в ее голосе. Идущий от женщины аромат сандалового дерева сводил с ума. Когда он поднимался, его плечо наткнулось на упругость роскошной груди. Тетя Эдит и не подумала податься назад.

Какое-то время он не мог произнести ни слова, а потом спросил:

— Расскажите мне о переносе душ. Как вы это делаете?

Бок о бок они прошли в гостиную. Скипу казалось, что он чувствует идущий от женщины жар, хотя их тела не соприкасались.

— Процесс этот достаточно сложный, но главное в том, что существуют ситуации, когда душа человека выходит из-под защиты тела. В этот самый момент душу и можно украсть. В древности думали, что душа покидает тело, когда человек чихает. И мы до сих пор говорим “Будь здоров” или “Благослови тебя Бог”, когда кто-то чихает, чтобы отогнать злого духа, который может похитить душу бедняги.

Скип улыбнулся, посчитав сказанное шуткой, но лицо тети Эдит оставалось серьезным.

— При других обстоятельствах душа человека еще более уязвима на протяжении одной или двух секунд.

— Это очень интересно, — пробормотал Скип, хотя слова тети Эдит уже пролетали мимо его ушей. Она стояла лицом к нему, так близко, что он чувствовал биение ее сердца.

Пытаясь вернуть контроль над собой, Скип глубоко вдохнул и отвел глаза от роскошной груди. Взгляд его упал на статуэт-ки-столбики, выстроившиеся на каминной доске.

— Какие необычные безделушки.

Тетя Эдит пристально смотрела на него.

— Вам они нравятся?

— По правде говоря, не очень. Уж не знаю почему, но по коже бегут мурашки, когда я смотрю на них. Одри говорит, что вы делаете их сами.

— Да, одна еще не законченная, у меня в мастерской. Хотите взглянуть?

— Премного благодарен, но как-то не...

— Я не говорила вам, что под мастерскую я использую свою спальню?

— С другой стороны, почему не посмотреть?

— Действительно.

Тетя Эдит вернулась в столовую, направилась в коридор, уходящий в глубь дома. Скип следовал за ней, не отрывая голодного взгляда от плавного перекатывания ягодиц под ниспадающим на них шелком.

В спальне Скипа встретило многоцветье спиралей, которые, казалось, притягивали его к себе. За большой, застеленной алым покрывалом кроватью он увидел низкий круглый столик, а на нем такую же статуэтку, как и на каминной доске, только мертвую, потухшую.

— Как вам это нравится? — спросила тетя Эдит. Ее соски ткнулись ему в грудь.

Вот тут Скип утерял последние остатки самоконтроля. Он обнял женщину, начал гладить ее обнаженную спину дрожащими руками. Притянул к себе, впился ей в рот, почувствовал, как полные губы расходятся и ее теплый язычок, словно живое существо, обвиняет его язык.

Пальцы нашли застежку, расстегнули ее, вечернее платье упало на пол. Высокая женщина отступила на шаг, дабы он мог полюбоваться красотой ее тела. Непослушными пальцами Скип начал расстегивать ремень.

— Позволь мне. Ты ложись на кровать и расслабься.

Она развернула Скипа и увлекла к кровати, на которую он и улегся, не сводя глаз с золотистого тела тети Эдит. Ловко и быстро она раздела Скипа. Потом замерла, положив руку на его голый живот.

— Я должна спросить, Скип. А как же Одри?

Скипу потребовалось несколько секунд, чтобы понять, о чем она толкует.

— Одри — дитя, — сипло ответил он, дрожа от страсти. — Ты и я... мы другие. Мы взрослые. Мы нужны друг другу.

— Ты не боишься, что этим мы причиним ей боль?

Скип думал быстро. Ничего и никого он не желал больше, чем эту женщину.

— Ей нет нужды знать об этом. Мы все равно сможем пожениться. Ты будешь жить с нами. Мы сможем наслаждаться друг другом, оставляя Одри в полном неведении. С ее деньгами мы получим все, что захотим.

Тетя Эдит вздохнула.

— Именно это я и хотела от тебя услышать.

Ее голова упала, и медные волны волос накатились на живот и грудь Скипа. Его пальцы вцепились в алое покрывало, он входил в новый мир, мир невообразимых наслаждений.

Внезапно губы тети Эдит разомкнулись, она соскользнула на толстый оранжевый ковер у кровати, легла на спину и протянула руки к Скипу.

— Иди ко мне, мой любимый.

Дрожа от возбуждения, Скип скатился на упругую плоть женского тела. Одной рукой она умело направляла его, другой

поглаживала по спине. Скип с головой нырнул в водоворот страсти. И погружался в него все глубже и глубже. В момент невероятно сильного наслаждения он почувствовал, как его словно вывернули наизнанку, и на мгновение лишился тела. А потом все померкло.

Вернувшись, Одри нашла свою тетю в гостиной.

— Я принесла коньяк, — она подняла бумажный пакет. — Где Скип?

Тетя Эдит покачала головой и печально улыбнулась.

— Мне очень жаль, дорогая.

— Еще один?

— К сожалению.

— Ты испытала его?

— Как и остальные, он провалился.

— Тетя Эдит, неужели я так и не найду мужчину, который полюбит именно меня, а не мои деньги, и будет мне верен? — Одри обняла женщину, прижалась щекой к ее груди.

— Разумеется, найдешь, дорогая. — Тетя Эдит погладила девушку по волосам. — Дело лишь во времени. — Она улыбнулась. — А пока помни, Скип на что-то да сгодится.

— Это правда. — Девушка отступила на шаг, повернулась к каминной доске, где застыли семь статуэток.

— Ты хочешь взять его на эту ночь, тетя Эдит?

— Нет, дорогая, право первой ночи за тобой. По справедливости.

Одри подошла к камину, взяла последнюю в ряду статуэтку. Теплую, запульсировавшую при ее прикосновении.

— Спокойной ночи, тетя Эдит.

— Спокойной ночи, Одри. Наслаждайся.

Когда сознание вернулось, Скип понял, что не может пошевелиться. А когда первая волна паники спала, он перестал сопротивляться, позволил ввести себя головой вперед в теплый, влажный зев. Мягкие стены пещеры обжали его, лаская со всех сторон.

Такого не представишь себе и в страшном сне, подумал Скип, но с другой стороны, не так уж все и плохо. ■

*Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.*

“Теперь, Джульетта, ты можешь плакать...”

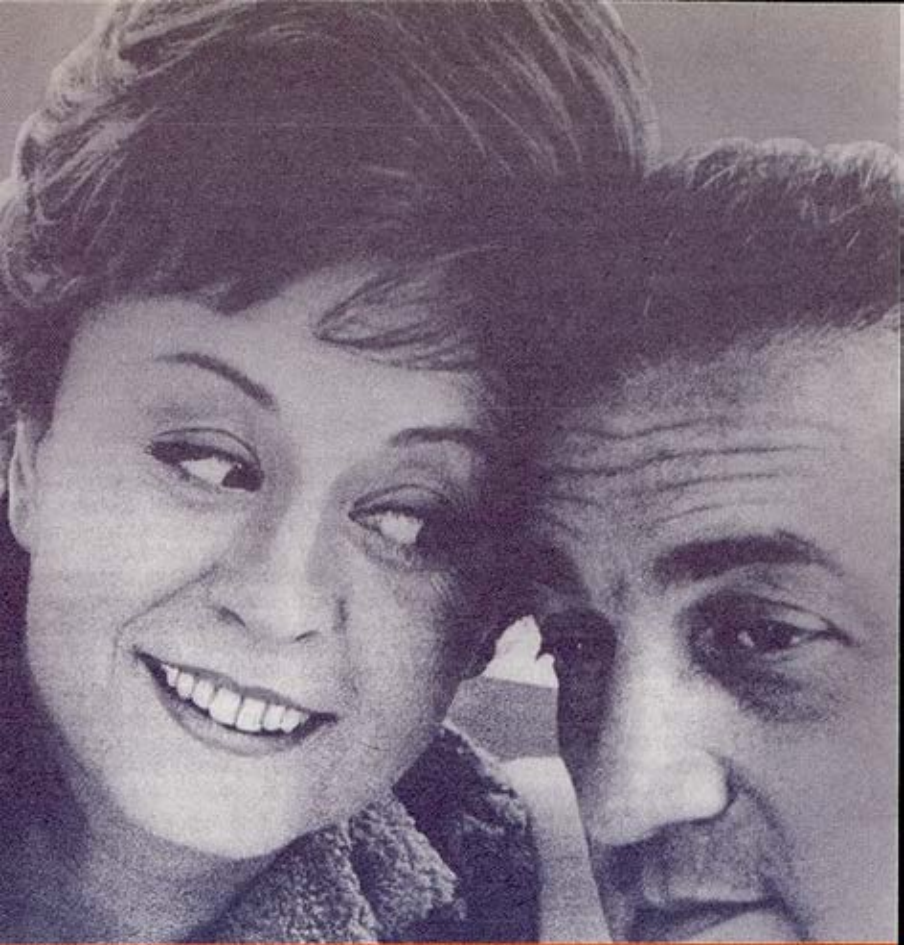
Неога скромное сельское кладбище в приморском местечке Римини в Италии — нынче объект паломничества туристов. Исторической достопримечательностью оно стало после того, как осенью 1993 года там был похоронен великий итальянский кинорежиссер Федерико Феллини, а спустя пять месяцев рядом легла его жена, Джульетта Мазина. Многие удивлялись тому, как быстро она ушла вслед за ним, восхищались силой любви, необычной для циничной современности, любви настолько сильной, что влюбленных не смог-

ла различить надолго даже смерть. Но почти все, кто посещает могилу в Римини, — даже кинематографисты, уверенные, что знают о Феллини все! — неизменно удивляются двум вещам: тому, что на надгробии четы Феллини не два, а три имени, и странной фразе, выбитой на камне внизу:

“Теперь, Джульетта, ты можешь плакать”.

Начало

Романтическим было не только имя Мазины — имя шекспировской героини, ставшей симво-

лом всепоглощающей любви, — романтической была сама история ее появления на свет. Отец Джульетты, Жетано Мазина, был талантливым виолончелистом, играл в оркестре и вполне довольствовался зарабатываемыми деньгами. Но ему случилось влюбиться в девушку из богатой семьи, а родители избранницы согласились принять его только при одном условии: он должен оставить музыку и работать на благо семейного бизнеса. Жетано очень любил свою Летицию и пожертвовал для нее любовью к музыке — пос-

ле женитьбы стал нассиром на фабрике минеральных удобрений.

Итальянцы — эмоциональный народ, и Жетано Мазина никогда не скрывал от семьи своих сожалений по поводу разбитой профессиональной карьеры. И его дочь Джульетта с самых первых лет жизни знала: настоящая любовь требует великих жертв и безграничного самоотречения. Она не представляла себе, что может быть как-то иначе.

Джульетта Мазина росла худенькой, выглядела младше своего возраста. Для Италии, где де-

вушки созревали рано, а красивые испокон веков считаются рослые женщины с пышными формами, она была просто-таки болезненно-неразвитой и очень некрасивой. Родители огорчались, таскали ее по врачам, возили на курорты. Но, к счастью, привить девочке комплекс неполноценности не удалось. Потому что у нее была тетя Джулия, рано овдовевшая и не имевшая своих детей... Тяга к искусству у нее выражалась в покровительстве все новым непризнанным талантам: художникам, поэтам, актерам, музыкантам. Джулия восхищалась своим зятем Жетано, пылко сопереживала его творческим страданиям. А разочаровавшись в Жетано, взялась за Джульетту. В маленькой замурышке тетя Джулия разглядела яркий актерский талант, о чем объявила всем — и прежде всего родителям. Она даже запретила отдавать Джульетту в школу, чтобы юную творческую натуру не травмировало столкновение с грубой реальностью — в лице сверстников. Собственно говоря, сверстников Джульетта практически и не знала. Она росла в окружении богемных друзей тетушки Джулии. И очень долго вообще не представляла себе, как это в жизни может быть иная цель, кроме служения искусству!

В четырнадцать лет Джульетта стала ведущей популярной детской передачи на радио. В восемнадцать ее пригласили в театр — тоже детский — на роль феи. Подвижная, миниатюрная, большеглазая, она была словно создана для того, чтобы играть феи. Спектакль имел успех. Театры наперебой стали приглашать Мазину — на роли сказочных созданий и маленьких зверьков. В результате за

один сезон она играла в пяти театрах, а популярность ее, как радиоведущей, только возросла. Конечно, не обошлось без помощи благодетельствованных тетей Джулией, а теперь ставших знаменитыми режиссеров, критиков, продюсеров, которые рекомендовали Джульетту и писали о ней хвалебные статьи... Любой успех вызывает зависть. О Джульетте Мазине недоброжелатели говорили, что, дескать, маленькая дурнушка обязана своим успехом только покровительству известных людей — но никак не таланту.

Верхом на урагане

Федерико Феллини вошел в жизнь Джульетты Мазины в 1943 году. Вернее, не вошел, а ворвался "верхом на урагане".

Ей было двадцать лет. Ему — двадцать три.

Он приехал в Рим из Римини за пять лет до их знакомства и за эти годы перепробовал множество профессий. Точнее сказать — не профессий, а способов самовыражаться и заработать немного денег: писал юморески для журнала "Марк Аурелио", комические сценки и сериалы для радио, рисовал карикатуры и шаржи — его талант был многогранен, но ничто не приносило Феллини искомого удовлетворения. В начале войны он написал сценарий "Моральдо в городе" — о предприимчивом провинциале, делающем карьеру в столице путем обольщения богатых и влиятельных женщин — и умудрился даже "пробить" постановку фильма, но... Начался всеобщий призыв в армию, а киностудия, на которой готовился к постановке первый фильм Феллини, перешла под начало сына Муссолини. И Фе-

дерину пришлось исчезнуть — от армии он скрывался всю войну.

Именно во время своего вынужденного безделья Федерико и познакомился с Джульеттой.

Поле окончания радиопередачи он ждал ее у выхода, назвался поклонником ее таланта, рассыпался в комплиментах, попросил автограф, проводил до машины, попросил фотографию — якобы для того, чтобы продемонстрировать продюсерам того фильма, в котором он собирается ее снимать, — а затем пригласил в ресторан.

Федерико очаровал Джульетту. Он умел так заигрывательно говорить, так вдохновенно рассказывать самые невероятные истории, как будто бы приключившиеся с ним. Он умел самому банальному происшествию придать оттенок приключения, а если за день не случалось ничего, достойного внимания, Федерико ничтоже сумняшеся придумывал...

Он вообще очень много фантазировал о себе и своей жизни. И Джульетта не сразу научилась отличать фантазии от реальности. Но, научившись, "включилась в игру".

Он говорил, что история любви его родителей ничуть не менее романтична, чем история любви родителей Джульетты — "как у Шекспира, Монтенки и Капулетти, только со счастливым финалом, любовь преодолела все преграды". Она соглашалась, хотя знала из его же собственных рассказов: отец Феллини обольстил его мать, дочку богатого торговца, в надежде заполучить деньги тестя и место в лавке... Еще Федерико говорил, что прочел в детстве три книги. Она соглашалась, хотя знала, что школьником он не расставался с книжками. Он говорил, что не-

навидел футбол и не умел играть. А сам был заядлым футболистом и не мог спойноно видеть, как мальчишки гоняют мяч — обязательно вступал в игру. Он говорил, что всегда плохо учился и едва не был исключен из школы за неуспеваемость. Тогда как на самом деле всегда был отличником и закончил школу с похвальным листом. Он любил предаваться воспоминаниям о путешествиях, которых никогда не случалось в его жизни, об обычаях стран, в которых никогда не был. Со временем она научилась добавлять кание-то новые подробности к его воспоминаниям: так, чтобы получалось, что эти путешествия они совершили вместе.

Поддержать Федерико в его фантазиях — это было наименьшей жертвой из тех, которые она готова была принести ради него, для него.

Через две недели знакомства с этим странным юношей в красном шарфе Джульетта была влюблена в него — и готова на все.

Через две недели знакомства они поселились на вилле тети Джулии.

"Не плачь, Джульетта!"

Они прожили вместе пять месяцев и обвенчались, только когда беременность Джульетты сделалась заметна... Федерико очень боялся контактов с властями — он все еще скрывался от призыва в действующую армию — и потому молодые ограничились церковным венчанием, без визита в мэрию.

Через три недели после венчания Джульетта потеряла своего первого ребенка — упала со стремянки, доставая что-то с верхних полок шкафа, ей всегда не хватало

роста... Джульетта очень переживала, но врач и тетя Джулия успокаивали: она ведь так молода, она здорова, будут другие дети! Федерико же в отношении случившегося проявил если не безразличие, то удивительную беспечность. Торопил ее: "Выздоровлявай скорее!" — словно это целиком и полностью зависело от ее желания. Рассказывал ей о своих новых грандиозных планах, устраивал в доме тети Джулии бесконечные вечеринки для своих друзей, и на всех этих вечеринках Джульетта должна была играть роль гостеприимной, а главной — веселой хозяйки.

Он уже тогда начал изменять ей. Он всегда говорил, что ему нравятся женщины рослые, крупные, с пышными формами и классическими лицами. Джульетта знала обо всех его изменах — от него самого. Он первый признавался в "проступке" и просил прощения. И о его влусах в части женской красоты Джульетта тоже знала... Но никогда не ревновала. Или — не показывала ревности. Она была уверена в его любви — в той возвышенной духовной любви, которая стоит над желаниями грешного тела. Или, возможно, слишком сильно любила сама...

Федерико всегда был уверен в своей гениальности и особом предназначении. Он легко критиковал великих, для него не существовало авторитетов, и он абсолютно не был способен пригибаться и совершать обходные маневры на пути к вожделенной цели. Он брал цель штурмом, а если штурм не давал результатов — отступал. Пока окружающий мир не признал в нем гения, подобная тактика не приносила положительных результатов. И тогда за дела взялась Джульетта.

Она устраивала в доме тети Джулии обеды для тех людей, которые могли быть полезны Федерико в его карьере, старалась сглаживать резность поведения Федерико своим аристократизмом. Даже если Федерико не являлся на эти обеды, оскорбленный необходимостью "лебезить перед всякими ничтожествами", Джульетта умудрялась так выстроить беседу, что к концу обеда приглашенные узнавали о Федерико больше, чем если бы он сидел за столом рядом с ними.

В 1945 году Джульетта подружилась с любимцем всей Италии — кинорежиссером Роберто Росселлини. Были и обеды, и прогулки по Риму, и беседы — "о чем угодно, только не о кино", как потом вспоминал Росселлини в одном из интервью. И, разумеется, она добилась своей цели: Росселлини пригласил Феллини сначала — ассистентом, потом — вторым режиссером, а через три года снял фильм по его сценарию. Позже Федерико Феллини признает, что Росселлини был для него не более, чем регулировщиком, с помощью которого он, великий Феллини, смог перейти улицу. И впервые в жизни Джульетта осмелится возразить ему: "Но и это — немало!"

Да, многие киноведы писали о том, что в 1945 году при поддержке Роберто Росселлини начался творческий путь великого Федерико Феллини.

Но даже из числа друзей Феллини и Мазини не все знали, что в том же году вторая беременность Джульетты закончилась мучительными, долгими родами, и на свет появился их сын — Пьетро Федерико Феллини — хиленький младенец, которому с самого начала врачи предсказали очень недолгую

жизнь. Джульетта, разумеется, не верила — да и какая мать поверила бы? — и надеялась, надеялась... Драгоценный, долгожданный крошка — всего две недели он прожил... Вскоре после родов врачи предупредили Джульетту, что детей у нее больше не будет.

Она была в отчаянии, а Федерико приходил со съемок возбужденный и только и мог говорить, что о новой своей любви: кинематографе.

Он говорил: "Не плачь, Джульетта, ведь у тебя есть я". И еще: "Зачем тебе дети, тебе хватит хлопот со мной".

И она старалась не плакать — в его присутствии. Обсуждала с ним все его сценарии. Ездилла выбирать натуру. Ездилла в съемочные экспедиции. Искала деньги для его проектов. Рассчитывала бюджет фильмов. Снова знакомилась с "нужными людьми" и старалась вызвать у них симпатию к Феллини. Тогда как Федерико был так беспечен, так доверчив, с легкостью нидал деньги на ветер, любил шин, безоглядно давал в долг друзьям... И он никогда не умел произвести хорошего впечатления на "нужных людей". Вернее, умел. Он умел быть очень аристократичным и обаятельным. Но — не хотел. И Джульетта понимала его в этом — как и во всем прочем.

Карнавал Феллини

Творческая карьера Федерико набирала обороты. В 1953 году он получил серебряный приз Венецианского фестиваля за фильм "Мамыны сынки". Через год — еще один за фильм "Дорога", где главную роль исполнила Джульетта Мазина. В 1956 году "Дорога" получила значительно более пре-

стижного американского "Оскара", и это означало мировое признание для них обоих. Через год — "Оскар" за "Ночи Кабирии", где главную роль опять же играла Джульетта.

Ей посыпались предложения от ведущих режиссеров и продюсеров Голливуда, она могла бы сделать блестящую актерскую карьеру, но отказалась: все ее время и весь талант принадлежали одному человеку — ее мужу. Если бы она оставила его, занялась собой — пусть даже не в личном плане, а в творческом — ему пришлось бы озаботиться снучными проблемами, которые всегда решала она, и, возможно, у него оставалось бы меньше сил и времени для творчества. Нет, подобное Джульетта сочла бы предательством. Ведь Федерико ненавидит обыденность и скуку, а бытовые проблемы его просто убивают... Жизнь для него всегда должна оставаться праздником, полетом, веселым карнавалом. Лишь тогда он сможет переносить часть своего карнавала на экран, для всех.

У гения всегда должна быть муза, которая станет верно служить ему, забывая о собственных желаниях и потребностях. У Феллини была Мазина, и благодаря ей он прожил весьма приятную и беспечную жизнь — в красивом мире своих фантазий. У него вообще все было красиво: творчество, награды, роскошные костюмы от лучших портных и еще более роскошные красные шарфы, к которым он питал пристрастие до самой смерти, и пышные застолья, и столь же пышные любовницы. Он считал себя человеком, способным на Поступок — потому что всегда мог позволить себе этот самый Поступок, потому что не был обессилен

столкновениями с жизненной прозой, потому что с нею вместо него всегда боролась Джульетта.

"Маленькая женщина с глазами потерявшейся собачки" — так говорил он о ней, а она не обижалась, улыбалась благодарно... У нее никогда не было драгоценностей и нарядов — как у других кинозвезд. Она говорила, что они ей не нужны, ведь они не сделают ее красивее. Будучи всемирно известной актрисой, женой великого режиссера, она всю жизнь экономила — чтобы Федерико мог позволить себе все, что он хотел себе позволить. Она мечтала о загородной вилле, но всю жизнь прожила в городской квартире, потому что Феллини нравилась городская жизнь. И каждое лето они ездили отдыхать в Римини — в его родные места, — потому что там его окутывали приятные воспоминания, вызывающие вдохновение... Климат Римини не очень-то подходил болезненной Джульетте, она всегда заболела и хворала еще некоторое время после возвращения. Но какое это имеет значение, если Римини действует вдохновляюще на маэстро?

Она могла бы сделать свою творческую карьеру. Но вместо этого делала карьеру для него. Она осталась актрисой четырех ролей — все в его фильмах... А он получил "Оскара" в 1963 — за "Восемь с половиной", в 1974 — за "Амаркорд", и потом еще почетный "Оскар" за вклад в киноискусство. Он принимал награды, а она плакала в зале, и он кричал ей в микрофон: "Джульетта, прекрати плакать!" — и все камеры направлялись на нее, а она продолжала плакать... От счастья за него? Или?..

Эпитафия

Джульетта всегда скрывала от мужа свои проблемы и свои недуги. Ее смертельная болезнь началась прежде его болезни. Но он очень долго не знал об этом. Чтобы не тревожить мужа, Джульетта лечилась амбулаторно, хотя врачи настоятельно советовали ей лечь в клинику. Она послушалась их советов только тогда, когда сам Феллини лежал в больнице, занедужив во время отпуска в Римини. Она сказала, что поедет в Рим по каким-то бытовым делам — и уехала, чтобы дать согласие на госпитализацию, но и узнать, что сделала это слишком поздно. Даже умирая, она продолжала бы скрывать свой недуг от него. Если бы один из общих друзей не проговорился случайно в письме: дескать, навещал Джульетту в больнице, она плохо выглядит...

Для Феллини это было как гром среди ясного неба. Он пришел в ужас, ведь Джульетта была для него — всем! Женой, матерью, подругой, советчицей, соавтором. Потерять все это в один миг он был не готов. И решился на очередной свой Поступок: потребовал машину, чтобы ехать к ней. Он поправлялся после операции, был слаб, ему нельзя было двигаться вообще, он мог умереть в дороге... Его умоляли хотя бы повременить. Но он настоял на своем — и выехал в тот же день, когда получил весть о ее болезни.

Потом они лежали в соседних палатах. Феллини выздоравливал. Джульетта была приговорена, но все-таки исхитрилась скрыть это от него, ведь, по прогнозам врачей, оставалось еще полтора или два года... Они выписались из больницы в один день, в конце октября 1993 года. Феллини поторопил врачей —

он хотел пышно отметить их золотую свадьбу, а больничная палата мало подходила для праздника.

В день пятидесятилетнего юбилея супружеской жизни — 31 октября — он настоял на том, чтобы пойти в ресторан, в тот самый ресторан, куда он пригласил ее в день их знакомства. Отчего-то Джульетте очень не хотелось идти. Хотелось провести этот день дома. Но она покорилась — нан и всегда... Задав в душе смутное предчувствие несчастья.

В ресторане она вдруг расплакалась. Феллини всегда сердился, когда она плакала. Но сейчас неожиданно мягко сказал: "Не плачь... Джельсомина". Он назвал Джульетту именем ее первой экранной героини. И это были его последние слова. Подали закуски, он начал с аппетитом есть, затем произошел сердечный приступ... Приехала "скорая", его отвезли в больницу, в ту самую, из которой выписали несколько дней назад, пытались спасти, но все оказалось бесполезно — он умер еще там, в ресторане.

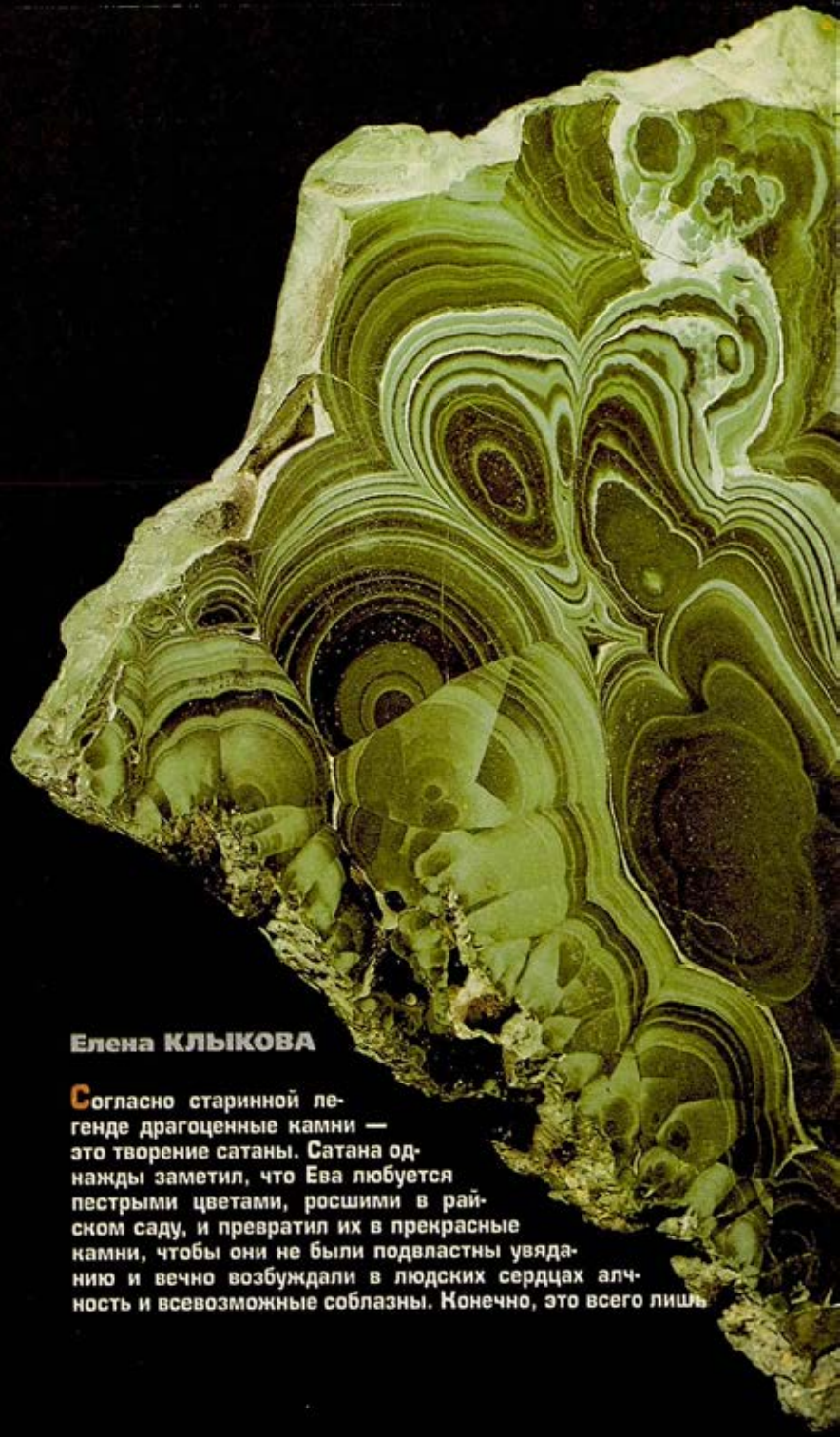
Говорили, что Феллини пережил свою славу. Его последние фильмы были неудачны. Критики писали, что он повторяет себя. И он говорил: "Мой зритель умер. Я — как самолет, который взлетел, а аэродрома нет". Но он все равно оставался любимцем Италии. На похороны Феллини пришли миллионы людей. Дорога от Рима к Римини была запружена машинами тех, кто решил проводить маэстро в последний путь.

На похоронах Джульетта не плакала. Робно улыбалась в ответ на соболезнования. Наверное, душой она была уже в ином мире — с теми любимыми, которых она

потеряла: с мужем и сыном. Они лежали рядом, на кладбище в Римини, а она не спешила заказывать надгробие — хотела, чтобы оно у них было общее.

В последние месяцы жизни ей пришлось перенести еще одно испытание: голландская писательница и актриса Розита Стейнбек опубликовала полупорнографическую книгу мемуаров "Виды любви", где в подробностях описала свой роман с Федерико Феллини. Правда, Феллини в этой книге был выведен под именем Марчелло Леони, но образ совпадал в мельчайших подробностях внешности и биографии, так что у читателей не оставалось сомнений в том, кто был прототипом... Возможно, книга имела бы некоторый скандальный успех, если бы Розита выбрала более удачное время для публикации. Но в душах итальянцев было живо еще чувство утраты, и еще жила — и умирала от любви и скорби — Джульетта Мазина. Голландка не снискала ожидаемой славы и вынуждена была уехать из Италии — здесь ее терроризировали даже уличные мальчишки, а официанты в ресторанах и продавцы в магазинах отзывались обслуживать. Но Джульетте откровения Розиты Стейнбек наверняка причинили боль — совершенно лишнюю теперь, когда все ее существо состояло из одной лишь боли, душевной и телесной.

Когда она умерла, их с Феллини общий друг, Тонино Гуэрра, установил надгробие над их могилкой, и на плите, помимо имен и дат, приказал выбить фразу, которая удивляет любопытных туристов, не слишком-то знакомых с творческой и личной биографией гениального режиссера: "Теперь, Джульетта, ты можешь плакать..." ■

Елена КЛЫКОВА

Согласно старинной легенде драгоценные камни — это творение сатаны. Сатана однажды заметил, что Ева любит пестрыми цветами, росшими в райском саду, и превратил их в прекрасные камни, чтобы они не были подвластны увяданию и вечно возбуждали в людских сердцах алчность и всевозможные соблазны. Конечно, это всего лишь

*Малахит.
Нулон с хризолитом.*

12 КАРАТОВ ЧИСТОЙ ВОДЫ

легенда, но доля правды в ней, безусловно, есть. Хотя бы в том, что люди во все века гибли и гибнут не только "за металл", но и за драгоценные камни. История многих знаменитых бриллиантов, сапфиров, изумрудов полна тайн, крови, предательств, преступлений. Хотя драгоценные камни — это, по сути, всего лишь разнообразно окрашенные природные веще-

ства — наподобие угля, нефти или железной руды.

Мы привыкли иронично называть Россию "родиной слонов", а не грех было бы вспомнить, чем испокон веков славилась наша земля. А славилась она тремя "нитами" (правда ведь, близко к слонам?): лесом, мехами и самоцветами. И никуда, между прочим, все это пока еще не делось, хоть и разбазаривается, и расхищается так, что любая цивилизованная страна давным-давно бы всего этого лишилась. Не исключено, конечно, что и нас эта горькая чаша не минует: меха у нас и сейчас уже в основном греческого происхождения, да и до импорта древесины откуда-нибудь из Египта — рукой подать (ввозили же оттуда одно время лук!). Но вот самоцветы...

Кстати: почему "самоцветы"? А потому, что прежде всего человека интересовал цвет камня, и чем ярче и необычнее этот цвет был, тем дороже камень ценился. Это уже потом, причем сравнительно недавно, стали интересоваться строением, массой, величиной, огранкой и другими свойствами.

Причиной разнообразия окраски камней является их свойство поглощать и отражать свет. Если камень пропускает весь спектр световых волн, он кажется бесцветным, если же отражает — черным. Окраска зависит также от степени поглощения света, т. е. от толщины камня. Это свойство учитывается при обработке камней. Например, светлоокрашенные камни шлифуют так, чтобы их толщина оставалась большой. Слишком темные камни делают более тонкими, чтобы немного высветлить их.

Окрас некоторых камней меняется с течением времени. Такие камни, как аметист и розовый кварц, могут стать совершенно бесцветными под влиянием солнечного света. Однако этот феномен у драгоценных камней встречается не часто.

По цвету кристаллы и камни делятся на девять групп:

— бесцветные (прозрачные: топаз, турмалин, горный хрусталь, алмаз; непрозрачные: молочный опал, халцедон);

— голубые и синие (прозрачные: топаз, сапфир, аквамарин, турмалин; непрозрачные: бирюза, лазурит);

— голубовато-зеленые (прозрачные: аквамарин, турмалин; непрозрачные: яшма, амазонит);

— зеленые (прозрачные: хризоберилл, хризопраз, изумруд; непрозрачные: жадеит, малахит, яшма, нефрит, хризолит);

— золотистые и желтые (прозрачные: янтарь, цитрин, топаз, кварц, турмалин, циркон; непрозрачные: янтарь, сердолик, авантюрин);

— бурые и темно-красные (прозрачные: гиацинт, рубин, турмалин, корунд, гранат, яхонт; непрозрачные: агат, сердолик, яшма);

— переливчатые (жемчуг, благородный опал, лунный камень, волосатик);

— пестрые (яшма, глазковый шпат, оникс);

— черный (кровавик, гагат, агат, черный турмалин).

Самое интересное, практически все эти камни есть в России (вспомним хотя бы "Хозяйку Медной горы"). Только добыча их сейчас значительно сократилась. И даже не потому, что действует

фактор "криминализации", а потому, что сама система добычи самоцветов у нас была крайне нерентабельна. Нашли, допустим, месторождение. Рядом с ним строился поселок, создавалась инфраструктура и так далее, и тому подобное. А месторождение в результате оназалося очень маленьким и быстро истощилось. Ну, и прочие экономические трудности. На Урале, например, добыча самоцветов сейчас практически законсервирована. Хочется надеяться, что не навсегда.

Немалое значение для драгоценного камня имеет твердость, которая обеспечивает непреходящий характер его красоты. Твердость камня — это сопротивление, оказываемое его поверхностью при давлении на нее другим предметом. Например, алмаз имеет наивысшую твердость цараланья — 10 (он не царапается ничем и является самым твердым из всех камней на Земле).

Самые "престижные" камни — это, разумеется, бриллианты. Мечтать, как известно, не вредно, поэтому на всякий случай полезно знать основные характеристики этих драгоценностей, чтобы не купить страз, а то и самую обыкновенную стеньяшку. Качество бриллианта оцениваются по пяти признакам: массе, геометрии камня, цвету, природной дефектности и внешним (приобретенным) дефектам.

1. Масса бриллианта измеряется в каратах (1 карат равен 0,2 грамма). Взвешивание бриллиантов производится на специальных каратных или аналитических весах с точностью до десятой доли. Бриллианты по массе делятся на "меле" — до 0,05 карата, мел-

ние — от 0,05 до 0,29 карата, средние — от 0,3 до 0,99 карата, крупные — свыше одного карата.

2. Древнейшие индийские алмазы чаще всего были отшлифованы в форме толстых табличек. Исторически первой формой огранки, появившейся в середине XIV века, стал "октаэдр" с двумя квадратными плоскими площадками — сверху и снизу каждая из которых имела четыре естественные грани. Во второй половине XV-начале XVI века появились более сложные огранки — "роза" и "бриолет". Наконец, в середине XVII столетия была изобретена огранка "маза-рини", ставшая исходной формой для бриллиантов. Однако изобретателем собственно бриллиантовой огранки стал венецианец Винченцо Перуцци, который в конце XVII века нанес на верхнюю часть алмаза тридцать две, а на нижнюю — двадцать четыре геометрически ориентированные грани. Позже разрабатывались уже только различные варианты этой огранки.

Алмазы с бриллиантовой огранкой, как правило, стоят процентов на двадцать дороже, чем ограненные "розой".

3. По окраске алмазы можно разделить на пять основных групп: бесцветные, желтые, бурые, серые, черные. В пределах каждой из четырех последних групп встречаются все градации — от светлых до темноокрашенных камней. Бриллианты с красивой синей, красноватой и зеленой окраской встречаются крайне редко. В свое время Павел Первый купил бриллиант красного цвета весом в десять карат за огромную тогда сумму в сто

тысяч рублей. А густо-синий алмаз "Гоппе" из Индии весом в 44,5 карата является одним из ценнейших бриллиантов в мире.

Тем не менее лучшими считаются бесцветные бриллианты или с легким оттенком голубизны. Совершенно прозрачный, без наихлибо включений и мутных участ-

нов камень называется "бриллиантом чистой воды" и стоит он раз в десять дороже желтоватого, розового и коричневого.

4. Природными дефектами считаются все включения, трещины, полосы, пузырьки и другие дефекты, видимые в десятикратную лупу.

**Природные
образования изумрудов.**

Знак ордена "Золотое руно"
(верх) бриллианты, топазы.

5. Внешними дефектами считаются сколы, царапины, недогранна и другие дефекты. Безусловно, бездефектные камни ценятся гораздо выше.

Это все формальные признаки, по которым определяется ценность бриллиантов, но... Хотя экземпляры с исключительно красивой и редкой огранкой оцениваются особо, как "исторические" и "старинные", бриллианты современной огранки стоят дороже. Что же касается одного, но крайне важного неформаль-

ного признака, то для его определения нужен специалист. Речь идет всего-навсего о подлинности камня.

Дело в том, что поддельные бриллианты или стразы изготавливали еще в XVII столетии из свинцово-борного стекла, по составу сходного с оптическим, и отличить их от настоящего бриллианта мог только опытный ювелир. Эти имитации получили широкое распространение. Владельцы дорогих бриллиантов и украшений предпочитают носить внешне неотличи-

мые дублинаты, а подлинники хранить в надежном месте.

К сожалению, только очень немногие камни являются совершенно чистыми. У таких камней даже при десятикратном увеличении дефекты не обнаруживаются. К дефектам относятся деформация кристаллической структуры, цветные полосы, пустоты с жидкостью или газом. Органические включения допускаются только для янтаря.

Немалое значение в привлекательности некоторых камней играет блеск, обусловленный преломлением света. Различают такие виды блеска, как алмазный (наиболее ценен), стеклянный, жирный, восковой, перламутровый. При бриллиантовой огранке достигается идеальное внутреннее отражение и самый сильный блеск камня.

Обработки, огранки и полировки требуют многие камни. Прозрачные — такие, как рубин, изумруд, алмаз, — ограняются для улучшения и повышения физических и оптических свойств. Каждая грань позволяет камню захватить больше света, который отражается внутри него, выявляя глубинный цвет камня. Только в этом случае возникает эффект сверкания.

Одним из древнейших видов обработки камней является резьба. Камень, подвергшийся такой обработке, называется гемма. Выпуклое резное изображение получило название камен. Изготавливаются геммы из драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней, раковин, кораллов, кости.

Шлифовка первоначально занимала незначительное место в обработке камней, но постепенно

том" совершенно другой камень — демантоид. Хотя его иногда и называют "зеленым гранатом", это не совсем правильно. Кстати, русские демантоиды считались самыми дорогими и красивыми.

стала вытеснять округление. Это объясняется стремлением подчеркнуть естественные формы кристаллов и камней, придав им вид многогранников. Такая огранка усиливает блеск камней.

Кроме огранки можно еще подвергнуть камень термообработке. В основном это делается с рубинами и сапфирами для достижения более глубокого цвета. Но есть и другие примеры. Существует такой камень — танзанит. В природе он сероватого цвета и только после соответствующей термообработки получает другой цвет — глубокий синий. А вот черного агата в природе не существует, но люди научились придавать ему нужный цвет давным-давно с помощью... сахара и соляной кислоты. Природный агат помещают в насыщенный сахарный раствор, проще говоря, в сироп. Когда камень пропитается сахаром, его помещают в соляную кислоту, которая этот сахар выжигает, а камень становится черным.

С расцветкой камней вообще связаны многие интересные истории. Одна из них: невольная ошибка Куприна, который назвал "грана-

Агат был известен еще в Древней Греции и в античном Риме, где этому камню придавалась плоская овальная форма медальона, на котором вырезались различные фигуры, головы богов и знатных персон.

В различные эпохи и у разных народов агат считался талисманом, который спасает от яда, в том числе и змеиного. В лечебных целях бусы из агата рекомендуются носить при затяжном кашле, болезни горла и зубов, от подагры агат носят в браслетах. Кроме того, этот камень предотвращает судороги.

Агат оправляют в золото и серебро. Можно оправлять этот камень и в медь, так как при лечении некоторых заболеваний медь усиливает свойства агата.

Алмаз — традиционный символ богатства и успеха, многие из алмазов имеют свою собственную историю.

Алмаз "Регент" нашли в 1701 г. на одном из приисков Индии. В необработанном виде масса камня составляла 410 каратов. Нашел его раб, который решил вынести камень с прииска. Он нанес себе рану и спрятал алмаз в повязке. Сам он не сумел продать камень и сговорился с ма-

**Ограненные
аквамарины.**

тросом. Тот решил завладеть алмазом и, утопив раба, нашедшего драгоценность, продал камень английскому губернатору Питту за 20 тысяч марок. Матрос вскоре прокутил деньги и повесился, а Питт продал алмаз за 2,5 млн. франков французскому регенту герцогу Орлеанскому, после чего камень получил имя "Регент".

При огранке алмаза, которая длилась два года, камень потерял две трети своей первоначальной массы и в ограненном виде весил 137 каратов. Сейчас этот бриллиант находится в Лувре.

О камне под названием "Санси" издавна известна легенда, согласно которой бриллиант принадлежал Карлу Смелому — герцогу Бургундии, а в 1477 г., когда герцог был убит в битве при Нанси, камнем завладел солдат. Солдат продал его за один гульден, а купивший его пастор затем продал за три гульдена сеньору де Санси. Алмаз имеет грушевидную форму, его масса — 55,2 карата. Исключительная чистота камня свидетельствует об его индийском происхож-

дении, огранка же выполнена в Европе.

Документально установлено, что в 1589 г. король Генрих III попросил Санси прислать ему бриллиант с тем, чтобы под его заклад получить денег для найма солдат. Сеньор де Санси послал камень со слугой, которого ограбили и убили разбойники. Поскольку бриллиант затем нигде не объявился, решили осмотреть труп слуги, и при вскрытии в желудке обнаружили бриллиант, проглоченный перед смер-

тью верным слугой. Позже бриллиантом владела королева Франции Мария Медичи, затем — принц Луи Фердинанд, внук последнего германского императора Гийома II, французские короли Людовик XIV и Людовик XV.

После французской революции 1789 г. бриллиант исчез и объявился только в 1830 г., когда он был выставлен на продажу французским торговцем. Его купил за 500 000 франков русский промышленник П. Н. Демидов. Однако французское правительство опротестовало право покупки, и только через 5 лет Демидов смог получить купленный им бриллиант. В 1976 г. его приобрел музей Лувра, и он стал национальной драгоценностью Франции.

С одним из красивейших, очень редким синим бриллиантом "Хоуп" связаны весьма мрачные предания как о камне, приносящем несчастье: он попал в Европу вместе с чумой в 1642 г. из Индии. Королева Франции Мария-Антуанетта как-то раз дала поносить его принцессе Ламбеле, которая вскоре была убита, а затем была казнена и сама владелица камня. После похищения алмаза и его возвращения в сильно уменьшенном виде его приобрел банкир Хоуп. Через некоторое время сына банкира отравили, а внук разорился. Русский князь Корытовский в начале XX в. подарил этот камень парижской танцовщице, которую спустя небольшое время он же застрелил из-за ревности, а сам был убит при покушении. Султан Абдул-Хамид II, купив алмаз, подарил его любовнице, которую вскоре убили, а сам султан вынужден был бежать из своей стра-

ны. Затем алмаз получил один испанец, утонувший в море. Камень перешел к американцу, который купил его для своей жены. Супруги вскоре потеряли единственного ребенка, а несчастный отец сошел с ума. Затем "Хоуп" принадлежал супружеской паре, утонувшей при гибели "Титаника".

История алмаза под названием "Орлов" началась в начале XVII века в Индии. Масса этого камня составляла примерно 400 каратов. "Орлов" несколько раз переходил из рук в руки, пока не попал к придворному ювелиру Ивану Лазареву, а тот уступил его в 1773 г. графу Григорию Орлову за 400 тыс. рублей, пожизненную пенсию и дворянскую грамоту. Граф Орлов подарил бриллиант Екатерине II в день именин 24 ноября 1773 года. С 1784 г. этот бриллиант чистейшей воды со слабым синевато-зеленым оттенком под названием "Орлов" стал украшать державный скипетр русской империи.

Алмаз "Шах" почти сохранил свой естественный вид. Он имеет форму вытянутого кристалла-октаэдра, массу 88,7 карата и цвет воды с желто-бурым оттенком. На трех поверхностях кристалла видны красиво выгравированные надписи на персидском языке.

В начале XIX века "Шах" оказался в Персии. В 1829 г. в ходе беспорядков в Тегеране был убит русский посол, автор комедии "Горе от ума" А. С. Грибоедов, и персидское правительство для разрешения конфликта подарило алмаз Николаю I.

Алмаз — камень царей и первосвященников. К остальным людям этот камень часто безразли-

чен. Потомки знатных родов могут носить его как украшение, но даже им следует иметь в виду, что не менее 7—9 лет камень не будет действовать или будет действовать плохо. Лучше всего, если человек получает алмаз в качестве подарка.

Алмаз придает своему владельцу необыкновенную силу, но только если тот приобрел его честным путем. Не принесет удачу этот камень вора и убийцам: в их руках он может принести непоправимые несчастья. Украденный бриллиант приносит несчастья. Даже если он привыкнет к человеку, сила его проявится только в третьем поколении.

Аметист имеет фиолетовый цвет различных оттенков. Считается, что этот камень способен предохранять человека от опьянения, само название его в переводе с греческого означает "свободный от опьянения" или "непьющий".

Его называют еще и вдовьим камнем, потому что он символизирует вечность. Если один из супругов переживал другого, то он надевал перстень с аметистом как символ любви к умершему.

Аметисту отдавалось предпочтение при украшении одежды священников, за что камень прозвали епископским, а в России — архиепископским.

Бирюза — это измененное персидское слово "фируза", что означает "камень счастья" или "камень, приносящий победу и удачу в делах".

Русский царь Иван Грозный очень любил голубую бирюзу и однажды, жалуясь на немощь, сказал, что бирюза тускнеет у него на глазах, предвещая близкую

смерть. Если перевести его слова на современный язык, то он говорил примерно следующее: "Посмотрите на бирюзу и возьмите ее в руки. Она остается по-прежнему яркой, но как тускнеет бирюза, если положить ее мне на руку! Я заражен болезнью, и поэтому бирюза теряет свой цвет. Она предвещает мою смерть". Действительно, бирюзе свойственно "умирать" перед опасностью в руках безнадежно больного человека.

Бирюзу считают необыкновенно счастливым камнем. Главное ее свойство — примирять, гасить гнев, устанавливать мир в семье, препятствовать недовольству властей. Камень этот имеет очень строгое свойство: если бирюза приносит удачу людям нравственным, то для нарушителей морали она — злейший враг.

Есть поверье, что если женщина хочет привлечь к себе мужчину, она должна незаметно зашить бирюзу в его одежду. Бирюзу, оправленную в серебро, рекомендуется носить людям, страдающим бессонницей и ночными кошмарами. В виде кулона на шею бирюза останавливает кровотечение, лечит от желтухи и язвы.

Тот, кто носит талисман из бирюзы, будет жить долго и благоденствовать.

Изумруд — имеет ни с чем не сравнимый глубочайший и сочный оттенок зеленого цвета. Прозрачными бывают только изумруды высшего качества. Мелкие включения не считаются дефектами и свидетельствуют о природном происхождении камня.

Существует немало крупных изумрудов, не менее знаменитых, чем известные бриллианты

или рубины. Среди драгоценностей Венской сокровищницы выделяется фланон для ароматических снадобий высотой 12 см и массой 2205 каратов, выточенный из цельного кристалла изумруда.

Один из известных в мире изумрудов носит название "Девонширский изумруд". Кристалл имеет характерную для изумрудов форму шестиугольной призмы, но не обработан по причине мелких трещин, имеет 5 см в поперечнике и примерно такую же высоту. Он весит 1383 карата и обладает густо-зеленым цветом.

В древности изумруд использовался как средство от укусов ядовитых змей. Изумруд считают талисманом матерей и мореплавателей. Сны человека, который носит изумруд, очень часто сбываются. Этому камню приписывают связь с подсознанием, способность превращать сны в явь, проникать в тайные мысли.

Кварц или горный хрусталь является одним из самых распространенных минералов. Его цвет более стоек, а сам он более тверд, чем другие камни. Иногда кварц содержит внутренние волокна и образует очень красивый "кошачий глаз", а также "тигровый глаз".

Кварц всегда имел особое значение при гаданиях. Маги читают в его кристаллах и хорошо выточенных шарах будущее и прошлое. С этой целью кварц помещают в темной комнате таким образом, чтобы на него падал луч света, наполняя его сиянием, и, не мигая длительное время, смотрят на него, концентрируя волю и желание увидеть определенный предмет.

Шпинель — разновидность граната.

Лунный камень привлекателен благодаря оптическим эффектам, показывающим голубое сияние. Он успокаивает и выравнивает эмоциональные всплески. В подсознании человека записывается очень много эмоциональных переживаний. Лунный камень — страж подсознания, защищающий нас от собственных эмоций. Для этого его нужно носить возле сердца. Камень очень полезен женщинам при месячных: он дает физическое, гормональное и эмоциональное равновесие. Этот камень закрыт от человека, он как звездочка, которой все любят-

ся, но никто не может потрогать ее.

Рубин получил свое название за красный цвет — латинское слово "ruber" переводится как красный. Необработанные кристаллы рубина имеют тусклый блеск, а ограненные шлифованные камни сверкают почти как бриллианты.

В рубине часто встречаются посторонние включения. Однако они не считаются дефектами, а, наоборот, говорят о природном происхождении камня. При шлифовке таких камней образуется "кошачий глаз" или — еще реже — шестилучевая звезда, скользящая по поверхности кристалла при его повороте.

Рубин принадлежит к наиболее дорогим ювелирным камням. Крупные рубины встречаются реже, чем такой же величины алмазы. Самый крупный ювелирный рубин весил 400 каратов — его нашли в Бирме, расколов затем на три части.

Рубин высоко ценился на Востоке, где стоил даже больше, чем алмаз. Восточные народы считали, что главное его мистическое свойство — порождать влечение к великому, а также предупреждать об опасности изменением цвета, защищать от низших духов, злых сил и чар.

Сапфир — чаще всего синий и голубой разных оттенков, но встречаются также камни бесцветные, розовые, оранжевые, желтые, зеленые, фиолетовые и даже черные.

Крупные сапфиры находят редко. Им, как и знаменитым алмазам, присваивают собственные имена. Самый крупный из обработанных звездчатых сапфи-

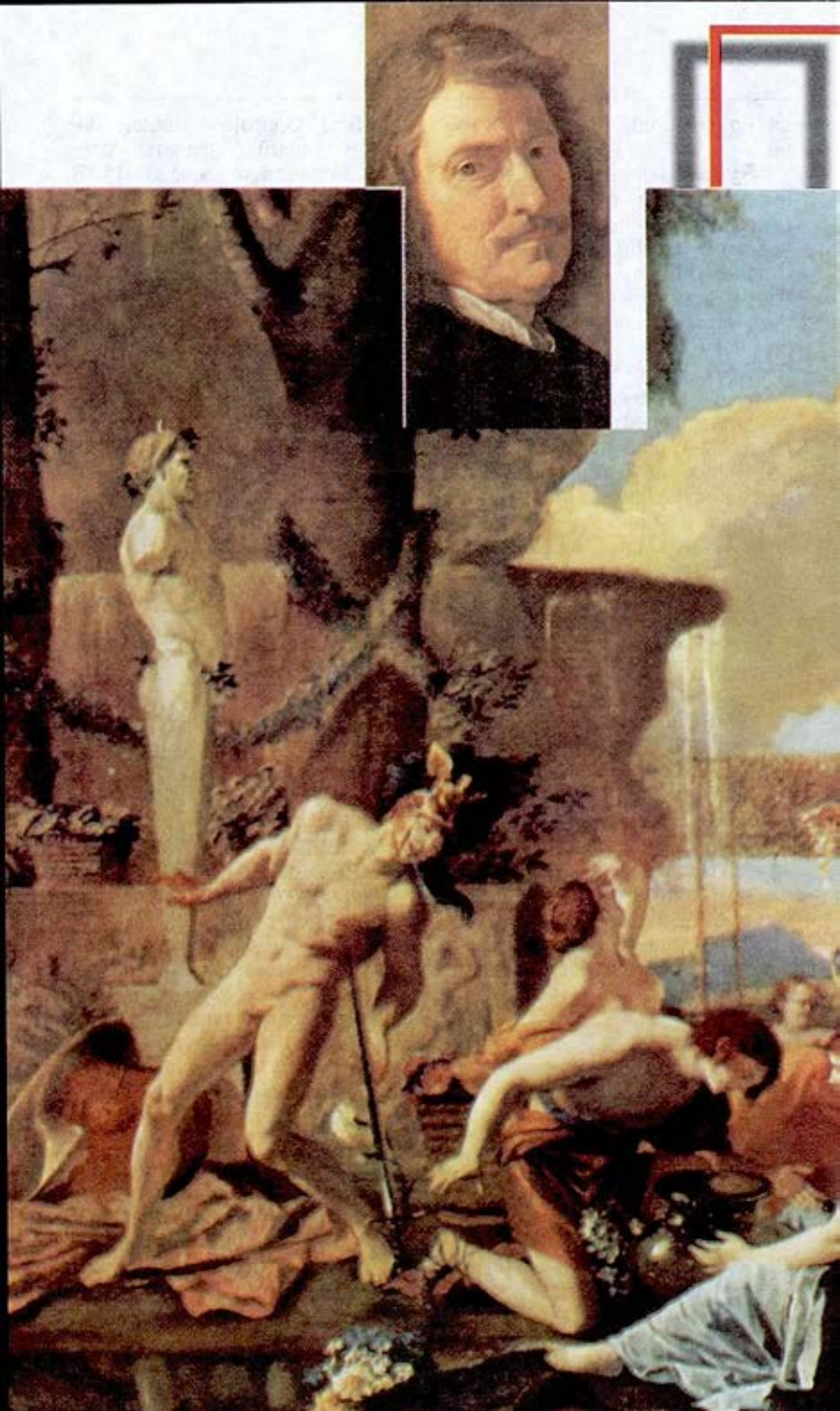
ров (563 карата) — "Звезда Индии" и черный звездчатый сапфир "Полуночная звезда" (116 каратов) находятся в Американском музее естественной истории.

Два знаменитых сапфира — "Святой Эдуард" и "Стюарт" — являются драгоценностями британской короны. Сапфир "Святой Эдуард" находится в центре орнамента, украшающего крест короны. Согласно легенде, этот камень в необработанном виде был вставлен в перстень короля Эдуарда Исповедника, вступившего на английский престол в 1042 году. В короне сзади располагается еще один уникальный сапфир — "Стюарт", имеющий 3,8 см в длину и 2,5 см в ширину.

Топаз бывает бесцветным, водянисто-прозрачным, золотистым, винно-желтым, голубым, розовым и светло-зеленым. Чаще всего встречаются камни золотисто-желтые с розовым оттенком. Самыми ценными считаются розовые топазы.

И напоследок один совет для наших читателей.

Отличить настоящий камень от искусственного довольно сложно, во всяком случае, несведущему человеку не стоит покупать очень дорогие камни без помощи эксперта даже в хорошем магазине. А вот опытный ювелир всегда отличит подлинник от подделки, даже не применяя специальные приборы, которые существуют в наши дни. Главное — стоит раз и навсегда запомнить: дорогие камни дорого стоят, и лучше выбирать неброскую элегантность, чем ослепительный блеск... неизвестно чего.

УСССЕН

Лилия БАЙРАМОВА

Царство Флоры. 1631.

сожалению, имя великого французского художника Никола Пуссена не входит в число любимых и обожаемых публикой имен: его альбомы редко спрашивают в магазинах, о его кар-

тинах мало спорят и говорят, да и, вообще, в глазах массового зрителя его искусство принадлежит скорее истории живописи, чем живой реальности наших дней.

И в этом есть свои, вполне понятные резоны. Отвлеченные темы искусства Пуссена, его увлечение мифологией и древней историей, высокий строй и возвышенный стиль его картин, а также некоторая безэмоциональность и душевный холодок делают его мало понятным для современного зрителя. Его идеальные герои — все эти Танкреды и Эрминии, Ринальдо и Армиды — такие совершенные и безупречные в своей внешней и внутренней красоте, вероятно, могут показаться на фоне сегодняшней, увы, далеко не совершенной жизни несколько выдуманными и искусственными персонажами, которые не могут никого ни согреть, ни увлечь.

К тому же репутации Пуссена очень повредила в свое время академическая традиция, которая взяла на вооружение не самые лучшие и удачные его работы и провозгласила художника своим вождем, исказив и до конца не поняв его главные принципы. В глазах нескольких поколений живописцев имя великого француза было накрепко связано с самыми рутинными воззрениями академии, которые мешали и даже делали вовсе невозможным разглядеть его подлинное лицо.

Между тем искусство Пуссена, как и всякое подлинное искусство, нисколько не устарело и по-прежнему восхищает любителей живописи своими свежими, чистыми красками и самобытным, прозрачно-музыкальным строем картин. Другое дело, что живопись великого классициста не принадлежит к числу легких и легкодоступных жанров и требует определенных душевных усилий и знаний, чтобы проникнуть в ее красоту и понять ее самобытную прелесть.

В какой-то степени именно биография мастера облегчает эту задачу и помогает лучше понять цели и характер его сложной живописи. А биография у Пуссена была необыкновенная. Несмотря на всю серьезность, отвлеченность и как бы кажу-

щуюся академичность его картин, сам Пуссен происходил вовсе не из знатной и уж тем более ни из профессорско-ученой среды. Напротив, среда, в которой он вырос, была простой и обыкновенной.

Он родился в конце великого века, века, прославленного Высоким Возрождением, 25 января 1594 года на севере Франции, в местечке Вилье. Впрочем, вряд ли его семья имела какое-то, хотя бы смутное представление о Рафаэле и Леонардо да Винчи, поскольку отец его был простым солдатом в армии Генриха IV. У отца в Вилье имелся клочок земли, и все время родителей делилось между тяжким трудом и незамысловатым кратким досугом.

Разумеется, папаша Пуссена мечтал о чем-нибудь более достойном для своего маленького сына. И “как только тот достиг того возраста, когда детей посылают в школу, — пишет французский биограф, — родители позаботились о его образовании. С ранних лет проявились высокие качества его ума и склонность к рисованию. Он наполнял книги и тетради множеством набросков, запечатлевая все образы, возникавшие в его воображении”.

Можно легко догадаться, что в той бескультурной глуши, в которой рос и воспитывался Пуссен, да еще в те далекие времена, когда профессия живописца вряд ли была столь же престижной и почетной, как профессия нотариуса или адвоката, способности мальчика к рисованию едва ли кого-нибудь радовали и вдохновляли. Скорей всего, и родители, и учителя считали его увлечение бесполезным и пытались, как могли, ему помешать.

И кто знает, быть может, их затея бы и удалась, и юный Пуссен так бы захирел и загдох в полнейшей безвестности, если бы не одно счастливое обстоятельство: в этом забытом Богом уголке появился бродячий живописец, которого местные власти пригласили расписывать церковь. Душа юного провинциала воспряла и распрямилась — впервые в жизни Пуссен столкнулся с настоящим художником и искусством и, когда тот наконец закончил свои росписи и уехал из города, Пуссен, через год, последовал его примеру.

Тайком от родителей он бежал в Париж. Мы почти ничего не знаем об этой первой поездке, лишь по смутным намекам догадываемся, что она была малоудачной. Пуссен нашел себе какого-то молодого мецената, попытался наладить свою жизнь, но потом тяжело заболел и возвратился домой.

Через год он снова уехал из дома и на этот раз — навсегда. Его путь, как и в прежний раз, лежал в Париж. Столица Франции тогда еще не славилась своей роскошью и изяществом, еще не были построены те великолепные дворцы, соборы и площади, сделавшие ее столицей мира во времена Людовика XIV, и она только-только начала оправляться после долгих

религиозных, гражданских войн, которые так истощили французское королевство.

Бедный провинциал Пуссен, мечтавший научиться искусству писать, не мог найти себе в этом огромном городе даже достойного учителя рисования. Прежние хорошие живописцы, представители известной школы Фонтенбло, уже ушли из жизни, а новые не народились. Кое-как он берет уроки у двух посредственных живописцев — фламандца Фердинанда Элле и француза Жоржа Лальмана, но это была короткая история. Правда, через посредство Лальмана он все-таки познакомился с искусством школы Фонтенбло, и это знакомство явно пошло ему на пользу. Традиции французской живописи — ее холодноватая ясность, графичность и музыкальность линий оказались созвучными душевному настрою Пуссена.

И все-таки, главным образом, он занимался самообразованием. Он свел знакомство с математиком Куртуа, обучавшим его законам математики и перспективы, и пропадал у него целыми днями. “Этот человек, — отзываясь о нем французский биограф, — страстно увлеченный рисунком, являвшийся хранителем богатой коллекции замечательных гравюр с Джулио Романо и Рафаэля, пленил ими душу Никола, который копировал их с таким рвением и столь верно, что сумел постичь мастерство рисунка, передачу движений, мастерство замысла и другие замечательные качества этих мастеров”.

С этих пор молодой Пуссен буквально влюбился в искусство Высокого Возрождения и Рафаэля: высокая красота его живописи, пленительная ясность и чистота рисунка контрастировали с безобразным хаосом и беспорядком, царившими вокруг. Ни Караваджо, который тогда уже входил в моду, с его грубым и мужицким реализмом, ни причудливое и нервное искусство барокко не действовали на него с такой нежной и укрепляющей силой и не освежали душу. Волшебные поляны блаженной Аркадии, античные дали и прекрасные, мужественные герои, увиденные им через магический кристалл мечты, — вот к чему так неудержимо влекло его, вот о чем томилось и тосковало сердце.

Популярный итальянский поэт Марино, который в то время гостил в Париже, еще больше разжигал в нем эту страсть к античности и Италии. Пуссен познакомился с ним, когда писал для ордена иезуитов шесть картин на сюжеты из жизни Игнатия Лойолы. С тех пор мечта увидеть древние руины и преклонить колена перед божественным Рафаэлем становится его любимой “идеей фикс”.

Трижды он пытался добраться до желанного Рима: в первый раз достиг лишь Флоренции, второй раз даже не пересек французскую границу, и лишь в 1624 году он достиг своей цели.

Как и для нашего русского Гоголя, Рим сделался его второй и, пожалуй, любимейшей родиной. Все мечты его, вожделения, вся сердечная тоска по прекрасному и должному слились для него в этом древнем городе, в его баснословной истории и всемирной славе, которая окутала его старое имя.

Марино, с которым он путешествовал по Италии, познакомил его с кардиналом Франческо Барберини — человеком огромной культуры и несметных богатств, обладателем чудесной коллекции антиков и уникальной библиотеки — всего того, к чему так стремилась и что так ценила пытливая и любознательная душа Пуссена. И Барберини, и его умнейший по-

Пейзаж со св. Иоанном на Патмосе. 1630-е г.г.

мощник и библиотекарь Касьяно дель Поццо становятся первыми меценатами и заказчиками художника.

Между тем сам Пуссен, казалось бы, нисколько не заботился о создании себе громкого имени и о быстром пополнении своего тощего кошелька. Выходец из народных низов, он никогда не отличался ни алчностью, ни мелким честолюбием. Пушкинская формула — «для власти, для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи» — подходила, как нельзя более кстати, к его прямой и честной натуре.

Как и Пушкин, он лелеял свою независимость и пуще глаза берег свое римское уединение. “Все его дни, — отмечает биограф, — были днями учения, а время, которое он употреблял на то, чтобы писать и рисовать, заменяло ему часы развлечений. Он учился всюду, где бы ни находился. Проходя по улицам, он наблюдал движения людей и, если замечал что-нибудь заслуживающее внимания, сейчас же делал наброски в тетради, которую носил с собой. Он избегал общества как только мог и прятался от друзей для того, чтобы побродить одному в виноградниках и в самых пустынных уголках Рима, где он мог без помехи созерцать античные статуи, ласкающие глаз пейзажи и наблюдать наиболее прекрасные явления природы”.

Подражая своему приятелю скульптору, он лепил из глины полюбившиеся ему мраморные изваяния.

Но Пуссен никогда бы не был Пуссеном — т.е. создателем ясного и идеально-прекрасного мира, если бы его работой руководил один только инстинкт и чувство. Ему мало было только любить и восторгаться, ему важно было понять структуру и природу прекрасного. Вслед за пушкинским Сальери он мог бы повторить — “Музыку я разъял, как труп. Поверил я алгеброй гармонию”.

Прилежно, словно молодой ученый, он штудировал работы греческих философов, просиживает в библиотеке Барберини за фолиантами римской истории и трактатами Леонардо и Дюрера. Рукопись Леонардо с иллюстрациями Пуссена до сих пор хранится в петербургском Эрмитаже. Его по-прежнему интересуют математика и законы перспективы и оптики, ибо ему необходимо знать, как наш глаз воспринимает увиденное.

Ненавидя всей душой Караваджо, о котором он любил говорить, что тот уничтожил живопись, Пуссен ищет в современном ему итальянском искусстве людей близких по духу. И такие находятся. Сохранилось красивое предание о том, как молодой Пуссен познакомился со старичком Доменикино. Дело происходило в церкви Сан-Грегорио, где висели полотна чрезвычайно модного тогда, велеречивого Гвидо Рени и безнадежно устаревшего, строгого Доменикино. Перед Рени всегда толпились десятки копиистов, перед Доменикино — никого. И вдруг молодой Пуссен расположился с мольбертом у никому не нужной картины, это была — сенсация!

Доменикино донесли об оригинальном французе, и тот, растроганный, пришел с ним знакомиться. Кажется, они подружились, и старый художник, в искусстве которого еще жил дух Возрождения, оказал бесспорное влияние на Пуссена.

Но было еще одно, и весьма неожиданное, увлечение — это патриарх Тициан. Его могучий живописный темперамент, его любовь к цвету и вулканическая жизненная сила покорили строгого, целомудренного Пуссена не меньше Рафаэля, и

почти все его первое пребывание в Риме проходит под знаком этого венецианского гения.

Осененный любовью к божественному Рафаэлю и к очень земному Тициану Пуссен творит, быть может, свои самые светлые и задушевно-песенные картины. Невзначай уснувшая на свежей траве Венера, кокетливые вакханки, шаловливо-нахальные сатиры и сияющие юностью наяды — это мир пробуждающегося утра, сладкие грезы о безгрешном детстве человечества. Здесь нет ни войн, ни измен, ни обмана, ни страшного зла, простодушная Ева еще не вкусила опасного яблока, и бессмертные языческие боги прожигают здесь весело и беззаботно свои юные дни. “Царство Флоры”, так называет Пуссен одну из самых нарядных и юношески-светлых своих картин, и действительно — все работы его первых радостных, римских лет — это какой-то сплошной цветущий сад, зеленый Эдем, где светлые боги превращаются в весенние растения и цветы, где по небесной лазури скользят беспечные облака и где так счастливо и безмятежно можно любить и жить...

Веселые смеющиеся вакханки на его ранних картинах обнимаются с опьяневшими фавнами, лукавые сатиры подглядывают за вздремнувшей Венерой, но во всех этих бездумных плясках и вакханалиях нет ни капли греха или эротизма, ничего фривольного или щекотливого, все — невинно и чисто, как у непорочных детей или у греческих богов, для которых нет ни добра, ни зла.

Какое-то дивное бесплотное сияние окутывает все его пляшущие и движущиеся фигуры и уносит тебя в мир чудесных грез и сновидений...

Кажется, еще чуть-чуть, и ты окажешься где-то там... на зеленых лугах Аркадии или среди Елисейских полей и будешь вкушать вместе с богами напиток бессмертия.

Хорошо и точно об этом написал наш замечательно умный Александр Бенуа, который очень верно почувствовал и угадал эту призрачность и целебность пуссеновской живописи. «Наваждение, — писал он уже в эмиграции о Пуссене, — исходящее из его рисунков и картин, разумеется, совершенно иного порядка нежели то наваждение, которое исходит из произведений, скажем, Тициана, Микеланджело, Греко, Тьеполо, но действует оно столь же вкрадчиво, сколь и покоряюще.

Ревенна у колодца. Фрагмент. 1648.

В то же время действие это — целебное, целительное. Это ключевая вода — белая, бесцветная, прозрачная, но испытать которой особенно полезно в наши дни мятущейся сутолоки и общей растерянности. Выпьешь, и весь мир перед тобой преобразается. Только что он казался сумбурным, нелепым, страшным, а теперь все его противоречия, шероховатости сглаживаются, весь его слепящий, грубый, искусственный блеск сменяется мягким светом ясного летнего дня.

Хорошо для души — напитаться Пуссенем”.

Замечательно, что именно тогда, в самый благоуханный и трепетно-нежный его период, среди всех этих бесплотных вакханок и Армид, с нелюдимым и замкнутым Пуссенем произошло одно и едва ли не единственное в его жизни романтическое событие: он влюбился.

А случилось это следующим образом. Это было в 1630 году, Пуссену исполнилось уже тридцать шесть лет. Однажды с приятелями он прогуливался как обычно по улицам Рима, как вдруг компания пьяных хулиганов, приверженцев папы, услышав французскую речь и увидя французов (у Франции были тогда нелады с Ватиканом), набросилась на мирных художников. Хулиганы были вооружены, художники — беззащитны, большинство разбежалось, а Пуссен остался и сопротивлялся как мог, с жалким альбомчиком в руках.

Бандиты его тяжело поранили, и его, раненого, приютили в семье французского повара Жана Дюге. У повара, как водится, жила “прелестная” молодая дочка, и Пуссен влюбился и женился на ней.

И это, пожалуй, все, что мы знаем о подруге Пуссена. Ни портретов ее, ни рисунков, ни писем не сохранилось. Только имя — Анна-Мария Дюге. Очевидно, это была скромная и милая женщина, без всяких претензий, с которой суровому Пуссену было уютно и хорошо.

Женившись, Пуссен продолжает вести все тот же независимый и уединенный образ жизни, который он бесконечно ценил и оберегал. Имея нескольких просвещенных и умных друзей-меценатов, он всеми силами избегал официальных заказов и какой бы то ни было зависимости — и от “собственного” короля Людовика XIII, и от местных официальных заказчиков. Пушкинское — “себе лишь самому служить и угрождать” — было его главным принципом.

Только в этой тихой и располагающей атмосфере он и мог погружаться в себя и создавать то великое, стройное и возвышенное искусство, которое мы зовем классицизмом и в котором нет отголосков ни житейской мелкой возни, ни житейской грязи. Необыкновенное чувство меры, ясности и равновесия, особого, только ему присущего ритма пронизывает все холодновато-прозрачное искусство Пуссена. Кажется, вопре-

ки всему миру с его вечным хаосом и борьбой, он упорно и молчаливо строил свой собственный, в котором правили логика, разум и ясность. Душевной скорби и смятению он противопоставлял душевную трезвость, твердость и волю — подлинно европейские, французские черты характера.

Даже трагические и драматичные сюжеты, в отличие от ненавистного Караваджо и современника Рембрандта, он трактует с той же невозмутимостью и спокойствием. Вот его «Смерть Германика» — римского полководца, отравленного по приказу Тиберия. Караваджо бы сочинил на этот сюжет трагическую оду, симфонию, которая бы потрясала громовыми раскатами, Рембрандт бы углубился в тайники психологии, заставив нас плакать над судьбою Германика, но у величайшего Пуссена нет ни того, ни другого.

Даже злодейскую смерть он воспринимает стоически, сохраняя веру в высший смысл, разумность и торжество справедливости. Пускай весь мир развалится на куски, пускай сотни Германиков и Танкредов погибнут от рук коварных злодеев, но пока жив человек, жива его воля и действует разум, человечество не погибнет, оно будет жить и созидать настоящее.

Именно поэтому так ясны прохладные краски на его картинах, так устойчива и уравновешенна композиция, и так, со временем, все больше и больше каменеют его герои. Этот идеально разумный мир он противопоставляет современному хаосу.

А скоро и ему самому пришлось окунуться в этот чуждый, далекий и малопонятный ему мир. Европейская слава его росла, за его красивыми, величайшими картинами стояли очередь богатейшие люди Франции и Италии, и настало время его величеству, французскому королю, воспользоваться услугами своего именитого подданного. Людовик XIII тогда наводил порядок в своей столице, чистил и лелеял ее словно к Христову дню. Строились грандиозные помпезные храмы, возводились знаменитые королевские дворцы — Лувр и Люксембург, придворная аристократия отстраивала себе роскошные виллы в пригородах. Столица Франции упорно прихорашивалась и готовилась стать столицей мира.

Разумеется, во всех этих великих делах требовалось несметное количество художников, и специальные комиссии рассылались по всему свету, а главным образом, в Рим, чтобы завербовать себе лучших живописцев. Пуссен давно уже числился среди лучших, но перспектива отрываться от древних руин и возвращаться в отчизну его явно не радовала. Он долго тянет время и волынит, до тех пор, пока ему — сыну простого солдата — не пишет письмо сам король.

«Мы обращаемся к вам с этим письмом, — писал ему Людовик XIII, — чтобы известить вас о том, что мы избрали и на-

значили вас одним из наших придворных художников, и что мы желаем отныне и впредь использовать вас в качестве такового”.

Король сулил ему хорошие деньги, но, кажется, никакие блага мира не могли заменить Пуссену его гордого одиночества. В течение двух лет он колебался и медлил, но, наконец, исчерпав все возможности, осенью 1640 года, после шестнадцатилетнего отсутствия, возвращается на родину. Первые его письма в Рим полны восторженных описаний. Встретили его достойно и хорошо, как европейскую знаменитость. Поселили в роскошных апартаментах с чудесным видом на Тюильри. Его принял сам король, который “обласкал меня, — рассказывал Пуссен, — в течение получаса расспрашивал о множестве вещей и, обращаясь к придворным, сказал: “Вот Вуэ здорово попался”. Затем он самолично велел работать мне над большими картинами для часовен Фонтенбло и в Сен-Жермене. Когда я вернулся, мне передали великолепный бархатный кошелек с двумя тысячами золотых экю новой чеканки”.

Все это было очень приятно, мило и тешило самолюбие, но и деньги, и расположение короля нужно было отрабатывать. Пуссена загружают работой сверх всякой меры. Ему поручили собственноручно расписать огромную луврскую галерею и следить за всеми в ней декоративными работами, в его обязанности входило также писать картины для королевских церквей и дворцов и наконец обслуживать придворную знать. Для человека, привыкшего спокойно и неспешно писать по две три картины в год, не больше, это была настоящая катастрофа.

Уже через год его письма римским друзьям полны жалоб на несносную парижскую жизнь. “Клянусь вашему преосвященству, — жалуется он кардиналу дель Поццо, — если я долго останусь в этой стране, то сделаюсь мазилой, как те, кто здесь живет. Упражнения и размышления по поводу античности или чего-либо другого здесь никому неизвестны, и тот, кто имеет склонность к серьезным занятиям и к тому, чтобы хорошо работать, естественно, должен много терять”.

Но и это было не самое страшное. Приехав в Париж по приглашению короля, Пуссен, сам того не подозревая, перешел дорогу многим и прежде всего Симону Вуэ, чрезвычайно модному тогда живописцу. Людовик отнял у того звание первого королевского художника, так же как и многие почетные работы, и передал их Пуссену. Для Вуэ это был колоссальный удар, но как опытный дипломат он не собирался складывать оружие: незаметно в Париже сложились две враждебные партии, сплотившиеся вокруг двух противников, и началась отчаянная борьба за выживание.

Ловкий и хитрый Вуэ, который прекрасно ориентировался во всех хитросплетениях придворного общества, умело орга-

низовал вокруг себя недовольных и начал настоящую травлю Пуссена. Доносы следовали один за другим, любое действие или работа художника вызывали бурю жалоб, эмоций и недовольства, и, в конце концов, создалась отвратительная атмосфера зависти и интриганства. К сожалению, как это зачастую бывает, честный, искренний и глубоко порядочный Пуссен оказался совершенно незащищен перед этим бесцеремонным натиском. Единственное, что он мог предъявить королю, — это свое искусство и добросовестность, но, как и всегда в подобных случаях, правда мало кого интересовала, победили — ложь и интрига.

Утомленный и разочарованный парижской жизнью Пуссен, давно вздыхавший о своем “маленьком домике” в Риме, под предлогом болезни жены отпросился домой, и его охотно и с облегчением отпустили. Правда, считалось, что отъезд его будет временным и недолгим, но Пуссен в Париж не вернулся. Всю оставшуюся жизнь этот самый французский из художников с благодарностью и любовью проживает в стенах “вечно-го” города.

Отголоски же его парижской драмы легко угадываются в том нарядном панно, которое Пуссен написал для всемогущего Ришелье — “Время спасает Истину от посягательств Зависти и Раздора”. Вероятно, эта избитая мысль была единственным его утешением в борьбе против парижской бездарности.

Слава художника год от года росла. Крупнейшие итальянские меценаты, французские промышленники и банкиры, придворная знать — все великие мира сего — почитали за большую честь иметь у себя дома картины Пуссена. При этом он считался не только великим живописцем, но и замечательным интеллектуалом, с которым не стыдно было побеседовать на любую тему. В его скромном домике на Монте Пинчо, где Пуссеном любовно были собраны ценные слепки с античных статуй и редкие фолианты, собиралось самое изысканное общество — известные ученые и писатели, люди тонкого ума, интеллигентные и образованные. Между тем, сам Пуссен всегда оставался человеком скромным и незаносчивым и, похоже, доступным любому смертному.

Его биограф так вспоминал о его распорядке дня: “Он имел привычку рано вставать и час или два упражняться в живописи. Затем он выходил прогуляться по городу, чаще всего на Монте Пинчо, расположенной недалеко от его дома... Он вел интересные и ученые беседы с сопровождающими его друзьями. Вернувшись домой, Пуссен без перерыва работал до полудня. Затем, подкрепив свои силы, снова принимался писать и писал в течение нескольких часов. Вечером он снова выходил и гулял пешком на площади у подножия горы, в толпе иностранцев, имевших обыкновение приходить сюда. Он всегда был окружен друзьями и также теми, кого привлекала его

Триумф Нептуна и Афродиты. Фрагмент. Ок. 1636.

известность и возможность дружески с ним побеседовать, так как он каждого приветливо встречал и принимал в свою компанию”.

От этого времени сохранился и единственный автопортрет Пуссена — едва ли не самое откровенное и убедительное свидетельство художника о себе. Крупное, волевое, решительное лицо и твердо сжатый рот, длинные вьющиеся волосы и тонкие усы, удивительная масштабность и монументальность всего облика делают его страшно похожим на нашего родного Петра, особенно такого, каким изобразил его Фальконе в своем Медном всаднике. Здесь то же величие и масштаб и та же несокрушимая воля и твердость.

Разницу составляет лишь взгляд Пуссена, выдающий смутное, глубоко спрятанное смятение. Это — внутренняя неудовлетворенность художника и его тоска по чему-то несбыточному и прекрасному.

Именно в эти годы Пуссен и стал писать свои грандиозные и классические в своей незабываемости пейзажи. Разуверившись в человеке, он всю свою веру и любовь перенес на дикие скалы и могучие деревья. Его вообще никогда не интересовала природа в качестве приятного и милого глазу пейзажа, он был слишком велик для того, чтобы кого-то развлекать и тешить. И хотя сохранились его очень верные и точные зарисовки с натуры, удивительные по своей экспрессии и непосредственности, в природе он видел восполнение того, чего ему так не хватало в человеке — величие, свободу и масштабность.

Да, конечно, его могучие пейзажи, очень похожие на монументальные полотна другого великана — Питера Брейгеля, ничуть не напоминают конкретные окрестности Рима или какого-либо другого города, это всегда — мечты, его собственные фантазии, навеянные красотой и великолепием мира, но зато — как хорошо и вольно в них дышится, какую свободой, простором и присутствием Бога веет от них. Это пейзажи философа, написанные для грядущих, лучших людей.

И как хорошо, что, по крайней мере, два его лучших пейзажа — “Полифем” и “Геркулес, победитель Какуса” — находятся в России, в петербургском Эрмитаже. Александр Бенуа, бывший одно время главным хранителем Эрмитажа, так писал об этих вещах: “Эти пейзажи принадлежат вообще к самому вдохновенному и прекрасному, чем обладает Россия в смысле художественных сокровищ. В них Пуссен не археолог, тонко изучивший финэссы античной мифологии, а ясновидец-художник, который действительно “увидел” самую душу древней Эллады”.

Увы, уже в 1660-м жизнь художника начала подходить к завершению. 2 августа 1660 года он жалуется в письме своему знакомому Шантелу: “Я не провожу ни одного дня, не испытывая страданий, и, кроме того, мучительная дрожь всех чле-

нов увеличивается с каждым годом. Ужасная жара этого лета подорвала мои силы. Я оказался вынужденным бросить все мои работы и отложить в сторону краски и кисть. Если я доживу до осени, то надеюсь снова взять их в руки”.

К счастью, в тот год он все-таки дожил до осени, взял, как обычно, кисть в руку и, под занавес, начал писать еще один изумительный цикл — “Времена года”, заказанный ему герцогом Ришелье. Кажется, в этих четырех полотнах он заново осмыслил и пережил всю свою уходящую жизнь. “Весна” — время надежд и цветения: молоденькие и невинные Адам и Ева обнимаются в пахучем зеленом саду. “Лето” — вершина человеческой жизни — пора трудов и ярких достижений: люди в библейских одеждах убирают желтое поле. “Осень” — благородная зрелость и подведение итогов: уже выжженная, высохшая земля и уставшие иудеи, возвращающиеся в землю обетованную.

И наконец — “Зима” — самая безрадостная и безнадежная картина Пуссена. “Страшная красота”, — сказал о ней Гете. И действительно, кажется, художник писал ее, глядя смерти в лицо: так мрачны и безотрадны ее темные краски, так мучительно и безнадежно то страшное зрелище, которое изображено на ней. Всемирный потоп, солнце давно уже угасло, голая, безжизненная земля окутана мраком, подступающая ледяная вода, и несчастные люди, упорно пытающиеся спастись. Но нет им ни надежды, ни весточки о спасении — их всех без исключения погубит наступающий мрак и приближающаяся мертвая стихия...

И этот мрак и грядущий холод вечной зимы подступал в это время и к самому Пуссену. Сначала он отнял у него его кроткую и преданную подругу. Она умерла у него на руках в 1664 году от туберкулеза. Потом наступил и его черед. В январе 1665 года, уже закончив “Зиму”, он подает свою последнюю весточку: “Я болен, — пишет он приятелю Фелибьену, — и паралич мешает мне двигаться. Уже несколько времени тому назад я расстался с кистью и думаю только о том, чтобы подготовиться к смерти. Я ощущаю ее всем своим существом. Со мною кончено...”

Смерть пришла к нему спустя десять месяцев, 19 ноября 1665 года, после двадцати дней кровотечения горлом. Все присутствовавшие при его последних днях восхищались его удивительным терпением и выносливостью. ■

рисунки: **Алексея Остроменцкого**

Андрей МОЛЧАНОВ
Владислав АРТЕМОВ

Улыбка зверя

Вступление

На самом исходе лета, в середине августа, накануне праздника Преображения Господня, во Введенском храме Оптиной пустыни произошла следующая сцена.

Когда исповедь была закончена, и священник собирался уже взять в руки крест и Евангелие, чтобы унести их в алтарь, из затененного угла в круг света неожиданно выступил невысокий мужчина лет пятидесяти, неловко поклонился, показав при этом довольно обширную плешь, оглянулся по сторонам и без всяких предисловий зашептал решительной хриплой скороговоркой:

— Грешен, батюшка, в убийстве... Вернее сказать, в массовом убийстве. Семь человек положил, близких своих... Братьев своих... Семерых, можно сказать, каинов. Бог спросит: “Авель, где братья твои, каины”? А я отвечу: “Господи, я их к Тебе отправил, ищи их души там... А на земле среди людей их больше нет”.

Опытным чувством священник тотчас определил, что перед ним человек, теряющий разум. Как на грех, рядом никого не было, не считая маленькой ветхой старушки в белом платке, которая никак не могла установить в гнездо подсвечника свою валкую свечку.

Но внимательно взглянув в бледное лицо странного паломника, священник вдруг засомневался в правоте своего первоначального умозаключения и ровным голосом проговорил, указывая на крест и Евангелие:

— Бог вам судья. Вы успокойтесь... Давайте по порядку...

Иван Прозоров

Иван Васильевич Прозоров, подполковник Главного Разведывательного управления Министерства обороны, был уволен со службы по сокращению штатов и в связи с очередной, едва ли не десятой по счету, реорганизацией силовых структур. Молодой бритый чиновник из новых, отведя глаза, с издевательской холодной вежливостью объяснил ему, что, дескать, специалисты такого профиля, пусть даже и высочайшей квалификации, стране больше не нужны, поскольку нынешняя военная доктрина строится на совершенно иных принципах.

“Что, прошла вражда племен”? — поинтересовался в свою очередь Прозоров, попытавшись вложить в свои прощальные слова как можно больше едкой иронии, но чиновник уткнулся в бумаги и не удостоил его ответом.

Оказавшись на улице, вне Системы и практически без средств к существованию, Иван Прозоров испытал естественную обиду и разочарование, но все-таки сквозь сумбур горьких

* Журнальный вариант

обрывочных мыслей упорно пробивалась одна — пусть до конца не оформившаяся, но ясная: что же лично он, офицер, гражданин и многое повидавший на своем веку русский мужик, способен сделать для перемены жизни к лучшему? И своей, и того государства, которому он служил? При всей выпренности подобной формулировки ни тени пафоса в ней не было.

Взвесив свои навыки, знания, силы и проанализировав общую обстановку, Прозоров решил плюнуть на неповоротливую косную Историю и прежде всего устроить свою личную жизнь, а уж потом подумать о вечном и справедливом.

Но, как выяснилось буквально на третий день после увольнения, личная жизнь его дала такой крен, что выправить его было никоим образом невозможно.

— Что ж, — сказал он после мучительного и тягостного выяснения отношений с женой. — Крысы пусть уходят с корабля. Капитан покидает его последним. — И добавил, попутно подумав о том, как же богат русский язык и приспособлен именно для подобных горестных ситуаций: — Баба с возу, кобыле легче...

— Во-первых, — возразила жена, — крысы с корабля не уйдут. Во-вторых, капитан в данном случае покинет судно первым. А в-третьих, баба останется на возу, а кобыла, вернее, конь — пусть вылезает из хомута и пасется сам по себе... Надеюсь, на этом все аллегории закончены. — Она отвернулась, толкнула дверь, ведущую в ее комнату, обронив на прощание: — Да, пока не забыла, там тебе письмо пришло от брата, в прихожей на полке лежит...

— Хорошо, что не забыла, — сказал Иван Прозоров, почувствовав вдруг огромное душевное облегчение от этого ее категорически отчужденного тона. — Квартира, без всяких условий, остается тебе... Сиди на своем возу. Нового коня, надеюсь, ты уже подыскала... Но замечу тебе, вернее, напомним: на переправе коней не меняют.

— Разумеется, подыскала, — нервно откликнулась жена, и глаза ее сузились. — Разумеется, я подыскала коня! Пока ты шатался по своим тундрам и Забайкальям, пока месяцами сидел якобы на Севере, а потом являлся ко мне с южным загаром и травил байки про стройбатовские будни... Что дала тебе твоя армия, кроме этой двухкомнатной развалюхи, кроме командировок и возможности обманывать меня? Неудачник, ты всегда был неудачником... А вокруг неудачников все становятся неудачниками, эта болезнь заразительная и трудно излечимая... Так что, извини меня, но выдохшихся коней меняют в любом месте, а уж на переправе тем более!

Иван Прозоров молча слушал этот монолог, испытывая довольно болезненные и противоречивые чувства. Главным было чувство нахлынувшей на него свободы и какой-то, связанной с этим, праздничной безответственности. Вероятно, в глубине ду-

ши он и сам жаждал этой свободы, ибо, откровенно говоря, жене свою давно не любил, только боялся себе в этом признаться, потому что бросать женщину увядшую и постаревшую считал подлостью. Теперь же он был едва ли не благодарен ей за то, что она сама приняла на себя удар, сама сделала этот выбор, избавив его от нравственных колебаний. Но и, конечно, примешивалось сюда чувство чисто мужской досады, впрочем, довольно слабое.

Иван прошел на кухню, сдвинул с места старенький холодильник, отметив появление ржавых проплешин на некогда атласно-беленьких стенках, и, приподняв отверткой плитку пола, запустил руку в свой домашний тайник. Пальцы скользнули по шероховатой мешковине, в которую было обернуто трофейное оружие, привезенное с Первой Чеченской: “стечкин”, миниатюрный “маузер” и — откованный в Кубачах штык-нож, способный как пеньку резать металлические буксирные тросы. После нащупал коробочку с орденами и медалями. Открыв ее, рассеянно поглядел на позолоту, серебро и вишневую эмаль награды. Как он ждал того дня, когда сможет предъявить все это жене... Он аккуратно положил коробку обратно и установил холодильник на место...

Захлопнулась за спиной дверь квартиры, захлопнулась за спиной дверь подъезда. Прозоров завернул за угол дома, вышел на широкую дорогу и огляделся. Странное настроение овладело им — как будто в одночасье со всем миром произошла удивительная и чудная перемена — мир вдруг перестал быть чуждым и враждебным.

“Ну что ж, — сказал он вслух, — начнем все сначала. Прочь из этого города, отрясем его прах с наших ног. К брату в деревню, в Черногорск! На все лето...” — И это внезапное и твердое решение ехать в деревню к брату, к которому он не мог выбраться несколько лет из-за всяких, как оказалось теперь, ненужных и пустых дел, мгновенно прибавило ему душевной бодрости. На билет до Черногорска и на месяц-другой полноценной деревенской жизни денег у него хватало, а далее... далее следовало отправляться обратно за скудной своей пенсией. Нет, оковы прежней жизни все-таки его держали... Мысль эта пришла ему в голову, когда он был уже в двух шагах от входа в метро, и спровоцировала эту мысль небольшая очередь у обменного пункта.

Деньги, деньги... Неотъемлемая составляющая человеческого бытия. Жить в обществе и быть свободным от бухгалтерии — нельзя... А ему так хотелось стать свободным от всех мировых бухгалтерий!

Прозоров в растерянности остановился, задумчиво глядя на пластиковый стенд со съёмными цифрами, указывающими актуальный курс валют.

— Доллары, доллары... — тотчас услышал он тихое интимное бормотание и, обернувшись, увидел крепкого брюнета в кожа-

ной куртке. — Куплю доллары... Без очереди, выгодно... — продолжал брюнет бесцветным голосом, глядя куда-то в сторону.

— А... это... — задумчиво пробормотал Прозоров, с нерешительным колебанием приглядываясь к уличному коммерсанту. — Не обманешь? У вас тут все обманывают...

— Зачем обижаешь? — Брюнет в свою очередь прямо и с легким укором взглянул на простодушное лицо Прозорова. — Я честный человек... Сколько у тебя?

— Тысяча, — признался Прозоров и ласково погладил пустой карман. — С небольшим... Только ты мне куклу не подсунь, я проверю...

— Конечно, о чем вопрос? Все на твоих глазах... Нужно только в тот двор уйти, а то менты сзади...

— Не-е, — трусливым голосом сказал Прозоров. — В тот двор, пожалуй, я с тобой не пойду. Там, небось, дружки твои... И вообще, знаешь, я передумал. Я лучше законным образом...

— Какие дружки, слушай!.. — хватая Прозорова за рукав, горячо зашептал брюнет, почувствовавший, что внезапная удача может уплыть. — Если там дружки, в другое место отойдем, да? В какой хочешь подъезд...

— Не-е, — упирался робкий Прозоров. — Я лучше законно... Все ж таки тысяча, большие деньги... Что я жене скажу, если что?.. И потом, меня уже обманывали... Смотришь, на вид честный, поверишь ему, а он жулик...

— Чудак-человек! Твой же навар! Все на глазах, из рук в руки...

Спустя десять минут в глухом углу двора за гаражами, придя в сознание после кратковременного болевого шока и с трудом выбравшись из мусорного бака, весь шкворчащий от бессильной ярости Махмуд-Оглы Мирзабек, стряхивал с воротника картофельные очистки, яичную скорлупу и банановую кожуру, топал ногами и кричал набежавшим друзьям:

— Ишак! Зар-рэжу на фиг! Халдарык бешмык, билят! Клянусь мамой!

— Абулдак каралык! — стуча себя кулаком по голове, наседал на него бригадир ломщиков Мухтияр Гизоев. — Где деньги, джиляп?

— Урус шайтан! — хлопая себя по всем карманам, упавшим голосом говорил Махмуд-Оглы. — Крыстьянин! Совсем совесть потерял...

— Деньги где, деньги? — вторил Мухтияру и брат его Бехтияр Гизоев, проводя ребром ладони у себя под горлом...

А между тем деньги, еще не пересчитанные, ехали на такси по направлению к вокзалу.

Банда

Сергей Урвачев по кличке "Рвач" жил в постоянном беспокойстве и в тревоге, хотя со стороны могло показаться, что этот

человек достиг такого влияния в обществе, что уж ему-то грех жаловаться на нынешнюю жизнь и бояться каких-либо напастей решительно не стоит. Если бы кому-нибудь в Черногорске ненароком пришла в голову такая крамольная мысль, то, во-первых, он ни за что и никому не высказал бы ее вслух, а во-вторых, постарался бы немедленно выкинуть ее из головы. Само имя "Рвач" вот уже на протяжении нескольких лет наводило на жителей города ужас, и тому имелись очень и очень веские причины.

В конце восьмидесятых старший сержант Сергей Урвачев вернулся в родной город, честно отслужив в десантно-штурмовой бригаде свои положенные два года. Теперь ему предстояло восстановиться на спортивном факультете Черногорского пединститута и продолжить учебу, но окружающая жизнь за время его отсутствия настолько переменялась, что планы эти, казавшиеся прежде естественными и единственно возможными, ныне, по здравому размышлению, расценивались им как донельзя простецкие и наивные. Но поскольку иных планов устройства своей судьбы он не выработал, то решил не торопиться и повнимательнее приглядеться к происходящему вокруг. Присмотревшись, Сергей понял, что условия нового бытия диктуют откровенные бандиты, причем зачастую те, кто, подобно некоторым его знакомым, вышли из провонявших мочой подворотен, считаясь прежде отребьем и шпаной. Однако теперь чернь и мразь, ранее копошившаяся на общественном дне, стала организованной силой, сумела объединиться в дисциплинированные стаи и напористо вклиниться в раздел сладких пирогов.

— Давай, Рвач, к нам в бригаду, — предложил ему едва ли не в первую же неделю после дембеля дружок детства. — Нам крепкие парни во как нужны! А за нами, брат, не пропадешь... Ты же мастер спорта по боксу, призер... Десантура. Не пьешь, не куришь... Да тебя хоть сейчас возьмут! Пойми, люди нужны... И сразу все получишь — бабки, тачку, хату со временем купишь...

— Надо подумать, — уклончиво отвечал Урвачев.

— Что тут думать? Пусть философы думают. Или ботаники какие... Закрепят за тобой точку, вроде какого шалмана-ресторана, будешь дань собирать. И при деньгах, и всегда выпить-закусить бесплатно. Шоколад, а не житуха! Санаторий...

Из дальнейшего разговора с дружком детства Сергей сделал для себя окончательный вывод: в городе прочно утвердился уголовный мир со своей иерархией, деливший территории и доходы подопечных коммерсантов по собственным понятиям и принимавший в свои ряды зеленых чужачков лишь на должности молодых "солдат", не более того, что, в общем-то, было закономерным. Однако перспектива трудоустройства в "шестерки-бевики" Урвачева нисколько не привлекала. В голове его начи-

нали роиться куда более заманчивые и широкие планы, отличавшиеся такой решительностью и дерзостью, что до поры их следовало тщательно скрывать.

Вежливо, но твердо отказавшись от предложенной чести влиться в ряды сплоченного криминала, Сергей Урвачев в конце концов вернулся в институт, впрочем, не столько для того, чтобы продолжить учебу на факультете физкультуры, сколько для обретения пристойного социального статуса. Одновременно он продолжал лелеять и вынашивать свои тайные замыслы, но чем больше думал над ними, тем вернее выходило, что в одиночку на сегодняшний день сделать ничего не удастся, и, как ни крути, а нужен ему для начала крепкий союзник и толковый единомышленник.

В очень скором времени Урвачев стремительно и близко сошелся с бывшим своим соперником по соревнованиям, отслужившим в спецчастях и получившим диверсионную подготовку, — Егором Ферাপонтовым. Сергею хватило буквально нескольких фраз, чтобы понять — вот тот человек, на которого можно поставить и с кем стоит затевать большие дела. А в ходе дальнейшего общения Урвачев окончательно убедился в верности своего первоначального впечатления.

У Егора Ферапонтова была точно такая же цель, как и у Сергея, и цель эта заключалась в том, чтобы решительно и в самые короткие сроки завоевать криминальный олимп Черногорска, вытеснив оттуда зажавшуюся и возомнившую о своем всесилиии братву.

Постепенно вокруг них начала складываться команда с костяком из таких же, как они, спортсменов. И когда команда сложилась, настала пора конкретных действий.

Однако — с чего начать? Думали долго и разно. И наконец пришли к выводу: существующей силе можно противопоставить лишь силу более значительную, вот и вся идея. Причем значительность силы не обязана выражаться в количестве, но в качестве — непременно. И это новое качество — залог их победы. То бишь вопрос на кого именно из коммерсантов предстоит “наехать”, был сугубо второстепенным. Первостепенным же являлось решение иное, стратегическое — каким именно образом “наехать”. И в основе такого решения лежало то, что в традиционном уголовном мире, живущем по законам “понятий”, именуется словечком “беспредел”.

Пробной жертвой был избран хозяин одного из небольших ресторанчиков, считавшихся в городе элитным: зальчик, стилизованный под деревенскую избу, мордастые малые в вышитых сорочках и хромовых сапожках, официантки в пестрых кокошниках, любовно приготовленные блюда домашней русской кухни... Этот ресторанчик с восторгом от погружения в невиданную псевдо-экзотику посещали иностранные гости, в основном — бизнесмены, привлеченные в Черногорск жаждой уча-

ствия в доходах местной металлургической промышленности и всякого рода посредничествах.

Хозяин ресторанички — сорокалетний тертый типчик с отвислым брюшком, выпирающим из-под легкой шелковой рубашечки, в вырезе которой болталась толстая золотая цепь, выслушал предложение Ферапонта об уплате дани с ленивой, умудренной безучастностью, даже брезгливостью. Затем заученно и посто произнес:

— Я, ребята, спрашивать вас, кто такие, не стану, в дебаты вступать также не намерен, а скажу одно: уже плачу, извиняйте, а коли желаете встретиться с моими дойщиками, то с удовольствием вам данное свидание организую.

— Организуй, — согласился Урвачев, внимательно разглядывая делягу, от которого исходило непоколебимо безмятежное спокойствие.

Ресторанчик поднял твердой рукой телефонную трубку, невнятно проговорил в нее что-то, устало кивая, выслушал ответ, а после равнодушно передал Урвачеву сообщение от неизвестного абонента:

— Завтра в десять утра, шестой километр Северной трассы. Устроит?

Урвачев кивнул.

— Их устроит, — усмехнулся рестораничик в трубку, снова кивнул умудренной своей головой и — отключил связь.

Расстались молча, не тратясь на прощальные слова.

А уже полднем следующего дня уголовный мир Черногорска был потрясен мгновенно разнесшейся по городу новостью: неизвестный молодняк, вооруженный топорами, ножами и арматурными прутьями, приехав на “стрелку” с солидными людьми, отметелил их столь зверски, что это не укладывалось ни в какие представления об основах общеуголовного гражданского права.

И радужные представления ресторанички о своей железобетонной защите сменили тревожные мысли, ибо, в силу чисто технических причин, на повторную апелляцию ему рассчитывать не приходилось: молчали телефоны разбитой “крыши”, переместившейся в палаты реанимаций и потому, увы, объективно недееспособной.

Вслед за получением печального сообщения о жутком побоище снова явились к нему наглые отморозки, причем на сей раз — с теми же топорами, что в тревожных слухах упоминались, и пришлось начинающему капиталисту униженно юлить перед ними и оправдываться: мол, вы сами поймите, господа... Поставьте себя на мое место, я же все делал, как было приказано...

— Короче, — вогнав в столешницу топор, спросил его Ферапонт: — Ты все понял?

— Да-да-да-да...

— Платить будем?

— Будем-буде-буду-бу...

...Уголовный мир Черногорска не успевал опомниться от стремительности действий нового криминального формирования и поразительной жестокости, с которой оно действовало. На разборках “спортсмены” отрубали руки-ноги достопочтенным уголовничкам, вспарывали им татуированные животы с бестрепетностью патологоанатомов и в лютоści своей, чувствовалось, имели намерения идти до конца.

Впрочем, подобное “бесстрашие” объяснялось еще и тем, что в банде, где уже существовала четко организованная структура технического и транспортного обеспечения боевиков — исполнителей убийств и телохранителей, сборщиков податей, курьеров, хранителей постоянно закупаемого оружия, службы наружного наблюдения за жертвами и противоборствующими группировками, в этой уже состоявшейся мощной шайке бытовал простой принцип: смерть за нерадивость или за неисполнение приказа. В назидание подчиненным Ферапонт то и дело устраивал показательные казни, имевшие большое воспитательное значение.

В преступных кругах Черногорска и области царило смятение уже хронического свойства: устоявшийся уголовный мир с его старыми “кадрами” явно проигрывал в противостоянии напористым и бестрепетным “новичкам”... Проигрывал не только “точки” и деньги, но — жизни. И слухи — один жутче другого — ползли среди коммерсантов, уже безоговорочно сдававшихся “крыше” Ферапонта, ибо все знали: откажись, начини юлить, очень скоро найдут тебя на одном из пустырей с разможенным черепом и вспоротым брюхом...

Соратники

Сергей Урвачев подждал Ферапонта на недавно приватизированной ими турбазе, расположенной неподалеку от Черногорска. Он приехал сюда заранее, выставил охрану по периметру территории, успел пробежать по тенистым лесным дорожкам свои ежедневные десять километров, навестить тренажерный зал, оборудованный по последнему слову спортивной техники, и теперь маленькими глотками пил ледяную минеральную воду в уютном предбаннике турбазовской сауны.

Все началось месяц назад, здесь, на турбазе, в этом же предбаннике, похожем на великосветскую гостиную, где они с Ферапонтом в очередной раз подводили промежуточные итоги своей совместной деятельности.

Обсудив текущие вопросы, укомплектовав поредевшие списки бойцов новобранцами, заделав бреши недоговоренностей и просмотрев рутинные бухгалтерские отчеты, они, внезапно взглянув друг другу в глаза, подумали об одном и том же, тут же проникнувшись этим своим взаимным мистическим пониманием тех туманных устремлений, о которых ранее и не заикались...

После невольно возникшей паузы Урвачев, облизнув губы, сказал:

— Да, Ферапонт, и я того же мнения...

— Откуда ты знаешь, о чем я подумал? — настороженно спросил Ферапонт.

— Знаю... Потому что сам об этом давно уже думаю и даже имею кое-какие планы.

— Комбинат?

— Абсолютно верно. Все наши точки, все наши рынки и магазины, все это копейки по сравнению с комбинатом. Есть достоверная, хотя и очень неполная, информация о том, что там крутятся громадные бабки, и крутят эти бабки какие-то ушлые фраера...

— Колдунов, — обронил Ферапонт, имея в виду мэра города, бывшего главу местной металлургической промышленности. — У него, по моим данным, большой кусок акций...

— Это — само собой, — согласился Урвачев. — Но Колдунов сошка, главный хозяин — в Москве. Вопрос, как и с какого боку подступиться к этому делу?

— К Колдунову не подъедешь, Рвач... Он мэр, реальная власть. Кое-какой компромат мои людишки на него собирают, но все это так, слезы. Бабы, пьянки, пикники, мелкие финансовые махинации... Внедрить бы к нему верного человечка, но как? Вот в чем сложность...

— А вот тут все как раз очень даже просто, — сказал Урвачев. — Ты мне не поверишь, Ферапонт, но верный человечек уже давно внедрен... Очень давно! — Проговорив эти слова, Рвач хлопнул себя ладонями по коленкам и рассмеялся, с удовольствием наблюдая за реакцией собеседника. Реакция была именно такой, какую он и ожидал увидеть.

Глаза Ферапонта настороженно сузились, в них мелькнул тревожный огонек, он откинулся в кресле и приблизил к губам рюмку коньяка. Было заметно, что его неприятно поразила самодетельность напарника, который без его ведома и согласия самостоятельно и втайне осуществляет такую серьезную операцию. Удручало еще и то, что он, Ферапонт, ведя постоянную слежку за соратником и более-менее точно зная о главных его движениях, не имеет ни малейшего понятия о том, когда и как Рвач внедрил к Колдунову своего агента, и кто, в конце концов, сам этот агент...

— Эх, Ферапоша! — воскликнул наконец Урвачев. — Знаю, какие сомнения тебя гложут в эту минуту. Не сомневайся, брат, как раз тут все у меня чисто... Вот слушай-ка мой план. Есть у них там на комбинате один человечек по имени Аким Корысный...

— Знаю, коммерческий директор, — хмуро перебил Ферапонт.

— Именно, — согласился Урвачев. — Вот он-то и есть наш агент. Вернее, наш будущий агент. Мужичок слабый, алчный,

да и сама фамилия его говорит о том, что тип это корыстолюбивый, то есть по всем параметрам — наш клиент. Баба у него молодая, а когда у пожилого мужика баба молодая, это значит, друг мой Ферапонт, что мужик этот имеет роковую и неизбывную слабость. Молодая баба больших затрат требует, и моральных, и физических, а самое главное — материальных! Дам тебе хороший совет, друг мой, никогда, Ферапоша, состарившись, не женись на молодой, весь век оставшийся жалеть будешь...

— Слушай, Рвач, не трепись... — перебил Ферапонт. — Хрена мне твои советы, дело говори...

— Так вот, — продолжал Урвачев. — Корыстного этого я уже исподволь обмял и общупал, все характеристики на него собрал. Он хотя и при солидной должности, но на вторых ролях. А вторые роли, знаешь сам... Рано или поздно мысли ему в голову начинают лезть разные, в том числе и очень, доложу тебе, нехорошие мысли...

Взгляды Ферапонта и Рвача на миг перекрестились.

— Нет, Ферапонт, не думай, — успокоил Урвачев. — Нас это не касается, мы же с тобой в равных долях и у нас все на доверии... Потом: чего я напрочь лишен, так это — зависти. И твердо понимаю: рука у тебя тяжелее, и братву так, как ты, мне не обуздать. Тут у тебя талант... Бесспорно. А вот у него как раз наоборот, тщеславный он человечешко, отчего и мыслями темными тяготится... Платят ему по обычным житейским меркам замечательно: домик о трех этажах за городом имеется, квартира на улице Ленина, счет в банке, да и дома наверняка кое-какая наличность в укромном месте... Радостно живет человек, можно сказать, благоденствует. И ему бы Бога молить, свечки в храме ставить ежедневно да с женой своей любезничать...

— Короче, Рвач, — раздражаясь велеречивостью друга, не выдержал Ферапонт.

— Эх, Ферапонт, не читаешь ты художественных книг, не повышаешь культурный уровень и говорить с тобой трудно. Тут ведь важна именно художественная сторона дела... Ну ладно, короче так короче... Надо отдать ему "Скок". Любимую нашу компанию...

— Как отдать "Скок"? — не понял Ферапонт. — За какие такие заслуги?

— А вот слушай дальше... Мы этому честолюбивому человечку предложим хороший кусок, и он его заглотит. Заглотит как миленький, не сомневайся. Должность у него такая, что он все видит и может сравнивать. Сколько ему, честному и трудолюбивому, перепадает от комбината и сколько уходит другим, которые этого никак не заслужили. И он в обиде, в большой обиде, Ферапонт, уж поверь мне, я людей чую, а особенно — гнилую их сторону. Зависть его гнетет, вот что. Зависть и чувство несправедливости от того, что ценят его мало. Нет человека, который был бы вполне доволен тем, как его ценят другие. И с

этой стороны надо подъехать тонко, войти к нему в доверие. Так, мол, и так, уважаемый Аким Борисович, много о вас слышаны, в том числе — о ваших необыкновенных талантах в области решения финансовых проблем. Не могли бы вы оказать законопослушной и процветающей фирме “Скокс” небольшую консультацию в одном дельце... А дельце-то простое, пустяковое... И гонорар ему, финансовому гению, соответственно его представлениям о своей ценности предоставим, да еще и с солидной надбавкой и с премиальными. И лести, побольше лести, тут уж скупиться никогда не надо... Через недельку еще одна консультация и еще один гонорарчик... Жене пустячок какой-нибудь... Вот человек и на поводке.

— Складно, — одобрил Ферাপонт, начиная понимать комбинацию.

— Ну, а спустя некоторое время, уже на правах лучшего друга, в частной беседе сдать ему “Скокс” в полное личное пользование. Мол, дорогой Аким Борисович, у нас столько иных направлений деятельности, что до “Скокса” руки не доходят, а поскольку вы уж проявили себя с самой лучшей стороны, то берите и владейте. Отдавайте нам тридцать процентов, а остальное ваше — расчетные счета, печати, склад с остатками имущества, лицензия на внешнеэкономическую деятельность и прочее... Будьте добрым и рачительным хозяином.

— Он с комбината не уйдет, — заметил Ферапонт.

— А и не надо! — воскликнул Урвачев. — Именно так он скажет: я, дескать, не уйду с комбината... А мы ему подпоем: одно другому не мешает, там вы служащий, здесь — хозяин, но везде, уверены, справитесь с вашими-то талантами...

— Понял, — согласился Ферапонт. — “Скокс” он берет, начинает разворачиваться, а тут...

— А тут через три дня приходят наши молодцы и говорят: “Хозяин, у вас взят кредит в нашем банке, процент растет, надо платить...” И документ ему соответственный в нос, и срок уплаты, и счетчик... Ага? Он начинает метаться, но все по закону, комар носа не подточит. Всего имущества у него едва ли на треть кредита хватит, значит — смерть... Он кидается к другу задушевному, а друга след простыл... И вот тут надо навести на него побольше жути, продержат его пару-тройку дней в полном одиночестве, чтоб подумал о жизни, чтоб сломался окончательно. Но не пережать, последить за ним, а то сдуру повесится или в органы побежит. А времена сейчас другие — и фээсбэшники на нас зубы точат, и РУБОП этот... Существовали бы они в начале девяностых, преподавали бы мы с тобой, Ферapoша, мальчикам и девочкам физкультуру в средних школах... Но, впрочем, отвлекся. Насколько я его понял, ни того, ни другого делать он не станет. И вот в самый отчаянный миг даем ему гудочек по телефону: “Вы приглашаетесь в банк для переговоров о возможности компромиссного решения...” У него руки-ноги

затрясутся, надежда взиграет, а от такой надежды человек еще больше слабнет и мягчает. И вот тут, друг мой Ферапонт, мы и снимаем с него всю информацию о самых потаенных делах комбината...

— Может упереться, — засомневался Ферапонт.

— И уперется! — подтвердил Урвачев, рубанув ребром ладони воздух. — А как же! В первую минуту — разумеется! Он же честный и порядочный человек, а не предатель. Но мы разъясним ему, что предавать-то он будет подлецов и негодяев, которые не оценили его, которые наживаются на страданиях честных людей, нагло разворовывая народную собственность. А сдать воров и преступников каждый честный человек просто обязан...

— К... кому обязан? — произнес Ферапонт растерянно, но Рвач, оставив сей праздный вопрос без внимания, взял со стеклянного столика трубку радиотелефона, нажал кнопку "1", и тут же запахнулась входная дверь, в проеме ее появилась сама предупредительность и внимание, олицетворенные в долговойзой, с бритой лопухой головой "шестерке", — новому выдвиженцу Ферапонта.

— Слушаю, Сергей Иванович! — выдохнул холуй, чье имя Рвач помнил весьма смутно. При этом слуга каким-то образом умудрился вытянуться в струнку и одновременно почтительно ссутулиться.

— Э-э, как тебя там... Сауна готова?

— Как можно, Сергей Иванович? — "Шестерка" изобразил в голосе некоторую обиду, самую, впрочем, легкую, чтобы не рассердить высокое и непосредственное во всех смыслах начальство. — С утра держим пары... Всегда наготове. В лучшем виде. Для того и приставлены.

Урвачев с интересом пригляделся к отрывисто рапортующему человеку. Явно не из шпаны, лукавоглаз, с короткой острой бородкой и стриженными усами, делавшими его очень похожим на творца отечественной соцреволюции.

— Хорошо работаем, продолжай в том же духе... — великодушно произнес Рвач. — А вот манеры у тебя какие-то странные, ты откуда здесь взялся такой?

— Владимир меня зовут, — почтительно представился человек. — Кто такой? Прежде находился при партийных банях, Сергей Иванович, при самых, так сказать, высочайших сферах, обслуживал таких клиентов, таких боссов, что до сих пор дрожь в коленках при одном воспоминании...

— А у тебя, часом, не Ильич отчество? — перебил Урвачев. — Владимир Ильич... Уж больно ты на Лысого смахиваешь...

— А-а! — Лицо Владимира болезненно сморщилось в угодливой улыбочке от прозорливости собеседника. — Именно так! Более того — Уляшов! Вынужден был в течение тридцати лет скрывать истинную фамилию, довольствуясь скромным псев-

донимом — Питюков... Неловко, знаете ли, члены Политбюро, а при банях у них, сами понимаете...

— Так ты банщик? — удивился Урвачев.

— Массажист — высший класс! — подтвердил Ферапонт. — Сегодня сам убедишься.

— Ладно, служивый, — вздохнул Урвачев, которому стал уже надоедать словоохотливый банщик. — Принеси мне еще бутылочку минеральной и ступай, следи за парами...

— Слушаю, Сергей Иванович. — Владимир Ильич поклонился и стремительно помчался исполнять приказание.

Урвачев поднял трубку телефона, нажал на ней цифру “3” и спросил отрывисто:

— Чисто?

— Абсолютно! — донесся ответ.

Это значило, что охрана проверила турбазу сканером, не обнаружив никаких внешних и внутренних признаков наличия подслушивающих устройств.

— Порядок? — вскинул на соратника голову Ферапонт.

— Пока — да... — философски вздохнул тот. — Так вот насчет Корысного...

— Ладно, пошли в парилку. — Ферапонт привстал с кресла. — Там и добазарим. Там уж точно... никаких “жуков-клопов”.

Ферапонт и Рвач

Не прошло и двух недель, как Ферапонт и Рвач вновь плотно заперли за собой дверь парной, усевшись на махровые полотенца, застлавшие гладенькие доски широких скамей, ступенями поднимающихся до жаркого потолка.

Сняв с крючка медный черпак с резной деревянной ручкой, Ферапонт зачерпнул из бадейки воды и плеснул на камни. Пригибая голову от взвившегося яростно пара, взобрался на полку.

— Дела серьезные, Рвач, — поведаль, почесывая волосатую мускулистую грудь. — Все по-твоему сошлось, клиент раскололся. Информации — гора, нам с тобой еще придется покопаться в ней, разобраться в деталях... Но главное мы уже знаем...

— Ну-ну, — заинтересованно поторопил Урвачев.

— Все идет через москвича...

— Та-ак... Как я и думал. Кто таков?

— Дрянь, отжимок, на пенсии... Пять лет назад ушел из министерства. Но перед пенсией успел связать узлы — вышел на какого-то американца, организовал экспорт металла с комбината. Весь куш уходит к нему, Колдунову перепадают крохи... Но главное, Рвач, он же, этот москвичок гнилой, устроил такое акционирование комбината, что шестьдесят процентов акций у него. У Колдунова около двадцати, остальная мелочевка разошлась по работягам...

— Адресок москвича есть? — мгновенно оценил услышанное Урвачев.

— Пока нет, но добудем. Дело техники...

— Интересный поворот! — усмехнулся Урвачев. — А москвичок-то — молодец! Аккумулятор! Не дал богатству расплыться, в одну кучу сгреб...

— Мало того, Рвач... Эта гнида, Корысный, на всех запасался компроматом. Там на Колдунова кое-что имеется, и на прокурора Чухлого... Говорю же: придется покопаться... Большие козыри в руки к нам пришли, Рвач, очень большие козыри!

— Так, а что американец?

— На американца почти ничего. Он в доле точно, но сколько получает, не знаю... Однако — тоже — штука! С комбинатом у него договор по определенному объему поставок аж на десять лет! Я думаю, Серега, так... Москвича, ясное дело, мы выпотрошим и выйдем на американца. Надо менять схему, на хрен нам эта Москва и посредники. Система будет такая: Колдунов, мы с тобой и — американец. Американец — рынок сбыта, без него никак... Первое время хотя бы...

— И вообще связи зарубежные, — вставил Урвачев. — Не век же нам в этой дыре обретаться... — Обвел взором пространство бани. — То есть, получается треугольник... А почему бы и нет? Простая и самая жесткая фигура...

— И самая, кстати, устойчивая...

— Точно.

— А тупым углом в нем будет янки... — поджал губу Ферапонт. — В перспективе, ага? Хотя, может, и Колдунов, кто знает...

— Ну-с, — подытожил Урвачев, — перспективы широкие, цели ясные, будем работать. — Он приподнялся с полки и взялся за ручку двери.

— Погоди, Рвач, — сказал Ферапонт. — Там небольшая заминка вышла с Корысным, засомневался я и не замочил его сразу... Думал, еще какая-нибудь за ним информация, отпустил на волю и хвост пристегнул... Нотариус насчет имущества его все подписал, не пропадать же добру... Бабу его в случае чего прессанем хорошенько. А вот Корысного, думаю, мочить все-таки надо, лох порожний, выпотрошенный, больше с него ничего не возьмешь, а знает много...

— Да, — согласился Рвач, подумав секунду. — Две пользы. Корысного замочим — концы в воду, а Колдунову — сигнал. Сговорчивей будет...

— Я зарядил троих бойцов, провел инструктаж...

Они вышли в предбанник, сели в кресла.

Тотчас подлетел официант-банщик Владимир Ильич, неся на вытянутых руках серебряное ведро для шампанского, где из груды рыхлого льда торчало одинокое горлышко пивной бутылки.

Урвачев налил в чашку душистый свежесваренный чай. Запахло мятой и сеном.

— Я слышал, сестра твоя с писателем развелась, — сказал Ферапонт. — Выдал бы ты ее за меня, Рвач. Свояками бы стали, одной семьей... Такая женщина пропадает!

— Не пойдет Ксюша за тебя, Ферапонт, ты же сам знаешь...

— Эх, не будь она твоей сестрой, Рвач, — вздохнул Ферапонт, — я бы ее силком увел... Ох, увел бы!.. Ведь с писателем развелась, а теперь, ребята базарят, с художниками спуталась... Богема!

Спустя некоторое время, когда бандиты уехали, в остывающую сауну вошел хлопотливый Владимир Ильич Уляшов, он же Питюков. Неторопливо помыл помещение, вышел в предбанник, оглядев в нем каждую мелочь внимательным хозяйским оком. Прибрал со стола, смахнул тряпочкой невидимую пыль. Затем еще раз осмотрелся, выглянул даже в холл и, убедившись, что там пусто, снова направился в сауну. Снял с крючка медный ковшик с резной деревянной ручкой, свинтил набалдашник, имевший левую резьбу, извлек из него отливающий тусклым металлом цилиндрик.

Завернул цилиндрик в чистый носовой платок и — тихо покинул помещение.

Прозоров

Ворота сарая медленно распахнулись, и в их проеме показался худой изможденный человек в комбинезоне, боязливо озирающийся по сторонам. Не без труда признал в этом человеке Иван Прозоров своего брата Андрея.

— Байкал! Байкал! В будку! Братишка, приехал... — спотыкающейся походкой пошел ему навстречу Андрей, расставив руки для объятия. — А я думаю, кого там несет... Ленка, Верочка, встречайте гостя! Ну, здравствуй, Иван... Вот уж не ждал...

Братья обнялись, и острая жалость ударила Ивана Прозорова прямо под сердце, когда он почувствовал под сильными своими ладонями худое слабое тело.

Из дома выскочила жена Андрея — Ленка и, растерянно, жалко улыбаясь, щуря близорукие глаза, пошла ему навстречу. Племянница Верочка, девчушка лет одиннадцати, тоже как-то неуверенно улыбаясь, стояла на крыльце, не решаясь спуститься.

— Привет, Леночка! — говорил Прозоров, оглядывая странно осунувшееся, бледное лицо. — Я тебя лет пять не видел, а ты не меняешься, все такая же красавица... — Он сильно кривил душой, произнося этот комплимент, да и сам сознавал, что слова звучат фальшиво. — А тебе, Верочка, ничего не успел купить, — растерянно развел руками. — Ну ничего, потом... Съездим в город, выберем...

Что-то выходило не так как нужно, совсем по-другому он представлял эту сцену встречи, когда ехал в поезде. У него возникло такое ощущение, какое бывает у постороннего деликатного человека, по ошибке заглянувшего в чужой дом, в чужую семью, где он застал неожиданный беспорядок, стирку белья или дотлевающую ссору, неопрятно разбросанные вещи, остатки обеда на столе... словом, некую изнанку жизни, привычную и не замечаемую домочадцами, но которую не следует выставлять на всеобщее обозрение... Самое естественное, что следует делать деликатному человеку, — это отвести глаза, извиниться и покинуть дом.

— Я, собственно, проездом, — поспешил заявить Прозоров. — Завернул проведать... Я твое письмо получил, Андрюша...

— Проходи, проходи, — суетился Андрей. — Ленка, собери там чего-нибудь...

— Да я сыт, — соврал Прозоров. — В городе в кафе зашел...

— Ничего, ничего... — говорил Андрей, беспокойно озираясь и словно бы прислушиваясь к чему-то. — Сейчас, правда, никаких разносолов нет... Ты бы хоть телеграмму дал, что ли... Давай присядем, пока там Ленка стол накроет, приборет... Верунчик, иди мамке помоги... А я, видишь, тут маленько... Хозяйство, вишь... Продыху нет. Думал, когда затевал все это — природа, речка, молоко, сметана... А на деле... Хочу обратно. Давно бы уехал, да некуда! Квартира-то занята, за полгода вперед аренду взял. А денежки уже — тютю... Нет, не думай, все обрзается, но выждать надо. А с этими... ну... понимаешь?... С ними бесполезно отношения выяснять, они везде, и никуда от них не денешься. Им все колхозы платят...

— Слышал про колхозы, — сказал Прозоров. — Крепко они вас тут обложили.

— Система! — покачал головой Андрей. — Мафия, брат... У них и в милиции свои люди, и прокурор Чухлый у них, и председатель облсуда...

— Чухлый — прокурор? — удивился Прозоров и улыбнулся, потому что вспомнил, как когда-то вместе с этим Чухлым подростками украли они гуся на окраине Черногорска. — А, впрочем, скорее всего, это не тот Чухлый...

— Я так думаю, что и сам Колдунов с ними, — добавил Андрей. — Рыба с головы гниет.

— Кто такой Колдунов?

— Как?... Мэр!

— Колдунова этого не Венькой зовут?

— Да, Вениамин Аркадьевич...

— Слушай, я ведь и Колдунова пацаном помню! — воскликнул Прозоров. — И думаю, если надо, смогу...

— Они, Иван, крепко тут все взяли, — не слушая собеседника, продолжал Андрей. — Все в их когтях, не вырвешься. В Но-

воселках фермера спалили в прошлом году вместе с семьей. Мы с ним пасеку затевали, планы строили... Говорил я ему, не езди в милицию жаловаться, не послушал... Мне сейчас что главное? Потянуть время и смотаться тихо. Как ехал сюда, видел сруб обгорелый?

— Ну...

— Кузню мне спалили неделю назад. Так что не вздумай влезать во все это. Против системы не попрешь. Колдунова он пацаном знал! Ха! Другое время, брат, другое... И люди другие... Ты когда уезжаешь?

— Прогоняешь?

— Честно тебе скажу: нехорошо здесь. Ты уж не обижайся, а лучше тебе не задерживаться. Не дай Бог, что... Идем в хату пока, перекусим.

Вслед за Андреем Прозоров поднялся на крыльцо, со скрипом отворилась тяжелая дверь, обитая изнутри войлоком, и они оказались в просторных полутемных сенях. Сени были загромождены какими-то бочками, груды досок лежала у дальней стены, углы тесно заставили чугуны и мешки. Пахло чем-то кислым, перебродившим...

Прозоров, выставив руки, на ощупь продвигался вслед за братом и все-таки больно ударился бедром обо что-то острое, металлическое...

— Осторожно, тут сундук, — запоздало предупредил Андрей, открывая дверь в комнату. — Кованый, старинная вещь...

— Я понял, — сказал Прозоров, потирая ушибленное бедро.

Стол был уже накрыт. Накрыт по-деревенски просто: фаянсовые тарелки, а в них — соленые огурцы, помидоры, квашеная капуста, зелень, тонко нарезанное сало. Посередине стола графинчик с водкой. На газовой плите скворчала в сковородке яичница.

Выпили по рюмке водки, по второй, но разговор не ладился, все чаще стали возникать неловкие паузы...

— Вот что, — сказал наконец Прозоров. — Ты, брат, не обижайся, я устал с дороги, отведи-ка меня на сеновал. А уж завтра поговорим подробнее. Я с утра в город съезжу, поброжу по памятным местам, а вечерком вернусь и потолкуем как следует...

На данное предложение Андрей откликнулся с готовностью — ему и самому тяжело было поддерживать вымученную беседу с внезапным гостем...

Проснулся Иван рано. Неясная тревога мучила его, когда он спустился с сеновала.

Во дворе бляела коза, брат возился с мотоциклом.

— Андрюша, — позвал его Прозоров и заметил, как плечи брата вздрогнули. — Как отсюда добраться до города? Решил съездить, осмотреться, вечером — вернуться.

— Иди мимо озера, выйдешь к станции. Две остановки на электричке и ты в городе.

Бодрым шагом Прозоров пошел к озеру, и уже через полчаса садился в подоспевшую электричку. В вагоне, разговорившись с попутчиками, выяснил, что нужный ему автобус останавливается прямо у вокзала, и едва вышел на знакомую площадь перед ним, увидел этот автобус, как по заказу подруливающий к остановке. Все складывалось на редкость удачно!

Ехал по городу, внимательно разглядывая улицы в окно. Надо же, за годы его отсутствия в городе успели выстроить гигантский мост над железной дорогой. Когда утром он въезжал в город, не заметил его. А вот и дом, зарывшийся в кусты сирени, где был счастлив когда-то с мамой, вот и колокольня белой церкви. На переезде по-прежнему мигал красный светофор, маячила белая будка с бессменной толстой теткой в телогрейке, и по-нуро клонился к земле опущенный шлагбаум.

Через полчаса пустой автобус, который теперь вез Прозорова обратно на вокзал, снова въехал на мост. Внизу по-прежнему одиноко и грустно мигал красными фонариками ненужный переезд, перегораживал пустую дорогу, и маленькая тетка стояла, опершись на барьер и подняв руку с жезлом.

“Зачем я здесь? — мелькнуло в голове и вновь тоскливо сжалось сердце. — Может, самый резон именно сейчас кинуться с этого моста на рельсы. Впрочем, что за бред! Нет, Ваня, ты лишь в начале пути и прерывать его на старте категорически не стоит. Вперед в новую жизнь, вот так!”

И новая эта жизнь встретила Ивана во всей своей обнаженной красе. Солнце садилось за полями, длинные тени лежали на земле, синели на нежном розовом горизонте дальние леса, и просторы земные были величественны и смиренны.

Еще издалека, с берега озера, увидел он два джипа, стоящие у ворот дома брата. Прозоров, следуя профессиональному инстинкту, нырнул в кусты и, пригибаясь, пошел стороной, направляясь к дому с тыла, где густой и высокий боярышник высился над забором. Пройдя десяток метров, вздрогнул, услышав тугой винтовочный выстрел, вслед за которым жалобно завизжала собака. Грохнул еще один выстрел, и собачий визг прекратился. Прозоров упал в траву и пополз.

“Никаких эмоций, никаких чувств и эмоций, — вдалбливал он сам себе, осторожно подползая к забору. — Все на одном ледяном расчете и на голом анализе...”

Он твердил эти фразы, одновременно понимая с окончательной и безнадежной ясностью, что рассчитывать в данной ситуации на что-либо и на кого-либо ему абсолютно не приходится, и финал происходящего будет неотвратимо гибельным и страшным.

Отодвинув подгнившую доску забора, он взглянул во двор, и с первого же взгляда уяснил, что у врага, по меньшей мере, де-

сятикратный перевес в живой силе, не говоря уже о вооружении. Иван еще раз остро пожалел, что оставил свое оружие в Москве.

“Спокойно, уйми нервы, — продолжал он внушать сам себе. — Эти скоты застрелили собаку для острастки, пугают... Но людей они убивать не станут, побоятся вот так, в открытую... Да и какой смысл убивать тех, кто приносит хоть какой-то доход? Глупо. Напустят страху, и — уберутся... Нет, завтра же всех этих дурачков в охапку и — к черту отсюда...”

Из дома донеслись громкие женские вопли, хлопнула дверь, и несколько бандитов выволокли во двор сперва покорного брата Андрея, которого била крупная дрожь, а вслед за ним — упирающихся Ленку и Верочку.

“Вот же, кретин! — ругнул себя Прозоров, чувствуя, как ледяная лапа сжала его сердце. — Надо же было оставить все в Москве! Дачник безмозглый! — Он сжал кулак, словно ощутив на ладони и пальцах шероховатые насечки пистолетной рукояти. — Спокойно, Прозоров, думай, думай!..”

Из толпы братков, скучившихся во дворе, взгляд Ивана выделил коренастого, коротко стриженного крепыша, одетого в спортивный костюм. В руках его был топор.

— Так, первый Тимоня! — громко выкрикнул он, подавая топор тщедушному, боязливо отступающему в сторону малому.

— Ферапонт, я счас, счас... — потерянно озираясь, бормотал тот.

— Ты чего, сучара, пятишься?! — заорал Ферапонт. — Ты чё, подонок, выделяешься?! На колени, сука!

— Я возьму, Ферапонт, я счас...

— Всем смотреть, падлы!

Прозоров закусил зубами траву, и в глазах у него поплыло.

— Всем крови приобщиться, — кричал уже один черный голос из мрака. — Всем, падлы, губы намазать!..

Прозоров горел в косматом багровом пламени, корчился и задыхался в черном дыму.

Он с трудом поднялся на колени и стал откатываться прочь от горящего дома и от горящего сарая.

Там, под этой пылающей гудящей крышей, вместе с сухим сеном, вместе со щелью в крыше, вместе с золотым солнечным лучом и редкими пылинками, выгорали и осыпались седым пеплом все его тихие воспоминания о далеком, грустном, ласковом — человеческом прошлом.

Грохот взрыва, произошедшего у храма на Соборной площади, долетел и до улицы Розы Люксембург, заросшей старыми липами и застроенной исключительно одноэтажными домами. Среди этих домов стоял и потемневший, как-то странно уменьшившийся за время разлуки дом, где был неко-

гда безмятежно и коротко счастлив маленький Ваня Прозоров.

Теперь же, подходя к дому, Иван Васильевич, еще издалека увидев во дворе дядьку Жоржа, с трудом признал в этом хмуrom старике бодрого и деятельного прапорщика из своей далекой молодости. Что-то лошадиное появилось в фигуре дядьки Жоржа, и нынешний его понурый облик вполне соотносился с ругательным определением "сивый мерин". Был он худ, жилист, сутул, ходил по двору, опустив длинные руки вдоль тела и, точно отбиваясь от мух, помахивал большой костистой головой, на которой топырились коротко стриженные седые волосы. Одет — в засаленные штаны с пузырями на коленях, в кирзовые сапоги с подвернутыми голенищами и в старую латаную гимнастерку.

— Дядя Жорж, — тихо позвал с улицы Прозоров.

Старик поднял голову, медленно подошел к калитке. Прозоров, как замороженный, разглядывал его нахмуренный лоб, густые брови, грубый пористый нос, толстые губы, которые, казалось, с трудом сходились, обнажая тусклый ряд железных зубов. Когда он заговорил, зубы эти выступили вперед, и Прозорову почудилось, что он слышит, как с железным звуком постукивают они друг о дружку.

— Ну проходи в дом, Ваня, — отпирая калитку, сказал дядька Жорж таким равнодушным и обыденным тоном, точно и не пролегалo между ним и пасынком тридцати с лишним лет разлуки. — Рассказывай, что с тобой стряслось? Ты, брат, точно из психушки сбежал...

Прозоров молча вошел в дом.

— Садись, Ваня, рассказывай. Где был, что повидал?

— Повидал, дядя Жора, многое, — сказал Прозоров, опустившись на табуретку. — Такого навидался, что впору действительно в психушку обратиться... Ты брата давно видел?

— Андрея, что ли? Был у меня с полгода назад, зимой... То десять лет носа не казал, а тут явился. Денег в долг просил, а откуда у меня деньги, сам посуди?.. Прогнал я его.

— Убили Андрея, — сказал Прозоров отчужденно. — И Ленку убили, и Верочку. Вчера вечером. Сожгли вместе с домом...

В лице дядьки Жоржа не дрогнул ни один мускул.

— Ты что, не расслышал, что ли? — испытующе поглядев на него, спросил Прозоров.

— Царство небесное, вечный покой, — проговорил тот ровным голосом. — Все там будем. А Ленка — жена его, что ли?

— Жена.

— Верка, внучка, стало быть... Сколько же ей? Лет десять, должно... Так я ее и не видел ни разу. Убили, стало быть... Озоруют ребята...

Прозоров не выдержал, вскочил с табуретки, принявшись нервно расхаживать по комнате.

— Сына твоего убили, а ты — “озоруют ребята”! — вскричал он, срываясь. — Делать что-то надо, а ты сидишь как камень! Я видел их, запомнил всех... Одного Ферапонтом зовут.

— Ферапонтом? — дядька Жорж вскинул голову. — Так это, значит, “ферапонтовцы”! Что ж ты тут сделаешь? Ничего ты не сделаешь, Ваня. Система...

— Какая еще система... — Прозоров затравленно усмехнулся. — Ты же когда-то в другую Систему верил... — Он вдруг запнулся, уяснив, что ведь когда-то христоролюбивое российское крестьянство с легкостью подчинило себя тем, кто в считанные годы, не встречая практически никакого сопротивления, превратил православные храмы в коровники и картофельные склады.

— Наше дело маленькое, — прогудел старик. — А ты... Ты горячку не пори, крепко подумай, прежде чем шум поднимать...

— Я к Колдунову пойду, к мэру... — сказал Прозоров устало. — Все-таки дружок детства...

— Чего-то не помню такого... — вскинул брови старик.

— Одно лето еще мальчишками с ним провели, — пояснил Прозоров. — Должен помочь...

— Как же, — неопределенно хмыкнул дядька Жорж.

— У тебя выпить есть что-нибудь? — внезапно спросил Прозоров, снова почувствовав, как нервная дрожь волной проходит по спине. — Деньги у меня имеются, не волнуйся...

— Ну, коли имеются...

Спустя минуту на столе появилась бутылка самогона, грибы, кусок хлеба. Прозоров налил себе полстакана и, не дожидаясь дядьки Жоржа, молча выпил. Отдышавшись, спросил:

— Поэт жив еще?

Все эти годы соседом отставного прапорщика был бранчливый старик Ожгибесов. Печальной особенностью старика было то, что он враждовал со всей улицей, да и вообще считался помешанным, что, в общем, соответствовало истине. У него была какая-то сложная психическая болезнь, со своим ученым названием, но все соседи называли его “поэтом”, поскольку одним из проявлений этой душевной хвори являлось неудержимое стремление к писанию слов и подыскиванию случайных созвучий.

— Жив, собака, — равнодушно сказал дядька Жорж и тоже выпил. — Жив, собака, — повторил он. — Совсем свихнулся... Библию где-то добыл — всю в золотых застежках... Скорее всего, в церкви украл. Теперь всей улице от него покоя нет, ходу не дает. И главное, шпарит наизусть!.. “Аки, паки, еже бысть...” Да вон он прется, легок на помине. Пойду, калитку припру...

— Я у тебя поживу некоторое время, — вопросительным тоном произнес Прозоров. — До выяснения, так сказать, обстоятельств... Только ты пока — никому ни слова.

— Живи, — равнодушно ответил дядька Жорж, поднимаясь. — Вон в той комнате и живи... Я, Вань, теперь совсем один, стало быть... Эх, Андрюша, Андрюша... — Лицо старика неожиданно сморщилось, он махнул рукой и, сутулясь, пошел к двери.

— Ничего, батя, — тихо сказал ему вслед Прозоров. — Ничего...

Он стал у окна, наблюдая за тем, как сошлись у калитки два старика, как дядька Жорж уперся ногой в нижний ее край, не давая проникнуть во двор огненно-рыжему проповеднику, который что-то вдохновенно кричал, тыча пальцем в ясное небо...

Прозоров открыл форточку, и именно в этот миг докатилось до улицы Розы Люксембург эхо дальнего взрыва...

— Слышал?! — кричал Ожгибесов. — Близится конец мира сего! Ясное небо громами возговорило, скоро и камни возопиют!.. Покайся, Георгий!

Колдунов

Сидя на заднем сиденье просторной служебной машины и рассеянно поглядывая сквозь тонированные стекла на проносящиеся мимо дома, на толпящихся у остановок обывателей, на развешанные повсеместно предвыборные плакаты с его, Колдуновской, фотографией и короткой надписью под ней: "Порядок, закон, справедливость!", — мэр города Черногорска, он же совладелец обогатительного комбината, пребывал в весьма встревоженном состоянии. Накануне вечером неизвестными пока лицами (прокурор Чухлый с особенным ударением произнес по телефону это слово "пока"), было совершено вооруженное покушение на коммерческого директора комбината Акима Корысного. Было отчего встревожиться. До сих пор мятежные волны взбаламученной городской жизни не выплескивались из определенных и расчерченных Колдуновым берегов и не взлетали так высоко. До сих пор сильные люди города сего пребывали в относительном покое и безопасности, наблюдая со своей высоты за тем, как там внизу, в мутных водоворотах и тинистых таинственных омутках, крупные зубастые хищники пожирали более мелких, или же, объединившись в тесную стаю, мелкая тварь рвала на части тварь более крупную...

После недолгого размышления и сопоставления известных ему фактов Колдунов вынужден был придти к выводу, что самый мрачный, но он же и наиболее верный вариант — происки набравшего изрядную тeneвую силу гангстера Ферапонта.

В просторной приемной его уже поджидали начальник милиции Рыбаков и прокурор Чухлый, которые при его появлении разом вскочили с кожаного дивана. Однако мэр даже не удостоил их взглядом.

— Никого не впускать, — скомандовал он секретарше. — Ни с кем не соединять. А вы — ко мне! — бросил он перетаптывающимся стеснительно Рыбакову и Чухлому.

— Но, Вениамин Аркадьевич... — начала было секретарша, — тут из Москвы...

— Ни с кем, — отрезал Колдунов. — До особого распоряжения.

С этими словами он проследовал в служебный кабинет, а вслед за ним, уступая первенство друг другу, в дверь вошли Чухлый и Рыбаков.

— Ну что, субчики?! — тотчас набросился на них Колдунов, швыряя на подоконник портфель. — Расслабились на жирных харчах! Заелись, коты! Распустили шпану! Может, и на меня уже киллера готовят, я и не удивлюсь, если так...

Опытные в административных передерягах Чухлый и Рыбаков стояли потупясь, с одинаково скорбными лицами, держали под мышками одинаковые служебные папочки, молча пережидали первый выброс начальственной злобной энергии.

Покричав и побегав по кабинету две-три минуты, Колдунов действительно несколько сбавил тон. Уселся наконец в мягкое вертящееся на оси кресло с высокой спинкой, побарабанил пальцами по широкому столу.

— Докладывай, — мрачно кивнул Рыбакову.

Дородный начальник милиции промокнул платком лысину, вытер лоб, шею, затем извлек из-под мышки папочку, раскрыл ее.

— Протокол, — объявил тупо. — Я, Вениамин Аркадьевич, выборочно... По сути... “Вчера, около половины одиннадцатого вечера, в районе пересечения улицы Ленина и Свободы неизвестными лицами, которые, проявляя явное неуважение к нормам общественной нравственности и общепринятым моральным принципам...”

— Стоп-стоп-стоп! — замахал руками Колдунов. — Ты, Рыбак, не выделывайся, давай своими словами.

— Позвольте мне, — тщедушный Чухлый оттеснил Рыбакова и, поблескивая стеклышками тонких очков, выступил вперед. — Я, Вениамин Аркадьевич, скажу кратко. Итак, вчера вечером, около половины одиннадцатого, у элитного дома, где живет Корысный, его поджидали на машине. Машина, предположительно, белые “Жигули”. Один сидел в кабине. Стреляли двое... Из пистолета-пулемета “Люгер” и из “Макарова”. Ждали долго, найдено двадцать два окурка от сигарет “Парламент”... Корысный, видимо, чуял что-то, потому что мгновенно сориентировался и успел залечь за бетонный бордюр. Все тридцать пуль из “Люгера” прошли мимо. Ранило слегка одну женщину, которая вышла с пивными бутылками. Раны легкие, осколки от разбитых бутылок...

— Черт с ней, с этой бабой, — прервал Колдунов. — Значит, Корысный чуял, по-твоему?

— Абсолютно уверен. Сиганул за бордюр моментально, как опытный десантник. Но все равно раны серьезные — одна пуля

в голове, одна в легких... Пули от "Макарова". Тот, с пистолетом, видимо, профессионал, а второй — с пулеметом, так себе... Баба эта с бутылками подняла визг, и преступники поспешили скрыться.

— Опять ты со своей бабой... Кто они? Предположительно...

— Пока неизвестно, — обиженным голосом встрял Рыбаков. — Пока, Вениамин Аркадьевич...

— Ты, Рыбак, со своим "пока" знаешь что! — рассердился Колдунов. — "Покакаешь" дома, а здесь нечего...

Чухлый понимающе усмехнулся и продолжил:

— Корысного увезли на "неотложке" в горбольницу. Сразу же провели операцию. Хотя врач говорит, что не жилец, но...

— Показания может дать, — сообщил Рыбаков. — Тут, правда, одна неувязочка получилась, но это так, между нашими службами... Внутреннее дело.

— Что еще за "внутреннее дело"? — насторожился Колдунов.

— Да с утра, пока мы следователя из прокуратуры подбирали, у Корысного уже успели побывать ребята из РУБОП... Есть там двое молодцов...

— Кто еще был у Корысного?

— Жена была, Ада Владимировна... Та еще с ночи не отходила.

— Жена, она и есть жена, — вставил свою реплику начальник милиции. — Жена, что муха, ничем не отгонишь...

— Вот что, лебеди вы мои, — подавшись вперед и ладонью указывая на стулья, тихо и серьезно сказал Колдунов. — Я пока сюда ехал, прикинул в уме кое-что...

Подчиненные уселись на указанные стулья, и все трое доверительно сблизили головы.

— Общее положение в городе нам всем известно более-менее точно, — продолжал Колдунов все тем же заговорщицким тоном. — У нас три достаточно четко организованные банды. До сих пор игра шла по нашим правилам, но кто-то эти правила нарушил. Нарушил нагло и вызывающе. Ни "зареченские", ни "шанхайцы", по моему мнению, на это не способны. А вот "феррапонтовцы" — вполне реально...

— Так вы же сами, Вениамин Аркадьевич, советовали их не особо корчевать... — Начальник милиции Рыбаков развел руками. — Председатель областного суда два месяца назад по вашему указанию десять человек оправдал...

— Да, — согласился Колдунов. — Но мы взращивали, так сказать, систему сдержек и противовесов. Чтобы они там внизу друг дружкой постоянно были заняты. А вышло так, что один противовес разросся чрезмерно, подмял под себя город. И у него появилось свободное время, чтобы оглядеться. Я помню, как этот Феррапонт начинал, и как мы могли придушить его в самом начале, но кто ж думал тогда, что дело дойдет до такого...

— Силами милиции их не одолеешь, — вздохнул Рыбаков. — У нас многие на его содержании, особенно младший состав...

— Младший состав? — саркастически усмехнулся прокурор Чухлый. — А кто уважаемому полковнику Рыбакову домик загородный строил? Кто председателя облсуда по Канарам развозил?

— На себя погляди, — обиженно и злобно засопел Рыбаков. — Кому проституток малолетних подсовывают? Кто их до синяков щиплет?

— А кто видел? Кто видел? — встрепенулся Чухлый.

— Ладно, — сказал Колдунов. — Будет вам. У каждого свой грех. Дело беру под свой контроль. Ты, Рыбак, выставь в больнице охрану... Крепкую охрану.

— Уже! — откликнулся Рыбаков, злобно поглядывая на Чухлого.

— Хорошо, и чтоб больше ни одна муха к нему не просочилась. Пусть с ним работают твои люди из УВД. РУБОП мешать сюда ни к чему, они — спецслужба, люди отдельные, с нами не дружат... Ну да и пусть! Ты, кстати, Чухлый, последи за ними, внимательно последи. Не надо раздувать скандал. Черт с ним, с Корысным, но тут на комбинат пятно ложится, а это уже честь города. Так что наша задача — потихоньку скандал замаять. Никакой информации никому. Если вскрыется что-нибудь, звоните мне по прямому... Ступайте.

Некоторое время после ухода представителей правоохранительной власти Колдунов сидел в задумчивости, затем встал, прошелся по кабинету, остановился у окна.

— Вениамин Аркадьевич, — приоткрыв створку дубовой двери, окликнула его секретарша. — Тут к вам посетители... Бизнесмены...

— В шею, — не оборачиваясь, приказал Колдунов.

— Они настаивают, — робко сказала секретарша. — Очень настаивают...

— Я же сказал, в шею! — раздраженно повторил Колдунов, поворачиваясь к ней лицом.

— Вениамин Аркадьевич? — внезапно произнес тихий мужской голос с мягкой, но властной интонацией, и вслед за тем Колдунов увидел, что в кабинет его, оттеснив секретаршу, входят двое плотных мужчин.

Оба были примерно одного возраста и одного роста, крепко сбитые, коротко стриженные, одетые в прекрасные костюмы. Несмотря на то, что один из них был темноволос, а другой блондин, даже внешне они были очень похожи друг на друга, но сходство это, скорее, профессионального свойства, нежели природного, а по тому, как одинаково у обоих были чуть сплющены носы, Колдунов определил в них боксеров. Качество же одежды и золото элегантных часов говорило об их при-

надлежности к категории обеспеченной, весьма обеспеченной...

“Наверняка, один из них и есть Ферапонт. Вот оно! Начинается... — пронеслось в голове Колдунова. — Легко черт на помине...”

— Хорошо. Прошу, — сказал он по возможности ровным голосом, указывая посетителям на стулья.

— А нельзя ли, уважаемый Вениамин Аркадьевич, поговорить нам в комнате отдыха? — сказал блондин. — Дело, с которым мы пришли, слишком серьезно и требует разговора обстоятельного...

— Танюша, приготовь кофе, — приказал Колдунов секретарше.

— Мне — чай, если позволите, — мягко произнес блондин.

— Отчего же... Два кофе, один чай, — распорядился Колдунов, и секретарша, не скрывая своего удивления, скрылась за дверью.

— Прошу вас в комнату отдыха. — Колдунов провел гостей в угол кабинета, мягко разошлись створки, и они оказались в небольшой уютной комнате с мягкой мебелью, большим телевизором и резным журнальным столиком.

— С кем имею честь, господа, и по какому вопросу? — усадив гостей на угловой диван и расположившись в кресле напротив, вежливо поинтересовался Колдунов.

— Мы, уважаемый Вениамин Аркадьевич, посетители не совсем обычные, — начал блондин.

— Я, господа, догадываюсь, что вы посетители не совсем обычные, — согласился Колдунов. — Но хочу вас предупредить...

— Потом, потом, — властно перебил блондин. — Прежде всего, позвольте представиться. Сергей Иванович Урвачев, частный предприниматель. Мой друг и коллега — Егор Тимофеевич Ферапонтов.

При этих словах блондин, не вставая, слегка склонил голову. То же самое проделал и темноволосый.

“Ага, — подумал Колдунов. — Первый ход я угадал... Теперь, внимание!..”

— Очень приятно, — произнес он и тоже слегка качнул головой. — Итак, господа...

— Речь пойдет о комбинате, — выдержав долгий взгляд мэра, тихо сказал Сергей Урвачев. — И о вашем участии в его деятельности.

Колдунов хотя и ожидал услышать нечто подобное, крепко сжал губы и сцепил кисти рук.

— Так, — снова сказал он, но теперь голос его прозвучал с чуть заметной хрипотцой.

— А ведь вас обманывают, уважаемый Вениамин Аркадьевич, — сочувственно произнес Урвачев. — Крепко обманывают.

Мы не то чтобы организация благотворительная, но в таких обстоятельствах просто не могли пройти мимо и оставить подобную вопиющую несправедливость без внимания. Мы можем вам помочь, Вениамин Аркадьевич. Причем, поверьте мне на слово, от нашего взаимного партнерства выгода будет обоюдная. Повторяю, мы не из благотворительного общества, но чувство справедливости в нас развито неимоверно. Не правда ли, Егор Тимофеевич?

Ферапонт с достоинством кивнул.

— Изучая существо дела, письменные свидетельства, аудиозаписи и видеопленки, нам поневоле пришлось проникать в детали. В довольно, я бы сказал, неприглядные детали... — продолжал Урвачев. — Вы уж извините нас великодушно, Вениамин Аркадьевич, но профессия наша сродни профессии врача и священника. Нас не нужно стесняться... Но порой факты вашей биографии настолько, настолько... — Он поднял руку и пошевелил пальцами, подыскивая нужное слово.

— Об этом не стоит много говорить, — перебил Колдунов, наконец-то полностью овладев собой и чувствуя в себе покойную и уверенную силу. С этими людьми можно было обсуждать щепетильные проблемы без экивоков, прямо, важны были только их условия...

— И все же позволю себе остановиться кое на каких фактах, — упрямо произнес собеседник. — Горестная весть донеслась до нас: совершено покушение на вашего, так сказать, доверенного менеджера — господина Корысного...

Колдунов подобрался.

— Логично бы было ему посочувствовать, — вздохнул Урвачев, — но вот извольте посмотреть эту папочку, его труды, его хобби... Хочу вам сказать честно, Вениамин Аркадьевич, была у нас мыслишка прихватить с собой записывающую аппаратуру, но по здравому рассуждению мы эту подлую мыслишку отвергли сразу... Во-первых, подло, а во-вторых, и так материала достаточно... Но к делу, к делу... Выяснили мы, что вас, говоря по-простому, надувают. Ваши двадцать процентов акций — крохи. Шестидесят-то в Москве находятся, в руках недостойных. Кроме того, основные потоки капиталов минуют вас непосредственно, и опять-таки оседают в Москве на чужих счетах, а тут речь идет уже совершенно не о крохах...

— Ваши предложения, — сухо перебил Колдунов.

— Предложение наше самое что ни на есть взаимовыгодное. — Лицо Урвачева стало каменным, голос утратил мягкость. — Американцу довольно десяти процентов. Он пойдет на это, поскольку в данный момент условия ему сможете диктовать вы. Москву мы отсекаем напрочь. Все остальное — в равных долях между вами и нашей фирмой. По самым скромным подсчетам, ваше благосостояние по меньшей мере утроится. Без всяких усилий с вашей стороны.

— Как... отсекаем?

— Это наши проблемы. Мы ведь даже не спрашиваем вас, кто и чем в Москве заправляет, не правда ли? Далее. Мы кровно заинтересованы в том, чтобы ваше доброе имя не пострадало ни в малейшей степени. Ваше доброе имя — это и наше доброе имя, вот как стоит вопрос. Кроме того, на носу выборы...

— Да, выборы, — машинально откликнулся Колдунов, перебарывая полученную информацию. В ушах его шумело.

— И сейчас вы озабочены тем, как из народа сделать электорат, — многозначительно заметил Урвачев. — И вообще, так сказать, омандатиться...

— Победу на выборах мы вам гарантируем, — развязным тоном пообещал Ферапонт.

— Хорошо, — сказал Колдунов, приходя в себя. — Ваши условия, в принципе, серьезных возражений не вызывают. Но хотел бы оговорить вот что. Мое имя не должно прямым образом...

— Дорогой Вениамин Аркадьевич! — Урвачев даже привстал с дивана. — Неужели вы думаете, что мы такие идиоты? Конечно, конечно... Ведь само дело требует того, чтобы все выглядело благопристойно и цивилизованно. Так что не волнуйтесь и не беспокойтесь. Но кое-какая подмога нам от вас на первых порах потребуется. Добрый совет, подсказка... В частности — некоторая уточняющая информация по Москве...

— Послушайте! — Колдунов горделиво вздернул голову. — Здесь принимаются политические решения, молодые люди. И если вы не уясните себе этот факт, говорить более нам не о чем! Уточняющая информация? Вы о чем? Кто я, по-вашему?! А?!

Гости поднялись с дивана. Урвачев протянул Вениамину Аркадьевичу руку, произнес:

— Спасибо за внимание. Еще раз убедились, что во главе города — умнейший и конкретный человек. Прошу вас принять нас после того, как Егор Тимофеевич, — кивнул в сторону Ферапонта, — вернется из командировки в столицу.

— Время — деньги, — обронил Колдунов.

— Поняли, разрешите откланяться...

Вениамин Аркадьевич проводил гостей до приемной. Расстались дружески, с улыбками и рукопожатиями.

Краем глаза Колдунов увидел привставшего со стула посетителя, который до сей поры скромно сидел у дверей приемной. Что-то очень знакомое почудилось ему в облике этого человека, память судорожно напряглась в попытке узнавания пришедшего, но через миг, как это всегда бывает, лицо, показавшееся мучительно знакомым, стало совершенно чужим. Невысокий, лысоватый мужчина лет пятидесяти, внешность самая заурядная, расхожая, одет как плебей... Наверняка, на митинге каком-нибудь видел или на встрече с избирателями, подумал Колдунов и произнес с ледяной строгостью:

— Вы ко мне?

Незнакомец отрицательно покачал головой и поспешно вышел из приемной.

— Чудак какой, — усмехнулся Колдунов и подмигнул секретарше. — Изобретатель?

— Не сказал, — ответила секретарша.

Вениамин Аркадьевич вернулся за свой рабочий стол. На сердце его было тревожно, но в то же время он чувствовал, что дело, в которое он вступил только что, в общем-то, дело верное. Нужно соблюдать осторожность, быть начеку, подвергать каждый шаг свой жесткому анализу, но ко всему этому Колдунову было не привыкать.

“Итак, пока все идет гладко, — думал Колдунов, — но кое-какие предохранительные меры следовало бы предпринять... Черт! — вздрогнул он, припомнив лицо давешнего молчаливого посетителя. — Я ведь с ним точно где-то встречался... Что за ерунда?..”

Он поднялся и вышел в приемную.

— Танюша, а фамилии своей он не назвал?

— Кто?

— Ну этот... — Колдунов кивнул на опустевший стул.

— Прохоров... — в раздумье произнесла секретарша. — Нет, не Прохоров... Что-то похожее... Призоров? Или Прозоров, что-то в этом роде...

— Прохоров... Призоров... Прозоров... Прохоров, — бормотал Колдунов, словно пробовал на слух фамилии, и при этом ему казалось, что соверши он еще одно маленькое усилие, наверняка вспомнит что-то очень важное, однако мучительно знакомый образ, помаячив смутно, не обретал ясности, стремительно ускользая, становясь чужим и безликим.

Страсти бандитские

В час дня Алексей Тимохин по кличке Тимоня сидел в кафе “Три гуся”, пил даровое пиво и находился в самом великолепном расположении духа. Юрка Коноплев, лучший его друг, с которым они вместе ходили когда-то в детский сад, учились в школе, а затем и в ПТУ, намекнул, чтобы Тимоня готовился “выставить”, поскольку Ферапонт намеревается перевести его из рядовых бойцов в “звеньевые”. Бывшего “звеньевского” Репу замели рубоповцы с наркотой, и, похоже, дело закрутилось серьезное и долгое.

Тимоня искоса взглянул на разделяющих с ним досуг сотоварищей: Конопля помаленьку играл, Горыныч же большей частью сидел рядом, наблюдал за тем, как вертятся разноцветные диски, и качал головой, время от времени матерясь по-черному, когда выпадала особенная удача. Они тоже пили пиво, правда, безалкогольное. Это кафе было закреплено за их звеном, и здесь они собирали дань.

— Во, пруха, Горыныч! — потирая руки, говорил Конопля, кивая на металлический поддон автомата, засыпанный жетонами. — Давай поиграй. Хочешь, мы тебе вон тот автомат настроим...

Прижимистый осторожный Горыныч как всегда отнекивался:

— Азарта нет, Конопель. И потом я это железо не уважаю, в натуре. С него не спросишь, если чё... Я больше в нарды, в карты, в честные игры...

— Горыныч, а может, ты сам его завалишь? — оттягивая вниз хромированный рычаг, безразличным тоном говорил Конопля. — А то мне как-то запахло...

— Не, Конопля, запахло тут ни при чем, — пустым взором наблюдая за мельканием цилиндра с картинками из вишенки и бабочек, отвечал Горыныч. — Тебе Ферапонт поручил, ты и делай... Да и вообще, он тебе как матери родной доверяет, не чухнется... Сядешь рядом с ним на заднее сиденье, а когда он выходить сунется к дверям, затылок подставит...

— Все-таки, Горыныч, как-то не по-людски... С детсада все-таки. На зоне вместе. И потом — убогий он, если б я не привел его в звено, кто бы его взял? А тете Зое что скажу? Он же один у нее, она ж в меня вопьется, душу будет выворачивать... Сиди с ней, базары разводи... А у баб, знаешь, какое чутье? Недолго и проколоться...

— Базары с ней разводить тебе так и так, — резонно заметил Горыныч. — И попробуй только проколись! Э, да что-то ты обмяк, Конопля... Он же злой, паскуда. По жизни — злой. Он тебя на две штуки выставил в карты, а ты...

— Да, действительно, сучара! — косо глянув в зал на безмятежного компаньона, согласился Конопля. — Если б ему Ферапонт велел меня замочить, он бы не думал...

— А то... Ни секунды бы не думал. Пора, Конопель, — взглянув на часы, подытожил Горыныч. — Я за руль, а ты с ним сзди. Справа садись...

— Он бы ни секунды не думал, — зачарованно повторил Конопля. — Ни одной секунды...

— А то...

— Счас, Горыныч, я деньги сниму с аппарата, а ты выходи с ним.

Тимоня допил пиво, поднялся и поспешил вслед за уходящим Горынычем. Им предстояло ехать за город, на турбазу, где любили отдыхать "ферапонтовские" после своих беспокойных трудовых будней. Место было тихое, укромное, окруженное лесными озерами, с прозрачной узкой речкой, протекающей прямо по территории зоны отдыха.

Машина стояла у рыночной палатки, торгующей антитараканьими и клоповьими снадобьями, и называлась палатка,

увенчанная вывеской с позолоченным шрифтом, "Последний ужин".

Мельком взглянув на вывеску, Горыныч, следуя одному ему ведомой ассоциации, с философской многозначительностью крикнул.

Когда подъехали к площади, Тимоня, нервно заерзав на сиденье, сказал:

— Вон там брат Мослака подорвался!

— Знаю, — отозвался Горыныч, косо глянув в сторону храма. — Метров двести не дошел. Чего-то у него там замкнуло, никто понять не может... На десять минут раньше времени рвануло.

— А хорошие были бы поминки у Клеца, — мечтательно сказал Конопля. — Жаль, не вышло по задуманному... В большой бы компании на тот свет отчалил, не соскучился бы по дороге...

— Скоро закончится передряга, — вставил Тимоня. — Вот откинется с зоны Седой, наведет порядок в городе. Будет у нас настоящий воровской сход. А Седой — вор справедливый...

— Ферапонт ему особняк приспособливает. Прессанул коммерсанта, тот особняк сразу сдал... — сообщил Горыныч. — Хорошо коммерсант жил. Пальмы развел, летний сад на первом этаже с фонтаном, павлины кругом... Я был там, смотрел. Ковры, люстры бронзовые. Красиво, со вкусом...

— А мужичок-то какую подлину нам устроил! — в который уже раз напомнил Конопель. — Так мы классно у моста ему задницу подставили, под "москвичок" его. Комар носа не подточит. И согласился, главное, квартиру уже продать... А назавтра взял и повесился, козел...

— Всего не учтешь, — резонно заметил Тимоня. — Кто ж думал, что он повесится. Тем более, жена у него инвалид, дочка маленькая...

— Надо все-таки наехать на них, — сказал Конопля. — Нагнуть жути. За хату их штук десять можно выручить. Жалко такие бабки терять. Надо ж было ему вешаться, козлу...

— Они сейчас невменяемые, после похорон-то... — сказал Тимоня. — Надо выждать...

Через полчаса подъехали к развилке — узкая шоссе́йная дорога круто сворачивала к турбазе, а вправо в лес уходила грунтовая, ведущая на Дубовый Лог. Горыныч притормозил у обочины, заглушил мотор и закурил.

— Приехали, Конопля, — объявил он. — Вылезаем, оцениваем ландшафт...

— Это, что ли, место твое дивное? — удивился Тимоня, оглядываясь по сторонам. — А где бережок, где речка?

— А вон, видишь, бочка стоит на опушке? Там спуск за кустами... пошли, глянем.

Тимоня взялся за ручку двери и стал ее открывать. Дверца сопротивлялась, точно это была дверь какой-нибудь подводной

лодки, на которую снаружи давили многотонные толщи... Тимоня уперся ногой, и, к его немалому изумлению, в приоткрывшуюся щель внезапно с диким рыданием и визгом хлынул непроглядный космический хаос.

А через некоторое время, когда схлынула воющая волна мрака, Тимоня, поднявшись метра на три над землей, с любопытством разглядывал, как дружки его, Конопля и Горыныч, тащат через солнечную поляну его безвольное, с волочащимися по траве раскинутыми руками неудобное тело. Тимоня слетал на опушку, покругил над бочкой и медленно вернулся к друзьям.

— На хрена было в машине это делать? — сопел тощий Конопля, подхватывая под мышки ногу выскальзывающего провисающего трупа. — Пусть бы своим ходом дошел до бочки, а там уж... Возись теперь.

— Машина звук гасит, экранирует, — умудренно объяснил Горыныч. — А в лесу эхо далеко разносится. Мало ли тварь какая по лесу гуляет? Грибники всякие, ягодники, мать их... Давай, грузи его...

— Погоди, надо карманы проверить, — роняя ноги трупа на траву, сказал Конопля.

Он быстро обшарил карманы Тимони, вытащил кожаный бумажник, перочинный нож, записную книжку... Снял с пальца золотой перстень.

— Вот видишь, — сказал с укоризной, обследовав содержимое бумажника. — Четыре сотни баксов чуть не сожгли...

Он аккуратно положил на выжженную плешь возле бочки реквизированное имущество покойного приятеля.

— Ладно, грузи его, — приказал Горыныч. — А я за канистрой пойду.

Через минуту он вернулся с полной канистрой бензина. Конопля уже успел запихать в бочку головой вниз тело Тимони, который все это время кружил рядышком, равнодушно и отстраненно наблюдая за всей этой никчемной возней.

— Ноги поправь, — снова приказал Горыныч, вытаскивая из-под ремня пистолет с глушителем. — Согни в коленях. Чтоб не торчали.

— Гнул уже, — вытирая выступивший на лбу пот, ответил Конопля и повернулся к Горынычу. — Они опять разгибаются... Э-э... да ты чё, Горыныч, охренел?!

— Ферапонт велел, Конопля, — спокойно отозвался Горыныч. — Ты с автоматов имел, а это все равно, что на общак покуситься... Так что все по закону. Тимоне привет от меня...

Глухо стукнул выстрел. Конопля мешком повалился лицом в землю. Горыныч обшарил его карманы, снял часы и золотую цепочку с шеи. Затем легко поднял тело Конопля и торчком сунул его вниз головой в бочку. Вылил туда же весь бензин из канистры, потряс ею в воздухе, роняя оставшиеся капли. Подо-

брал с земли вещи Тимони, сунул их в карман, затем огляделся, чиркнул зажигалкой и — отскочил от взвившегося к небу вихря пламени.

Прозоров

Именно в месяце августе минули сорок дней с той поры, как Иван Прозоров ранним утром сошел с московского поезда на платформу вокзала города Черногорска. Все это время он жил, вернее, ночевал на своем же детском диване в маленькой комнатке дома дядьки Жоржа, уходя спозаранку и возвращаясь поздно вечером. Ночью за окном, как и прежде, в далеком отрочестве, беспрестанно гремяли поезда.

Единственной и всеобъемлющей задачей Прозорова отныне стала месть за гибель брата и его семьи, но, будучи профессионалом, на поспешные и неосмотрительные действия он не шел, упорно и методично собирая информацию о своих врагах.

С большим интересом он посмотрел интервью, которое давали по местному телевидению двое милиционеров.

Возвращаясь из деревни Запоево после расследования дела, связанного с пожаром на ферме, они обнаружили на опушке леса бочку с обгорелыми телами, которые впоследствии были по косвенным приметам опознаны родственниками. Прозвучавшее имя "Тимоня" порадовало сердце Прозорова. Другое имя "Конопля" ничего ему не говорило, однако он отчего-то был убежден, что и этот нелюдь наверняка в памятный вечер присутствовал на ферме у брата.

Горыныча Прозоров взял ночью, примерно через неделю после этого интервью, выследив его в кафе "Три гуся".

Хотя Иван Васильевич никогда прежде самостоятельно не разрабатывал операций, в конторе его считали талантливым, способным на тонкие импровизации практиком. Впрочем, в данном случае задача заключалась лишь в том, чтобы подкараулить врага у выхода из кафе. Операция длилась несколько секунд и те редкие прохожие, которые в этот час находились неподалеку, видели лишь, как двое пьяных друзей, бережно подерживая друг друга, усаживаются в машину.

Прозоров вывез бесчувственное тело за город, к озеру, где после реанимационных мероприятий произвел под ночными звездными небесами дознание с пристрастием, открывшее ему глаза на многие секреты "ферапонтовских".

После Горыныч был вновь насильственно лишен сознания, упакован в брезент, и привязанный к его ногам камень утащил бандита в темные воды.

Машину Прозоров сжег в пятнадцати километрах от места совершения ликвидации.

Из слов Горыныча следовало, что в городе действуют по меньшей мере три крупных банды, и самая влиятельная из них именно "ферапонтовская". Отмывку бандитских денег осуществ-

вляла вполне респектабельная фирма под названием "Скокс", зарегистрированная в Черногорске и имевшая сеть филиалов в столице, куда недавно уехал Ферапонт — вероятно, для решения организационно-финансовых вопросов и ознакомления с отчетностью по доходам.

Прозоров выяснил также некоторые любопытные детали, касающиеся недавней гибели коммерческого директора комбината Акима Корысного.

Поправлявшийся после неудачного для бандитов покушения, Корысный лежал в больнице, окруженный круглосуточной вооруженной охраной, которая, естественно, была начеку по причине чувства своего собственного самосохранения, а по-сему грубые силовые методы со стороны бандитов означали повторный провал ликвидации коммерсанта. Следовало выработать хитроумный и далекий от банальности план действий, и этот план был придуман Урвачевым.

Первым делом тот создал оперативную бандитскую бригаду, детально расписав все действия и обязанности ее членов. Затем — продумал схему подхода к лечебному заведению, тактику проведения самого убийства и — спланировал отход убийц по выверенному маршруту.

Переодевшись в форму сотрудников ОМОН, бандиты прошли через санпропускник. Один из них попросил у охранника, стоявшего возле двери палаты, предъявить ему якобы для проверки табельное оружие и документы на него.

Законопослушный охранник стражу порядка повиновался, но уже в следующий миг узрел зрачок направленного на него "милиционером" пистолета. Последовала команда поднять руки и встать лицом к стенке.

Убийцы беспрепятственно проникли в палату, где находился Корысный.

С Корысным были двое телохранителей и жена ("классная телка", по определению Горыныча), но, введенные в замешательство милицейской формой вошедших в палату, сопротивление они не оказали, а подчинились приказу лечь на пол.

Сноровисто разоружив телохранителей, "омоновцы" в черных масках сообщили присутствующим, что цель их нахождения в палате — поиск наркотиков.

После, приблизившись к лежавшему на койке Корысному, один из бандитов, не обращая ни малейшего внимания на истошные крики жены больного, два раза выстрелил ему в голову.

Через считанные минуты убийцы мчались по вечерним улицам города, отирая потные от пережитого напряжения лица маскировочными черными масками.

Прозоров, проведя дознание и возвратившись на рассвете в дом дядьки Жоржа, несколько дней отсиживался в своей комнате, анализируя добытые сведения. Все связывалось в один

клубок: Ферапонт — Колдунов — Корысный — комбинат — Москва — “Скокк”.

Наконец уже в конце августа Иван принял решение ехать в Москву за необходимым профессиональным инструментом, а оставшееся до намеченной даты отъезда время посвятить “Скокку”. Однако наружное наблюдение за поездом и автомобильной стоянкой фирмы ничего существенного к его расследованию не прибавило. Он запомнил несколько десятков лиц, постоянно навещающих офис, даже пару раз побывал внутри здания — один раз в виде случайного прохожего, перепутавшего адрес, а затем проник туда, воспользовавшись халатностью ночного бородатого охранника, похожего на подрабатывающего художника, который в пьяном виде дрых на диване, оставив незапертой входную дверь. Прозоров побродил по помещениям, постоял у сейфов, порылся в бумагах секретарши... Ничего.

На сороковой день, помянув чаркой вместе с дядькой Жоржем покойного брата, Прозоров стал собираться в дорогу.

Прозоров шел точно посередине перрона, и какая-то невидимая магнетическая волна, должно быть, исходила от него, ибо даже грубые и крикливые носильщики, двигавшиеся навстречу с пустыми тележками, покрикивающие на замешкавшихся проносящихся, на секунду замолкали и поспешно уступали ему дорогу.

Ровно за минуту до отправления поезда Прозоров, показав билет пожилой проводнице, поднялся в тамбур. Разминувся в коридоре возле умывальника с каким-то ловким и чрезвычайно прытким господином, который стоял с полотенцем на плече и был уже облачен в дорожную полосатую пижаму.

Не доходя нескольких шагов до своего купе, Иван чуть замедлил шаг, увидев, что дверь, ведущая туда, открыта, а из проема на мгновение показалось женское плечо, обтянутое сиреневым шелком; далее мелькнула тонкая рука со щеткой для волос, — кажется, он разглядел и мягкий взмах, и взлет рассыпавшихся белокурых волос... Все это длилось одно мгновение, призрак исчез в таинственной глубине, но Прозоров остановился и взялся за поручень, прикрепленный под окном в узком коридоре. Сердце его встревожилось.

Прозоров оттолкнулся от поручня и шагнул в свое купе. Молодая женщина, зажав в напряженных губах заколки, расчесывала свои длинные светлые волосы. Сидела она на своей полке, подогнув ноги, уютно и свободно, совсем как на диване в собственной гостиной.

Строго и коротко взглянув на вошедшего поверх небольшого овального зеркала, которое держала перед собой, молча продолжила свое занятие.

— Добрый день, — вежливым и нейтральным тоном произнес Иван и — отвел глаза. Первое его впечатление от попутчицы было самым благоприятным, эта женщина его взволновала.

Привстав на цыпочки, он аккуратно уложил на полку над дверью свой плащ, вывернув его шелковой изнанкой. Затем присел к столику, краем глаза наблюдая за попутчицей, которая как ни в чем не бывало продолжала свой туалет, и раздвинул занавески. Поезд уже начинал свое движение.

Незнакомка между тем сложила свои шпильки на столик, спрятала в дорожную спортивную сумку щетку, взглянула на Прозорова и улыбнулась. Эта открытая улыбка показалась Ивану странной и неожиданной, тем более, что минуту назад она никак не отреагировала на его приветствие, отчего Прозоров подумал, что девица спесива. Теперь же он отмел это свое поспешное предположение, хотя и терялся в догадках, как ему быть дальше и что говорить. Но тем не менее, благодаря этой улыбке, Иван почувствовал прилив вдохновения и, улыбнувшись в ответ, сказал:

— Не знаю, как действует на вас железная дорога, но на меня лично...

Он недоговорил, потому что женщина улыбнулась еще раз, и снова как-то странно, с каким-то мучительно-знакомым выражением, а после, взмахнув пальцами перед своим прекрасным лицом, произнесла сдавленно, страстно и гортанно:

— Ув-ва, ува...

Прозоров вздрогнул, почувствовав, как в глубине души шевельнулся холодок первобытного мистического ужаса, какой внушают порой отмеченные роковым увечьем люди. Он осекся, мигом смутившись. Увы, перед ним была глухонемая.

Иван Васильевич, смутно о чем-то жалея, еле слышно вздохнул, затем решительно скинул с себя пиджак, быстрыми и ловкими движениями взбил подушку. А через минуту он спал глубоким сном, лежа на спине и положив руки под затылок.

Прозоров открыл глаза и увидел, что попутчица передвигает стоявшие на столике стаканы с чаем, одновременно, как и вчера, расчесывая свои волосы, и точно так же в ее губах зажаты несколько длинных шпилек. Заметив его пробуждение, она, подняв брови и сузив светлые глаза, кивнула ему и что-то невнятно проговорила, не вынимая шпилек и не разжимая губ.

— Что? — хрипло выговорил он, совершенно забыв о ее немоте.

— С пробуждением! — весело сказала незнакомка, вытащив шпильки, и тихо рассмеялась его непроизвольному изумлению.

— А как же "ув-ва"? — улыбнувшись в ответ, спросил Прозоров.

— Но ведь действует! — сказала она, одним движением скрутив волосы и уложив их высоко на затылке, принялась ловко и

точно вонзать в узел длинные шпильки. Извините, но я заметила не совсем хороший блеск в вашем взгляде, поэтому... Теперь же, чтобы не тратить времени на всякие побочные условности... Сразу же говорю, что зовут меня Ада, я еду в Москву, а там растворюсь навеки в толпе, больше мы никогда не увидим друг друга.

Все это пронеслось в его голове в одно мгновение, а еще через мгновение он с легкой горечью вынужден был вспомнить, что не один раз ошибался в женщинах, ибо слишком тяжело добраться в них до того, что называется сущностью.

Кроме того чутье подсказало ему, что с этой женщиной ему вряд ли удастся сойтись близко, и все его усилия в данном направлении заранее обречены на неудачу, а потому лучше всего и не пытаться это сделать, куда как лучше сыграть роль добродушного старшего и опытного товарища, этакое благожелательного дядю, вполне индифферентного к женским чарам и обаянию...

— Я тоже выхожу в Москве, — серьезным тоном произнес Прозоров.

— Это неудивительно, — усмехнувшись, откликнулась Ада. — Все выходят в Москве. Все-таки конечная станция...

— Да, это, конечно, неудивительно, — все так же серьезно продолжал Прозоров. — Странность положения в том, что мне очень не хочется, чтобы вы растворились в толпе. А если уж и раствориться, то вместе...

— Вот как...

— Это было бы совсем неплохо... — сказал он, надеясь на то, что она решительно отвергнет такое его предложение.

— А почему бы нет... Почему бы и нет... — повторила задумчиво Ада, вероятно, вставляя его в какие-то свои, невысказанные планы.

Поезд остановился, и Иван вышел на перрон какой-то промежуточной станции. Стоянка длилась около двадцати минут, и он решил прогуляться в придорожном скверике.

Мирно светило закатное солнце, Прозоров прохаживался по аллейке, довольно далеко отойдя от поезда. Вдруг он почувствовал какую-то перемену в окружающем его мире и внутренне подобрался, в первый миг еще не понимая, от чего данная перемена случилась...

Впереди него, припадая на правую ногу, шел человек с несомерно большой головой, показавшийся Ивану странно знакомым... Кажется, именно этого человека он видел входящим в офис "Скокса".

Прозоров, еще раз внимательно приглядевшись к его облику, уже ни секунды больше не сомневался — он!

Рядом с хромым, с двух сторон и на полшага сзади, точно конвоируя его, шли еще двое — высокий плотный кавказец в

кепке и молодой парень с черными вьющимися волосами. Этих Прозоров не знал и не видел ни разу, но по тому, как они разговаривали, по их жестам и выражениям лиц, моментально установил: лидер — кавказец, хромой с кейсом — охраняемый объект, а чернявый — “шестерка”. “Шестерка” проявлял видимое беспокойство, то и дело настороженно озираясь по сторонам.

Прозоров замедлил шаг, выбирая наилучшую позицию для наблюдения за странной троицей. Интуиция подсказывала ему, что стоит присмотреться к ним повнимательнее, тем более, что сопровождающие ни с того ни с сего стали отставать от хромого, а, перейдя площадь перед станцией, и вовсе ушли в сторону, двигаясь теперь параллельно, как совершенно чужие люди.

“Похоже, охрана, — размышлял Прозоров. — В кейсе у хромого нечто существенное. Кто он? Курьер? А что везет? Документы? Деньги? Наркотики? Скорее всего, деньги, — несущее плечо чуть приподнято, стало быть, груз тяжел... Оружие — маловероятно... Почему охранники отделились? На дистанцию, впрочем, выверенную и легко преодолимую... Проверяются, страхуются? Скорее всего.”

Следуя максимальной осторожности, Прозоров проследил маршрут троицы до самого поезда, почему-то совершенно уверенный, что ехать им всем придется в одном вагоне. И убедился в этом окончательно, когда разделившаяся по своему тактическому замыслу компания вышла на перрон. Хромой приостановился, поглядел на часы и решительно двинулся к вагону, в котором ехал Иван. Вслед за ним не торопясь двинулись и двое сопровождающих.

— Привет, — послышался голос за спиной, и Прозоров невольно вздрогнул. — Минута до отправления, я уже стала волноваться...

— Я никогда никуда не опаздываю, — мягко ответил Прозоров, глядя в глубину коридора, где виднелась, удаляясь, упрямая спина хромого курьера.

— Ой! — вскрикнула вдруг попутчица, больно схватив Прозорова за локоть.

— Что случилось, Ада?

— Да так... Ничего, ничего... Просто померещилось... — Лицо ее было бледно.

— Что померещилось?

— Да так...

Боковым зрением Иван увидел кавказца, следующего за курьером.

В сиреневых сумерках двухместного купе экспресса, скупое освещенного дежурной лампой, сидели друг против друга двое мужчин. Несмотря на глубокую ночь, оба были одеты в добротные твидовые костюмы. Двубортные пиджаки их были расстег-

нуты, а узлы галстуков небрежно распущены. Один из них — покрепче и старше, именовавшийся Мухтаром, выложив на стол тяжелые кулаки, медленно сжимал и разжимал пальцы. В несущемся сквозь теплую тьму летней ночи замкнутом пространстве купе он чувствовал себя, будто загнанным в ловушку. Тревожный и быстрый перестук вагонных колес усиливал в нем ощущение неясной опасности.

Второй — помоложе, по кличке Цыган, впившись взглядом в соседа, ждал, когда его напарник и одновременно старший группы заговорит.

Мухтар покосился на наручные часы, затем, отодвинув занавеску, перевел взгляд на черное ночное окно, за которым проносились слившиеся в темную полосу придорожные деревья. Он не любил и не умел долго думать, решения принимал мгновенно, следуя слепой интуиции. Повернувшись к Цыгану, хриплым шепотом произнес:

— Скоро Свейск. От них надо отделаться... Хвост есть хвост, ментовский он или какой... Пока они засекли только нас, но и Хромой может оказаться на крючке...

Хромой — держатель кейса, ехал в том же вагоне, располагаясь в соседнем купе. Работа их напоминала дипкурьерскую, но была гораздо опаснее. За любое нарушение полагалось только одно наказание — высшая мера. На выяснение виновности и прочую юриспруденцию ни у кого в группировке не было ни времени, ни желания. Прощтрафившиеся курьеры бесследно исчезали, а их места занимали новые. Схема была отработанной: Хромой вез кейс, ему приобретали билеты на оба места в купе, а Мухтар с Цыганом его незаметно прикрывали, располагаясь по соседству в том же вагоне. Таким образом они курсировали между черноморским главным офисом и московскими филиалами фирмы "Скокс".

— Ты идешь первым, — продолжал Мухтар. — Я — следом. Один из них — в синей джинсовой куртке, другой — в серой байковой рубашке. Если сейчас они в тамбуре, чиркнешь зажигалкой, и — двигаешь в переход. Дальше мое дело.

Мухтар натянул тончайшие, телесного цвета, перчатки, затем нацупал во внутреннем кармане пиджака рукоятку компактного "браунинга", с мягким и безотказным спуском, самого подходящего оружия для ближнего боя в металлической коробке тамбура. Пистолет даже не нуждался в глушителе: выстрел из него звучал тихим хлопком, а крестообразно подрезанные пули, расплющиваясь блинами, оставались в жертве, не размазывая по стенам мозги.

Цыган, следуя приказу, вскочил с места и поспешно застегнул пиджак.

— Сигарету воткни в пасть! — прошипел Мухтар.

— Извиняюсь... Ясно...

— Вот так!

Коридор был пуст, вагон слегка покачивало. Подходя к двери, ведущей в тамбур, Цыган оглянулся и вытащил из кармана зажигалку. Мухтар, прижимая ладонью к бедру пистолет, большим пальцем привычно опустил предохранитель.

В следующее мгновение, распахнув дверь, Цыган шагнул в грохочущий тамбур. В вагон потянуло табачным дымом. В руке Цыгана полыхнула зажигалка, и в то же мгновение в тамбур ворвался Мухтар. Два парня мирно дымили у дальней двери. Хлопки выстрелов утонули в грохоте колес. Тот, кто был одет в синюю джинсовую куртку, рванулся было к Мухтару, но первая же пуля в голову сразила его. Второй, стоявший в углу, медленно оседал, сползая по стене. Лязгнув, упав на ребристый металлический пол, выпавший из его руки пистолет.

«Когда успел выхватить, собака?», — удивился Мухтар.

Наклонившись, он быстро обшарил карманы повалившегося в его ноги мужчины. Цыган суетился за спиной, запирая цилиндром железнодорожного ключа двери тамбура. Наконец Мухтар нашел то, что искал — удостоверение сотрудника милиции. Раскрыл его.

— Как чувствовал... Менты... — пробормотал, нервно облизнув языком губы.

Цыган, протиснувшись мимо Мухтара к входной двери вагона, у которой минуту назад стояли их преследователи, отпер ключом замок. Раскрыть дверь мешали тела, их пришлось оттащить в глубь тамбура. Наконец дверь распахнули и убитых оперативников одного за другим сбросили в свистящую тьму.

Пока Цыган подгробал ногой рассыпанные по полу гильзы, Мухтар, размахнувшись, швырнул в проносящиеся мимо кусты пистолет оперативника, а за ним и свой. После стянул с рук перчатки и тоже выкинул их в темный провал, куда полетели и гильзы.

Цыган, наклонившись, еще раз внимательно осмотрел пол.

— Чисто, — доложил он.

Возвратились в купе, Мухтар выставил на столик бутылку коньяка.

— Наливай, будем косить под пьяных. Заодно взбодримся. Впереди — сплошная беготня.

Молча отвернув хрупнувшую пробку, Цыган наполнил два тонких стакана. Выпили в несколько крупных глотков, шумно выдохнули.

— Барахло оставляем здесь, — отдышавшись, продолжил Мухтар. — Отстанем в Свейске. Случайно... Что у тебя там?

Цыган, потянувшийся было за своим кейсом, отдернул руку.

— Да так, хреновина всякая: газеты, журналы, бритва...

— Оставь... Только протри все хорошенько. Вылезли за пивом, под этим делом. — Мухтар щелкнул себя по горлу. — И от-
... ..

— Ясное дело, — подтвердил Цыган.

— Если в поезде кто-то из них остался, то они, или он, где-то рядом и рванут за нами. Тогда Хромой спокойно доставит груз. Идем через тамбур проводницы, чтобы нас видели.

Мухтар говорил как всегда спокойно и угрюмо, но сам-то чувствовал: привычной уверенности ему недостает, и даже от выпитого коньяка ее не прибавилось. Слишком хорошо он знал, что их ждет, если кейс, который они везли Ферапонту, не попадет по назначению.

Оставив в коридоре Цыгана, он условным стуком постучал в купе Хромого.

Открыв дверь, тот впустил его в купе и присел на полку в углу у окна, где еще минуту назад предавался дреме. В полутьме приглушенного ночного света настороженно блестели его прищуренные глаза.

— Это были менты, — хрипло доложил Мухтар. — Мы сваливаем в Свейске. Если кто-то из них остался, мы их оттянем, уйдут за нами.

— А, может, и мне с вами? — с Хромого мгновенно слетела сонливость.

— Нет, — жестко отрезал Мухтар. — Если нас заметут с кейсом, всем хана. Похоже, они не засекли, что ты с нами. Но если засекли, то могут встретить тебя в Москве, на вокзале. Или подсядут на какой-нибудь станции. На всякий случай шустро скинь ствол. Ночью втихаря слиняй и добирайся в Москву на машине. В час дня выходим на связь через Черногорск. Если что — попытка связи через каждый последующий час, понял?

Хромой кивнул. Успокаивающе ткнув его кулаком в плечо, Мухтар выскользнул в коридор. Покачиваясь, двинулись с Цыганом к тамбуру проводников, усиленно изображая захмелевших полуночников.

Экспресс притормаживал, гремел на стрелках, за окнами начали мелькать фонари, впереди была станция Свейск. Проводница уже стояла у выходной двери.

Цыган, кашлянув, галантно обратился к ней:

— Нам бы пива, но исключительно немецкого, фрау проводник...

— Ну что вы, у меня только "Балтика"! — добродушно рассмеявшись, откликнулась она. — В городе возьмите. Тут за вокзалом магазин круглосуточный. Но только мигом, не опоздайте. Всего пять минут стоим.

— Пор-рядок!

Оставшись в одиночестве, Хромой попытался сдвинуть вниз оконную раму, дабы выбросить из поезда пистолет. Подлая рама, увы, усилиям его не поддавалась, мертво заклинившись в металлических пазах.

Глухо выругавшись, он замкнул собственным ключом купе и отправился в тамбур. Проклиная ментов и стиснув зубы от злости, вышел в переход между вагонами, присел и стал проталкивать в щель между грохочущими стыками наспех протертый, завернутый в обрывок газеты пистолет. И тут же почувствовал на себе чей-то взгляд.

Кто-то стоял за его спиной.

Пистолет неслышнобрякнулся на летящий под днищем вагона щебень.

“Ах ты... Незадача”, — промелькнуло в голове Хромого, и рука его медленно скользнула под борт пиджака.

В следующий момент, напружинившись всем телом, он резко привстал, обернувшись к неведомому противнику, своей медлительностью давшему ему невероятный шанс на спасение и победу...

С точки зрения даже посредственного профессионала спецслужб, Прозоров, обладающий преимуществом атакующей стороны, совершил две непростительных ошибки, решившись на откровенное столкновение с противником: во-первых, замешкался с анализом его непонятных манипуляций в переходе между вагонами, а, во-вторых, недооценил звериную сноровку обороняющегося. Однако главная причина незадавшейся акции заключалась в той непредвиденной случайности, что именно в момент отчаянного рывка Хромого навстречу Ивану вагон резко качнуло в сторону, и два эти движения, наложившись и усилив друг друга, привели к тому, что он оказался лежащим на боку в грохочущем узком проходе, с подвернутой за спину рукой. Ладонь другой руки, насквозь пробитая длинным шилом, — он даже не почувствовал боли, единственное — видел это шило, торчащее у него перед глазами, — эта ладонь пыталась оттолкнуть от лица уже близкую и неминуемую смерть, ощеренный лик которой застил белый свет — то бишь тусклое и дрожащее пространство металлических плоскостей.

И вдруг, будто повинувшись некому приказу свыше, сильный и ловкий противник категорически передумал убивать его, сверлящий злобой взгляд, устремленный, казалось, в самую душу, как-то странно подобрел, и, вздохнув словно бы виновато, враг повинно уронил свою большую голову на грудь Прозорова и побратски обнял его...

И тут в качающемся оранжево-размытом полумраке прохода Прозоров различил стоявшую над ним Аду с маленьким черным пистолетом в руке.

Он столкнул с себя отяжелевший труп, затем решительным движением вырвал шило из ладони и встал на ноги, неотрывно глядя на свою спасительницу, бесстрастно застывшую в проходе. Обшарил карманы убитого, вытащив купейный ключ. Затем распахнул дверь вагона. С воем и визгом в тамбур хлынул

холодный ветер. Морщась от боли в пробитой ладони, он подхватил неподвижное тело и, подталкивая его коленями, подтащил к двери. Хромая нога уперлась в боковую стойку, и, к удивлению Прозорова, до сих пор недвижно и молча наблюдавшая за его хлопотами Ада также молча подошла к трупку и хладнокровно пнула эту упрямую хромую ногу, лишив ее последней зацепки.

Прозоров, косясь на Аду — а ну как толкнет в спину! — выпихнул мертвое тело из вагона, захлопнул дверь.

— Если не собираешься в меня стрелять, то спрячь ствол, — произнес равнодушно, направляясь в глубь спящего вагона.

Она двинулась следом за ним.

Вошли в купе.

— Собирайся, — приказал он, кивнув в сторону багажной полки. — Я отлучусь, подожди...

Ада, не говоря ни слова, торопливо принялась убирать со столика косметичку, щетку, зеркальце... Лицо ее было бледно и сосредоточенно, движения порывисты, но точны и уверенны.

“Молодец девка, — подумал Прозоров. — Недаром говорят, что у баб крепкая психика...”

Через минуту он возвратился в купе с кейсом Хромого, поднял его в вытянутой руке, сказав:

— Если там то, что я предполагаю, расклад будет такой: содержимое — поровну. Впрочем, нет. Коли имеются меркантильные возражения, принимаю их как приказ. Можешь забрать все. Я у тебя в долгу неоплатном.

— Хватит болтать, — отчужденно произнесла она. — Надо заняться твоей рукой. Держи платок и духи, йода у меня нет. Что, щипет?.. Ах ты, бедненький...

— Ты приготовься, нам скоро придется прыгать с подножки, — скрипя зубами, промолвил Прозоров, прижимая к ране душистый и жгучий платок. — Через полчаса полустанок Вырь. Поезд снизит скорость. Не доезжая выскочим...

— Вскрой, — сказала Ада.

— Рванет? — усомнился Прозоров.

— Вскрой, — повторила она. — Не рванет...

— Но зачем сейчас? Успеется...

— А мне просто любопытно, — сказала она. — Меня, представь, распирает чисто женское любопытство...

— Хорошо, — усмехнулся Иван. — Ты мне нравишься все больше и больше. Перефразируя классика, “умна, прекрасна и бесполо...” Но, полагаю, отныне нам нужно опасаться не государственных следственных органов, а системы куда более беспощадной...

— Мы как-то неприметно перешли на “ты”, — безразличным тоном резюмировала она.

— Общее дело сближает, а общее преступление вообще роднит, — нашелся Иван, рассматривая замок кейса. — Итак, —

произнес задумчиво. — Три валика, на каждом по десять цифр... Около тысячи комбинаций. Портфель боевой, шестеренки замка зажеванные, а слух у меня острый, хотя можно всем этим хитростям противопоставить отвертку швейцарского ножа, с которым я не расстаюсь... Но время, как ты сказала, есть, а потому побалуемся...

Замок открылся через пять минут. Отщелкнулись язычки позолоченных щеколд, и в купе повисла напряженная пауза.

— Ну, вперед! — просто сказала Ада.

Прозоров поднял крышку кейса. Обнажились аккуратно уложенные, запаянные в пластик серо-зеленые пачки. В боковой части кейса находилась черная пластмассовая коробочка, рядом с ней — пара перетянутых аптечной резинкой компьютерных дискет.

— Нескромный вопрос: куда и на что ты потратишь эту чертову уйму деньжищ? — спросил Прозоров.

— Во-первых, вопрос, — кокетливо отозвалась Ада. — Если я не слышалась, данная сумма полностью находится в моем безраздельном распоряжении, так? Как гонорар за спасение того, что от вас осталось. Или вы погорячились с подобным благородным выводом?

— Абсолютно — нет. — Прозоров придвинул к ее коленям кейс, захлопнув его крышку.

— Тогда — во-вторых, — продолжила она. — Оставьте деньги себе, поскольку они целевым, как говорится, назначением пойдут на оплату услуг киллера. — Замолчала, испытующе глядя на собеседника.

— Кого же ты хочешь убить? — холодно спросил он.

— Ферапонта.

— Вот как? Личные счета?

— В точку, — сказала Ада и вздохнула. — И тем более — в точку, что интересы наши на сей счет, полагаю, идеально совпадают. Так что поздравляю с внезапным гонораром или же авансом, тем более данную мерзкую работу ты собирался сделать совершенно бесплатно.

— Ничего себе! — Потрясенный Прозоров открыл рот. — Но каким образом...

— Я тебя случайно вычислила, когда ты посещал “Скокс”, потом шла по следу... Иногда ты делал ошибки, как накануне...

— Ты хочешь сказать, что в одном купе мы оказались не волею случая? — догадался Прозоров, и ему стало не по себе. — Да ты что, “конторскую” школу прошла?..

— Можно сказать, и прошла, — ответила Ада, скидывая с ног туфельки на высоком каблуке. — Мой любимый покойный дядя всю жизнь прослужил в проклятом народом КГБ. И на склоне лет, будучи беспечным дачником, жаждущим хоть с кем-то из надежных людей поделиться своим боевым прошлым, да и вообще опытом виртуозного профессионала тайной

полиции, доверил мне массу лично пострадавших методик... Дай-ка мне мою сумку, у меня там ботинки. Не в этих же мне, в самом деле, прыгать с поезда...

Партнеры

Внезапный звонок от заокеанского партнера Колдунова, сообщившего, что положение вещей в стабильном бизнесе категорически поменялось и возникла крайняя необходимость провести срочные переговоры для обозначения новых перспектив, явился ударом для Джорджа Эвилона.

Разговор отличался характером путаным и уклончивым, был полон недомолвок, тягучих "эканий", туманных намеков, выразительных пауз и тревожных междометий, и, положив трубку, Джордж вывел для себя решительное и единственно верное заключение — лететь в Россию! Срочно, немедленно и безоглядно!

Несколько черных ухоженных машин с полицейскими мигалками сопровождали предназначенный для Джорджа белый удлиненный "линкольн" по центральным улицам Черногорска вплоть до здания мэрии. И хотя Джордж давно привык к иррациональной расточительности русских, однако, войдя в кабинет Колдунова и мельком взглянув в приоткрытую дверь комнаты отдыха, он в очередной раз поразился сказочному изобилию закусок и бутылок, которыми был уставлен большой овальный стол, прочно стоявший посреди помещения на резных львиных лапах. Вокруг стола хлопотали официанты во фраках и длинноногие официантки в коротких юбках и белых наколках, — что-то переставляя, прихорашивая, уплотняя и передвигая.

— Рад вас видеть, мистер Джордж! С благополучным приездом в наши, так сказать, палестины! — Вениамин Аркадьевич широко раскинул руки, заключил дорогого гостя в дружеские объятия, трижды с чувством облобызал в тщательно выбритые щеки. — Прошу вас, присаживайтесь вот в это кресло. А после долгих и, я надеюсь, приятных переговоров мы плавно перейдем в соседнее помещение. Делу, как говорится, время, потехе час...

— Я тоже рад вас видеть, уважаемый мистер Колдунов. — Джордж широко улыбнулся, стараясь привнести в свой настроенно и строго направленный на собеседника взгляд толику вымученной сердечности. — Я, признаться, не очень понял из телефонного...

— После, после, — замахал руками Колдунов. — Все обсудим! Сейчас мы удалим лишних людей и сразу же к делу... Таша, пусть ребята пока освободят помещение. Я позову...

Официанты и официантки гуськом потянулись к выходу.

— Хочу познакомить вас, мистер Джордж, с нашими новыми коллегами по общему бизнесу, — сказал Колдунов, плотно

прикрыв дубовую дверь. — Господин Ферапонтов Егор Тимофеевич. Прошу знакомиться. И господин Урвачев Сергей Иванович. Люди молодые, энергичные, новой, так сказать, формации, без предрассудков...

Ферапонт и Рвач, сияя дружескими открытыми улыбками, тепло поздоровались с гостем, который, в свою очередь, энергично и доброжелательно пожимал их протянутые руки.

“Гангстеры, — галантно расшаркиваясь, определил многоопытный Джордж. — Вот такая она — знаменитая русская мафия”...

— Ну что ж, не будем мешкать и перейдем к существу дела, — сказал Колдунов. — Прошу, господа, садитесь поудобнее... И, как говаривали в старину, слово для доклада предоставляется товарищу Урвачеву...

— По существу дела имею доложить следующее... — Урвачев хохотнул, перенимая шуточный тон Колдунова, и внимательно посмотрел на поджарого загорелого американца, с лица которого не сходила предупредительная белозубая улыбка. — Вам, мистер Джордж, хорошо известен наш обогатительный комбинат и его продукция. — После данной фразы тон его сделался серьезен и вдумчив. — Вы много потрудились, чтобы продукция эта нашла надлежащий сбыт, вы выстраивали цепочку, по которой она попадала на мировые рынки, вы обеспечивали ее реализацию и осуществляли перевод денег на некоторые московские счета... — Тут докладчик прервался, неторопливо откупорил бутылку минеральной воды, налил ее в фужер и медленно, со вкусом, выпил. Затем вальяжно продолжил: — Все ваши заслуги мы оцениваем и по существу, и по достоинству. Однако поскольку у нас в стране ситуация постоянно меняется, и нет еще твердо установившихся традиций и законов, то кое-что, естественно, поменялось в последнее время и в нашей отрасли. Отрасли, так сказать, управленцев. Видите ли, мы тщательно проанализировали положение бизнеса и пришли к выводу, что вся конструкция, которая действовала до сих пор, слишком громоздка и неповоротлива. Чересчур много посредников, мистер Джордж, а вернее, паразитов... — Он выдержал многозначительную паузу, и в течение данной паузы мистер Эвирон пережил массу крайне отрицательных эмоций, увязывая определение “паразит” со своей собственной персоной.

— Другое дело, такой посредник как вы — то есть знающий специалист, реально увязывающий сложные и многоплановые проблемы! — самым серьезным тоном добавил докладчик, как бы откликаясь на мысли собеседника. — Однако вы порядочно и дисциплинированно следовали в русле взятых на себя обязательств, наверняка с досадой сознавая несправедливость в разделении доходов и глупое распыление капиталов. Не так ли?

Джордж был вынужден сподобиться на неопределенный кивок.

— Таким образом, — прозвучал вывод, — мы пришли к отчетливому заключению, что наш бизнес нуждается в усовершенствовании, и более того — кое что сделали в этом направлении. Опираясь, простите, на собственную инициативу.

“Ему бы на партконференциях выступать, — позавидовал Колдунов красноречию бандита. — Блестящую карьеру сделал бы”...

— Теперь выслушайте наши предложения, — вещал Урвачев. — Мы хотим предельно упростить схему реализации металла, отсечь все лишнее, оставив лишь самое необходимое. И, естественно, разделить доходы пропорционально прилагаемым усилиям. Итак. Все ваши обязанности сохраняются, и отныне ваша доля составит десять процентов от общей прибыли. Надеемся, подобное положение вещей вас устроит.

“Чего тут думать, убьете и все” ... — мелькнуло в голове Джорджа.

— Я не гороплю вас с ответом, — лилась доброжелательная речь, — обдумайте все хорошенько. Вот вам некоторые документы, результат проведенной нами бухгалтерской проверки. Документы эти, поверьте, впечатляющи, они показывают, сколь значительно неучтенных средств уходило в чужие карманы, как много, по образному выражению поэта, “разных ракушек налипало нам на бока”. Эти ракушки, впрочем, мы основательно подчистили, и теперь наш корабль готов к большому плаванию. Надеюсь, коллективным умом, собравшись вместе, мы сумеем упорядочить наш бизнес, ибо это в наших общих интересах. Я закончил.

— В принципе, существо дела мне понятно, — глубокомысленно изрек Джордж. — Но господин Ладный, с которым...

— Увы, — мягко перебил его Урвачев. — Вы, наверное, еще не в курсе...

— Ладный не так давно умер, — со вздохом пояснил Колдунов.

— Трагически погиб, — уточнил Урвачев, мрачно кивнув.

— Инфаркт? — подыгрывая собеседникам, сочувственно спросил Джордж.

— Практически... Пуля в сердце, — вставил свое слово Феррапонт. — Неизвестные преступники. На подмосковной даче из двух автоматов... На глазах у жены и детей...

— Какая жестокость! — вздохнул Джордж.

— К сожалению, — горестно покачал головой Урвачев, — такова общая обстановка в стране. Продолжительность и цена человеческой жизни резко упала. Власть не справляется с разгулом бандитизма. Идеалы свободы и демократии восприняты у нас довольно своеобразно...

— Что поделаешь, переходный период, — равнодушно посоветовал мистер Джордж. — Но насколько мне известно, шестьдесят процентов акций находятся у...

— Увы, — с трагической ноткой перебил Урвачев. — На сей раз человека постиг инсульт.

— Как?

— Это — жизнь! — торжественно пояснил Феропонт.

— К счастью, накануне инсульта старик успел передать нам свои акции, — печально объяснил Урвачев. — Словно бы почувствовал... Короче, освободился от праха земного, понимая, что все истинные его сокровища там, на небесах...

— Господа, — стеснительно кашлянув, проговорил Джордж. — Думаю, наше сотрудничество может быть плодотворным. Весьма плодотворным. Но у меня есть одно встречное предложение. Вернее, даже не предложение, а просто я хочу поделиться с вами некоторыми мыслями, которые по ходу обсуждения пришли мне в голову. Как вы сами заметили, обстановка в России далека от стабильности, и в этом смысле могут возникнуть реальные угрозы безопасности вашего капитала. Счета в московских банках вещь ненадежная, и, на мой взгляд, говорю это вам из чисто дружеских побуждений, деньги лучше держать за пределами вашей страны.

Колдунов, Урвачев и Феропонт явственно насторожились.

— Нет, нет, не подумайте ничего дурного... — выставил вперед ладонь Джордж. — В конце концов, каким образом распорядиться средствами — личное дело каждого. Но если вам потребуется содействие с открытием счетов в Штатах — к вашим, что называется, услугам... Тем более для вас дело это крайне выгодное. Во-первых, растут проценты, а во-вторых, поскольку вы не резиденты, то не платите никаких налогов. Далее. Поступления от очередных сделок автоматически оседали бы в банке. Знаете, гораздо спокойнее, когда деньги остаются на месте и не пересекают лишний раз государственных границ...

— Резонно, — сказал Колдунов. — Это мы с вами непременно и подробно обсудим. А теперь прошу к столу, господа. Надо по русскому обычаю обмыть наше дело...

Застолье, устроенное в честь заокеанского гостя, увы, получилось пресным, натянутым и скомканным. Американец за успех предприятия выпил самую малость, да и то эту малость немилосердно разбавил апельсиновым соком; съел пару бутербродов с икрой, поклевал как птица от нескольких закусок, скоро осовел и, сославшись на тягость акклиматизации и на усталость после дальней дороги, попросил отвезти его в гостиницу. Компаньоны сердечно попрощались до вечера, усадили его в машину с охраной, и уже через пятнадцать минут Эвирон переместился в бывший трехкомнатный обкомовский номер "люкс", оснащенный новомодным джакузи, двумя туалетами и холодильниками, набитыми под завязку деликатесами и напитками.

За столом в комнате отдыха, примыкавшей к кабинету мэра, между тем продолжался заинтересованный разговор.

— По поводу заграничного счета, по-моему, он разумные вещи говорил, — поведал сидящим напротив него гангстерам Колдунов. — Надо будет подробно выяснить что к чему...

— Мутный он, — недоверчиво покачав головой, заметил Феррапонт. — Скользкий какой-то. Взять бы его хорошенько за жабры да встряхнуть...

— Скользкий-то скользкий, но и без него никуда, — возразил Колдунов. — Верить, конечно, никому нельзя, но, с другой стороны, до сих пор все чисто шло. Он слово держит...

— Меня этот заграничный счет тоже заинтересовал, —ковыряя в зубах зубочисткой, сказал Урвачев. — Мало ли что в жизни может случиться? У нас государство — как псих со справкой. Чего хочет сотворит, и ничего ему за это не будет. Власть переменится, начнутся разборки. Реквизиции, проверки, выяснения... Лучше иметь крепкие тылы. То, что сегодня норма в нашей стране, завтра — преступление. И наоборот. Моего прадеда, кстати, раскулачили и в Магадан на четвертак строгача зарядили... А за что? За то, что имел двенадцать венских стульев и граммофон. А уж нас-то... Историю надо помнить!

— А не сдаст этот банк американский информацию кому не надо? — вскинул брови Феррапонт. — А то ведь...

— Да они, что, идиоты? — с напором спросил Урвачев. — Кто из них и когда чего сдавал? Только под давлением следствия, не иначе. Им вложенные деньги возвращать — никакого смысла. Да и потом, у них банковская система отлаженная, все четко, шито-крыто... И ни с какими аферами в их сфере особенно не развернешься. Все продумано лучшими умами — система безопасности, гарантий, то-сё... Другое меня волнует: верного бы человечка к американцу приставить, чтоб глаз с него не спускал...

— Кого же ты к нему в Штатах приставишь? — задумчиво буркнул Феррапонт.

— А верно ли я понял, уважаемый Вениамин Аркадьевич, что американец наш холостяк? — обратился Урвачев к хозяину кабинета.

— Полгода назад жена у него умерла, — подтвердил Колдунов. — И, говорит, что больше жениться не намерен. Там у них жены жуткие, стервозные до невозможности...

— Точно, — сказал Феррапонт. — Там на постороннюю бабу глянул не так, изнасилование могут пришить...

— Это хорошо-о, — задумчиво произнес Урвачев. — Это очень даже хорошо-о... Вот что, Феррапонт, я надумал... Надо свести его как-нибудь с Ксюшей, она его живо обработает. Отправим ее с ним в Штаты, пусть, дескать, со страной ознакомится, в Диснейлэнд съездит, в море теплом искупается... А вы,

мол, дорогой мистер Джордж, будьте любезны в качестве гида недолгое время с ней провести...

— Сестру продаешь, — неодобрительно отозвался Ферапонт.

— А что сестре? И делу польза, и ей выгода. Если, конечно, выйдет так, как я планирую. А интуиция подсказывает, что тут все должно пойти как по маслу. Не устоит американец перед Ксюшей, ни за что не устоит!

— Сергей Иванович дело говорит, — одобрил Колдунов. — Одним махом нескольких зайцев убиваем — и предприятию нашему укрепление, и денежкам присмотр, и круг ограниченных лиц... это... по-прежнему остается узким... Ваша сестра какой язык изучала в школе?

— Английский, вроде...

— Вот и чудно. Пусть постажируется в Америке, расширит словарный запас. Думаю, мистер Джордж не откажет в такой малости. А если еще и внешние, так сказать, данные...

— Внешние данные — охренеть можно! — мрачно сказал Ферапонт. — Если б она Рвачу не сестра...

— Великолепно! — хлопнул в ладоши Колдунов. — Считайте меня, так сказать, сватом... Егор Тимофеевич, еще по рюмашке?

— Давай. По рюмашке, и я отваливаю. Через час поезд в Москву. Так что вы уж тут без меня сватайтесь.

— А я с вами раскланиваюсь до вечера, — пожимая руку Колдунову, сказал Урвачев, поднимаясь с места. — Стало быть, в восемь часов "У Юры"?

— Да, Сергей Иванович. Но там о делах ни слова. Просто отдыхаем. Возможно, со мной будет еще парочка журналистов.

— Это... насчет РУБОП? — спросил Урвачев.

— Именно, как мы и говорили... Несколько материалов об их преступлениях, о превышении полномочий, о взятках не помешают. Знаете, все-таки центральные газеты, огласка... Тут, конечно, и прокурор Чухлый со своей стороны будет действовать, дела-то заведены... Важно, чтобы предоставленные вами свидетели на попятную не пошли, когда скандал по-настоящему разгорится, чтобы от показаний не отреклись и в одну дуду дудели...

— Уважаемый Вениамин Аркадьевич, — с легкой укоризной произнес Урвачев. — Мои свидетели даже на страшном суде будут говорить только то, что я им прикажу. Так-то... До свидания.

— До скорого свидания, Сергей Иванович.

— Пойду и я. — Ферапонт поднялся, махнул полфужера коньяку и, запихивая в рот кусок севрюги, направился к выходу вслед за Урвачевым.

Оставшись в одиночестве, Колдунов взглянул на часы. Московский корреспондент должен был подойти с минуты на мину-

ту. Редактор местной газеты "Демократ Черногорска" давно уже сидел в приемной, ожидая вызова.

"Этот свой, черт с ним, пусть потомится," — подумал Колдунов.

Редактора — сорокалетнего Бориса Голикова — он недолюбливал, ибо находил в его натуре нечто родственное со своей, причем родственность эта имела свойство едва ли не пародийное.

Голиков был человеком, без всякого сомнения, умным и расчетливым. А кроме того — авантюрным, бесстыдным, циничным и гибким.

— Боря, зайди, — скомандовал Колдунов, выглянув в приемную.

В кабинет вошел, умиленно улыбаясь, маленький толстый человечек в свободной светлой тужурке и легких брюках, держа в руке дымящуюся трубочку с изогнутым мундштуком.

— Я, Вениамин Аркадьевич, с вашего позволения...

— Кури, кури, черт с тобой, — разрешил Колдунов. — Ты все-таки человек свободный, творческий... Ты вот что, Боря... Сейчас московский газетчик тут будет. Ты особенно не влезай в разговор, поддакивай больше... Это про РУБОП, мы с тобой в общих чертах обговорили это дело. Со стороны Москвы привлечем прессу, она, как ни крути, а калибром покруче. Но и ты ему свои материалы подсунь, пусть пользуется... Там сейчас официанты стол в порядок приводят, гляди, не злоупотребляй. Вечером я тебя, может быть, с собой прихвачу, так что будь в форме... А-а! — радостно протянул он и шагнул к двери, в которую входил высокий худой человек с желчным выражением на темном узком лице. — Милости просим, милости просим!..

Желчный неприязненно посмотрел на Голикова, затем прихотился к нему длинным своим носом, и две брезгливые складки еще резче обозначились у него по углам рта, а губы презрительно двинулись.

"Своего признал, — подумал Колдунов. — Рыбак рыбака..."

— Здравствуйте, Вениамин Аркадьевич, — холодно молвил посетитель.

— Рад видеть вас, уважаемый Семен Игнатьевич! — откликнулся Колдунов. — К сожалению, времени в обрез, городская текучка, а потому прошу к столу, там и переговорим... — Он пропустил гостей в комнату отдыха.

Уселись за обновленным столом.

— В двух словах по телефону я вам уже обозначил тему, — начал Колдунов, наливая коньяк в тонкие, с золотым рисунком, рюмки.

— Я, Вениамин Аркадьевич, предпочел бы водочки, — сказал желчный. — Вашей. Знаменитой. Местной...

— О, нет проблем!

Колдунов откупорил квадратный штоф и налил до краев резную хрустальную стопку.

— Будьте здоровы! — сказал желчный и махом выпил. — Да, превосходная водка, — выдохнув воздух, похвалил он. — Прекрасный сувенир. У меня теща, знаете ли, собирает...

— Понял. — Колдунов прищелкнул пальцами и приказал почтительно склонившемуся официанту: — Упакуйте ящичек “Черногорской”...

— Благодарю вас, — степенно кивнул Семен Игнатьевич.

— А теперь к делу, — глядя, как за прислугой закрывается дверь, весело сказал Колдунов. — А дело такое: обстановка у нас в городе не очень здоровая... Местный наш РУБОП пошаливает. Совершенно распустились, прямо-таки группировка какая-то... Я со своей стороны делаю определенные усилия, но они ведь подчиняются своей вертикали... Материал мы вам предоставим самый горячий, — и от прокурора, и вот, Борис Аркадьевич, наш, так сказать, местный Коротич, тоже поделится собственными наблюдениями... Житья нет, честное слово...

— Суть предмета ясна, — сказал желчный. — Есть мнение, что черногорский РУБОП создал тайное подразделение “Белая стрела” для физического устранения бандитов. Общественное мнение на этот счет давно уже подготовлено, так что, уверяю вас, семя ляжет в удобренную почву... Страница у нас стоит восемьсот тысяч, которые вы перечислите на счет редакции. А лично мы, знаете, получаем не так уж и много. Честно вам сказать, теща на одни лекарства...

— Нет проблем, дорогой Семен Игнатьевич! — восхищенно воскликнул Колдунов. — Оговоренная сумма будет перечислена в редакцию уже завтра утром. Но, само собой, всякий индивидуальный творческий труд, тем более направленный на пользу общества, должен поощряться особо! И об этом не беспокойтесь, я уже отдал распоряжение.

— Благодарю вас, — кивнул Семен Игнатьевич, закусывая водку нежной осетриной. — Великолепный балык, такого и в Москве не сыщешь... Местного производства?

— Местного, дорогой Семен Игнатьевич, — дружелюбно подтвердил Колдунов. — Ваша теща, уверяю, будет вполне довольна...

— Благодарю вас, — удовлетворенно отозвался мастер пера.

— У нас тут еще отличные платки вяжут из козьего меха, — нейтральным тоном заметил до сей поры молчавший Голиков.

— Заранее благодарен, — снова кивнул Семен Игнатьевич.

— А теперь извините меня, — дела! — сказал Колдунов, поднимаясь. — Да, дела, дела... Куда от них деться? Я думал, в двух креслах нельзя задремать — в зубо врачебном и в гинекологическом, — без всякого стеснения позволил он себе пошлую шуточку. — Оказывается, в моем тоже... Так вот, Семен Игнатьевич... Ваш коллега Борис Аркадьевич сейчас проводит вас

к прокурору, потом поедете с ним в редакцию, посмотрите имеющиеся материалы... А после — отдых. Вечером прошу на ужин в ресторан “У Юры”, машину я пришлю к половине восьмого... Жить будете в гостинице “Центральная”, номер оплачен. — Голос мэра звучал уже отрывисто и деловито.

Профессиональный бандит высокого ранга кроме твердого характера и железной воли должен обладать еще массой самых разнообразных качеств и талантов. Иначе удержаться на плаву в среде своих критически мыслящих, наблюдательных и жестких соратников долго ему не удастся. Из Сергея Урвачева, сложись его судьба иным образом, мог бы получиться тонкий психолог или же неплохой режиссер-постановщик.

За два часа репетиций со своей сестрой Ксенией под его художественным руководством они подготовили маленький спектакль, финалом которого должно было стать если не объяснение в любви и предложение руки и сердца, то уж по крайней мере непреодолимое стремление заезжего иностранца к продолжению знакомства с очаровательной сестрой нового партнера.

Покинув кабинет Колдунова, Рвач заблаговременно навестил ресторан, очистил его от всякой случайной швали, выдворил бандитских “шестерок” с наиболее характерными рожами и дал команду организовать несколько столиков со статистками, растолковав менеджеру, что по преимуществу необходимы круглолицые простушки с полными телесами. Таким образом он задумал создать соответственный общий фон, который выгодно оттенял бы эффектную внешность его сестры. Затем оценил место за столом, куда следовало бы посадить американца, дабы тот мог хотя бы вскользь озирать зал из уютного закутка, отделенного от прочей публики прозрачной стеной, составленной из аквариумов, а также решеткой, увитой вечнозеленым плющом и прочей экзотической растительностью.

— Добро, — удовлетворенно сказал он, оглядев напоследок сестру со всех сторон. — Грудь великовата, но это в американском вкусе, они это любят... Вырез нормальный, хотя... Есть легкий налет вульгарности, но это на трезвый взгляд. Значит, запомни: появишься минут через тридцать после первого тоста и, соответственно, первой рюмки. Эффект таинственной незнакомки...

— Да ты не суетись, Сережа, — самоуверенно заявила Ксения, глядя в маленькое зеркальце и подправляя помадой линию губ. — Ты же сам сказал, что у него возраст козлиный, куда он денется...

— Ты не на ночь его снимаешь, Ксюша... — воздел к потолку указательный палец Рвач. — Никакой фамильярности! Особенно поначалу. Сиди как скала, как ледяная глыба. Но не перегни, прочувствуй момент и пусть ему блеснет луч надежды. И опять лед. Потом пронзи его долгим задумчивым взглядом, как

бы в рассеянности, но гляди не в глаза, а сквозь них, в самый мозжечок, в гипофиз целься... Работай на контрастах...

— Сереж, да поди ты к черту! — рассердилась Ксения. — Ты мне своими дурацкими советами все испортишь...

— Ну ладно, сеструха, я тебе верю и на тебя надеюсь. Ты у меня баба мудрая...

Ресторан “У Юры” хотя и находился на выезде из города, а не в центре, с давних пор считался в Черногорске самым лучшим и престижным рестораном. Теперь он полностью контролировался “ферাপонтовцами”, постоянно гулявшими в его стенах, однако, по законам экономической целесообразности, здесь охотно принимали всякого щедрого посетителя — случилось порою и так, что в разных углах отмечали свои юбилеи или же удачные дела и “шанхайцы”, и “зареченские”, и те же “ферাপонтовцы”...

Первыми в ресторан вошли Колдунов и Джордж. Вениамин Аркадьевич, которому американец “запустил жука в голову” своим и в самом деле разумным предложением об открытии зарубежного счета, хотел до прихода остальных гостей все-таки прояснить кое-какие детали, а потому заехал за Джорджем чуть раньше условленного времени. Часть охраны осталась на улице, несколько человек удобно расположились по углам ресторана, трое отправились дежурить на кухню и в подсобные помещения.

Сервировка стола опять же отличалась исключительной роскошью.

— Дорогой Джордж, — усаживая гостя, начал Вениамин Аркадьевич. — Я вот все по поводу этого счета думаю... Идея, в общем-то, подходящая. Но некоторые моменты, касающиеся ее практического воплощения, для меня не совсем ясны...

— Здесь нет никаких проблем, — успокоил американец.

— Допустим... Но для этого мне что, необходимо лететь в Америку?

— Обязательно, — решительно мотнув головой, произнес Джордж. — Вы должны во плоти, имея на руках личный паспорт, предстать перед менеджером банка, лично расписаться на всех документах. Любой, кто скажет вам, будто счет открывается заочно, или безграмотный человек, или — жулик, зарящийся на чужие деньги.

— Значит, вот как... — пробормотал словно в беспамятстве Колдунов, но, впрочем, в следующий миг, словно стряхнув с себя груз неких потусторонних раздумий, доверительно произнес: — С другой стороны, среди людей посвященных бытует упорное мнение, что новый президент непременно объявит амнистию капитала...

— И что она вам даст? — незаинтересованно спросил Джордж. — Легализацию существующей суммы? Предпо-

жим. Но почему бы этой сумме, покуда ожидается амнистия, не обрасти процентами на Западе? Далее. Последующие поступления вполне могут проконтролироваться вашими налоговыми органами. И, кстати, не удивлюсь, если скоро с банковских дивидендов вы также станете отчислять обязательный налог. Чего абсолютно не должны делать в США, поскольку не являетесь их жителем. По сути — это счет в том же оффшоре...

— Любопытно... — закусил губу Колдунов. — А как же... Эх, вот незадача... — с досадой вздохнул он, увидев идущего к столу Урвачева, а за ним — двух коллег-журналистов.

Заметно было, что журналоги времени даром не теряли и успели если не подружиться, то проникнуться взаимопониманием. Они шли, бережно поддерживая друг друга под локти, лицо Голикова маслилось от умиления, а столичный коллега нашептывал на ухо своему визави, очевидно, нечто весьма лестное, одновременно постукивая ногтем по глянцевой обложке книги под названием "Хряк у корыта".

— У меня скоро двухтомник выходит, — донеслось до Колдунова, когда журналисты приблизились к столу. — Полное собрание. "Как закалялся молибден" и эта... Я "Молибден" сильно переделал, с учетом современных реалий, акценты и прочее...

Гости церемонно раскланялись с мэром и американцем, представились ему.

— Ну, как поработалось? — сверля колючим взором явно нетрезвого редактора подотчетного издания, спросил Колдунов.

— Ударными темпами, Вениамин Аркадьевич! — с чувством доложил тот. — И хочу выразить вам искреннюю признательность за своего новоприобретенного друга Семена Игнатьевича! Отменнейшего обаяния человек, кристальная душа... Профессионал — нет слов! Все схватывает на лету... День нашего знакомства — великий день!

Уяснив, что степень опьянения редактора, равно как и его сотоварища, приближается к критической, Колдунов, глядя на Джорджа, криво и вынужденно улыбнулся, многозначительно поиграл бровями, а затем усадил долговязого за стол. Рядом с ним плюхнулся и Голиков.

— М-да, люди творческие, пресса... Вы уж извините, мистер Джордж, — обратился Колдунов к американцу, который тоже с улыбкой наблюдал за этой сценой.

— Да полно, господин Колдунов, — успокоил американец. — Господин Голиков прав, сегодня великий день... И мне кажется, стоит основательно повеселиться, не так ли, господин Урвачев?

— За чем же дело стало? — открывая бутылку, отозвался Рвач. — Ради такого события я и сам нарушу обет трезвости, честное слово... Итак, предлагаю тост за долгое и плодотворное сотрудничество!

— Виват! — крикнул Голиков, вскакивая. — Прекрасный тост, золотые слова! Пьем стоя...

Грянула из глубины ресторана музыка, празднично захлопало откупориваемое шампанское, зашумел и закружился ресторанный зал, зазвенели хрустальные фужеры, загомонили хмельные голоса... Время как бы очнулось от спячки, стряхнуло с себя дремоту, двинулось, понеслось вскачь, и скоро зарозовели впалые щеки мистера Эвилона, расслабилось напряженное лицо Урвачева, растрепались редкие волосы на повлажневшем лбу Вениамина Аркадьевича, а журналисты, позабыв, что они уже пили на брудершафт в буфете гостиницы "Центральная", снова повторили церемонию и публично троекратно расцеловались...

— Эх, женщин не хватает! — вырвалось у Голикова, глаза которого давно уже рыскали по залу. — Недосмотр, Вениамин Аркадьевич...

Вениамин Аркадьевич поглядел на американца, хотел что-то сказать, но тут заметил, что глаза гостя изумленно округлились, и, проследив за направлением его взгляда, увидел Колдунов дивное великолепное явление, выступающее из дымного ресторанный пространства...

— А вот и сестрица моя, Ксения, — произнес в наступившей тишине Урвачев, поднимаясь со стула.

Но как-то неловко он поднимался, видимо, сказывался непривычный для него алкоголь, и как бы в доказательство того, что привычку к трезвости нарушать ему никак не следовало, он покачнулся, не устояв на ногах, схватился рукой за край скатерти и стал валиться на спину...

Посыпалась с утянутой скатерти наполненная закусками посуда, зазвякали тарелки, рассыпались в мелкие осколки хрустальные фужеры, раскатились по залу персики, яблоки, груши, острошибануло запахом разлитого коньяка.

Опрокинув стул, Урвачев упал, ударившись затылком о мраморный пол.

Оцепенев, собутыльники смотрели на его странно недвижимое тело. В ресторане установилась обморочная тишина, которую разрушил громкий вскрик Ксении. И перегнувшись через стол, Колдунов заметил, как на белой рубашке Урвачева, на правой стороне груди быстро расплзается алое пятно.

"Погуляли"! — молнией пронеслось в мозгу у Колдунова, и перед тем, как инстинкт самосохранения кинул его тело на пол, он мельком взглянул на успевшего уже залечь американца и показалось ему, что тот понимающе ему кивнул.

Урвачев

Сразу же после полчасовой операции по извлечению пули из правого плеча Сергея Урвачева, успешно проведенной бригадой лучших хирургов военного госпиталя города Черногорска,

раненого мафиозо на всякий случай на всю ночь поместили в отделение реанимации.

На следующее утро дежурный врач обследовал его, измерил температуру и — вздохнул с облегчением: кажется, опасность, нависшая над персоналом, миновала. Пациент был переведен в отдельную палату, к дверям которой от реанимационной молча переместились и четверо угрюмых охранников, в наброшенных на плечи одинаковых кожаных курток белых халатах.

По аллеям госпитального двора, а также вдоль бетонного забора по двое и по трое прогуливались такие же мрачные человекоподобные существа, внимательно наблюдая за окнами госпиталя, за пропускным пунктом, за всеми въезжающими и выезжающими машинами, чутко реагируя на всякое движение и на всякий шум, доносящийся извне, из-за забора.

Сестра раненого бандита, просидевшая в коридоре до самого окончания операции, уехала ночью домой, но утром вернулась обратно.

— Ну что, Сережка? — участливо спросила она, присаживаясь на край постели и косясь на капельницу. — Как ты?

— Все хорошо, Ксюша, — хрипло отозвался Урвачев. — Дня через три обещают выписать. Какие у тебя новости? Что в “Скоксе”? Как Колдунов?

— Колдунов просил не афишировать его участие в этом деле... Ну, в смысле, что он тоже был там...

— Это понятно...

— Во-вторых, Джордж отправляется в Москву, от греха подальше... Между прочим, на самолете...

Урвачев криво усмехнулся. Облизнув сухие губы, произнес:

— Колдунов с ним все обговорил. Насчет счета в банке... Служебный паспорт МИД и визу мне сделают, полечу в Штаты, как советник мэра, справочку подготовят... Но главное, сначала туда отправить тебя... А тут — закавыка! Видишь, какая лажа в дело включилась...

— Почему закавыка? Джордж обещал мне помочь с визой, — уверенно произнесла Ксения. — У него в посольстве какой-то знакомый — говорит, то ли работали когда-то вместе, то ли учились... Взял мой паспорт и фотографии, сказал, что анкету заполнит сам. Так что, вероятно, через недельку поеду в Москву, а оттуда — в Нью-Йорк. Он сказал, что без меня не улетит, такие дела.

— Когда это вы снюхаться-то успели? — неприязненно спросил Урвачев.

— Да вчера, как отсюда уехали, всю ночь в баре сидели, переживали... Домой меня проводил...

— Вот как...

— Ну... А чего?

— Ты разговор наш помнишь, глаз с него не спускай, — тяжело поглядев на сестру, сказал Урвачев. — Перед отъездом

еще раз сюда забеги, может, мне еще какие мысли толковые в голову придут. Я тут с нашими юристами завтра проконсультируюсь... Есть всякие вопросы. И запомни: Джордж — Джорджем, Америка — Америкой, а цель у тебя одна: брак. Замужество то есть. Так что строго с ним, с козлом этим...

— Да понятно! — отмахнулась она. — Сереж, ну а ты-то... Кто стрелял?

— Еще не знаю, но есть кое-какие догадки. Вот, полюбуйся на сувенир... — Урвачев свободной рукой пошарил в тумбочке и показал Ксении желтую пулю. — Стрелял из-за кустов, гаденыш, через стекло. Винтовку нашли с разбитым прикладом и — никаких следов. Но я догадываюсь, кто заказчик... Что в "Скоксе"?

— Там проблемы, — тихо сказала Ксения, а затем, оглянувшись на дверь, склонилась к самому лицу брата, зашептав: — Хромой до Москвы не доехал, пропал вместе с грузом.

— Что-о?! — Рвач дернулся, лицо его исказилось от боли и ярости, и он снова упал на подушку. — Н-ну, с-суки!.. Шестьсот штук, документы!.. А где Мухтар, Цыган?..

— Ферапонт Мухтара и Цыгана приказал в гаражах... Ну, короче, нет их.

— Ясно, — помолчав, проговорил Урвачев. — Ясно... Красиво задумано. Рвач, значит, в гробу, груза нет, все концы обрублены. Спросить не с кого... Ай да Ферапоша!

— Ты думаешь, он все устроил?

— Больше некому, — мрачно подтвердил Урвачев. — А если даже и не он, то все равно его надо валить. Он садист и дуболом, время его прошло. Нынче, Ксюша, многое будет меняться и меняться стремительно. Капитал без власти ничто, ноль. Так что, хочешь не хочешь, а придется нам идти в большую политику...

— В Думу, что ли?

— А куда народ выберет, туда и пойдем... Ты вот что, Ксюха, ты пока иди, мне тут небольшое совещание нужно провести. Позови из коридора Мослака.

— Это со шрамом который?

— Он.

— Ну ладно, братик, поправляйся. Вот в этом пакете фруктов разные, вода. Пока.

Через минуту после ее ухода в палату вошел невысокий жилистый мужчина в камуфляже. Лицо его было хмурым и сосредоточенным. Широкий косой шрам пролегал от виска до угла рта. Глаза глядели настороженно.

— Мослак, присядь сюда. — Рвач указал на стул, стоявший у тумбочки.

Мослак со спокойным достоинством прошел вперед и молча уселся на указанное ему место.

— Ну, какие новости? — спросил Урвачев.

— Парни “шанхай” шерстят, — сообщил Мослак. — Там полная отрицаловка. У ментов версий нет. “Зареченские” оборзели, уже с утра поперли внаглую, наехали на две наших точки. Тексты там такие: мол, у Ферапонта грызня идет, Рвач в больнице...

— То-то же, — удовлетворенно сказал Рвач. — Соображают, суки, в точку догадки! А чего? Все верно, так по жизни и должно быть. Междоусобица до добра не доводит. Натворил дел Ферапоша...

Мослак выжидающе молчал.

— Я вот что думаю, — выдержав паузу, продолжал Рвач. — У нас с тобой, Мослак, все на доверии должно быть. Ты сам видишь, Ферапонт губит дело...

— Не слепой, — согласился Мослак отрывисто.

— И потом эти заходы его беспредельные... Кровь пить заставляет, псих... Людей держит в черном теле...

— Да, — подтвердил Мослак. — Братва давно ропщет...

— Так вот, Мослак, я хочу с тобой посоветоваться, мне важно знать твоё мнение. Ты умеешь мыслить стратегически и, в отличие от многих, ясно видишь перспективу... — Рвач снова ненадолго замолчал, давая Мослаку время для того, чтобы тот переварил комплимент и преисполнился значимости беседы. — Время меняется, Мослак, и ты это сам понимаешь. Мы хорошо и грамотно начинали, действовали в соответствии с реальной обстановкой, а потому добились многого. Но теперь реальная обстановка иная, и только дурак это не чувствует. Нельзя же весь век сидеть на точках, снимать пенку с дерьма и жить только с одной дани... Это варварство, монголо-татарское иго какое-то... И тут нам покоя никогда не будет, все время придется отбиваться и воевать за каждый коммерческий сарай. Кроме того, мы же на виду, и в любой миг нас могут придавить, — не снизу, так сверху... Да тот же РУБОП... Ему нынче прямое вымогательство — как бальзам... Легкая работа. Зафиксировали базары и повязали... В общем, о чем я? Власть может очухаться и попереть как танк, но у танка, Мослак, есть мертвая зона... Он способен расстрелять тебя издалека, но если ты подберешься поближе, то рано или поздно окажешься в такой позиции, где ни снаряд, ни пулемет тебя уже не достанут. Надо идти в политику, Мослак, а чтобы идти в политику, необходимы две вещи. Всего только две вещи, Мослак — деньги и организация...

— Я, Рвач, об этом тоже думал, — потеплев голосом, отозвался собеседник. — Как-то мы на месте топчемся...

— Во-от, соображаешь!

— Но с другой стороны, — продолжил Мослак, — все эти выборы, речи, встречи с избирателями, базары, бумаги... Демократия, словом... Тяготное дело. Переворот, диктатура — это по мне. Кто против — к стенке!

— Вот тут ты заблуждаешься, Мослак, — укоризненно молвил Рвач. — Искренне заблуждаешься. Диктатура, раз уж мы вышли на такой уровень разговора, должна быть неприметной. Людишки — бараны, и ты это знаешь... Они видят только внешнюю сторону вещей.

— Козлы они...

— Ну, неважно... Важно то, что демократия не может быть целью, это всего лишь средство для достижения той же власти. Но я к чему клоню? Деньги и организация, Мослак, повторяю. Деньги у нас есть. А вот с организацией, сам видишь... Нужно проводить большую чистку. И начинать с самого верха. Ферापонт против нас попер в открытую, расколол братву, внес смуту...

— Это так...

— Короче, валить его надо, Мослак. Пока он нас не завалил, а у него такие планы есть, это я тебе точно говорю. Он на Москву ушел, авторитет там себе наколачивает, а здесь хвосты рубить будет. Отбери верных людей, план конкретный продумаем вместе. Теперь о его финансовой части. Пятьдесят штук, я думаю, достаточно. Распределишь сам. А я тем временем стану наводить порядок в городе, тут тоже надо крыс пострелять...

— Большая война будет.

— Да, Мослак, будет большая война, на несколько фронтов. Но мы должны подмять под себя всех, и у нас есть для этого силы. К зиме, Мослак, не будет больше ни “шанхайцев”, ни “зареченских”, в городе останемся только мы, а они войдут в нашу организацию, станут подразделениями... Разве ты лично не хочешь порядка?

— Все это так, Рвач, — согласился Мослак. — Бардак надоел. Но тут есть одна сложность. РУБОП на нас насаждает, крепко насаждает. Братва начинает колотиться, давать показания... Стукачей, чувствую, появилась тьма-тьмуца... Урон идет конкретный. Сам знаешь.

— А вот для этого нам и нужна власть политическая, — сказал Урвачев. — Чтобы и РУБОП нам подчинялся, наши интересы соблюдал... То есть как? Пусть занимаются работой, кого-то и арестовывают — квартирных грабителей, к примеру, шелупонь разную... Это даже очень полезно, милиция в обществе должна быть. И не морщись! Посади тебя в кресло подобающее, еще как она тебе понадобится! И спрашивать с нее результаты станешь! И про всякие “понятия” уркаганские враз позабудешь! Но пока... м-да... Впрочем, ты по поводу РУБОП особенно не беспокойся, кое-какие меры мы уже принимаем... Теперь вот что, Мослак. Насчет “зареченских”... То, что они на две наших точки наехали, симптом плохой, очень плохой... И медлить с ответом ни в коем случае нельзя. Кара должна быть скорой и неотвратимой, иначе мы можем потерять лицо. Сам знаешь, что

труднее всего восстанавливать авторитет. Так что прямо сейчас возьми хлопцев и разберись. Жестко разберись!

— Бойцы готовы, Рвач, — поднимаясь со стула, сказал Мослак. — У “зареченских” как раз сегодня банный день. Они вечером в спорткомплексе соберутся. Вот мы на огонек и заглянем...

Прозоров

Прозоров пешком поднялся по лестнице своего бывшего дома, выгадывая время и перебирая варианты предстоящего долгого и трудного разговора с женой. То, что разговор будет трудным, он был уверен. Она явно заподозрит что-нибудь, станет упираться, спорить...

Он позвонил условным звонком — два коротких и длинный.

Дверь квартиры тотчас распахнулась. Жена, одетая словно для выхода в театр, глядела на него удивленно и недоумевающе.

— Где это ты так густо надушился, Прозоров? — спросила она, и Прозоров понял, почему всю дорогу воротил от него свой нос таксист. — Да и вырядился, как шут гороховый...

— Ничего себе... шут... — пробормотал Иван, растерянно оглядывая свою одежду и вмиг озабочен, что с ней что-то случилось. — Этот костюм, между прочим, стоит две тысячи долларов, — доложил он, вступая в тесную прихожую и натыкаясь на стоящие в ней чемоданы.

— Ну и дурак, — простецки сказала жена, пощупав материю на рукаве его пиджака. — У нас внизу в магазине точно такой же всего за сотню висит, пылится. Слушай, ты надолго? Вот бы кстати, а то мы с Лешкой на юга улетаем... К морю... Эй, скоро ты там?! — крикнула она в глубь квартиры. — Ну, копуша! — Далее, обернувшись к Прозорову, сообщила: — Мы в Крым едем, в военный пансионат. Ты меня за всю жизнь не удосужил... — Вздохнула. — Ну да ладно... Пожил бы месяц здесь, как? А то я уже с бабой Верой договорилась. Мне главное, чтобы цветы раз в неделю поливать, только и забот. Поживи, а, Прозоров...

Прозоров молчал, изумленно моргая.

Послышался шум спускаемой в унитаз воды, хлопнула дверь.

— Ну наконец-то, Леша, — укоризненно произнесла жена в сторону возникшей в темноте коридора мужской фигуры. — Вот, знакомься, мой бывший... Иван Васильевич.

В прихожую, затягивая на ходу ремень, вышел бодрый улыбающийся мужик в очках, протянул руку Прозорову.

“После вымою...” подумал Иван Васильевич, вынужденно пожимая протянутую руку.

— Так, билеты здесь, путевки здесь, все здесь... Деньги в разные места по частям... — бормотала жена. — Леша, он месяц у нас поживет. Цветы поливать будет. Если что, ключи оставь ба-

бе Вере. По межгороду не звони. Ну, пока, Иван Васильевич, пожелай нам приятного отдыха...

— Приятного вам отдыха, — пожелал от души Прозоров и посторонился, пропуская торопящихся хозяев.

— Только без баб! — крикнула с лестницы жена, и вслед за тем грохнула дверь лифта.

Иван Васильевич прошелся по квартире, рассеянным взглядом отмечая многочисленные мелкие перестановки и благотворные перемены, произошедшие за время его отсутствия: аккуратно подклеенные обои, починенную дверцу шкафа, заново закрепленный карниз, подновленную плитку в ванной, исправно действующий кран, из которого перестала произвольно сочиться горячая вода... Все эти несообразности когда-то являлись предметом небольших семейных ссор и размолвок.

Заглянул в свой тайник, до которого, к счастью, не добрались еще рука нового мастеровитого хозяина. Все его богатство было на месте.

Прозоров достал записную книжку, полистал ее и направился к телефону.

Корпус разбитого телефонного аппарата также был тщательно заделан и скреплен прозрачной клейкой лентой. Прозоров набрал номер.

— Привет, Егоров, — сказал он. — Возникли проблемы, брат... Долго рассказывать. Наведи, дружище, по своим каналам справки о московских филиалах некоей черноморской фирмы "Скокс"... Хозяин — Ферапонтов Егор Тимофеевич, возраст тридцать-тридцать пять лет. Через пару часов я к тебе наведаюсь... Там и подробности обсудим. Пока... Да, еще... Машинку расхожую мне в пользование не найдешь?

В сумерках Прозоров на подержанных "Жигулях" проехал мимо мраморных ступеней залитой праздничными огнями гостиницы "Парадиз", остановился поблизости, в укромном переулке, и открыл заднюю дверь. Ожидавшая его с собранным баулом Ада скользнула на сиденье. Машина двинулась по набережной.

Небольшие, но существенные метаморфозы произошли за это недолгое время с внешностью Ивана Васильевича. Теперь, сменив свой утренний, отливающий сталью костюм, на потертые джинсы и серый невзрачный пиджачок, сбросив с ног модельные ботинки и надев старые кроссовки, водрузив на нос очки в простой пластмассовой оправе, он походил на стесненного в средствах учителя физкультуры или же на мастера по ремонту бытовой техники.

Прозоров был предельно собран и внимательно присматривался к окружающей его обстановке, и сейчас, сидя за рулем, непрерывно поглядывал в зеркало заднего вида. Для этого у него имелись достаточно веские основания. В первую очередь его

немало смущали странные выходки капризного рока. Рок этот как-то явно заигрывал с ним и с Адой, конструируя череду странных, но отличающихся неизменно благополучным финалом ситуаций. А когда знаковые случайности следуют одна за другой, и когда слишком навязчиво преследует человека удача, стоит отнестись к этому с повышенной осторожностью.

— Ада, я, кажется, вышел на их след, — после долгого молчания сказал Прозоров. — И еще: мне нужна часть наших денег...

— В смысле?

— Ну, тысяч пять из тех, что мы взяли с собой.

— А я у тебя что, бухгалтер? — усмехнулась Ада. — Ох, Ванечка, сколько же у тебя комплексов... Да и при чем здесь какие-то доллары? Ты хоть на что их растрать, лишь бы сам вернулся...

— Это, представь, и в моих интересах, — буркнул Прозоров. — Даже не сомневайся.

В двенадцатом часу ночи в казино "Кесарь" вошел нервный близорукий посетитель с блокнотиком в руках, с авторучкой, торчащей из нагрудного кармана потертого пиджачка, и — с хорошо знакомой охранникам данного заведения безуминкой в расширенных зрачках.

Когда посетитель, миновав раму металлоискателя, двинулся в глубь зала, один из охранников сказал другому:

— Будет стоять со своей сотней, записывать расклады... А в конце все равно продуется.

— Математики, блин, — равнодушно отозвался другой.

Иван Васильевич тем временем осмотрел обширное помещение: стеклянная, под потолок, дверь примыкавшего к игровому залу ресторана, в дальнем конце — стойка бара, толпящиеся возле рулеточных столов игроки, официантки в бикини, разносящие мельхиоровые подносы с напитками и сигаретами...

Публика здесь собралась разношерстная: были и превосходно одетые господа и дамы, словно щеголявшие друг перед другом своими туалетами, и плотные мальчишки в кожаных курточках, и какие-то блеклые и невзрачные типы, на чьем фоне простецки одетый Прозоров ничуть не выделялся.

Двое посетителей, беседующих за стойкой бара, неожиданно привлекли его внимание, хотя он увидел их со спины. Прозоров направился к стойке и, чем ближе он подходил к ней, тем тревожнее становилось на сердце. В следующий миг один из беседующих повернулся в профиль, и теперь последние сомнения в том, что одного из парней он уже видел, у Прозорова улетучились.

"Ах вот ты где, мой родной!" — злорадно восхитился он, узнавая косой шрам, тянущийся от виска до подбородка. Именно

этот тип некогда ободряюще хлопал по плечу Тимоню, и звали его, кажется, Мосол...

Прозоров, почувствовав невольный холодок внутри, подобрался.

“Нет, не Мосол, а Мослак! Точно — Мослак! Не из рядовых, и, судя по ухваточкам, наверняка опытная и хитрая тварь. А приятель его — лицо новое... Морда, вернее. Так... Теперь думай, Иван, думай. Стоит ли сегодня что-либо учинять или же нет... Наверное, нет. Осмотримся, сыграем в рулетку, тем паче, никогда ранее ты себе это по бедности не позволял. А лезть напролом не стоит, ведь, помимо этих гадов, в зале могут находиться их компаньоны... Кстати, почему бы ему не выпить рюмку коньяка?”

Он взобрался на высокий стул с крутящимся круглым сиденьем, протянул руку по направлению к бармену, подзывая его, а когда неловко принял руку обратно, то опрокинул стоявшую на стойке пластмассовую вазочку с салфетками. Мослак и его приятель косо поглядели в его сторону. Прозоров, кинувшись подбирать с пола рассыпавшиеся салфетки, наклонился над ними, и тут из неглубокого внутреннего кармана пиджака выскользнули, разлетевшись по скользкому мраморному настилу, сотенные американские купюры.

Суетясь, он непослушными руками принялся сгребать их. Затем, виновато улыбнувшись бармену, сел на свое место, выпил торопливо коньяк и, расплатившись, вернулся в зал, чувствуя на спине внимательные тяжелые взгляды бандитов.

Не обернувшись на них, походил рядом с рулеточными столами, глядя на черные панно, отражающие выпавшие накануне цифры. На одном из столов, как заметил он, четырнадцать раз подряд выпадало “черное”, причем, сплошь нечетное. По всем законам теории вероятности ситуация вскоре должна была хотя бы однажды, однако поменяться на противоположную, а если бы такого и не случилось, то все равно стоило бы рискнуть, сыграв по системе удвоения ставок.

Однако Прозоров, лишь смутно знакомый с сомнительной теорией противоборства с коварной рулеткой, решил рискнуть хоть раз, но по крупному.

Он подошел к столу, обменял у крупье три тысячи долларов на пестренькие “чипсы”, а после, выждав, когда шарик, упав, заскользил в ободу деревянной тарелки, поставил полторы тысячи на “чет” и полторы — на красное, твердо уверенный, что ничего не потеряет — гипотетически какая-то из ставок непременно должна была состояться, если, конечно, ее не срежет коварное “зеро”...

Шарик, описав неровную дугу, словно бы нехотя улегся в красную ячейку четной цифры.

Среди публики пронесся завистливый вздох: три тысячи долларов выигрыша за один заход на максимально допустимой ставке!

Оставив крупье пару "чипсов" в качестве искренней благодарности, Прозоров, не решаясь более испытывать судьбу, прошел к кассе, обменял пластмассовые кругляшки на наличные деньги и, скосясь в зеркало, узрел знакомую парочку, исподволь, но крайне напряженно наблюдавшую за ним.

А затем пошел через пестрые залы игровых автоматов, путаясь и ошибаясь в направлениях, спрашивая и переспрашивая дорогу, снова ошибаясь и путаясь, и только убедившись, наконец, что две темные тени, то и дело возникающие на периферии его зрения, точно так же путаются в поисках выхода, вышел наружу. Помешкал у края дороги, пережидая автомобильный поток, затем перешел на противоположную сторону, молниеносно наклонившись над остовом недавно, видимо, сгоревшего то ли в разборках, то ли по случаю "БМВ", достал прилепленный на мощном магните к днищу "маузер" и быстрыми шагами пересек набережную, спустившись по ступенькам на пристань. Теперь он находился в надежной западне, откуда путь к отступлению был только один — в темную осеннюю воду, где мутно голубели блики городских огней.

— Эй, мужик, — произнес кто-то за его спиной тихим, не сулящим ничего хорошего голосом. — Нехорошо поступил. Сорвал куш и убежал. Нехорошо. Делиться надо.

Прозоров обернулся. Две давешние тени теснили его к воде.

— С какой стати я должен делиться? — дрожащим голосом спросил Иван Васильевич. — Я рисковал, ставки делал...

— Процент надо платить. Закон такой... — произнес Мослак.

— Ну и какой у вас процент?

— По-братски, — оглядываясь на шумящую сверху набережную, пояснил другой парень — мордастый, стриженный коротким ежиком. — Гони половину. Это честно...

— Пока я вам половину буду отсчитывать, вы все у меня вырвете. А меня по голове и в воду...

— Ну зачем по голове? — По интонации чувствовалось, что говоривший улыбается. — У нас кое-что получше имеется. — Мослак сунул руку за пояс.

— Давно хотел у вас спросить, — неожиданно произнес Прозоров. — Ваши прически как называются? "Бокс"? "Полубокс"? "Полька"?

Этот невинный вопрос почему-то очень рассердил грабителей.

— Ты гляди, Длинный, фраерок-то наш с гонором...

— Не говори, Мослак... Любознательный...

Но в то же время чувствовалась в нападающих какая-то нерешительность, слишком уж спокойным выглядел Прозоров.

— И откуда же вас столько наплодилось? — продолжал Иван Васильевич, отступая к самому краю причала и отстраненно рзымышляя о том, что теперь бандитам стрелять в него не резон, ибо придется нырять за упавшим в воду телом, дабы из-

влечь из карманов намокшие деньги. — Честное слово, как тараканы... Из каких щелей вы повылезали? Ведь вот что удивительно, куда ни приедешь — одни и те же хари... Какие-то вы все одинаковые, именно, как тараканы... Одного придавишь, другой точно такой же вылезает... Все-таки, ответьте мне напоследок, как именуются ваши стрижки — “бокс” или “полубокс”?

— Ты, паскуда наглая, как с нами разговариваешь?! — вытаскивая пистолет и быстро навинчивая на его ствол глушитель, сказал Длинный. — Ты сам, сука, меня завел...

— Хорошо, половина ваша...

— Поздно, фраерок, — снова оглядываясь на набережную, промолвил Длинный. — Ты все нам отдашь...

— Это ограбление? — удивляясь своему спокойствию, недоуменно спросил Прозоров и поглядел на направленный в его сторону ствол. — Ладно, братва... Еще завалите по дури, ну вас... Потом Ферапонт вас в асфальт закатает из-за меня...

Рука с пистолетом дрогнула и медленно стала опускаться вниз.

— Ты откуда Ферапонта знаешь? — настороженно спросил Мослак.

— Дела у меня с ним. Большие дела...

— Какие еще дела? — Было видно, что противники сбиты с толку и находятся в немалой растерянности.

“Все, кончаем спектакль, — мелькнуло в голове Прозорова. — Натешился, хватит. За такие диалоги тебе бы прежде в Конторе устроили прочную дисквалификацию в дворники... С покойниками бесед не ведут!”

Расстояние между ним и оппонентами было оптимальным для того, чтобы решить все проблемы без помощи оружия, таящегося в рукаве пиджака и готового выскользнуть в поджатые к ладони пальцы.

Прозоров привычно перенес вес тела на опорную ногу, не обращая внимания на выпавший из рукава пистолет, а дальше уже сам собою включился тысячекратно отрепетированный на тренировках механизм, когда из отдельных разрозненных элементов естественно и гармонично выстраивается на редкость цельное и красивое движение: “делаем — р-раз, делаем — два, делаем — три...”

Два темных тела скользнули по крутому бетонному спуску, тихо хлопнула небольшая волна, разбившись о сваи пристани, и воды славной Москва-реки сомкнулись, приняв в свои недра неожиданный дар страстей человеческих...

Прозоров рассовал по карманам изъятые у бандитов вещи — записные книжки, бумажники, мобильный телефон... Пистолеты Длинного и Мослака, поколебавшись, все-таки выбросил в реку. Единственное — свинтил со стволов профессионально изготовленные глушители.

“Вот так и происходит привыкание к убийству, — с грустным равнодушием думал он, вышагивая по ночной набережной. — Никаких эмоций. Хоть сейчас иди в казино и продолжай дерзать... Не думал только, что так быстро происходит это привыкание...”

Неожиданно посреди пустынной набережной, где-то совсем рядом раздалась трель телефонного звонка.

Прозоров вздрогнул, диковато оглянулся... Затем, уяснив, в чем дело, сунул руку в карман пиджака, достав миниатюрную, размером чуть больше спичечного коробка, трубочку. Разложил ее на три сомкнутые составные части, вытащил наружу темный усик антенны.

— Слушаю, — произнес глухо, приостановившись у бетонного парапета.

— Мослак, ты? — нервно домогался далекий голос, прорываясь сквозь шорох и треск.

— Я.

— Что с голосом?

— Воды нахлебался...

— Какой еще, воды? Мослак!.. Алё, Мослак...

— Ну...

— Что “ну”? Длинный где?

— Со мной рядом лежит...

— Вы что там, нажрались уже? — грозно спросил голос, ставший внезапно отчетливым и близким, поскольку трески и помехи вдруг как-то разом прекратились.

— Я же тебе ясно сказал, — сурово произнес Прозоров. — Мы оба нахлебались воды. Лежим рядом на самом доньшке. Под пристанью напротив “Парадиза”... Здесь темно и сыро, зато покойно...

— Кто это? — после некоторой паузы настороженно спросил голос.

— Смерть твоя, — отдельно и внятно сказал Прозоров и — зашвырнул телефон в реку. Затем поднял руку, остановил частника и поехал в центр города, где вышел, прошагал переулками пару кварталов и пересел в другую машину. К своему дому он подъехал в первом часу ночи уже на третьем по счету частнике.

Урвачев

После короткого разговора с неведомым человеком, в руках которого оказался мобильный телефон Мослака, Сергей Урвачев почти не сомневался в том, что потерял двух своих лучших бойцов. А когда он поднял на ноги свою московскую службу информации и та, перезвонив ему на рассвете, сообщила, что ни Мослак, ни Длинный в номере своем не появлялись, и что в последний раз их видели в казино за несколько минут до беседы Урвачева с незнакомцем, последние надежды и сомнения отпали, — бойцов кончили!

Урвачев почти не спал в ту ночь, занимаясь кропотливым анализом и сопоставлением событий, произошедших за последнее время. То, что его людей могли как-нибудь вычислить и убрать люди Ферাপонта, было маловероятно, к тому же Ферапонт о его вероломных замыслах категорически не догадывался, что подтверждалось многочисленными косвенными признаками. Вероятнее всего, в дело вмешался неожиданный фактор, который Урвачев определил для себя как некую "третью силу". И кое-какие соображения по поводу этой "третьей силы" у него к утру уже имелись. Причем в данных соображениях присутствовал и парадоксально-позитивный оттенок. Во всяком случае, можно было попробовать использовать эту неведомую и, судя по результатам, весьма квалифицированную силу в собственных видах и интересах. Только для начала нужно было ее выявить и уяснить руководящие ей мотивы. С данной задачей Урвачев мог справиться самостоятельно, однако, как решил он, это заняло бы слишком много времени, а потому, отправляясь с визитом к мэру, он, кроме обсуждения сложившейся обстановки, рассчитывал заручиться оперативной помощью непосредственно от властных структур...

Первым пунктом в разговоре с Колдуновым естественным образом фигурировал недавний инцидент, случившийся в ресторане "У Юры".

Вениамин Аркадьевич самым задушевным тоном справился о состоянии здоровья собеседника, а далее сообщил, что располагает кое-какими сведениями относительно выстрела, доставленного ему начальником милиции Рыбаковым. Оказывается, неудачливый стрелок был задержан буквально через несколько часов после покушения, но поскольку находился в невменяемом состоянии и связанных показаний дать не мог, то поначалу выдерживался в одиночной камере и на допросы не вызывался. Однако вчерашним вечером следователь прояснил кое-какие любопытные детали...

— Да знаю, знаю, — равнодушно отмахнулся от выдерживающего многозначительную паузу мэра Урвачев. — Какой-то придурок из "шанхайских"... Вот, чмо! Я его вытолкал в шею из ресторана накануне нашей встречи. Но не учел человеческого фактора. Все это, оказывается, происходило на глазах у его девчонки. Псих обиделся насмерть и пальнул сдуру... Видите, насколько наша жизнь полна всяких непредвиденных случайностей...

— А вы, насколько я могу судить, подозревали Егора Тимофеевича Ферапонтова? — Колдунов с пронизательным прищуром поглядел в глаза Урвачева.

— Ни секунды его не подозревал, — усмехаясь, сказал Урвачев. — Буду с вами предельно откровенен, Вениамин Аркадьевич... В самый момент выстрела уже знал, что это — не Ферапонт. Другое дело, рано или поздно... ну, вы понимаете... И у

меня имеются очень веские основания для подобных выводов, хотя, полагаю, не стоит посвящать вас в хитросплетения всех подробностей наших отношений с моим партнером...

— Я, Сергей Иванович, и не нуждаюсь ни в каких подробностях, но совершенно с вами согласен, что логика вещей именно такова.... — задумчиво отозвался Колдунов. — Я еще в самом начале нашего знакомства думал именно об этом. Буду тоже откровенен: один из вас в деле — лишний. И глубоко убежден, что лишним является как раз наш общий друг Ферапонт.

Теперь уже Урвачев внимательно поглядел в глаза Вениамина Аркадьевича.

— Я чист перед законом, — сказал Урвачев значительно. — Во всяком случае, с формальной точки зрения ко мне комар носа не подточит... Этот, как вы его назвали, “наш общий друг”, по свойству своего характера очень любил принимать личное практическое участие во всех силовых акциях. Любитель, знаете ли, острых ощущений... А это первый признак натуры низкой.

— Я имел возможность заметить, что друг наш не очень развит в культурном отношении, — вставил Колдунов. — Что настораживает в перспективе.

— Это бы ничего... У всякого человека есть собственные слабости и всякий имеет право на реализацию свойств своей натуры, которую, как известно, не переделаешь... Но он оставлял следы, а следы эти, я вам доложу, весьма багровые, весьма...

— Но с другой стороны, общая политическая ситуация в стране в какой-то степени диктовала ему именно такую модель поведения, — стеснительно кашлянул в кулачок Колдунов.

— Времена меняются, дорогой Вениамин Аркадьевич, — вздохнув, произнес Урвачев. — И времена меняются стремительно. А логика этих перемен говорит о том, что нынче следует решительно отмежеваться от подобных людей. Само знакомство с ними бросает на всех нас гигантскую черную тень, и уже одно простое соседство фамилий в каком-нибудь пустяковом следственном протоколе чревато... Представьте себе сочетание Колдунов и Ферапонтов в какой-нибудь газетной кляузе... Нехорошо. Непоправимый вред репутации.

— Да, плохо, — согласился Колдунов. — Здесь-то на месте я пока еще в состоянии пресечь кривотолки, но ведь Егор Тимофеевич нынче в Москве действует...

— И очень активно. И обязательно там наследит. Да наверняка наследил уже. И если допустить возможность, что тамошние органы выйдут на него, а это весьма реально, дорогой Вениамин Аркадьевич, так вот, если они всерьез возьмутся за него, то рано или поздно пойдут трепать и вашу фамилию, и мою... Но главное, представьте себе, какая опасность нависнет над комбинатом, над нашим общим делом... Приедут сюда спецгруппы из Центрального РУБОП, с Лубянки, начнется такая рубка...

Колдунов подошел к окну, некоторое время стоял в задумчивости, барабанил пальцами по стеклу. Урвачев молчал, давая ему время для размышлений.

— Так-то так, но послезавтра я улетаю в Америку... — не оборачиваясь, проговорил Колдунов. — Но дело, собственно, не в этом — я в любом случае вмешаюсь в решение ваших проблем не собираюсь... Ну пошлите, в конце концов, своих людей. Я не знаю, как это делается на практике, но знаю, что такая практика существует в вашей... в вашей...

— Понятно, деятельности. Спешу сообщить, Вениамин Аркадьевич: своих людей я уже послал...

— Вот как? Так в чем же вопрос?

— Кто-то пострелял моих людей. Очень профессионально пострелял и, в буквальном смысле, упрятал концы в воду. И мне достоверно известно, Вениамин Аркадьевич, что Ферапонт к этому злодеянию не имеет ни малейшего отношения.

— Тэ-эк-с... Уж не меня ли вы подозреваете?..

— Ну что вы, уважаемый Вениамин Аркадьевич! Как можно! Тут действовала какая-то, покуда неизвестная, третья сила. Не известная ни мне, ни вам, ни Ферапонту... Я очень напряженно думал над всем этим. И кое-что надумал... Я перебрал все возможные варианты, опять же не стану отягощать вас ненужными подробностями, и пришел к выводу, что наиболее вероятный мотив — личная месть.

— Ну и кто же этот народный мститель?

— Видите ли, из всех наших людей при невыясненных обстоятельствах гибнут и пропадают именно те, кто сжег фермера с семьей. Помните эту акцию Ферапонта?

— Как же, — поморщился Колдунов.

— Я ведь его отговаривал, — поспешил оправдаться Урвачев. — Изо всех сил... Но Ферапонта отговорить невозможно. И так, Горыныч, Мослак, Длинный... Конопля и Тимоня... — Урвачев и этих покойников как-то автоматически навесил на неведомого мстителя. — Все они были в тот вечер там. Я провел подробное расследование и выяснил, что накануне к фермеру приезжал какой-то рыбак из Питера, а потом он бесследно исчез. Не логично ли было ему обратиться в милицию? Дескать, вот я приехал, а тут трупы и пожар... Но он почему-то не обратился!

— Черт возьми! — воскликнул Колдунов и ударил себя ладошкой по лбу. — Это ведь было накануне нашей первой деловой встречи! Верно?

— Ну...

— Я вспомнил этого загадочного посетителя, который не давал мне покоя... Это же Прозоров! Я же с детства его знал!

— Ну и каким боком этот ваш Прозоров относится к фермеру?

— Сводный брат. То-то меня мучила память...

— Уважаемый Вениамин Аркадьевич, — озабоченно сказал Урвачев. — Нужно немедленно выяснить все про этого Прозорова. Кто он, откуда, профессия, адрес, телефон...

— Он в военном училище, помнится...

— Ага! Значит, кадровый военный. Уже кое-что. Я вас прошу, Вениамин Аркадьевич, по своим властным каналам узнайте как можно подробнее... Я, конечно, со своей стороны тоже буду действовать, но вам все-таки сподручнее. Позвоните прокурору. В рамках уголовного дела об убийстве, запросы-вопросы, то-сё... Ага?

Прозоров

Когда Прозоров поднялся и прошел в спальню, Ада давно уже спала и дыхания ее не было слышно. Мерцал пустой экран телевизора, наполняя комнату тусклым светом, отчего она показалась Ивану Васильевичу похожей на реанимационное отделение. Прозоров выключил телевизор, услышал тихий вздох Ады. Он тоже вздохнул и, не раздеваясь, прилег на самом краешке постели, подложив под затылок сцепленные кисти рук. Точно в таком же положении он и очнулся на рассвете. За окном ровно шумел дождь, и Прозоров остро ощутил, что лето прошло окончательно и бесповоротно, что впереди тусклая осень, а за ней сырая бесконечная зима...

Он покосился на спящую Аду. Тонкое лицо ее было бледно и спокойно, и, как ему показалось, на нем лежала печать какой-то покорной беззащитности...

“И все-таки, нет, — подумал он. — Поеду к Романовскому. Он зубы съел на этих лейкозах... Надо же хоть что-то делать, в конце концов... Старик опытный, что-нибудь да подскажет...”

Прозоров, стараясь не шуметь, отправился в ванную, умылся, затем, не включая света в прихожей, нащупал плащ, сунул ноги в ботинки и вышел на лестницу, осторожно прихлопнув за собой дверь.

“Зонт забыл, — спохватился он, но не решился еще раз щелкать замком. — Пес с ним. Только бы Романовский был на месте”, — думал он, застегивая на ходу плащ и, пускай иллюзорно, но явно ощущая, как вся тяжесть его надежд, сомнений, тоски и упований как-то сама собою перекладывается отныне на сутулые хрупкие плечи Романовского — старичка-онколога из знаменитого военного госпиталя. И от того, будет ли он на месте, зависела жизнь Прозорова, — так по крайней мере, ему казалось...

Ровно через три часа промокший до нитки Прозоров, не дожидаясь блуждающего где-то на верхних этажах лифта, бодро взбежал по лестнице, погромел ключами, выискивая нужный, несколько раз ошибся, но наконец дверь поддавалась.

— Ты где пропадал? — выглядывая в прихожую, сонно спросила Ада.

— Все отлично, малыш! — улыбаясь, воскликнул Иван Васильевич, сделал шаг навстречу и, подхватив ее на руки, закружил в тесном коридоре. — Все в полном порядке! Молодец, старик! Умный старик! Ай да Романовский!

— Ты что, Прозоров? — слабо сопротивлялась Ада, пытаясь выскользнуть из его крепких объятий. — Пил с утра?

— Пьян, Ада, пьян как сапожник, — проговорил Прозоров, осторожно опуская ее на пол. — Вот что... У тебя заграничный паспорт есть?

— Да, — сказала Ада, пристально вглядываясь в лицо Прозорова.

— Отлично! И у меня есть. Визы нам сделают. В три дня...

— Какие визы?

— В Германию. В фатерланд! Клиника "Эйзель". Немцы, Ада, все-таки великая нация! Правда, берут дорого, но зато надежно. Денег у нас хватит, а не хватит — добудем! Семьдесят процентов излечения. Так что твоя лейкемия — тьфу! Мираж...

— Это тебе Романовский сказал? Кто он?

— Гениальный врач. Практик. Он весь подводный флот лечил, он все знает!

— Что знает?

— Абсолютно все знает! Чудак, я ему доллары сую, а он матерится... Пришлось за коньяком бежать. И не устоял старик, взял. Как миленький взял. Кто ж перед настоящим французским устоит? А он, я тебе доложу, великий любитель выпить. Профессионал, знаток вин и прочих напитков. Он, Ада, все знает... — Прозоров трещал без умолку, его распирала деятельная беспокойная энергия, хотелось немедленно собрать вещи и бежать в аэропорт, лететь в клинику "Эйзель"...

— А как же Ферапонт? — напомнила Ада.

— К черту! Времени нет. Пусть живет и дышит.

— Нет, Прозоров... Нельзя оставлять долги без оплаты...

— Ах, Ада, долги, конечно, отдавать следует, но нет времени. Пока его вычислишь, отследишь, подготовишься... Месяц уйдет. Если бы можно было как-нибудь мимоходом, попутно...

— Телефон, — сказала Ада.

— Не понял...

— Телефон, — повторила она, снимая трубку и подавая ее Прозорову. — Межгород, судя по звонку. Я чай поставлю, ты вымок весь...

— Алло, слушаю, — весело крикнул в трубку Иван Васильевич. — Кто это? Как это неважно, еще как важно...

— Иван Васильевич, — сквозь дальний шорох и треск говорила трубка. — Мы с вами позавчера разговаривали...

Сердце Прозорова гулко и тревожно стукнуло, улыбка сошла с лица. Они сумели вычислить его домашний номер! А значит, и адрес, и фамилию... И все, все, все... И, может быть, даже

причастность к ситуации с "курьером"... Но — как?! И зачем они ему звонят?

— Прошу вас, не бросайте трубку, — вежливо продолжал голос. — Я надеюсь, мы с вами договоримся... Алло, вы слышите?

— Слышу, — глухо ответил Прозоров, бегло оглядывая прихожую, мысленно собирая необходимые вещи и прикидывая, сколько времени потребуется на спешную эвакуацию.

— У меня к вам, как к отменному профессионалу, есть очень конкретное предложение, — выговаривал между тем голос. — Я очень рассчитываю на вашу помощь в одном деликатном деле...

"Западня!" — стукнуло в голове у Прозорова.

— Во-первых, уважаемый Иван Васильевич, отбросьте сразу же все ваши подозрения, — успокоил голос. — Вы же сами понимаете, что у нас было достаточно времени и благоприятных обстоятельств для того, чтобы, не обнаруживая себя... В общем, вы понимаете...

— Хорошо, — сказал Прозоров. — Давайте дело.

— У вас в почтовом ящике пакет. Потрудитесь спуститься и забрать его. Не откладывайте. Мало ли какому хулигану придет в голову мысль взломать ящик... В пакете вы найдете ответы на вопросы, и, надеюсь, все сомнения ваши благополучно разрешатся сами собой... До свидания.

— Прозоров, — позвала Ада из кухни. — Скидывай сейчас же мокрую одежду и иди пить чай. Кто это был? Жена?

— Хуже, — сказал Прозоров. — Погоди, Ада, я сейчас...

Загнав в ствол "стечкина" патрон, он осторожно вышел из квартиры, замкнув дверь на ключ, спустился по лестнице к почтовому ящику. Извлек из него плотный тяжелый пакет. Опасаясь взрывного устройства, тщательно прощупал его. Затем аккуратно надорвал край. Из дыры выпали две пачки сто-долларовых купюр в банковской упаковке.

— Деньги к деньгам... — мрачно пробормотал Иван Васильевич, заглядывая в конверт и вытаскивая сложенный в четверть лист бумаги. — Та-ак, стало быть, и план прилагается... Лихое начало...

Ферапонт

С утра шел дождь и глухо шумели за окном деревья Измайловского парка. Место было укромное и обустроенное. Деревянный дом, принадлежавший некогда администрации лесопарка, был обнесен высоким чугунным забором, ворота снабжены электронными замками, и все же на душе Егора Ферапонтова было беспокойно. События последних дней были непонятны, а потому тревожны. И события эти стали происходить с пугающей частотой сразу же после того, как он уехал из Черногорска в Москву. Во-первых, исчез курьер. Опытнейший и надежный Хромой бесследно пропал вместе с кейсом, набитым деньгами.

Мухтар и Цыган, испытанные бойцы, сумели отсечь ментовский хвост и уйти. В принципе, поступили они правильно...

Ферапонт, уткнувшись в холодное стекло окна лбом, закурил губу. Неприятное воспоминание о припадке бешенства, с которым он не сумел справиться, дав команду растерзать верных подручных, заставило его досадливо скрипнуть зубами, — чего на него нашло?.. Воистину — дьявол попутал... Ладно... Что сделано, то сделано, хрен с ними... Не хватало еще ему переживать и мучиться раскаянием. Может, он и не прав, поторопился с высшей мерой наказания, но, с другой стороны, пропало шестьсот кусков зелени! А такой цены жизни этих тварей никак не стоили! Да, потеря... Наживется со временем, но все равно досадно.

Теперь — иная незадача: кто-то попытался замочить Рвача без его, Ферапонта, ведома. Сошка, “шанхайская” шестерка... Оборзела шпана, сколько их не учи, волчат... Но, главное, промазал, вот что по-настоящему горько... А пришлось бы свинец по надлежащему адресу, как бы все славно и мило решилось... Безо всяких на него, Ферапонта, косяков со стороны братвы, чинно-благородно, несчастный случай, пышная тризна, зареванная красавица Ксения...

Ферапонт не удержался, достал из бара початую бутылку виски, отхлебнул глоток. С минуты на минуту здесь должен был появиться гонец от Рвача. Рвач предупредил, что разговор предстоит очень серьезный и требует соблюдения всех норм конспирации. Просил даже включить генератор белого шума, устраняющий возможность прослушивания. И чтобы — никаких свидетелей. Что-то там с комбинатом... Мутит Рвач. Сорок штук гонцу попросил отдать, на какие такие дела?

Ферапонт приблизился к письменному столу, стоящему напротив окна, выдвинул ящик, осмотрел четыре ровненьких запечатанных пачки валюты. Вяло подумал:

“А, пожалуй, Рвач прав — перед бойцами не следует светиться с генеральными делами и деликатными переговорами... Это правильно, максимум секретности. Запомнит рожу гонца будущий изменник или же стукач... А дальше — кто знает, куда и какие нити потянутся, на кого грешить? Да и плохо Москва действует на бойцов, развращает, на переоценки ценностей толкает, на критические мысли наводит... Да и уже, поди, кое-что пронюхали бойцы. Больно морды у них напряженные были, когда отсылал их в бильярдную... Так, что еще? Мослак и Длинный. Тоже дела непонятные, и тут серьезно разбираться нужно, дотошно... Сплошная цепь неприятностей, полоса неудач... — Ферапонт снова приложился к горлышку, запрокинул голову. Затем косо поглядел за окно. По садовой дорожке шел человек. Плащ, очки, кейс. — Гонец. Точно. Ну что же...”

— Ну что же, — сказал он, открывая дверь и впуская гостя. — Входи...

— Егор Тимофеевич? — доброжелательно улыбаясь, осведомился вошедший.

— Он самый, — хмуро подтвердил Ферапонт, направляясь к столу. — Ну, что там у вас стряслось?

— Деньги приготовили? Позвольте взглянуть...

— Хрена ли на них глядеть, — проворчал Ферапонт, вновь выдвигая ящик и выкладывая пачки на столешницу. — Почему Рвач сам не дал, из своих? У меня тут все рассчитано, каждый грош...

— Ну что вы, — ласково сказал гонец. — Зачем это ему? Каждый платит за себя сам...

Что-то в этих словах да и в самом голосе гостя насторожило Ферапонта, и он, не поднимая глаз, снова рванул на себя задвинутый было ящик, но тот, вероятно, перекосялся и не хотел выдвигаться.

— Стоп! — жестко приказал пришелец. — Так не годится. Не надо этих нервных движений.

Ферапонт поднял глаза и увидел именно то, что и ожидал увидеть.

“С глушителем! А братва в бильярдной... Ах, Рвач...”

— Руки на стол, — холодно и спокойно произнес киллер.

— Даю вдвое больше, — осипшим голосом предложил Ферапонт. — Втрое!.. Ты меня свяжешь и спокойно уйдешь... Можешь рот заклеить липучкой, вон она...

— Хорошо, только ты сам себе заклеи... Втрое — это будет полторы сотни...

— В сейфе, — Ферапонт кивком головы указал на стоящий в углу комнаты сейф. — Ключ под письменным прибором...

— Отойди от стола и — заклеивайся, — ровным голосом произнес незнакомец. — Осторожней с ножницами, не уколись... И, пожалуйста, без резких движений. А то у меня спусковой крючок слишком разболтался. От частого употребления. Такой чувствительный стал, прямо беда. А в починку отдать все времени нет...

— Это ты... поосторожнее... Ствол-то отведи в сторонку на всякий случай — обрезая ленту, процедил Ферапонт.

— А вот ствол отводить в сторону нецелесообразно, — прозвучал доверительный ответ. — С вами глаз да глаз... Народ шустрый, изворотливый...

— Ну, сволочь, Рвач! — приклеивая ленту к щеке и морщась болезненно, констатировал Ферапонт. — Ох, сволочь...

— Людям надо прощать, — посоветовал незнакомец, поднимая назидательно указательный палец свободной руки. — Сказано: “Люби ближних и прощай врагов”. А ты, брат, мало любил ближних... Более того, ты их совсем не любил... Э-э, что с тобой, Ферапоша?..

— Случайно, — плачущим голосом, сконфуженно объяснил Ферапонт. — Само...

— Удивительно, такой герой, а в трудную минуту пукаешь некстати. Причем, полагаю, со всеми вытекающими... Смешно, честное слово. Солидный мужчина... Так, брат, ты меня совсем разжалобишь... Жить-то хочешь, поди?..

— Хочу, — покорно кивнул Ферапонт.

— Ну, хорошо, — сказал убийца. — Я, пожалуй, соглашусь вернуть тебе твою поганую жизнь... И денег не возьму. Но ты должен выполнить одно мое условие. Я тебе предлагаю обмен...

— Согласен, — горячо произнес Ферапонт. — Любой обмен... "Вольво" твоя. В придачу к обмену...

— Это хорошо. Щедро. А обмен вот какой, — с расстановкой сказал страшный гость. — Ты сейчас вернешь мне жизнь брата. Жизнь его дочурки и жизнь его жены. Мелочь ведь... Людишки простые, тихие... А я тебе тут же возвращаю твою единственную и неповторимую... Ну как?

— Сволочь... — прохрипел Ферапонт.

— Вот видишь, не можешь...

— Ненавижу!

— Люби ближних, — напомнил собеседник. И никогда не бери от жизни больше, чем сможешь потом отдать.

— А сам? Сам-то?

— Да, — сказал оппонент. — Об этом я как-то не задумывался... Надо будет как-нибудь на досуге...

Ферапонт, пригнув голову, хищно рванулся к Прозорову и концовки фразы уже не слышал.

Иван Васильевич сунул пистолет за пояс, смахнул со стола деньги в кейс, затем подошел к сейфу и открыл дверцу.

— Ого, — произнес он скучно. — А ведь еще недавно я экономил на поездке в автобусе...

Верещагин

Художник Верещагин проснулся на диване совершенно один, не считая, разумеется, своего сменщика Мишки Чиркина, который спал на этом же диване у стенки, валетом. Сменщик даже не пошевелился ни разу за все то время, пока Верещагин вставал, тихо прокашливался, возился с ботинками, ощупью искал свою вязаную шапочку и пояс от зимнего пальто.

За окном едва-едва начинало светать, и когда Верещагин для облегчения поисков решил зажечь настольную лампу, окна снова налились безнадежной февральской темнотой.

Шапочка случайно отыскалась в пыльной щели между ребрами батареи под окном, а вот пояс, похоже, потерялся безвозвратно. Верещагину никогда не везло с поясами. Вероятно, потому, что в хмельном виде имел он с юности привычку ходить нараспашку, не застегивая пуговиц и не подпоясываясь, какая бы стужа ни леденила грудь.

"Опять придется с Галкой разбираться, — уныло думал он, шаря ладонью в безжизненной пустоте под тумбой письменного

стола. — Сперва, стало быть, посеял пояс от плаща, перед Новым годом пропал пояс от куртки, а теперь вот и от пальто... Орать будет. А и черт с ним! Главное, один проснулся. Вот что самое существенное..."

Он тяжело вздохнул, нащупал в кармане пальто пачку "Беломора", спички и присел боком на широкий холодный подоконник, свесив одну ногу почти до пола. Поглядел на беззащитную узкую спину спящего Чиркина и невольно усмехнулся. Тот как всегда спал совсем по-детски, посапывал, свернувшись калачиком и подложив обе ладони под щеку. И таким покоем, такой отроческой невинностью веяло от фигуры Чиркина, что Верещагин невольно позавидовал ему и на миг засомневался, не слишком ли рано сам встал, однако с места не двинулся, зная, что все равно сон к нему сегодня больше не вернется.

Совсем рядом за толстыми стенами глухо и враждебно рокотал невидимый город. Здесь же горел желтый свет настольной лампы, и от этого казенное помещение казалось даже уютным, похожим на коммунальную кухню. Тем более, что на письменном столе поблескивал электрический чайник, стояло несколько разномастных чашек, белела коробочка сахара, а в железной миске еще оставалось полбуханки черного хлеба.

У Верещагина стучало в висках и кружилась голова, и от этого мерещилось, что подоконник тихо покачивается. Он вытащил папиросу из полупустой пачки и снова впал в оцепенение, пусто глядя на безмятежно спящего Чиркина.

"Вот ведь как странно вывернулась жизнь, — подумалось ему. — Физик-теоретик, отставной полковник и художник сошлись вместе в тесном полуподвале и по очереди охраняют паскудное имущество удачливых и бойких проходимцев, укрывшихся под вывеской фирмы "Скокс". Имущество, в сущности, награбленное у народа, то есть, у нас с вами, господин полковник, физик и художник..."

Спичечный коробок выскользнул из дрогнувших пальцев и с сухим треском упал на выстланный каменной плиткой пол. Верещагин, пытаясь поймать его в полете, запоздало нырнул следом, черпнул ладонью воздух и, свалив стул, рухнул на четвереньки.

— Курил бы поменьше, Витек, — тотчас послышался недовольный голос с дивана. Вслед за этим Мишка Чиркин перевернулся на живот и, оттолкнувшись ладонями, выпростался из-под старой солдатской шинели, которой укрывался, усевшись на краю постели. Был он довольно мелок телом и узок плечами, отчего его большая голова с высоким лбом и обширными залысинами казалась еще больше. Из-под толстых стекол ученых очков глядели умные печальные глаза.

— Бросил бы ты курить, Витек, — повторил Мишка Чиркин. — Глупая же привычка, все равно что, к примеру, стул грызть... Да и с пьянками завязывай...

— Я вот чему не устаю удивляться, — радуясь, что кончилось его утреннее одиночество, произнес Верещагин. — Как это вы, господин ученый резонер, умудряетесь спать всю ночь в очках, и при этом они не сваливаются у вас с носа?

— Трепач ты, Верещагин, — беззлобно сказал Чиркин. — Трепач и пьяница. Хорошо, совесть в тебе еще не угасла.

— Из чего ты заключил, что во мне совесть не угасла? — настороженно спросил Верещагин.

— Ну как же? Вчера вы, господин художник, явились в служебное помещение во втором часу ночи, так?

— Во втором часу? — Голос Верещагина дрогнул. — Во втором часу... Ну и где же я тогда, по-твоему, пропадал столько времени? Неужели я все-таки...

— Поясняю, — перебил Чиркин. — Раньше положенного времени вы придти не могли, никак не могли. Ибо всякая нечисть имеет привычку являться к порядочным людям и вредить им именно после полуночи, но никак не ранее. Это время ее активной жизни и деятельности. Она не терпит солнечного света...

— Прекрати, — попросил Верещагин. — Не терзай мне нервы ...

— Ага! — Чиркин хлопнул в ладоши и засмеялся. — Но нет уж, испей чашу правды. Итак, ты явился сюда, в служебное помещение, во втором часу ночи в виде самом безобразном и скандальном. Но к жене ты не поехал, чтобы не оскорбить ее добродетель своим омерзительным состоянием, а потому я заключил, что совесть в тебе покуда не угасла. Ты вчера, честно тебе сказать, просто дымился от скверны...

— Дымился от скверны! — эхом повторил Верещагин. — Я не мог дымиться от скверны, потому что там ничего такого не было... Я всего, конечно, не упомяну теперь, но был, судя по всему, обыкновенный скандал. Ругань... Но женщина-то здесь не замешана!

— Нет, я настаиваю, ты именно дымился от скверны! Во всяком случае серой пахло и очень ощутимо...

— Это от спичек. Ты мне суть говори. Что я тебе рассказал вчера? По свежей памяти говори...

— Мне совестно повторять твои вчерашние слова.

— Слушай, сволочь, Мишка! — рассердился Верещагин. — У меня и так все горит, у меня в сердце теснота, а ты еще жуть тут нагоняешь. Говори нормально, по-товарищески...

— Ну, ладно. — Мишка уже и сам понял, что перегнул палку. — Успокойся. В общих чертах все было пристойно. Относительно пристойно. Во всяком случае, в глазах того круга людей, с которыми ты привык общаться. Но вне богемы, среди людей обычных и порядочных, это выглядело бы, конечно, совсем-совсем по-другому...

— Да, я ругал Агуреева, — мрачно сказал Верещагин. — Та еще сволочь...

— Если художник иногда и халтурит, то называть его своло-
чью по меньшей мере не деликатно.

— Сволочь, он сволочь и есть, — упрямо повторил Верещагин. — Бездарь к тому же... Другое меня мучит — то, что я себя в грудь бил и похвалялся собственным талантом. Вот что скверно и гадко. Да еще бабы эти... Между прочим, друг Чиркин, откровенно говоря, мне там сразу три понравились. Они еще и до сих пор мне нравятся. Три девицы под окном... Скромны, остроумны и красивы. Я их сразу выделил из всей толпы. Поразительно, что все оказались Маринами.

— Ты об этом говорил уже, полночи спать не давал. И про “трех девиц под окном” раз двадцать повторил. Между прочим, ничего нет мучительнее, чем трезвому разговаривать с пьяным.

— Прости, брат, — приложил руку к груди Верещагин. — Тут я тебя прекрасно понимаю. Сам испытывал неоднократно. Однажды Кадыкова по бульвару три часа водил, отрезвлял... Горький был опыт. Прости.

— Прощаю, — отозвался Чиркин и задумался. — А что, они в самом деле того... Пошли бы с тобой с первого знакомства? Впрочем, конечно... Некоторые, даже вполне порядочные женщины, любят таких... Безалаберных и безответственных. Материнский инстинкт.

— Друг мой, Мишка! — с чувством сказал Верещагин. — Инстинкт, конечно, вещь упрямая, но флиртовать можно годков этак до тридцати... Грех и блуд, но, по крайней мере, не пошлость... Но коль уж тебе стукнуло тридцать пять, знай честь и будь верен жене. Флирт после тридцати пяти — это уже распущенность, мерзкая похоть, собачьи судороги, козлиные страсти... Пошлость, проще говоря... А пошлости я не терплю ни в каком виде.

Верещагин болтал и чувствовал, как постепенно теснота в груди его рассасывается. По крайней мере, той острой первоначальной тревоги и неясных, но мучительных угрызений совести, с которыми он проснулся, уже не было. Главное в том, что проснулся один, не поехал ни к одной из трех Марин, и ни одну из них не заманил сюда, в эту бытовку. Он взглянул на часы.

— Пойду я, брат Чиркин. Надо еще часик где-нибудь перекаптоваться, пока Галка на работу уйдет. Ты не проговорись ей, что я на банкете был, убьет. Я ее предупредил, что мы с тобой сменами поменялись. Пока.

Он потрепал приятеля по плечу и направился к выходу.

— Тебе она раза три звонила, — вспомнил Чиркин. — Пришлось врать, что ты на складе...

— Молодец, — тяжело вздохнул Верещагин и толкнул кулаком входную дверь.

В “Скоксе” художник Верещагин служил сторожем уже второй год.

Впрочем, он и сам не знал, кто же он теперь, — сторож или художник. Попав недавно в отделение милиции, на вопрос о профессии, не задумываясь, ответил: “Сторож”. Он давно уже не касался кисти, и выдавленные на палитру масляные краски покрылись пылью и окаменели. Иногда посещали его смутные позы вдохновения, но как-то уж больно нерешительны они были, слишком быстро слабели и выдыхались. И подходя в последнее время к мольберту, он рассеянно перебирал и ощупывал кисти, потом откладывал их в сторону и на горестном выдохе шептал: “Не время, Витя, не время...”

Верещагин запахнул за собой тяжелую стальную дверь полуподвала и, осторожно поднявшись по скользким ступенькам, вышел прямо в переулок. Было уже довольно светло, но еще горели, понуро склонив над землей свои лысые головы, потускневшие фонари. Застегиваясь на ходу, размашисто ступая по раскисшему снегу, он направился к площади. Нужно было убить время. Целый час времени. Галка уйдет в девять утра, тогда можно спокойно и без опаски вернуться в освободившуюся квартиру.

Он вышел из-под железнодорожного моста на площадь и теперь, направляясь к дому, двигался нарочно помедленней, то и дело останавливаясь у освещенных витрин продовольственных палаток, разглядывая сорта пива и сопоставляя цены.

Кое-где на столбах и рекламных щитах попадались ему на глаза предвыборные плакаты кандидатов в мэры и в вице-мэры, которые, очевидно, не успели еще содрать, тем самым нарушив закон об отмене какой-либо агитации накануне свершения действия голосования. Выборы между тем должны были состояться завтра.

“Колдунов так Колдунов, какая разница? — текли мысли Верещагина. — Тем более мэр, кажется, человек неплохой, по крайней мере, художникам ничего дурного не сделал. Равно как и хорошего... Но ведь главное в отношениях политика с художниками — не вмешиваться, как сказал один французский король на смертном одре. А вот что интересно: кандидат в вице-мэры, Урвачев, не родственник ли он нашей Ксюши?.. Ведь есть у нее какой-то деловой братец... Неужели он? Любопытно было бы...”

К тому времени, когда он находился уже вблизи своего дома, квадратные часы на столбе у кинотеатра показывали без четверти девять. Для верности нужно было протолкаться здесь еще хотя бы полчаса. Он ходил по середине аллеи, ведущей в парк, но ветер, ставший уже нестерпимо пронизывающим, налетал и спереди, и сзади, и с боков. Как ни укутывался Верещагин в свое пальто, очень скоро он совершенно озяб.

Поневоле пришлось все-таки идти к дому.

Пройдя сквозь арку и оказавшись в своем дворе, он первым делом взглянул на кухонное окно на пятом этаже, надеясь увидеть безжизненную пустоту. Но окно приветливо светилось, и в этом свете Верещагин разглядел силуэт своей жены, которая, узрев его, тотчас махнула ему рукой. Верещагин тоже вскинул руку, распрямил плечи и, стараясь выглядеть человеком, честно отдежурившим свою ночную смену, двинулся к подъезду.

Дверь перед ним распахнулась, на пороге стояла Галина, одетая для выхода, в темно-синий строгий костюм и в голубую блузку. От нее крепко веяло духами, лицо было уже накрашено и напудрено. Верещагин рассеянно скользнул по ней взглядом и тотчас отвернулся.

— Привет, Верещагин! — сказала она и энергично пожевала губами, равномерно распределяя по ним помаду. — Что-то ты долго сегодня...

— Привет, — несколько в сторону ответил Верещагин и боком вошел в прихожую. — Хрены эти с утра какие-то коробки привезли, пришлось разгружать. А ты что не на работе?

— Да я же в поликлинику записана, я тебе говорила. Звонила учительница математики, надо со Светкой что-то делать. Ты бы зашел в школу сегодня вечером. И Васька, сынок твой, опять на перемене с Поганяном подрался...

— Сама сходи, — сказал Верещагин. — Ты мать все-таки...

— Ты отец все-таки, — в тон ему ответила Галя. — Я уже два раза ходила, теперь твоя очередь.

— Ты же знаешь, что я заведу и снова нагрублю завучу, как в прошлый раз.

— Да, яблочко от яблони...

— Вот именно, что от яблони. Яблоня это ты и есть, женского рода... А этому Поганяну я и сам харю бы с удовольствием нацистил.

— Ладно, Верещагин. Денег принес?

Верещагин поморщился, промолчал и, повернувшись спиной к жене, стал снимать с себя пальто. Упоминание о деньгах как обычно привело его в замешательство, и он позабыл о потерянном поясе.

— Верещагин, где пояс? — трагическим голосом произнесла Галя. — Ну-ка, повернись ко мне и дыхни... То-то, я гляжу, ты какой-то взвинченный сегодня. Ну-ка, дыхни, подлец!

— Не устраивай комедии с утра, — понимая, что попался, вяло сказал Верещагин и попытался боком пройти мимо Галины в глубь квартиры.

— Нет, ты дыхни, гад! — Она схватила его за плечо и коленом перегородила проход.

— Пожалуйста, — сказал Верещагин, повернул к ней лицо, выпятил губы и со свистом втянул в себя воздух.

— Нет, ты дыхни, — твердо повторила Галя, давно раскусившая эту примитивную хитрость. — Пил, гад! Детям на хлеб дать нечего, они в школе голодные сидят, а он пьет, мерзавец! Ну и подлец же ты, Верещагин. Пояс потерял. Да тебе голову надо оторвать за твои подлости...

— Голову за пояс, не слишком ли... — раздражаясь от ее крика, мрачно огрызнулся Верещагин. — Пива попил. Бесплатно. Встретил Попова, он и угостил. У него в семье скандал, Валька его с бабой застукала...

— Ты мне зубы не заговаривай чужими проблемами. Попов имеет право, он деньги зарабатывает, семью содержит, в отличие от других чистоплюев. “Я искусству не изменяю...” — пердразнила она.

— Отойди от меня, — с тихим бешенством произнес Верещагин, сам дивясь тому, как быстро поменялось его настроение. — Ты своими криками энергию у меня высасываешь...

— Нужна мне твоя поганая энергия! — тотчас подхватив его тон, огрызнулась Галина и, не удержавшись, добавила язвительно: — Сморок!..

— Хорошо, — глухо и устало ответил Верещагин, понимая, что никакого выхода у него нет, что ничего в этой тупиковой жизни переменить нельзя. — Извини... Но давай хотя бы оставаться в каких-то рамках пристойности. Я ведь тоже могу тебя как-нибудь обидно обозвать, слов много... Не будем опускаться до уличного базара.

— Ладно, Верещагин... Иди завтракать, чай стынет. А мне пора, пока...

Подруги

Выходя из двора, Галина услышала сзади урчание мотора и едва успела отскочить в сторону от проезжавшего мимо джипа, но несколько грязных брызг попали все-таки ей на подол серого пальто и на сапоги, что крайне ее раздосадовало.

Верещагина могла развести в квартире болото, держать целый день груды грязной посуды в кухонной раковине, бродить по дому в засаленном халате, но совершенно не переносила небрежности и неряшливости в одежде, когда выходила на люди.

Поэтому, несмотря на скудость средств, она купила с лотка у гастронома поролоновую губку для обуви и, отойдя в укромное место, тщательно вычистила сапоги. Уголком носового платка стерла с пальто успевшие подсохнуть пятна. Вывернув шею, взглянула себе за спину и, не найдя больше никаких неряшливых отметин, способных скомпрометировать ее в глазах людей, направилась к автобусной остановке, где ее должна была ждать Урвачева, сидевшая, согласно телефонному пояснению, за рулем красной спортивной машины.

Подруги не виделись больше полугода и теперь, переходя неширокую площадь и направляясь к указанной машине, Галина

никак не могла определиться и решить, каким выражением лица воспользоваться для первых минут встречи, какую манеру разговора выбрать, и какими будут произнесенные ею первые фразы.

Ксюша Урвачева была одной из тех изумительных природных красавиц, которых так обильно и исправно родит русская провинция. Красавица, которая как бы вовсе не ценит и не замечает своей красоты, во всяком случае, не считает ее своей личной заслугой.

Когда Урвачева пришла устраиваться в агентство, где в ту пору работала Верецагина, оживившийся при ее виде и выскочивший из-за стола начальник отдела поинтересовался, умеет ли она печатать на машинке.

— Не умею, — простодушно улыбаясь, ответила она.

— А работать с калькулятором доводилось?

— Нет...

— А... м-м... сортировать почту сможете?

— Не знаю...

— Н-да-с... Так что же вы умеете?

— Ничего, — все так же простодушно и честно ответила Урвачева.

— Замечательно! — сказал начальник отдела и вытер платочком выступивший на лысине пот. — Я беру вас в штат. Первое время вы будете стажироваться у товарища Верецагиной.

Вот так произошло их знакомство, очень скоро переросшее в самую горячую и задушевную дружбу, какая может быть только у женщин. У Урвачевой в самом деле был легкий и уживчивый характер. А когда Галина Верецагина зашла с ней на минутку в мастерскую скульптора Булыгина, который накануне оформил грузинское кафе и широко отмечал окончание халтуры, Ксюша застряла там надолго.

Ей очень нравилось, как смачно художники за глаза отзываются друг о друге, совершенно, впрочем, как и писатели, за одного из которых Урвачева опрометчиво вышла замуж, расставшись с трагической и единственной своей любовью, с мужем лучшей подруги — Виктором Верецагиным. Об их пламенном и скоротечном романе подруга, кстати, ничегошеньки не ведала.

К тому времени, когда Ксения Урвачева обрела свободу от тяготившего ее супружества, мир вокруг нее очень существенно переменялся. Со страной творилось что-то темное и нехорошее. На передний план грубо вырвались денежные люди, до тех пор скрывавшиеся в глубокой тени. Эти люди энергично и бесцеремонно вытеснили художников кисти и пера со всех олимпов и прочно угнездились на отвоеванных вершинах.

Художники в массе своей превратились в обыкновенную обслугу, и только несколько упрямых одиночек хранили верность своим обнищавшим музам.

Брошенный муж Ксении Урвачевой уехал поближе к эпицентру событий, в Подмоскovie, и неожиданно разбогател там,

употребив довольно бойкий талант на описание самых низменных человеческих инстинктов. Из-под его неутомимого пера ежегодно теперь выскакивали по три-четыре детектива. По количеству трупов детективы эти смахивали на братские могилы... Частенько Ксения видела его выступающим перед телекамерами, а однажды, на встрече с читателями "Огонька", он буквально проговорился, заявив, что, дескать, "каждый настоящий писатель, макая перо в чернильницу, должен знать, что там не чернила, а кровь..."

Ксения порядочно обносилась, и ей все труднее становилось свою нищету выдавать за нарочитую небрежность и оригинальность. Вот тут-то, в самую критическую минуту судьба ее неожиданно переменилась. Объявился брат Сергей, который когда-то, вернувшись из армии, жил с полгода в ее квартире, затем занялся какими-то коммерческими делами и надолго пропал в неведомых пространствах. Изредка за все это время они виделись урывками, на ходу, перебрасывались двумя-тремя дежурными фразами и снова разбегались. Иногда Сергей, загадочно улыбаясь, подбрасывал ей сотню-другую долларов... Ксения догадывалась, что дела брата темны и страшноваты, но, испытывая безудержную тягу к личной свободе, не посягала и на свободу других, а потому не вникала в чужие дела. По городу гуляли смутные слухи, и мелькала в этих слухах фамилия брата, соседи опасливо покашивались на Ксению, но легкомысленная Ксюша данным слухам не придавала большого значения.

Итак, брат явился в самую критическую минуту и предложил ей выгоднейший контракт — нужно было влюбить в себя какого-то богатого прохиндея-американца и поехать с ним в Америку, где, подучившись языку, вести затем неусыпный контроль за делами нового супруга.

— Ксюша?

— Галчонок, солнышко мое! Привет, привет, привет! — Урвачева бросилась к подруге, трижды расцеловала в холодные щеки, отступила на шаг и быстро оглядела ее с ног до головы. — Боже мой, все такая же! Как будто и не расставались, честное слово... Ну как ты тут?

— Я по-прежнему... Ты-то как? — Галина тоже цепко оглядела на диво похорошевшую Урвачеву, и в сердце ее неприятно шевельнулась заноза зависти. — Расцвела на иностранных харчах. Загорелая, надо же... А мы тут, в Черногорске...

— Давай, Галка, в машину. По пути поговорим, а то ветер этот... — Ксения поежилась и запахла серебристую норковую шубку. — Заходи с той стороны...

Верещагина покорно обошла машину, постучала каблучками о порог, сбивая мокрый снег и грязь. Уселась на кожаное сиденье.

Мягко щелкнула дверь, тихо замурлыкала музыка. Машина невесомо тронулась с места. Вскоре выехали на Загородное шос-

се. Ксения прибавила газу, опасно подрезав "Скорую помощь", стремительно выскочила в крайний левый ряд и — понеслась вон из Черногорска.

— А где твой американский муж? — спросила Галина.

— Торчит в своем Нью-Джерси, как гвоздь в доске, — весело отозвалась Ксения. — А я — в отпуске... От козла этого... Надоел мне хуже горькой редьки, собака такая... Как только он мне денег на личный счет перевел, так я вскорости и укатила от него. Расцеловала, правда... Звонит каждые полчаса, ревнует и рыдает...

— Так ты его, что, бросила?

— Если честно... Вообще-то — да... Ну его к бесу!

— А... как Америка?

— Да что Америка... Тот же совок. Посытнее и почище. Да и то — где и как — вопрос! Ну, получила я стараниями и связями адвокатов супруга спешным порядком эту грин-кард, то бишь вид на жительство, а толку? Кусок пластика, за который только всякая нищета и перекати-поле убиваются... И у кого в башке вместо мыслей — образ купюры достоинством от доллара до сотни... Скучно там, Галя, скучно до одури! И все на одном зацклено — на этом самом долларе... Нельзя там русскому человеку жить. Подработать, скрипя зубами — да, но жить... Упаси Господь! Три месяца от силы — и домой, домой, домой... А я полгода, как на зоне оттянула. Стоит это денег? Еще каких! Сейчас дом мой увидишь, в обморок только не падай...

— Что, как у этих... Новых русских? — дрогнувшим голосом спросила Галина.

— Увидишь...

Машина пролетела по Загородному шоссе мимо поселка Филино, а впереди видны уже были тесно столпившиеся на пригорке терракотовые особняки, отгороженные от остального мира высокими кирпичными заборами, увенчанными коваными пиками и телекамерами.

У одного из таких особняков — крытого бежевой черепицей трехэтажного строения с полукруглыми арочными окнами, Ксения Урвачева остановилась, нажала на кнопку пульта, укрепленного рядом с зеркальцем заднего обзора. Медленно распахнулись ворота, и они въехали во двор, мощный фигурной плиткой.

Створки ворот неторопливо захлопнулись вслед за вкатившейся в поместье машиной.

Они вошли в огромный холл, чье пространство перегородивалось раздвижной стенкой на две части — столовую и каминную, затем спустились вниз, осмотрели комнату отдыха, спортивный зал с тренажерами, ванную и расположенную рядом сауну. Здесь же мельком заглянули в запасную спальню и снова вышли наверх, прошли знакомый уже холл, стали подниматься на верхний этаж, где Галине были продемонстрированы два оснащенных компьютерами кабинета с кожаной мебелью и про-

сторные уютные спальни. Здесь же располагались две ваннх комнаты-джакузи с выложенными бирюзовой плиткой полами и зеркальными потолками.

— Великолепный дом! — похвалила Галина. — Ты, Ксюша, заслужила... После стольких мытарств...

— Да какие там мытарства, Галочка, — махнула рукой Ксения. — Просто дурам везет...

— Ну, не скажи. Не скажи, — фальшиво возразила Галина, внутренне соглашаясь с последними словами подруги. — Дурто много, а не все живут в таких хоромах. Условия существования совершенно разные...

— Да просто я нестарая, неглупая, а главное, красивая дурра! — рассмеялась Ксюша и встряхнула густыми золотистыми волосами. — Слушай, Галка, у меня есть для тебя сюрприз, ты только сразу не отнекивайся. Я хочу тебя с детишками отправить на пару недель куда-нибудь отдохнуть... На Средиземное море, скажем...

— Да что ты, Ксюша!..

— Ты только Витьке не говори пока. Ни слова, поняла? Может, урок для него будет... Договорились? А документы мы вам быстренько оформим, у меня в ОВИРе связи... О'кей?

— Да как-то чудно все это, — протянула смущенная Галина. — У нас-то и одеть нечего для заграницы... Спасибо, дорогая, за заботу, но, пожалуй, мы не сможем...

— Молчи, Галка... Сможете. Все это — мои проблемы. Главное — Витьке ни слова! Обещаешь?

— Н-ну...

— Вот и чудно!

Верещагин

В субботу судьба свела художника Верещагина с замечательным в своем роде человеком — Иваном Васильевичем Прозоровым.

С первого взгляда и, судя по одежке, Верещагин решил, что перед ним — если человек и не его круга, то все равно, как выражались встарь — “социально-близкий элемент”.

Явился тот в сопровождении Ирмы Садовой, постоянно чем-то напуганной и нервной женщины — секретарши “Скокса”, которая и представила его Мишке Чиркину и Верещагину:

— Наш новый сотрудник. Будет временно вместо полковника... Вы, ребята, ознакомьте его с правилами и покажите ключи...

— А полковник как же? — спросил Чиркин.

— А полковник ваш со вчерашнего дня уволен, — почему-то втянув голову в плечи и озираясь, сказала Ирма. — Он Семена Ефимыча по щеке кулаком ударил и даже не извинился. Наоборот, обозвал еще черным словом и сказал, что всех перестреляет. Я сама свидетель, он и на меня костью своим замахнулся... А какие же мы “кровососы”? Мы никакие не “кровососы”...

Нехорошо... Ах, нехорошо, нехорошо, — бормотала она сокрушенно, уходя по коридору. — Нехорошо...

— Иван Васильевич Прозоров, — чуть поклонившись, с достоинством представился новопривывший. Затем снял шляпу с широкими полями и церемонно пожал протянутые ладони. — Волею временных обстоятельств, обитатель социального дна. Пятьдесят лет. Земную жизнь прошел до половины и оказался в сумрачном аду... То есть в "Скоксе"... — продолжил он, оглядывая помещение. — Так. Письменный стол имеется, диван, чайник, полка... Настольная лампа. Великолепно!

Был он невысок ростом и довольно плотен телом. Как-то не совсем подходили к его простоватому лицу, к его белесым бровям и аккуратной плечи чуть подкрученные кверху усы и короткая, по-видимому, недавно отпущенная борода.

— В сумрачном аду... — повторил он. — Знаете ли вы, друзья мои, что означает на самом деле слово "Скокс"?

— "Скокс" он и есть "Скокс", — отозвался Чиркин.

— Нет, друг мой... Направляясь сюда, я заглянул в один словарь и выяснил вот какое любопытное обстоятельство. — Прозоров поднял вверх указательный палец. — "Скокс" это демон из практики средневековых заклинателей. Похищает имущество из царских домов и возвращает через двести лет...

— Надо же, — удивился Верецагин. — А хозяева-то наши не лишены остроумия... Жаль только, что нужно двести лет ждать, пока эти демоны вернут украденное...

Прозоров снял плащ, повесил его на гвоздь у дверей, затем осторожно поднял огромный потертый саквояж и подошел к столу. — Господа, у меня тут есть. Чистейшая...

Да, существуют люди надежные, уютные и теплые, словно русская печка, и именно таким человеком с первых же минут знакомства показал себя Иван Васильевич Прозоров.

Стараниями его довольно постная газета "Демократ Черногорска", которой застелен был старый письменный стол, буквально на глазах превратилась в подобие сказочной скатерти-самобранки. Посередине стола празднично засияла бутылка водки. Затем из саквояжа, словно из рога изобилия, извлечены были, сопровождаемые попутно краткими и точными пояснениями Прозорова, разнообразные свертки и кульки: завернутый в прозрачную восковую бумагу батон душистого хлеба, ломтики нарезанной ветчины, ворох петрушки, сельдерея и зеленого лука. Затем появился кусок желтого сыра.

— Сыр голландский, — объявил Прозоров. — Существует мнение, что к водке лучше "рокфор", но при наличии маринованных опят, голландский предпочтительнее... — Он сунул руку в открытую пасть саквояжа, вытащил пол-литровую банку, снял пластмассовую крышку, понюхал и произнес: — Благороднейший гриб! Станция Суходрев, Калужской области. Девственные леса, древняя Русь...

Напоследок на столе появился шматок копченого сала с розовыми прожилками.

Через полчаса совместной беседы за общим столом всем уже казалось, что они давным-давно знают друг друга. Водка, оказавшаяся на вкус и в самом деле превосходной, была выпита в два приема: "За первое знакомство" и "За улучшение жизни". Несмотря на обилие еды, стол, после того, как пустая бутылка перекочевала в мусорное ведро, как-то внезапно осиротел. Выждав необходимую паузу и дав друзьям немного погрузиться, Прозоров докурил трубку и снова направился к заветному саквоюжу.

— Теперь предлагаю по традиции выпить за женщин! — сказал он, возвратившись к столу и откручивая жестяную пробку. — Как-никак, а во вселенной нашей доминирует женское начало. Вы, Верещагин, как художник, должны это чувствовать интуитивно, ученейший же друг наш Чиркин, вероятно, согласится с нами, что и экспериментальная физика стоит на тех же позициях.

Верещагин молча кивнул.

— Вселенная процентов на девяносто девять состоит из женского начала, — подтвердил Чиркин. — Это, впрочем, не научный факт, а мое личное мнение...

— Ну что же, если мнения троих людей совпадают, то имеют все юридические основания считать это мнение доказанным научным фактом, — подытожил Прозоров. — За женщин, друзья!

Все встали, чокнулись чашками, выпили и снова потянулись к закуске...

Поздно ночью, когда наивные и простодушные коллеги его Чиркин и Верещагин крепко и надежно спали, влетом уместившись на диване, Иван Васильевич Прозоров приступил к основной своей работе. Он прошел полутемным коридором к служебному кабинету, в котором так недолго довелось когда-то посидеть покойному Акиму Корысному. Оглядел дверной замок и перебрал связку ключей, отыскивая нужный. По крайней мере, пять ключей могли подойти к замку.

— Ну, с Богом! — тихо пожелал сам себе Прозоров, и, к вящему его удовольствию, первый же ключ из пяти отобранных им, легко вошел в скважину и повернулся с мягким маслянистым звуком.

"Отличная, благоприятная примета, — усмехнулся Иван Васильевич и беспрепятственно прошел вовнутрь. — Был бы только он здесь, не вынесли бы его по скудоумию в какой-нибудь далекий подвал..."

Сейф был на месте. Он стоял в дальнем углу под вешалкой. И был он небольшой, коричневого цвета, самый с виду обыкновенный... Именно такой, каким и описывала его Ада. Дверца его была чуть приоткрыта, внутренность абсолютно пуста.

— Слона-то вы и не заметили, — пробормотал Прозоров, укладывая сейф на крытый жестким ковровым покрытием пол и внимательно приглядываясь к его днищу. Здесь в днище, в самом неприметном уголке должно было находиться спрятанное под слоем краски заветное отверстие. И отверстие это тоже было на месте. Иван Васильевич вскрыл тайник, извлек оттуда аккуратную плоскую коробочку, взвесил ее в руке.

— Не слишком весомо для кощевой смерти, — усмехнулся он, запихнул коробочку в карман, установил сейф на место и так же тихо покинул помещение.

Свидетели и заявленцы

В тот роковой февральский день Лев Евгеньевич Злобин, сосед художника Верецагина по лестничной площадке, возвращался домой довольно поздно, в очень мрачном настроении. И дело было не только в том, что не задалась рыбалка... Неприятности начались с того, что, отправившись с утра пораньше за город, он чуть не опоздал на электричку. А когда подходил к своей даче, то еще издалека заметил, что к калитке его ведут чуть припорошенные снегом глубокие следы. Причем следы петлистые и извилистые, а кое-где заметил Злобин даже оттиски растопыренной громадной пятерни.

“Явно злодейские следы”, — подумал почему-то Лев Евгеньевич и оказался совершенно прав.

Замок на калитке был сорван, дверь в “охотничий домик” распахнута. Красть-то, собственно, было нечего в этом домике, ибо, предвидя зимнее нашествие вора, Злобин всегда увозил в город все, представляющее хоть какую-то ценность. Однако, как он и предполагал, жилье его было изрядно и цинично обещено — на круглом столе, точно посередине столешницы, красовалась большая мерзлая пирамидка... В позапрошлом году случилось то же самое, — по-видимому, воры, не найдя добычи, совершали подобное непотребство с досады...

— Тыфу ты, черт! — выругался Лев Евгеньевич, радуясь тому, что по крайней мере хоть окна не разбиты, и скинул с плеча ящик.

Он вытащил из нагрудного кармана связку ключей, затем сходил в сарай за лопатой. Быстро управившись с неприятной работой, отнес находку в компостную яму, затем припер дверь домика штакетиной и — бодро пошагал к озеру.

Озеро было совершенно пустынно, несмотря на выходной день, и это немного удивило Злобина. Обычно здесь удили рыбу мужики из села Запоева, теперь же ни единого человека не виделось ни на этом берегу, ни на том.

Впрочем, кое-какое движение заметил Лев Евгеньевич у ближнего берега, когда обвык глазами и перестал щуриться, — там, за осинником у самой полыньи стоял колесный трактор, а подле него хлопотали две мужские фигуры. Фигуры эти были

согнуты, они как будто пытались что-то поднять с земли, что-то восково-желтое, но, по-видимому, это восково-желтое все время выскальзывало из неуклюжих рук. Видно было, как один из мужиков то и дело спотыкался и падал ничком.

Злобин отчего-то сильно забеспокоился и бросился в дом, где хранился у него бинокль, который он всегда брал с собою с той практической целью, чтобы, не вставая с места, время от времени отслеживать улов других рыбаков и таким образом примечать добычливые места.

Наведя резкость и приглядевшись, Лев Евгеньевич хотел было сглотнуть от волнения слюну, но почувствовал, что во рту его внезапно все пересохло. Увиденное было настолько ужасным, что Злобин крепко зажмурился, отстранил от глаз проклятый бинокль и отступил в простенок между окнами, боясь, что его тоже могут заметить с той стороны. В ушах у него звенело, а сердце, казалось, билось в самом горле.

Когда он немного отдышался и решил все-таки снова удостовериться в том, что он действительно видел то, что видел, и это никакая не галлюцинация расстроенного здоровья, и снова приложил к глазам бинокль, то застал самый финал зловещей драмы: двое мужиков запихивали в полынью под лед окоченевший труп.

“Почему я? Зачем мне все это?.. Ничего не видел, ничего не слышал! — почему-то первым делом подумалось Злобину. — Лучше бы я с водителем вчера уехал... А-а, черт, он же теперь против меня и свидетель... Труп все равно весной обнаружат, а он и скажет на допросе, — дескать, да, подвозил тогда-то такого-то... Выхода нет — либо труп повесят на меня, либо статья за недоносительство...”

Выхода, действительно, не было — приходилось идти в милицию, писать заявление, рассказывать.

“Хочешь не хочешь, а идти и стучать придется, — тут же откликнулось эхом в голове. — Теперь выходит так, что я свидетель. Значит, меня могут уничтожить, подстерегут в подъезде — и бац по голове... Мафия не прощает, а у нее и в милиции наверняка есть свой осведомитель — вот, дескать, Злобин пришел, настучал насчет трупа и никто его за язык не тянул... Стукачок добровольный, проживает по адресу такому-то. Сходка воровская соберется, решит: уничтожить козла поганого, завалить. Ах, какая пакость получается...”

Лев Евгеньевич схватился руками за голову и закружил по комнате. Почувствовав внезапную слабость в животе, скоренько выбежал на улицу в ледяной сортир, боясь не успеть...

— Брунда какая-то, — пробормотал Верецагин, обойдя все комнаты. — Хотя бы записку оставили... Все исчезают. Но это даже и к лучшему. И этот Прозоров куда-то пропал без следа и слова... Работничек, тоже мне! Хорошо, что не взял ничего, а может, и взял, нас подпоив, недаром пять иномарок к “Скоксу”

подкатило, и мордатые эти — ох, озабочены чем-то были... Сразу по всем кабинетам — шашь! Эх, недаром!

Верещагин находился еще в состоянии не совсем адекватном реальности, голова его трещала после ночной попойки. Дав себе слово бросить пить, он с колотящимся сердцем вскрыл бачок унитаза, достал оттуда припрятанную чекушку водки и тут же, не сходя с места, с отвращением приложился к горлышку. Промучившись несколько минут в преодолении желудочных судорог и допив после этого остаток уже на кухне, отправился в спальню и завалился в постель.

Когда он проснулся, дом его по-прежнему был пуст. Теперь он встревожился по-настоящему, поняв, наконец, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Деваться его семье было, в общем-то, некуда, никаких родственников в городе не существовало, и если даже жена и дети отправились бы погулять или в гости к знакомым, то к этому вечернему часу непременно должны были или вернуться, или, по крайней мере, позвонить... Часа два провел он в бесплодных попытках подыскать событию хоть какое-нибудь объяснение, затем оделся и отправился в ближайшее отделение милиции. Там его выслушали довольно равнодушно.

— Ничего из ряда вон тут нет, — объяснил усталый дежурный. — У нас тут каждую неделю кто-нибудь пропадает. Обстановочка в городе, сам знаешь... Ну ладно, напиши заявление, а там видно будет... Чем можем — поможем...

И по тону дежурного Верещагин понял, что это самое “чем можем” практически равняется нулю.

Верещагин дрожащей рукой написал заявление и спросил, чувствуя, как тревога все больше овладевает всем его существом:

— А кто-нибудь еще есть... ну, кто занимается похищениями? Какая-нибудь еще организация... КГБ... Я слышал, какой-то РУБОП еще есть...

— Есть, да что толку... Такие же люди... Сходи, если хочешь.

Верещагин взял такси и отправился в черногорский РУБОП.

В дежурной части находились двое в милицейской форме и один — в штатском. На сей раз выслушали Верещагина более внимательно, а подвижный человек в партикулярном костюме расспросил Виктора о месте работы его жены, и самого главы исчезнувшей семьи. При этом, услышав название фирмы “Скокс”, он даже прищелкнул пальцами и весьма многозначительно поглядел на заявителя.

— Хорошо, — произнес в итоге. — Пока идите домой, ждите... Дело, кажется, серьезное, и мы займемся им нынче же и — всерьез.

Однако дойти домой Верещагину не удалось. Прямо во дворе, на выходе из-под арки, он был оглушен тупым ударом по голове и потерял сознание.

А когда пришел в себя, то обнаружил, что находится в совершенно незнакомой комнате, привязанный к стулу, в лицо его

бьет сильный свет, так что ничего толком разглядеть не удается, кроме смутного движения по этой самой комнате каких-то жутковатых громадных фигур...

“Пытошная”, — с ужасом подумал Верещагин, и в этот момент свет погас. Вернее, погасла одна лишь направленная в глаза настольная лампа.

Верещагин закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. Через полминуты, снова открыв глаза, он уже яснее увидел, что сидит перед столом, а напротив него сидят двое.

Лица этих двоих были такого свойства, что Верещагин поневоле еще раз зажмурил глаза, и еще раз в оцепеневшем мозгу его прозвенело слово “пытошная”...

— Ну что, фраерок, — прозвучал тяжелый голос. — Допрыгался... Колись, сука, где дружок твой Прозоров?

Как ни смятен был Верещагин, как ни шумело в голове его, но он нашел в себе силы твердо ответить:

— Пока вы не объясните, где моя семья, где мои дети, я ни слова вам не скажу!

— Ты нам тут не впаривай насчет своей семьи, — после некоторой недоуменной паузы снова прозвучал грозный голос. — Ты отвечай прямо. И отвечай конкретно. И вот что я тебе скажу, художничек, мы можем тебя, конечно, изувечить, и сильно изувечить, но вот погляди-ка сюда...

Верещагин увидел в руках говорившего медицинский шприц и невольно дернулся.

— А-а, — мрачно осклабился палач. — С детства, значит, боишься уколов... Но тут укол особый. Слышал про психотропные средства? Против вражеских шпионов применяют. Шпион раскалывается мгновенно, а после доживает свой век в сумасшедшем доме, если, конечно, его оставляют жить...

Комната закружилась в глазах Верещагина, и голос мучителя ушел куда-то вдаль...

РУБОП

В деревне Запоево вот уже третьи сутки гуляла свадьба, и разрушения, ею произведенные, видны были повсюду. Первым делом оперативники на самом въезде в деревню обнаружили на дороге поваленный плетень, половина кольев из которого была разобрана. Тут же валялся кожух с выданным из него рукавом и ключья тельняшки.

— Крепкая драка была, — качая головой и озирая вытоптаный снег в бурых пятнах крови, сказал Пономарев.

— Да уж, не разлей вода, — согласился Зуйченко. — Да и какая свадьба обходится без драки. По-моему, это даже и примета плохая, если на свадьбе не было драки...

— Драка дракой, — заметил один из водолазов, указывая спутникам на верхушку громоотвода возле фермы, — но вот как они исхитрились повесить туда вон ту интимную штуковину?

На стальном штыре высоко над землей развевались на ветру гигантского размера розовые бабьи панталоны.

— Ну-ка притормози, — попросил Пономарев водителя, когда машина поравнялась с мужиком в телогрейке, который, покачиваясь, шел по улице, держа за лапы трепыхающегося петуха. — Эй, брат, скажи ты мне, каким образом вы привязали трупы к громоотводу? У вас что, вертолет есть? Или шар воздушный?

— Это не трупы, — после недолгого молчания сказал мужик с петухом. — Это флаг свободного Запоева...

Все дружно рассмеялись, и машина тронулась дальше. Объехали выдранный из земли и переломанный надвое телеграфный столб, объехали лежавшую в колее разбитую гармонь, объехали стоящий посередине улицы колесный трактор со свороченными набок фарами, внутри которого целовалась с кем-то невеста в белом платье, и оказались, наконец, за околицей...

— Ну, Лев Евгеньевич, указывайте место, — попросил Зуйченко нахохлившегося в углу машины Злобина.

— А вон та прорубь, — кивнул тот головой. — У кустов...

Машина притормозила на обледенелом берегу.

Двое водолазов переоблачились в прорезиненные костюмы, налили под горло теплой воды из термоса и осторожно ступили в ледяную темную воду. Остальные, сгрудившись на берегу и поеживаясь под пронизывающим ветерком, с сочувствием следили за их погружением.

— А больше ничего вы не видали, Лев Евгеньевич? — бодро спросил Пономарев. — Накануне что было, какие-нибудь детали... Вспомните...

— Да что вспоминать? — хмурясь, сказал Злобин. — Ничего такого... Вы уж не распространяйтесь, кто заявление писал... Мало ли, стукнут по башке...

— Будьте спокойны, — пообещал Зуйченко.

Пошел уже четвертый час, а результаты поисков были нулевые. Водолазы отогревались горячим чаем и снова раз за разом обшаривали илистое дно. Капитан Пономарев давно уехал в город.

— Майор Зуйченко! — позвал водитель из машины. — Вас по радиации просят... Из УВД. По поводу Запоева.

Зуйченко взял в замерзшие руки трубку радиации:

— Слушаю.

— Снимайте водолазов, — устало сказала рация. — Мы сейчас едем к вам, на место преступления. Так что водолазов вытаскивайте...

— Хорошо, понял, — сказал Зуйченко. — Я и сам уже хотел их снимать, намучились ребята. Сейчас они выйдут из-под воды и шабаш. — Он выключил рацию и передал ее водителю.

— Александр!.. — крикнул водитель, глядя на озеро. — Тащут!..

— Это, наверное, манекен из витрины, — равнодушно объяснил Зуйченко.

Но никакой это был не манекен. Это было распухшее до неузнаваемости тело человека мужского пола, которое называлось когда-то Ильей Сергеевичем Горюновым, а в бандитском же просторечии — “Горынычем”.

— Ну как у тебя с Верещагиным? — вернувшись вечером в РУБОП, первым делом поинтересовался Зуйченко у Пономарева.

— Достал я его, Саша, — устало сказал Пономарев. — Именно там, где мы с тобой и подозревали, — на турбазе. В невменяемом состоянии. В компании урвачевских бандитов. Срубили всех. Данных на них — выше нашей крыши. Которая, кстати, протекает. Зам по хозяйству средства ищет...

— Это я знаю. Что с ним?

— Сделали они ему какой-то укольчик хитрый, и чем это закончится, неизвестно... Сейчас спецы пытаются изучить, как его в нормальное состояние вернуть...

— Что за вещество? — деловито спросил Зуйченко.

— Да ты охренел? — Никита криво усмехнулся. — Бандюги о том не в курсе, а у нас, извини, лабораторий Лубянки и Лэнгли не имеется... Гемодиализ, реанимация, все такое... А там — куда кривая вывезет. Самого Верещагина отвезли в нашу психушку, временно. Там тоже хорошие доктора, уход соответственный...

— Ладно. А мы на озере, знаешь, кого обнаружили?

— Знаю уже, — сказал Пономарев. — Быка из “Ферапонтовских”. Который фермера спалил с семьей.

— И та братва, с которой он это учинил, показания уже дала. Часть “братков” — в Москве. В КПЗ. Чувствуешь, разворот?.. Кстати, вот шифрограмма из главка, копия, ознакомься.

— Пошло дело!

— К чему придет, вот вопрос!

— А ты не чувствуешь, что в нашей прокуратуре существенно изменилась атмосфера? Санкции утверждают без проволочек, ребят наших выпустили... А я тут Чухлого видел — на нем лица нет...

— Еще бы! — бодро подтвердил Зуйченко. — Наш шеф на него центнер бумаг в Генеральную прокуратуру отправил. Грядет аврал, капитальная проверка.

— Меня другое беспокоит, — задумчиво отозвался Пономарев. — После того, как Ферапонта грохнули, второстепенные шавки резко активизировались... Начнется вскоре, думаю, передел криминальной власти.

— А как ты хотел? В такое время живем, при таком строе. Потому и РУБОП создан. И сейчас задача — выпихнуть крими-

нал из власти и из экономики, на обочину, так сказать, бытия. А на обочине он, как сорняк, будет плодиться. А мы его — неумоимо пропалывать. Такая вот концепция.

Прощальный жест

— Ну что, уважаемые кретины, — ровным, но не предвещающим ничего хорошего голосом, говорил Урвачев, расхаживая из угла в угол по просторному своему кабинету, который толком не успел еще обжить. — Рассказывайте про свои паскудства... Подробно и внятно.

“Уважаемые кретины”, а их было трое, стояли у стены, переминаясь с ноги на ногу и стараясь не встречаться взглядом с грозными глазами шефа. Низкорослые, мордастые, коротко стриженные под “крутых”, они были очень похожи друг на друга, точно какая-то общая родовая мета объединяла их, при том, что и лица их, и цвет волос, и глаза были совершенно разные. Но сходство, тем не менее, было поразительным, и это сходство выражалось во все не в идентичности отдельных индивидуальных черт, это было сходство вида или подвида — так всякий человек, даже ребенок, без труда определяет с первого взгляда: “вот это собака” или “вот это змея”, несмотря на то, что и собаки бывают разных мастей и размеров, и змеи бывают разной длины и расцветки...

— Ну, начинайте, голуби... Я слушаю, — остановившись перед подчиненными, наседавал Урвачев. — Языки съели?.. Давай ты, Репа, ты старший...

Репа — сутулый парень с длинным угреватым лицом, на полшага выступил вперед и сказал:

— Поздравляем, Сергей Иванович...

— Что?! — взвился Урвачев. — Ты с чем это меня поздравляешь?

— Ну... Это... — Репа оглянулся на товарищей, ища поддержки, но те, видя, что Репа сморозил что-то не то, отворачивались и молчали. — Ну это, Сергей Иванович... Как же... С выборами вас... В большие “бугры”, так сказать...

— Молчать, идиот! — рыкнул на него Урвачев. — Давай по делу... Как вы Прозорова прозевали, как в дальнейшем паскудили... Ну...

— Так мы же, Сергей Иванович, морды его не видели. Наугад пасли. Мы с Пауком у главного выхода дежурили, а Зяма у черного. Он через черный и ушел, среди ночи... Зяму вырубил, тот даже увидеть его не успел...

— Я, Сергей Иванович, отвернулся на миг, ботинок поправить, — стал объяснять Зяма, толстый и пучеглазый малый. — А дальше ничего не помню. Здоровый, видать, лось... У меня, Сергей Иванович, в первый раз такая промашка...

— Отвернулся... Промашка... — презрительно сказал Урвачев. — Дальше, Репа...

— Ну, а дальше мы Зяму водичкой... Первая помощь...

— К черту Зяму!.. Дальше...

— Ну дальше мы ломанули этого... художника... Все тихо сделали, Сергей Иванович, все путем. Сзади по башке, он лиц наших не видал. Отвезли на базу, передали Торчку и Бешену... —

— Где ж вы наследили, суки? — скрипнул зубами Рвач. — Почему РУБОП там оказался через сутки?

— Насчет РУБОП не знаю... Мы с Зямой и Пауком еле успели оттуда выломаться, а менты Торчка и Бешеного с поличным замели, со шприцом, повязали на месте... И лоха этого, художника, увезли. Он в психушке, так что, если желаете...

— Молчи, идиот, — холодно оборвал Рвач. — За Прозорова вы в ответе, за Торчка и Бешеного вы в ответе, базу "спалили"... В общем, будем еще с вами толковать, подробно толковать... А теперь — вон! Не терплю духа козлиного. Все вон...

Все трое, чувствуя огромное облегчение, толпясь и толкаясь в дверях, вырвались наружу.

Урвачев продолжал расхаживать по кабинету, думал. В сущности, ничего страшного не произошло. Упустили Прозорова, пес с ним... Хотя, конечно, любопытно было бы поглядеть на него. Досадно, что уплыла вместе с ним и его добыча. Такие вещи полезнее иметь в своих руках. Прозоров, конечно, попробует сбить добытый компромат Колдунову. Наверняка. Корыстолюбив, смел, удачлив... Полезет он к Колдунову обязательно, тут мы с ним и познакомимся очно, тут мы его и перехватим. Ни в коем случае сделка не должна состояться, иначе Колдун соскочит с поводка... Теперь разберем вариант самый худший. Худший, разумеется, для Колдунова. Допустим, Прозоров бескорыстно скинет материал органам. Ну что ж, и это неплохой вариант — шеф горит и освобождает место. Главным в городе становится он — Сергей Иванович Урвачев, всенародно избранный вице-мэр Черногорска... То, что там наблекочет на допросах Колдунов, всего лишь слова, хотя и этого лучше не допускать. Придется своевременно сплавить дорогого шефа за океан, к американскому другу...

Выйдя от Рвача, бандиты уселись в машину и постарались поскорее убраться от этого страшного места. "Мерседес", взвизгнув протекторами и оставив в воздухе облако черного дыма и запах паленой резины, сорвался с места и понесся по вечерней улице.

— К "Юре"? — спросил уже на ходу водитель, который на выволочке не присутствовал, но по виду и поведению приятелей понял, что им явно необходимо расслабиться и выпустить пар.

— Туда, Рыжий, туда... Куда же нам еще?..

Некоторое время ехали молча, наконец Репа высказал вслух то, что само собою вертелось в мозгах у всех:

— Мочить надо художника. Из-за него все...

— А Рвач одобрит? — спросил рыжий водитель.

— Одобрят, не одобрит... Тихо замочим, без шухера. Виноват фраер со всех сторон. Из-за него Торчок и Бешеный спали-

лись. Разве стоит этот художничек хотя бы мизинца Бешеного?

— Сука он! Он и ногтя остриженного не стоит. Надо мочить... Тормози, Рыжий...

— Не учи, Зяма. Сам знаю, где тормозить, — огрызнулся водитель, действительно огненно-рыжий, с рыжими бровями и рыжими ресницами...

Машина плавно въехала на площадку и остановилась напротив дверей ресторана "У Юры". Пожилой седовласый швейцар немедленно распахнул дверь и, выйдя наружу, отвесил прибывшим почтительный полупоклон. Не обратив на него никакого внимания, компания ввалилась в холл.

— Мы руки сполоснем, а ты, Репа, поди разведай, кто в зале, — сказал Зяма.

Репа отправился осматривать зал.

Зяма, Паук и Рыжий уже сушили руки, когда в туалет ворвался их взволнованный товарищ.

— Дела! — сказал он, оглядываясь. — Художник здесь... С бабой. Недолго в психушке мучился.

— На ловцов и зверь, — обрадовался Паук. — Посидим, попасем его, заодно оттянемся хорошенько. А то, что с бабой, так даже лучше. Провожать пойдет. Бабу по башке, а ему перо в бок. Ревность... А остальной зал как?

— Фраера, мелочь... Там какой-то хрен старый сидит. С художником за соседним столиком...

— Ну и что нам этот старый хрен?

— Да дело не в нем... Телка у него классная!

— Ты что, классных телок не видал?..

— Телок-то я видел, но чтоб таких...

— Ну пойдем, посмотрим на твою телку.

Бандиты направились в ресторанный зал, откуда зазывно и страстно лилась музыка...

— Эх, Ксюша, Ксюша, — укоризненно говорил Верещагин, успевший выпить уже пару рюмок. — Красивая ты девушка, умная, а такой ведьмой оказалась. Как же так можно? Галка тебе, оказывается, записку для меня оставила, а ты скрыла...

— Витя, ты все-таки черствый стал какой-то...

— Черствый? А дети мои?.. Прихожу домой — ни детей, ни жены... Ну ладно... — Он выпил еще рюмочку и продолжил: — Ладно. Прощаю. Пусть отдохнут на море, сто лет не были и когда еще будут... Спасибо.

— Не за что, Витя... Я ведь тебя хотела за эти две недели уломать и увезти с собой. Ты же у нас слабохарактерный...

— Ничего, — сказал Верещагин. — Я насчет водки слабохарактерный, а так... Скоро засучу рукава и за работу. Хватит праздности.

— Нет, Витя. Вряд ли ты что-нибудь напишешь.

— Почему?

— Вот почему. — Ксения постучала вилкой по горлышку бутылки с водкой.

— А... Ну, ладно... Посмотрим. Саврасов пил, а "Грачей" написал, так что... Гляди, Ксюша, гляди! Да не туда, в дверь гляди! Какие рожи входят! Да-да, четверо этих... Ох, типажи, вот натура замечательная! Я с них, пожалуй, картину напишу. Большую картину, а называться она будет "Страшный суд", вот как...

Ксения невесело усмехнулась.

— Слушай, Ксюш, — наливая себе еще одну рюмочку, сказал между делом Верещагин. — Давно хотел тебя спросить...

— Спрашивай.

— Слушай, а каково это богатой быть? Есть разница?..

— Через месяц привыкаешь. И в принципе ничего не меняется... Вернее, меняется что-то в психике, но самую малость, несоизмеримо деньгам. Думаешь, мечтаешь — вот бы стать миллионером! А на самом деле человек тот же остается, что с миллионом, что без него. Ну, удобней жить, а проблем-то не меньше, если не больше. Ты вот радуешься сотне. Я радуюсь сотне тысяч. Степень радости одна и та же. Ты хочешь сотню тысяч, я хочу сотню миллионов... И степень нашего хотения совершенно идентична, и так до бесконечности...

— Умная ты баба, Ксюша. Стало быть, прав Пушкин в сказке про старуху и разбитое корыто... Я, собственно, так и думал всегда. "Ненасытимы глаза человеческие..."

— Ненасытимы глаза человеческие, — повторила задумчиво Ксения.

— Слушай, Ксюш, вон за соседним столиком человек сидит. Да-да, спиной к нам. С красавицей...

— Я знаю ее, это бывшая жена Корысного. Ну и что?

— Человек этот страшно на Прозорова похож. Недавно пили с ним... Пойти спросить, не брат ли? Близнец просто. Только тот с бородкой был... Сбрил, может...

— Не подходи, Витя. Видишь, как они разговором заняты. Наверняка, о деньгах говорят. Теперь все только о деньгах и говорят...

Прозоров специально сел спиной к Верещагину. Конечно, он сменил свою внешность, но все-таки художник мог его узнать. А Ивану Васильевичу теперь было вовсе не до посторонних пустых разговоров.

— Что, неужели же нет никакой надежды? — осевшим голосом спросил Прозоров и тоскливо оглянулся.

Ресторан, ярко освещенный, качался и плыл в жарком мареве, все кругом гомонило на разные лады, взвизгивало, постукивало ножами и вилками по тарелкам, радостно скалилось, толпилось, а затем как-то внезапно стихло и стало крениться набок.

— Прозоров, ну что же ты? У тебя глаза влажные?.. Да быть такого не может! Не плачь, милый мой... — Ада тихо гладила его по руке сухой горячей ладонью. — Ах, да успокойся же наконец, мужик называется... Не ожидала я от тебя. Уж на что я баба, и то, как видишь... А немцы не виноваты, они все сделали, что смогли. По крайней мере, это приостановили. И вообще, вспомни, как здорово мы провели там время! Налей-ка мне лучше шампанского, гулять так гулять...

Прозоров встал, крепко-крепко стиснул зубы, сдерживая рвущуюся из груди судорогу. У стойки взял бутылку шампанского, шоколадку, подумав, прихватил еще бутылку коньяка, после вернулся к столу, мельком взглянув на Верещагина, который в этот момент как раз пил свою рюмку, запрокинув голову. Иван Васильевич скрутил пробку на коньячной бутылке, затем принялся откупоривать шампанское...

— А если... — начал он, но продолжить не смог, снова перехватило горло.

— Успокойся, милый Прозоров, — издали отозвалась Ада. — Ты мне делаешь больно. Очень больно...

— Хорошо, хорошо, Ада. — Прозоров прокашлялся. — Сейчас, сейчас... Вот тебе шампанское. А я лучше коньяк... Как же так получается, Ада, — горестно проговорил он. — Я столько уничтожил этой швали, но все они — мелочевка, все “шестерки”, все — расходный, как они сами выражаются, материал... Ну ладно, Колдунова я сдал органам, но Колдунов уже сама по себе вымирающая порода... А тут добрался, наконец-то, до корня зла, пусть не до главного корня зла, но все-таки... И ты же мне не дала это сделать! Я ведь почти перед дверью стоял у этого Урвачева, я глушитель уже навинтил, и ты меня не пустила... Я не понимаю тебя. Он твою жизнь стоптал, и не заметил даже, он жировать будет, он учить будет всех демократии и честности, он будет простодушных и доверчивых дурить, похохатывая про себя, на телевидении будет маячить с честными глазами, подонки... И ты же его спасаешь!

— Милый Прозоров, что мне теперь до этого Урвачева? Пусть собирает угли на свою голову... Не он, так другой... Обещай мне лучше — не бросать меня до самой смерти. Будь не рядом, ни в коем случае не рядом... но неподалеку. Когда будешь хоронить меня, в лицо мне не заглядывай. А потом, как мы с тобой и уговаривались, ты идешь в Оптину пустынь. Ты ведь разбойник, Прозоров... Тебе туда и нужно, ведь пустынь эту основал именно разбойник. И звали его Опта... Он в конце жизни раскаялся.

— Но я-то не раскаялся...

— Все равно иди. Ну хотя бы ради меня... Обещай. А там — как уж получится.

К сияющему подъезду ресторана подкатила кавалькада из трех лимузинов. Впереди — прекрасно сохранившаяся “Побе-

да" вишневого цвета, за нею — неприметные "тойота" и "фольксваген". Из "Победы" с кряхтением выбрался подтянутый старик в добротном бостоновом костюме, бериевской шляпе и в белых бурках, какие носило во времена репрессий лагерное начальство. Из иномарок вышли двое парней в дубленках, один из которых тотчас обрушил поток брани на приятеля:

— Ты, Сашок, падла, меня на площади подрезал! Надо было въехать тебе в задницу...

— Ты когда права-то получил, Петруха? Ты чё гонишь тут? Тащится, как проститутка...

— Тихо, тихо, парни, — урезонил старик. — Без базара. Место культурное, а вы тут собачитесь...

— Ты сам видел, Прохор Кузьмич, как он меня на площади подрезал. Я чуть в тумбу не врезался!

— Ша, братцы! Праздник у нас, день отдыха... И так без выходных вкалываем, так вы еще и отдых портите...

Прохор Кузьмич степенно взошел по ступенькам, потопал бурками по решетке, сбивая снег, затем поздоровался за руку со стоящим у распахнутых дверей швейцаром. Швейцар с почтением снял фуражку с лакированным козырьком и желтой тульей.

— Здравствуй, Прохор Кузьмич!

— Вечер добрый, Игнат Матвеевич, — профессионально оглядывая бодрую фигуру швейцара, поздоровался Прохор Кузьмич. — Рад видеть в добром здравии.

— И вам того же... Отдохнуть решили? В кои-то веки...

— Да, Матвейч, работы — не разогнуться. И роем, и роем, и роем... Как кроты.

— Оно понятно. От нас одних сколько перепадает к вам народу. Погуляют — и за ножи. А то и за пушки...

— Место злачное, — согласился Прохор Кузьмич. — А ты поощрай, Матвейч... Ты поощрай.

— Я поощряю, Прохор Кузьмич.

— Что сегодня? Наша клиентура есть?

— Четверо, — доложил Игнат Матвеевич. — С полчаса как вошли. В центре зала. На нерве сидят, опасаюсь, как бы большой стрельбы не получилось...

— А ты не опасайся, Игнат Матвейч... Ты поощрай. Отработывай процент.

— Я поощряю, Прохор Кузьмич... А уж насчет процента благодарен. Не обижаете. Как в эту зиму дела у вас?

— В последнее время солидного клиента не было. После Феропонта — одна мелочевка. Количеством, так сказать, на плаву держались... Да оно ведь иной раз с оборота больше заработаешь.

— Это так. Курочка по зернышку клюет... Гляди-ка ты, какая барышня пробежала, — изумился Игнат Матвеевич, едва не сбитый с ног вылетевшей из дверей женщиной, которая бросилась к стоянке машин. — Так проходите, что ли, Прохор Кузьмич? Зазябнете на ветерке...

— И то верно, — согласился Прохор Кузьмич. — Айда, ребята...

Сашок и Петруха, улыбаясь и потирая руки, направились вслед за стариком.

— Э-э, тю-тю-тю... Постой-ка, — придержал их старик, прислушиваясь. — Ага, так и есть... Повременим, ребята...

— Ну что ж, Ада, я не хотел, — сказал Прозоров, вытирая голову салфеткой. — Иди, подгони машину к подъезду.

— Хорошо, — кивнула Ада. — Но лучше бы этого не было. Удержись в рамках. Постарайся...

Ада поднялась и быстро пошла к выходу.

— Ты погляди, Репа, какая краля у этого старого козла! — крикнул Паук, пытаясь схватить ее за руку. Ада увернулась и бросилась к дверям.

Прозоров поднялся.

— Сидеть, старый пес! — приказал Репа, тоже поднимаясь. — Перо захотел в задницу получить?.. А, пес?.. Отвечай...

— Отвечай, придурок, когда тебя люди спрашивают! — поднялся с места и Паук. — Счас тебе рожу в портянки порву...

— Братва! — шагнув к их столику, сказал Иван Васильевич с видимым отчаянием. — Можно, я присяду на краешек стула? А вы позовите официанта. Надо выпить мировую...

— Какая ты нам "братва", козел старый? — с презрением ответил Паук. — Вы слышали, как он нас оскорбил? Публично оскорбил, шелудивый... Ах же ты, паскудник... Опустить его надо, точно...

Прозоров вытащил пачку долларов. Музыка стихла. На лицах бандитов проступило одинаково тупое недоуменное выражение.

— Бутылку шампанского! — сказал Прозоров, вытаскивая сотенную и бросая ее на стол. — Зовите официанта... Впрочем, нет... Я что-то передумал пить с вами шампанское. Я после один выпью, не чокаясь...

Бандиты все еще были в замешательстве.

Прозоров взял со стола брошенную купюру, положил ее в нагрудный карман пиджака, затем отсчитал из пачки три бумажки, протянул Рыжему. Рыжий, оглянувшись на товарищей, машинально принял деньги.

— Молчание твое спасло тебя. Дружков похоронишь, — серьезно сказал Прозоров, вставая. — Только чтоб все честь по чести... Духовой оркестр, венки и прочее... И смотри у меня, рыжий! Я после зайду, проверю, как ты ухаживаешь за могилками...

Он сунул руку под мышку, вытащил оружие и хладнокровно, даже как-то буднично, в упор расстрелял троих, затем на мгновение остановил задумчивый и темный взгляд на перекосившейся физиономии Рыжего...

Рыжий сидел с отвалившейся челюстью, не мигая уставясь на убийцу. Тоненькая струйка лилась из-под сидения его стула. Прозоров болезненно усмехнулся и быстро пошел к выходу.

Колдунов

Колдунов сидел в своем служебном кабинете, откинувшись на высокую спинку кожаного кресла, и пусто созерцал потолок, не находя в себе никаких сил подняться и совершить хоть какое-либо действие. Он находился в полуобморочном состоянии, и лишь одна звенящая осой мысль билась в его голове:

“Бежать, бежать, бежать!”

Да, эта мысль теперь всецело овладела существом Колдунова.

Когда московские и местные осведомители донесли ему, что грядет тотальная проверка комбината и города Генеральной прокуратурой, а РУБОП собрал для данной проверки убийственные материалы, Вениамину Аркадьевичу открылось, что в жизни его наступила черная полоса, однако впоследствии, то бишь, сегодняшним утром, обнаружилось, что полоса эта была белой... И всему причиной стали донесенные ему на ухо совершенно секретные сведения, будто им занимается отныне Федеральная служба безопасности. И не пустыми были эти сведения — ох, не пустыми! Как поведал компетентный информатор, дело с продажей военных технологий в США всплыло, причем всплыло в подробностях, и теперь, до процедуры ареста его, Колдунова, чекистам осталось выполнить лишь некоторые рутинные мероприятия, не более того...

Колдунов изможденно вздохнул, глядя на свои трясущиеся пальцы. Мелькнуло:

“Откуда прознали, как?”

Информатор, нагло содравший с него за свои услуги изрядный куш, уверял, что данные наверняка пришли из-за границы, где, как бы то ни было, а все-таки продолжала работать разведка пускай и разваленного государства, и в вероятность подобной версии Колдунов начинал верить все сильнее и отчетливее.

Советоваться же в данной ситуации было категорически не с кем. Не с Урвачевым ведь... Да, помочь ему отныне не мог никто. И призраки кошмарного воздаяния обступали Вениамина Аркадьевича все плотнее и сумрачней, повергая в истерику и ужас.

Ко всем напастям его звонки в Америку оставались безответными, ибо оператор безапелляционно заявлял, что номер такой-то отныне отсоединен от действующей сети.

Таинственная пропажа Джорджа еще более усугубляла пакостные мыслишки... Впрочем, американец, напуганный разборками между Ферапонтом и Урвачевым, вполне мог предположить, что криминальная война окончится появлением на его горизонте какого-либо нового гангстера, и, ведая о взаимосвязанности русской мафии, решил временно исчезнуть в опасении бандитских вылазок в благолепие его безмятежного бытия... А

может, попросту укатил отдохнуть на какие-нибудь банановые острова...

Так или иначе, это уже никоим образом не влияло на нынешнее положение Колдунова. Теперь он был никем, разве — жертвой заклятия на алтарь государственной безопасности, и в неотвратимости данного заклятия Колдунов несколько не сомневался, ибо информатор поведал ему такие две тонкие детали состоявшегося предательства, знать о которых никто из посторонних категорически не мог.

Итак. Бежать, бежать, бежать!

Из всей наличности у него оставалось четыре тысячи долларов и заветные дебетные карты, по которым он израсходовал ничтожную сумму на представительские обеды в московских ресторанах с нужными людьми. Рассчитывался с помощью карточек, дабы произвести впечатление на высокопоставленного сотрапезника — вот, мол, платиновые, да не из какого-нибудь занюханного сбербанка, а сам “Чейс-Манхэттен” выдал! Карточки, кстати, в данном смысле производили должное впечатление и успешно дополняли остальной антураж Колдунова, включавший костюмы от Версаче и усыпанные бриллиантами часы.

“Эх, что там! Все в прошлом!”

Вениамин Аркадьевич тяжело поднялся с кресла, окинул прощальным взором свой замечательный кабинет, в ремонт которого некогда ухнул громадную сумму из городского бюджета.

Кто станет новым владельцем этого кабинета? Неужели Урвачев?

Горько и потерянно усмехнулся.

“Впрочем, — урезонил себя, — в сторону эмоции. Пора спасать шкуру. Так, как научил всеведущий информатор”.

Порывшись в ящике письменного стола, вытащил потрепанную записную книжку, открыл ее на букве “Ю”. Юра... Бывший шофер, несправедливо уволенный им. Перед прошлой поездкой в Штаты он выяснил его тамошний номер телефона, хотел позвонить, да не стал... Кто, в сущности, этот Юра? Таракан, ничтожество... А теперь это ничтожество крепко может пригодиться ему, некогда всемогущему мэру... Хотя — едва ли... Зачем ему этот нищий?

Колдунов в сомнении поморщился. Однако в итоге сунул записную книжку в карман.

“Пора!”

Через три дня, миновав границу Белоруссии и Украины, Колдунов добрался до Киева. Устраиваться в гостинице не стал, сразу же отправившись в авиакасса.

Протянул в окошечко свой паспорт и волшебную карту.

После пяти минут технической паузы, связанной с оплатой билета, из окошечка раздраженно сказали:

— Ваша карта не действует!

— То есть? — ошеломленно выдохнул Колдунов.

— Не знаю, что “то есть”, — ответили из окошечка. — Банк не дает подтверждения, карта заблокирована...

— Та-ак...

— Вы будете платить или нет?

— Да-да, конечно. — Механическим жестом Колдунов извлек пачку наличных долларов. — Вот...

— Мы принимаем гривны, обменный пункт в конце зала, — отчеканили из оконца.

Как сомнамбула Колдунов отправился в конец зала, с тоской взглянул на грабительский курс обмена, высвеченный рубиновыми цифрами на траурно-черном табло...

Мысли путались.

“Карта не работает... А что, если это происки Джорджа? Да нет же... Как он мог влезть в его, Колдунова, личный счет? А если как-то влез? Тогда... Тогда все равно придется лететь в Америку, идти в банк, разбираться... Единственная проблема — язык. Но он найдет переводчика на месте. Да, лететь! Непременно лететь, иного попросту не дано!”

Сунув пачку местной сомнительной валюты в оконце, он наконец-таки получил заветный билет и, ощущая, как его пробирает озноб от подозрений потери капитала — того фундамента, который он создавал жутью всех мыслимых и немыслимых смертных грехов, своего пенсионного фонда, отправился в гостиницу, желая напиться, но одновременно сознавая, что делать этого категорически нельзя. Ныне он должен быть собранным как никогда, ныне настал, может быть, тот самый угольно-черный день и час, и встретить их необходимо с головой холодной и трезвой.

Но все равно он пребывал словно в дурмане. Не спал ночь в гостинице, рано утром, экономя остаток денег, добрался на рейсовом дешевом автобусе в аэропорт.

Ожидание посадки в самолет, долгая дорога над Балтикой, снегами Гренландии и канадским побережьем, заляпанным бесчисленными оловянными лужами озер, эта дорога, некогда чаровавшая его своими диковинными, неслыханными в своей красоте пейзажами, теперь несла в себе томительную неизвестность, усиливающееся предощущение краха и темный ужас безысходности.

В аэропорту, получив в паспорт белую карточку, дающую ему право полугодичного пребывания в США, Колдунов прошел в зал, сразу наткнувшись на тощего, в потертых джинсах парня, предложившего ему на русском языке услуги таксиста.

— Я бы заплатил вам... — замялся Колдунов. — Но тут проблема, мне надо сначала позвонить...

— Позвонишь из машины, бесплатно, — беспечно откликнулся парень. — Какой код района?

Колдунов развернул записную книжку, ткнул ногтем в записанный номер.

— Так... 917. Это — мобильный. — Парень вытащил из кармана телефон. — На, звони, только быстро.

— Алё? — раздался в трубке знакомый голос, и Колдунов, волнуясь, проглотил вязкую слюну.

— Юра, ты? — спросил он стесненно. — А это... Вениамин Аркадьевич... Я в Нью-Йорке. Хотел бы увидеться... Объясниться...

— Какие проблемы? Я в Бруклине, дома... Четвертый Брайтон.

— Я сейчас таксисту дам трубку, ты объясни... — Колдунов обрадованно сунул телефон тощему.

— Понял, через полчаса — жди! — выслушав координаты места назначения, откликнулся тот.

На старом потрепанном “додже” покатали в сторону Брайтон-Бич, где на задворках района русско-язычной эмиграции Колдунов был введен на второй этаж хлипкого домика, в котором обретался его бывший опальный водитель.

Юра — небритый коренастый субъект лет тридцати возлежал на продавленном матрасе, установленном прямо на полу комнаты с облупившимся дощатым полом. До сей поры Юра смотрел небольшой телевизор с рогаткой антенны, установленный также на полу, поскольку остальную обстановку комнаты составлял лишь покосившийся комод, застеленный пластиковой скатеркой.

На скатерке лежали наручные часы, обнюхиваемые здоровенным тараканом.

Встретил Юра Колдунова на удивление тепло, без какой-либо тени обиды.

— Виноват я перед тобой, прости, — сказал Колдунов. — Но Бог меня крепко наказал, ой — как крепко! Вынужден был бежать, Юра, бежать без оглядки...

— Разборки бандитские? — спросил тот понятиливо.

— И это место имеет, и прокуратура... — неопределенно поведал Колдунов. — В общем, ныряю, как в океан, в новую жизнь. Помоги, Юра. Перво-наперво требуется комната хоть какая... Отель мне не по средствам.

— Вот и хорошо, — сказал Юра. — Будешь жить в соседней комнате. У меня там друган кантовался, вчера свалил в Калифорнию, нашел работенку. Матрац там есть, электроплитка тоже... Ну, чтоб кофе с утра сварить. Две сотни в месяц. Мне — полтинник за рекомендацию хозяевам, они на первом этаже располагаются. Сортир и душ — прямо по коридору.

Колдунов потерянно осмотрелся, вторым планом постигая, что бывший шофер как-то фамильярно перешел с ним на “ты”. Впрочем, на то теперь были у Юры вполне весомые основания, и поправлять его категорически не следовало.

Облезлые стены комнаты и вопиющее убожество быта обвалились на сознание Вениамина Аркадьевича каким-то зловонным селем, и он невольно тряхнул головой, чтобы избавиться от осознания той гнусной действительности, в которой оказался.

— Ну вот такая среда обитания. — Юра обвел рукой затхлое пространство. — Осваивайся.

Колдунов, расплатившись с благодетелем, получил от него ключ, предназначенный, как оказалось, для открытия ржавого миниатюрного замочка, висевшего на косо прибитой щеколде, пронес чемодан в свою новую обитель, присел на матрац, глядя на кривые стены, выкрашенные лет двадцать назад масляной краской, после перевел взгляд в окно, на узкую одностороннюю улицу, по которой катили машины с белыми номерами, увенчанными красненькой Статуей Свободы, и — пригрюнился.

Не терпелось поехать в банк, но, во-первых, банки уже закрылись, приближался вечер, а во-вторых, следовало отыскать переводчика, должного обеспечить преодоление языкового барьера.

Достав из чемодана бутылку водки, Колдунов двинулся в комнату к Юре.

Остро взглянув на бутылку, Юра привстал с матраца, достал из комода две чайные кружки, вытряхнул из одной таракана и молвил:

— Китайщину на закуску будешь? — Наткнувшись на непонимающий взор благоприобретенного соседа, пояснил, поднимая с пола мобильный телефон: — Звоню сейчас китайцам, пусть привококут закуску...

— Дорого? — напрягся Колдунов.

— Угощаю! — И Юра, набрав необходимый номер, бойко, хотя и с сильным русским акцентом, затрещал по-английски, делая заказ.

Вскоре прибыла закуска: жареная курятина с грибами и брокколи, отварной рис в бумажном пакетике-пирамидке и пластиковые банки с супом.

Выпили за встречу. После Юра поведал, что пребывает в Америке в качестве нелегального иммигранта, в Россию возвращаться не жаждет и вполне удовлетворен своей нынешней работой рекламного шофера.

— Ты думаешь, чего я живу в таком дерьме? — пояснил он Колдунову, обводя углы комнаты. — А все просто: я в Нью-Йорке от силы три-четыре дня обитаю. Вот только вчера из рейса прибыл. А снимать стоящую хату и платить бабки — на хрен не надо. Мне тут только перекантоваться и — вновь за баранку.

Далее Юра пояснил, что работает на грузовичке, кузов которого представляет из себя два рекламных щита, и с этими щитами он кружит по дорогам Америки от одного побережья к другому за три тысячи долларов в месяц.

— Плюс — бесплатно мотели и жратва, — пояснил Юра.

— И чего... Вот так едешь да едешь? — удивился Колдунов. — И всего-то?

— Ты людей-сэндвичей видел? — спросил Юра. — Ну этих... одна доска на груди, другая на спине... Что на людных местах стоят, рекламируют разное фуфло.

— Ну... В Москве видел...

— Вот. А я — тот же “сэндвич”. Только на колесах и с другой оплатой труда... Усек?

— И... нравится тебе тут? — осторожно спросил Вениамин Аркадьевич, кивнув на окно, где уже зажигались вечерние огни.

— Как сказать? — призадумался Юра. — Закон тут и порядок. Валюта твердая, никаких тебе дефолтов... Вообще — стабильность.

— А случись что со здоровьем?

— Иди в социальный госпиталь, сделают любую операцию. Умереть не дадут. Но и жить тоже...

— Не понял? — насторожился Колдунов.

— Пахать тут надо... — вздохнул Юра. — И чтобы расслабиться — забудь! Все время — в здоровом напряжении. Но зато океан рядом, воздух — кристальный, тут машины не дымят, за экологией чуть ли не в микроскоп наблюдают. А потом, знаешь, какой я вывод сделал? Есть страны по своей сути центростремительные, куда все стремятся, а есть — центробежные, из которых всяк спрыгнуть рад... Так вот для меня лично Штаты — страна центростремительная...

Колдунов задумчиво поиграл бровями, пытаясь уяснить философский пассаж собеседника, но ни сил, ни настроения вникнуть в него не нашел, а потому, запинаясь, поведал о наболевшем: дескать, был открыт ему счет знакомым американцем, а теперь ни американца, ни, подозревает он, счета...

— Хе, — умудренно усмехнулся Юра. — Наверняка кидалово. Тут если расслабился или не прочухал чего — получи! Кстати. А может, америкос этот тебя и там, в России, под сегодняшние проблемы подставил? Чтобы концы в воду...

На миг Колдунов оторопел от этойкой весьма логичной в своей закономерности версии. Подумал:

“А отчего бы и в самом деле мистеру Джорджу не сдать меня в лапы ФСБ, получив за это еще и гонорарчик впридачу? Вот, сука...”

— А ты по-английски вроде... это... — осторожно произнес он. — Насобачился, как вижу, да? Может, поможешь? В смысле в банк бы мне надо, разобраться...

— Слушай, мужик, сюда, — глубокомысленно изрек Юра. — Завтра я работаю в Манхэттене. Могу отказаться, сослаться на простуду. Но это — минус сто зеленых. Все просто, понял? Платишь сотнягу — я твой...

— Решено, — угрюмо наклонил голову Колдунов.

Когда следующим утром они вошли в чистенький холл банка, и в знакомой стеклянной кабинке мелькнула лысина менеджера, сердце Колдунова невольно спутало свой ритм: вот он — момент истины! Каким же он будет, что принесет пострадавшему сердцу: внезапную удачу либо новый сокрушающий удар?

Менеджер, узнавший клиента, радостно и душевно с ним поздоровался, попросил минутку обождать, а затем пригласил присесть в кресло.

Колдунов вытащил заветные карточки, положил их на стол перед банковским служащим, объяснил проблему, взирая на переводчика, деловито и обстоятельно воплощающего русские слова в англоязычные рамки.

Менеджер, глядя на цифры, выведенные на карточках, забегал пухленькими пальчиками по клавиатуре. Уставившись на экран, произнес фразу, главным содержанием которой было искреннее удивление.

— Это погашенные карточки мистера Джорджа Эвирона, — перевел Юра.

— Эвирона? — оторопел Колдунов. — Но у меня же был свой личный счет!

С этим утверждением менеджер согласился, попросив у Колдунова его чековую книжку.

Вновь запорхали ухоженные пальчики над кубиками клавиатуры.

— Вы сняли все деньги со своего счета, — поведал менеджер.

— Я ничего не снимал, — прохрипел Колдунов, злобно взирая на банковского служащего. — Я... я же... платил тебе пять штук... сука... а теперь...

Услышав перевод, где фигурировала фраза о взятке за открытие банковского счета, менеджер презрительно похолодел лицом, снял трубку телефона, и в считанные секунды к столу подошел человек средних лет в великолепно сшитом костюме и в золотых очках.

— Вице-президент брэнча, — прокомментировал Юра. — Ну... отделения.

— Какого? — испуганно спросил Колдунов.

— Ну не милиции же, банковского...

Менеджер, привстав с кресла, оживленно заговорил с начальником.

Далее у стойки появился еще один служащий, как выяснилось — русский, и беседа приняла осмысленный характер.

— У вас было открыто два счета, — объяснил русский менеджер. — Чековый и сберегательный, так? Далее вы дали нам свой американский адрес, по которому к вам должна была прийти пин-карта и ее код. Мы послали и карту, и код, и получили от вас подтверждение.

— Я ничего не подтверждал! — пламенно воскликнул Колдунов.

— Это неважно... Подтверждение пришло с вашего адреса, этого нам достаточно. Но дело в другом. Две недели назад через банкомат все ваши деньги были переведены на расчетный чековый счет, а счет сберегательный обнулен. Далее вы положили два чека на счет мистера Брауна, обнулив таким образом и счет расчетный...

— Я ничего не клал!

— Это были чеки с вашей подписью, — отчеканил менеджер. — Вы давали мистери Эвирун какие-либо чеки?

— Никаких! — Колдунов запнулся. — Когда-то... На два доллара...

— На какие еще два доллара?

— Оплата услуг...

Менеджеры переглянулись. Затем дружно вперились в экран компьютера.

— Да, — сказал банковский переводчик. — На чеках сначала миллионы, потом тысячи, а потом — и завершающий строку доллар, это верно... Но... — Он растерянно оглянулся по сторонам. — Подписи на чеках ведь ваши?

— Подписи... да, — признался Колдунов убито.

— Тогда какие претензии к банку? — пожал плечами менеджер. — Мы действовали согласно правилам. Жаль, что вы не знали этих правил, но...

— А этот... Эвирун? — спросил Колдунов.

— Мистер Эвирун закрыл свой счет в нашем банке и поменял номера своих кредитных карточек, — сказал менеджер. — Вы, кстати, пользовались его дополнительными карточками, выписанными на ваше имя. Естественно, в любую минуту он мог их закрыть для расчетов.

— Приманка, понял... И что же делать? — с мольбой взирая на уверенного менеджера, от которого просто разило благополучием, пробормотал Колдунов. — Мне надо идти в полицию?

— Я не думаю, что это перспективно, — равнодушно дернул плечами менеджер. — Вы сами дали чеки мистери Эвирун, сами подписали их... Возможно, то же самое произошло с пинкартой... Я советую вам обратиться к толковому адвокату...

— Ага! — подал голос переводчик-дублер Юра. — На адвоката ему тут десяток лет пахать надо! Результат-то сомнительный, кто возьмется?..

— М-да... И если уж неформально... — Менеджер стыдливо обернулся в сторону. — Вряд ли вы обнаружите мистера Эвируна по его прежнему месту жительства, господин Колдунов. В свете открывшихся событий... Впрочем, дерзайте... — Он посмотрел на часы, вежливо кивнул присутствующим и ушел в глубь зала.

Столь же вежливо и холодно кивнули Колдунову и остальные банковские клерки. Лишь шеф отделения, уже отходя от кабинки, небрежно и смешливо произнес, что никогда и никто из служащих попросту не посмеет принять мзду за открытие

счета, ибо это противоречит всей логике работы высокооплачиваемого клерка, даже теоретически неспособного сподобиться на такой нелепый и гнусный криминал...

Когда Колдунов выходил из банка под сень роскошных небоскребов-монстров, его шатало, как пьяного матроса. Все его бережно пестуемое состояние превратилось в черепки, вся жизнь его превратилась в черепки, и он физически ощущал, как за спиной его скалит нечистые зубы обманувший его дьявол...

— Что делать? Что же делать? — бормотал он в беспомощном иступлении.

— Жить, — откликнулся поддерживающий его под локоток Юра. — Чего еще остается? Купим тебе колымагу, съездишь во Флориду на пару деньков, я тебе дам концы, устроят тебе драйвер-лайнс, то бишь, права, и будешь катать по Бруклину пассажиров, напрягаться за зеленые тугрики. Как и все мы здесь.

— А меня к себе на работу не возьмешь? — глядя на этого парня, авантюриста-бомжа, колушающегося на самом дне американского бытия, как на полубога, спросил Колдунов. — А, Юраша?

— Я и сам без памяти от восторга, что туда воткнулся, — почесав затылок, ответил тот. — Сам на ниточке вишу... Коснись чего, я ж — нелегал... Проштрафился — привет! Гуляй на кислороде... Ладно, не дрейфь, я тебя не брошу. Теперь вот о чем. Попаданию я твоему сочувствую, украл ты много и потерял немало, но я не хочу следовать дурному примеру... А потому стольничек обязан попросить, извини...

— Ну, может, пятьдесят... — прохныкал Колдунов. — Ты и не переводил почти, да к тому же и день еще в самом начале...

— Исключительно из сопереживания к твоему попадосу, — шмыгнув носом, согласился Юра. — Давай монету и иди в сабвей... А я на работу, вдруг чего на сегодня и обломится. Вечером встретимся. А ты дуй на Брайтон. Купи газетку и читай рубрику "Спрос труда". И не всхлипывай. Я это уже проходил, ничего, жив. Или — в Россию кати, там проще...

— Нет, туда... нет! — невозмогая колючий ком в горле, произнес Колдунов — отныне нищий американский бомж-нелегал.

— Тогда — на Брайтон, — подытожил Юра. — В сабвей заходишь — осмотришься. Если ментов за турникетом нет, там служебная дверь... Шасть в нее — сэкономишь полтора бакса, понял? Чего на меня смотришь, дело толкую. Бакс туда, бакс сюда, а в итоге на рент не наскребешь... А не наскребешь на рент — здравствуй, кислород. Или ты сюда приехал их корпорации своими бабками укреплять? Наукреплялся уже, меняй традицию...

Торжество

До начала торжественного ужина, назначенного Урвачевым на семь часов вечера, оставалось еще сорок пять минут. Все уже было готово к приему гостей, молчаливые расторопные официанты, быстро и слаженно сделав свое дело, удалились.

Урвачев остался совершенно один. Он специально отпустил обслугу, ибо собирался сказать во время ужина нечто весьма важное узкому кругу избранных гостей, а потому присутствие при серьезном приватном разговоре всякого постороннего уха было нежелательно.

В этот бездеятельный час перед торжеством какое-то смутное томление постепенно овладевало им. Урвачев несколько раз обошел вокруг накрытого стола, который, казалось, прогибался от обилия вин и закусок, придирчиво оглядел его — и не нашел ни в чем недостатка. И все-таки лоб его хмурился, недовольная дума тревожила сердце. Вдобавок ко всему, слегка страдало еще и тщеславие Урвачева, поскольку стол был хотя и роскошным, но даже и здесь ему ни в чем не удалось превзойти прежнего хозяина кабинета Колдунова Вениамина Аркадьевича, благополучно затерявшегося в дебрях Америки. И вина все те же, и коньяки с водками, и осетрина на палочке, и крабы, и жареный поросенок, и балык, и сыр... и, черт возьми, как же все это надоело!..

Урвачев присел во главу стола, задумался, подпер кулаками подбородок. Вот сейчас придут сюда самые близкие, самые доверенные люди, полезные, нужные, необходимые... Самые-самые, недаром над списком кандидатов он немало потрудились накануне, вымарывая одних и вписывая других, и ни один среди этих приглашенных по-настоящему не близок и не нужен ему. Так, материал... Даже просто приятных людей нет среди них. Прокурор города, непотопляемый Чухлый, начальник городской милиции жуликоватый Рыбаков, председатель облсуда, три депутата городской думы, с которыми когда-то начинал Урвачев бандитскую свою карьеру, председатель местной телекомпании с двумя своими шавками, языкастыми и беспринципными, редактор газеты Голиков, еще с полдесятка точно таких же, представляющих всю городскую власть... Впрочем, не всю. Начальники РУБОП и ФСБ отказались от приглашения Урвачева, отказались вежливо, сославшись на уважительные причины, но при воспоминании об этих отказах неприятное чувство шевельнулось в сердце Урвачева. Дела, говорите?.. Ладно, избавим вас от дел ваших, дайте срок...

— Можно, Сергей Иванович? — поцарапавшись в дверь, проткнул в щель свою голову Голиков. — Я, Сергей Иванович, стишок принес...

— Входи, Боря... Какой еще стишок?..

— А поздравительный, Сергей Иванович. К застолью. Вместо тоста произнесу, если не возражаете. Я, Сергей Иванович, специально зашел, решил вам предварительно показать, — входя в комнату и как-то мелко потрясываясь и изгибаясь всем телом, тараторил Голиков. — На предмет замечаний... В народном, так сказать, стиле и юморе написано... Раньше оды писали. Державин оды писал к Фелице, а теперь все больше в народном стиле... Не так тяжеловесно. Гости выпьют, им полегче на-

до... Вроде тоста. У меня, кстати, стишок тостом и заканчивается...

Голиков опрометчиво подошел к самому столу, затем опомнился и попятился метра на три, а после подсеменял чуть поближе, остановился в двух метрах от Урвачева и, вероятно, сочтя эту дистанцию оптимальной, раскрыл взволнованными пальцами красную сафьяновую папочку.

— Давай, — равнодушно сказал Урвачев, протягивая руку. Принял папку и, не открывая ее, положил перед собой. Лицо его снова окаменело, он глядел куда-то в дальний угол, позабыв о присутствии переминающегося с ноги на ногу Голикова, снедаемого мучительным авторским нетерпением...

“Черт подери, — думал Урвачев, — и стоило ради этого вот дня громоздить горы трупов, рисковать ежеминутно собственной шкурой, хитрить, ловчить, изворачиваться... Да что ж это я? — одернул он себя. — Книг начитался, вот что. Слишком много книг прочел за последнее время, а книги до добра не доводят. Это точно... Впрочем, и это тщета...”

— Да, Сергей Иванович, и у меня счета, — отозвался Голиков. — Пеня идет, а платить, как говорится...

— Что? — очнулся Урвачев.

— Вы, Сергей Иванович, сказали “счета”. А я говорю, мол, и у меня этих счетов неоплаченных... Жена все дергает, пеня, мол, набегает...

— Ну да... Да, — сказал Урвачев. — Именно так. Неоплаченные счета. Ты зачем здесь?

— Так стишок ведь, Сергей Иванович. — Голиков кивнул на заветную папочку.

— Ну давай, посмотрим твой стишок. — Урвачев открыл папку и начал читать. — Послушай, Державин, — наконец произнес он. — С чего это ты взял, что “когда весь город спит давно, мое все светится окно...”? С чего бы это у меня такая бессонница?

— Ну как же, Сергей Иванович? — тотчас готовно отозвался Голиков. — Я, конечно, не могу утверждать, но такова уж логика поэтического образа. Вы ведь глава города, думаете по ночам о Черногорске и о благоденствии его жителей... Днем-то дела, подумать некогда...

— Так, так, — улыбнулся Урвачев. — Больше мне не о чем, по-твоему, думать, как о благоденствии этой дыры?

— Но помилуйте, Сергей Иванович, — смутился Голиков. — Образ...

— А знаешь ли ты, Боря, — серьезно, глядя прямо в глаза собеседнику, сказал Урвачев, — Знаешь ли, Державин ты мой, скольких я людей убил? В натуре убил. Вот этими самыми руками... А ты называешь меня “светлым духом”. Да еще выпить предлагаешь за меня “единым махом, единым духом...”

— Во благо! — воскликнул Голиков.

— Что значит, “во благо”? — не понял Урвачев.

— Убили во благо, — объяснил Голиков. — Великие люди не могут, чтобы не убить кого-нибудь... Наполеон, Сталин, Тамерлан... Да кого ни возьмите...

— Э-э, да ты, Голиков, никакой не Державин, — сказал удивленный Урвачев. — Ты, скорее, Достоевский... Вот что, брат, ты уж лучше не читай этого прилюдно. Сделай одолжение. А счета твои я тебе оплачу. Вместе с пеней. Ступай...

— Позвольте, Сергей Иванович, папочку, — немного обиженным голосом сказал уязвленный в самое сердце Голиков.

— Нет, Боря, это я себе на память оставлю. В назидание... Документ характерный. И потом ты все-таки старался, сочинял. Приятно, знаешь ли, что хоть один человек о тебе хорошее сказал. Это же здорово: “когда мы трескаем вино, его все светится окно...” Ты ступай, а я пока подумаю... О благоденствии славного города Черногорска и его обитателей... Ступай.

Голиков поклонился и, пятясь, выкатился из комнаты.

К тому времени, когда кабинет начали наполнять первые гости, от меланхолии у Урвачева не осталось и следа. Он снова был самим собой, прежним — энергичным, напористым, деятельным, общительным, каким и привыкли видеть его окружающие. Никто еще не знал толком, куда подевался предыдущий хозяин города Колдунов, слухи об этом ходили самые разноречивые, но весь бомонд, приглашенный на торжественный ужин, совершенно был уверен в том, что куда бы ни запропастился — возврата ему нет, Урвачев сел на его место окончательно и бесповоротно.

Председатель облсуда, еще вчера говоривший с ним на “ты” и называвший “Сережа”, без малейшего усилия и запинки перешел на “вы” и на “Сергея Ивановича”, то же сделал и грубоватый начальник милиции Рыбаков, и пусть он сделал это по обыкновению довольно топорно, но все-таки и естественно, и теперь уже и самому Урвачеву казалось, будто именно в такой манере они и общались все предыдущие годы. А между тем когда-то, на заре бурной бандитской карьеры Урвачева, не кто иной как Рыбаков лично крутил ему руки и бил по морде в своем служебном кабинете в присутствии двух одобрительно молчавших сержантов. Что было, то было. Вряд ли Рыбаков и сам помнит теперь об этом.

— Садитесь, садитесь, Григорий Семенович, — ласково говорил ему Урвачев. — Мест много, выбирайте по вкусу...

— Мест-то много, дорогой Сергей Иванович, — отвечал Рыбаков, нерешительно перетаптываясь и вождельно поглядывая на жареного поросенка, — но хотелось бы сесть поближе вон к тому аппетитному хищнику...

— Устраивайтесь, где нравится, — улыбался Урвачев. — А зверя этого мы загоним на вас, устроим облаву и загоним прямо на ваш номер... Вы уж не промахнитесь только.

И хотя ничего смешного не было в этой фразе Урвачева, тем не менее собрание разразилось дружным одобрителем хохотом. Смеялся и сам Урвачев, словно заразившись от гостей их настроением.

С шутками и прибаутками рассаживались за столом, и всякая шутка, всякое острое словцо произносились не просто так, а с расчетом и с оглядкой — а как, мол, отреагирует Сергей Иванович, достаточно ли одобрительно улыбнется? Сергей Иванович реагировал лояльно, всем улыбался, со всеми был отменно любезен. Ему и самому чудно было теперь вспомнить о своем недавнем настроении, о неуместных сомнениях и колебаниях. Жизнь продолжалась, и жизнь эта была, в сущности, замечательной и славной штукой. И то, что Сергей Иванович по минутной слабости своей принял за тупик, за некий печальный финал, на самом деле было просто завершением очередного этапа, концом не пьесы, а всего лишь только одного акта, а впереди маячили уже иные, захватывающие дух горизонты и открывались широчайшие перспективы ...

— Друзья мои, — начал Урвачев, возвышаясь над столом. — Здесь собрались самые избранные и самые достойные люди, с которыми нам предстоит вместе пройти большой созидательный путь... Созидательный, но, к сожалению, и тернистый...

Собрание заинтересованно притихло, стараясь вникнуть не столько в смысл слов, сколько угадать по тону голоса истинные намерения Урвачева, вызнать его возможные планы по поводу будущих кадровых перемен.

— Скажу вам откровенно: нет человека, который прожил бы жизнь и не согрешил, — продолжал Урвачев.

Услышав эти слова, собрание оживилось.

— Истинно так! — не удержался и горячо поддержал Рыбаков. — Нельзя не согрешить, никак невозможно...

— Золотые слова! — восхитился и председатель облсуда.

— Одним афоризмом всю суть проблемы вскрыл, — прокомментировал прокурор Чухлый. — В самую душу проник!.. Все мы тут немножко грешники.

— Я не призываю вас к покаянию, друзья мои, — подождав, пока грешники немного уgomонятся, снова продолжил Урвачев. — Я призываю вас к объединению. Все мы люди, кое-чего добившиеся в этой жизни. У всех у нас есть кое-какое достояние, по-разному приобретенное нами...

— Большими трудами, Сергей Иванович, — влез прокурор. — Кровью и потом...

— Трудом и лишениями, — в тон ему сказал Урвачев. — И я призываю вас к сплочению. Время усобиц кончилось, нам нужно быть едиными и сильными. Вся реальная власть, по существу, собралась сегодня здесь... Единственную прореху нашел я, принимая городское хозяйство, и это очень опасная для нас всех прореха...

— РУБОП, — догадался Рыбаков. — Они под всех нас под-
коп ведут...

— Мы отпускаем, они хватают, — посетовал председатель
облсуда. — Мы отпускаем, они хватают... Беспредел какой-то,
честное слово!

— Да, — сказал Урвачев. — За ними пока еще есть реальная
сила, их пока еще поддерживает столица. Но не век же такому
быть. Уверяю вас, в очень скором времени враги наши, кем бы
они ни поддерживались, будут повержены. Так поднимем же
первый тост именно за то, чтобы были повержены наши враги.
Я, друзья, принципиально не пью, но за это выпью до дна...

— Биват! — крикнул Рыбаков, поднимаясь и протягивая че-
рез стол бокал.

Загремели отодвигаемые стулья, вся комната дружно встала
с мест, зазвенел благородный хрусталь...

Но нет, не пришлось в этот раз нарушить обет трезвости Сер-
гею Ивановичу Урвачеву.

Едва только Рыбаков, загодя целясь глазом в поросенка, вы-
дохнул из груди воздух и понес рюмку к вытянутым жажду-
щим губам — дверь с громом распахнулась, и топот кованых бо-
тинок хлынул в остолбеневшую комнату.

— Лежать, курвы! На пол! Всем лежать! — проорал во всю
свою луженую глотку некто громадного роста, взмахнул корот-
ким стволом автомата, страшно и яростно сверкнул очами из-
под черной маски.

Тяжелой переспелой гроздью валялся на пол начальник ми-
лиции Рыбаков и, право слово, видел при этом и слышал, как
вскинулся с серебряного блюда жареный поросенок, брызнул
дробными копытцами по столу, с визгом кинулся прочь и про-
пал навеки за разбитой дверью.

— В чем дело? — успел выкрикнуть Урвачев и мгновенно,
получив разящий удар, оказался лежащим лицом вниз рядом с
сопящим прокурором.

— Руки на затылок! Ноги! Ноги! — орала луженая глотка, и
кто-то бесцеремонными пинками раздвигал ноги Урвачеву, чья-
то кошмарная грязная подошва вдавила голову в пыльные дебри
персидского ковра, а вслед за тем холодок наручников обжег ему
запястья. Урвачев задыхался от пыли, ненависти и унижения.

Испуганная секретарша изумленными круглыми глазами
глядела на шефа, когда его, крепко взяв под локти и пригнув го-
лову, выводили из кабинета.

“Дура! Дура! — ругался Урвачев в бессильной ярости. — Зав-
тра же уволю к чертовой матери! Но и вы, субчики, ответите
мне. Ох, ответите!.. По полной программе ответите...”

Он знал, что очень скоро все станет на свои места, что не
позднее завтрашнего дня они на коленях приползут к нему из-
виняться за “недоразумение” и просить пощады. Но он не поща-
дит. Ох, не пощадит... Лютые казни будут в городе!..

Машина неслась по темным улицам, на поворотах Урвачева качало из стороны в сторону, он больно стукнулся скулой обо что-то железное.

“Синяк будет... Тем лучше...”

Привезли, как и предполагал Урвачев, к зданию черногорского РУБОП. Пока вели по коридорам, жег белыми яростными глазами всех встречных, и многие, очень многие отводили взгляд.

И только попавшийся навстречу старичок-банщик, тот самый Владимир Ильич Питюков, похожий на Ленина, обслуживавший в свое время Политбюро, глаз своих не отвел, а наоборот, остановился, подмигнул лукаво и глумливо, значительно постучал ногтем по какой-то невзрачной папочке, а затем пропал за изгибом коридора в недрах учреждения.

“Внедренный! — ахнул Рвач. — Вот где гнездилась измена. Вот удружил Ферапонтушка окаянный. Но ничего, все это только голые слова, служебные доклады, фактов-то реальных нет у них, документов-подлинников нет. Стеночки-то стальные в баньке... Молодец, Ферапонт, огородил сталью сауну... А сколько говорено-переговорено было за этими глухими и слепыми стенами, сколько интимного, подноготного, сокровенного...”

Урвачева впахнули в кабинет.

“Враги наши...” — вспомнил свой невыпитый тост Рвач, увидев Никиту Пономарева и Александра Зуйченко, а рядом с ними еще двоих, незнакомых и неулыбчивых.

— Здравствуйте, Сергей Иванович, — вежливо и тихо произнес Никита Пономарев. — А мы заждались вас. Все ждали-надеялись, что с повинной придете, с раскаянием искренним, сердечным...

— Ты, сука, мне нынче же ответишь, — прорычал Рвач. — Ты мне еще полижешь пятки, подонок...

— Стукни его, Паша, — попросил Зуйченко, глядя куда-то за спину Рвача...

— В полную силу? — спросила луженая глотка.

— Да нет. В четверть силы... Для первого, так сказать, знакомства...

И тотчас тяжкая дубина обрушилась сверху по шейной мышце Рвача, отчего тот согнулся пополам и засипел от боли.

— Ну а теперь, в спокойной доброжелательной обстановке, разрешите сделать краткий доклад. Огласить небольшой перечень выявленных нами преступлений, — продолжил Пономарев. — Ваших, господин Урвачев, преступлений. Но прежде, по заявкам радиослушателей, мы предлагаем вниманию присутствующих кое-какие отрывки из кое-каких задушевных бесед двух закадычных друзей, один из которых, к сожалению, покоится на местном кладбище.

Он щелкнул кнопкой магнитофона, и тихие голоса, среди которых Рвач прежде всего узнал голос Ферапонта, а затем уже и свой собственный, наполнили кабинет.

“Тщета, — подумал устало Урвачев. — Какая же все это тщета...”

Прозоров

В августе месяце, на исходе жаркого лета, за неделю до праздника Преображения, посередине Среднерусской возвышенности по белой проселочной дороге, плавно перетекающей с холма на холм и пропадающей далеко-далеко за синими лесистыми горизонтами, шел безоружный усталый человек, одетый в защитного цвета военную форму без знаков различия, расстегнутую на груди и туго перетянутую по поясу широким офицерским ремнем. На плече его висел полупустой походный рюкзак, именуемый “сидором”, а также скатанная в рулон плащ-палатка. Издалека он был похож на пожилого солдата старых времен, возвращающегося с войны домой. Время от времени человек склонялся к обочине, срывал пучок придорожной травы и этим пыльным и сухим венчиком пытался очистить свои запылившиеся хромовые сапоги. Затем медленно распрямлялся и, забыв выбросить ненужную больше траву, рассеянным взглядом озирали широкую и безлюдную равнину, щурясь от яркого полуденного солнца. Воздух вокруг был неподвижен и сух.

Человек коротко и как-то судорожно вздыхал, точно всхлипывал, и медленно брел дальше, сперва как бы нехотя и с трудом, но постепенно шаг его становился ровнее и размереннее, словно он приноровлялся к некоему звучащему внутри постоянному руководящему ритму. Изредка обгонял его самосвал в засохших потеках цемента или гремевший пустыми бидонами грузовик, обдавая облаками пыли, а однажды рядом с ним остановился небольшой автобус, и какие-то хмельные люди, вероятно, шабашники, прокричали в отворившуюся дверь:

— Эй, служивый! Садись, брат, к нам!.. Доведем до Перемышля!..

Человек, растерянно и беззащитно улыбнувшись, поскольку находился в глубокой задумчивости и не сразу понял, чего хотят от него эти люди, отрицательно покачал головой.

— Садись, брат, чего там! — заманивали строители. — У нас тут и водочка есть...

Но он снова покачал головой, и автобус, недовольно взревев и покашляв черным дымом, покатил дальше, запахивая на ходу скрипучую гармошку двери.

Было уже далеко за полдень, когда человек решил наконец устроить недолгий привал и перекусить.

— Дойду до тех трех сосен, — сказал он вслух, — а там и отдохну...

Эта странная и печальная привычка — разговаривать вслух с самим собой появилась у него не так давно, всего лишь дней десять тому назад, когда он похоронил свою женщину. Впрочем, кажется, даже немного раньше — когда она еще жила и

дышала, но говорить уже не могла, а он, сидя у ее постели и глядя на ее измученное лицо, терзая в ладонях обессиленную руку, произносил и произносил слова — ласковые, нежные, бесконечно глупые и пошлые, но самое главное — абсолютно бессмысленные, потому что страшная правда состояла в том, что смерть нельзя заговорить никакими человеческими словами...

У трех разлапистых сосен он свернул с дороги и увидел, что ему очень повезло — место для привала было самое замечательное. В ажурной тени сосновых ветвей лежал плоский широкий камень, нагретый солнцем, и человек, стащив с плеча рюкзак, уселся на край камня. Расстелил полотенце и положил на него хлеб и две репки.

— Да, — невесело усмехнулся он. — Дикий мед и акриды... Сказал бы мне кто-нибудь раньше...

Не торопясь очистил финским ножом скромные земные плоды, взял в руки круглый батон, но передумал, отложил нож в сторонку и отломил кусок.

— Именно так, — сказал он, теперь уже без всякой усмешки и иронии. — Хлеб преломляют. Как написано, так и будем поступать. Не мы первые, не мы последние. Не нами придумано... Именно так... Вот...

Он говорил все это отрывисто, сдавленным глухим голосом, глядя на кусок хлеба в руке, и лицо его при этом беспомощно кривилось и морщилось, потому что, как всегда в самую неподходящую минуту, им снова внезапно овладевали толчки рвущегося на волю горя, схватывала грудь знакомая судорога отчаяния. Но эти приступы и эти судороги были уже почти ручные, их все-таки большей частью удавалось заговорить, и они потихоньку отступали и отпускали сердце. Удивительное дело, когда он думал о своей женщине, когда он разговаривал с ней — на сердце у него было почти спокойно, но стоило как-нибудь отвлечься, вот как сейчас, позабыть, расслабиться, как в эту брешь, будто пользуясь его рассеянностью и невнимательностью, врвался этот вихрь, этот страшный таран тоски...

Поэтому он снова стал думать о ней. Жевал сухой хлеб и думал, что напрасно он тогда уснул. Он задремал всего на каких-нибудь несколько минут, прямо на стуле, и этих мгновений хватило для того, чтобы ее у него украли, унесли ее душу. Потому что жизнь это и есть душа.

Прозоров собрал остатки пищи в мешок, поднялся с камня и снова медленно двинулся в путь, постепенно ускоряя шаг и входя в свой привычный ритм, попадая в свой внутренний размер...

Назавтра снова был долгий, как бы остановившийся на месте, августовский день. Снова слепила глаза уходящая вдаль песчаная белая дорога. Небо стояло перед ним чистое, выгоревшее, с редкими неподвижными облачками. Полчаса назад

проехал колесный трактор, но еще висела над обочинами сухая легкая пыль. Ни ветерка, ни движения листвы. Торчали в кюветах ломкие серые стебли... Потом он шел по лесу, где было совсем душно, и спешил на открытое пространство, но и здесь его встретила такая же духота, да еще впридачу солнце жгло и пекло затылок. Мысли его оцепенели, и он не заметил, как и когда что-то неуловимо переменялось и сдвинулось в природе.

Резко усилился вдруг запах цветов и травы, установилась тревожная и глубокая тишина. Из-за спины донеслось близкое ворчание грома. Прозоров обернулся и увидел, что половина небосвода стала темно-сизой, и в ту же секунду сверкнула в этих гигантских развалах фиолетовых туч ветвистая молния, и еще одна... И хлынул в лицо влажный холодный ветер.

А через несколько минут он уже промок до нитки и бежал в адском грохоте и блистании грозы к придорожной старой ветле, пригибаясь, точно ожидая карающего удара с неба. Но, не пробежав десяти шагов, раздумал и остановился. Махнул рукой и пошел обычным шагом по обочине. Теперь он шел посреди бушующей грозы и какую-то странную отраду испытывал от того, что идет вот так между громов и молний, не укрываясь под плащом от потоков рушащегося на его голову ливня, подгоняемый ветром, порывами налетавшим со всех сторон. И в первобытном вое разъяренных стихий ему чудилось, что он явственно слышит и различает отдельно звучащее соло своего собственного безумия.

Постепенно темнело, раскаты грома становились все тише, дождь ослабел, лил теперь ровно и умеренно, но струи его делались холоднее и холоднее. Прозоров замерз. Метрах в ста от дороги, на самой опушке леса увидел он что-то похожее на копну и, спотыкаясь на кочках, двинулся к ней через поле. С трудом вырывая горстями сцепившееся сено, вырыл глубокую нору, затем плотно завернулся в плащ-палатку и полез внутрь стога. Его сотрясала крупная дрожь, он долго согревался, ворочался и укладывался поудобнее, поуютнее в колкой шуршащей темени, наконец подтянул к животу ноги, свернулся в позе утробного младенца и заснул.

Проснулся он точно в такой же позе, в теплой живой темноте, вне всякого времени и пространства, но, чувствуя себя выспавшимся и бодрым, решил, что пора вылезать на свет Божий. Двинул ногами, но ноги его уперлись в плотную упругую стену — оказывается, за ночь он каким-то образом перевернулся в тесной своей норе. Прозоров зажмурился, чтобы не уколоть глаз, и вперед головой выполз наружу.

Мир, в котором он оказался, был неприветлив и неуютен. Вчерашний вольный дождь выродился за ночь в тихо шелестящую холодную морось, серые пространства виделись неясно и

расплывчато, сизые клочья облаков спускались на самую землю и перемешивались с туманом.

Прозоров закинул на плечо вещмешок и направился к смутно виднеющимся телеграфным столбам, к дороге. Постепенно, по мере удаления, фигура его, обволакиваемая облаками и туманом, становилась все бесплотнее, все неразличимее, все умалывалась и умалывалась, пока, наконец, не растворилась полностью в пространстве, точно никогда и не было никакого Прозорова в этом мире.

На третьи сутки к вечеру Иван Васильевич Прозоров снова объявился на земле. Пастух, несший на плечах отбившуюся от стада хромую овцу, увидел спускавшегося со стороны города Козельска человека. Они встретились у моста через реку Жиздру.

— Послушай, отец... — поравнявшись с пастухом, начал Прозоров.

— За мостом налево, — кратко ответил пастух. — Пройдешь сосны, а там увидишь...

— Спасибо, — подавленно поблагодарил Иван Васильевич и пошел через мост.

Минут через десять Прозоров вышел к тем самым соснам, но Боже мой, что это были за сосны! Никогда в прежней своей жизни не видел он таких исполинов, таких мощных столпов, величественно уходящих высоко в небо. Подойдя, он раскинул руки, померил — иные были в три обхвата, иные даже и в четыре...

— Ну и ну! — подивился Иван Васильевич, обернулся к монастырю и снова ахнул. Низкие свинцовые тучи, все эти дни плитою лежавшие над миром, сдвинулись — и обнажилась в образовавшемся разрыве полоса лазурного неба, мягко озаренного спускающимся за горизонт солнцем, а на фоне этой полосы белели монастырские стены, светились звезды на ультрамариновых куполах...

— Так, — сказал Прозоров, припоминая уроки Ады. — Чело, живот, правое плечо, левое плечо...

Эпилог

— Имя? — спросили у него.

— Что? — не понял Прозоров.

— Имя ваше.

— Имя?... Имя Иван... Иван Васильевич Прозоров.

— Наклони голову, Иоанн...

Прозоров покорно склонил голову, священник накрыл его какой-то чудесно пахнущей материей, он ощутил на темени своем легкое тепло чьей-то ладони и слушал сквозь шум в ушах тихо произносимые над ним слова:

*"...благодарью и щедротами Своего человеколюбия,
да простит ти, чадо Иоанн, вся согрешения твоя..."*

Дуэли "Железного канцлера"

Иван ЗЮЗЮКИН

*"Я не могу, как вы, имея всего две руки,
разом подбрасывать и ловить пять мячей."*

(Вильгельм I — Бисмарку)

Многие биографы канцлера Отто фон Бисмарка (1815-1898 г.г.), знаменитого тем, что он больше, чем кто-либо из немцев, способствовал объединению раздробленной Германии в единое государство, с почти нескрываемым удовольствием живописуют, каким, выражаясь современным языком, отморожком он был в молодости. Таким образом, перед читателем предстают словно бы два Бисмарка. Один — незадачливый и даже будто бы придурковатый сынок богатого прусского помещика, склонный всем кому попало грубить, со всеми драться. Другой — политик мирового класса, блестящий дипломат, получивший за свои заслуги перед Пруссией титулы графа, герцога и даже князя... Но каким образом первому Бисмарку удалось перевоплотиться во второго? Ответ как будто прост: помещичий сынок, что называется, перебесился, взялся за ум — и вот вам результат. Однако, усомнимся мы, что толку братья за ум, если его у тебя от природы не слишком-то много? Или — какой дипломат получится из человека, который не способен управлять своими чувствами? Один из биографов, понимая, что тут что-то не так, причину резкого перехода нашего героя из одного качества в другое видит в том, что однажды Отто, мчась во весь опор на коне за зайцем, врежется головой в дерево, да так сильно, что с тех пор за ним станут замечать то, чего прежде не наблюдалось. Например, он проявит живой интерес к книгам, с большей охотой начнет заниматься английским и французским языками...

Нет, если строго следовать фактам биографии Бисмарка, то ему никем, кроме как тупым, самодовольным, с буйным нра-

вом померанским помещиком-юнкером, и не светило стать. “Его будущее казалось заключенным в рамки вересковых пустошей и полей восточно-эльбского пространства”, — философски заключает по этому поводу другой биограф, но тут же с похвалой отзывается о родителях Отто (особенно о матери), не желавших, чтобы их сын начал и кончил жизнь среди вересковых пустошей. Они определяют его в престижный Геттингенский университет и попросят тамошнего знакомого профессора приглядывать за Отто, всемерно помогать ему в овладении науками и культурой.

Но по прошествии трех лет профессор оставит в своем дневнике исчерпывающе короткую запись: “Студента Бисмарка в моей аудитории я не видел ни разу”. И чем же занят в эти годы Отто, здоровенный, чуть не под два метра, малый? (Вот какой — и не слишком-то приглядный — портрет молодого Бисмарка оставит нам один из его однокашников: “У него были лохматые волосы страшноватого цвета — от рыжего до бледно-коричневого. Веснушки густо осыпали его лицо, глаза в центре были бесцветными, а по краям как бы обведены красной полосой”). Занят Отто (впоследствии переведенный обеспокоенными родителями в Берлинский университет) чем угодно, только не науками. Он ходит по ресторанам и пивнушкам, много пьет и поглощает еду в изумляющих количествах. (“Еще мало, как говорит Бисмарк” — такая присказка о его алчном аппетите ходит в те годы в Геттингене и Берлине.) Свирепого вида померанец часто дерется на шпагах (28 дуэлей — лишь одна проигранная, оставившая на его лице заметный шрам), разгуливает по улицам с огромной собакой без поводка, три раза за дикие выходки попадает в карцер. Однажды его вызовут в суд. Он и явится — в домашнем халате, с курительной трубкой во рту. И еще этот самый Отто обожает заключать пари! Так, однажды, хорошо нагрузившись вином, он поспорит с американцем-однокашником на ящик шампанского, что через двадцать лет его Германия (в ту пору ее называли “глупым Михаэлем в ночном колпаке и халате с тридцатью шестью заплатыми”) будет объединена. А другому приятелю, тоже в состоянии далеко от трезвого, поведает: “Вот увидишь, я буду либо величайшим негодяем на свете, либо первым человеком Пруссии”...

Получив с грехом пополам образование и потерпев фиаско на государственной службе (из-за неспособности кому-либо подчиняться), Бисмарк возвращается в родные пенаты. К великому огорчению овдовевшей матери, он и как начинающий хозяин поместья ведет себя не лучшим образом. Играет в карты, устраивает шумные попойки, волочитя за женщинами (часто — замужними), носится, топча посевы, на своем громадном, как он сам, коне по своим и чужим полям, за что и получает от своих земляков кличку “сумасбродного юнкера”.

Но вот взгляд его мутновато-красных глаз останавливается на кроткой (но именно этим и сильной) Иоганне Путткаммер, девушке из семьи благочестивых померанцев. Бисмарк влюбляется в нее пылко и нежно, но ведет себя по-прежнему буйно. Осаждает дом любимой, посылает ей охапками цветы, а однажды, незвано ворвавшись в гостиную, на глазах обалдевших от его наглости родителей обнимает, целует Иоганну и тоном, не допускающим возражений, заявляет, что “соединенное Богом не должно разлучать”, таким необычным образом давая Путткаммерам понять, что он просит руки их дочери. Его пытаются выставить за дверь, но тут кроткая девица признается, что она пойдет за Отто не только замуж, но и на край света...

Они проживут долгую супружескую жизнь. “Иоганна, — говорится в одной книге о чете Бисмарков, — была тихим ангелом, усмирившим и успокоившим бурю, которая клокотала в железном человеке в годы расцвета его молодости и сил. Недаром Бисмарк говаривал часто:

— Она меня сделала тем, что я есть”.

Так что? Вот она, подлинная причина преобразования бывшего дуэлянта и выпивохи? Конечно, счастливая женитьба — это вам не ушиб головы: с любовью связаны еще и не такие метаморфозы. Но подождем с выводами. Иоганна, если и была ангелом Бисмарка, то не более, чем домашним. А Отто был кем угодно, только не домоседом. Полем его деятельности станет вся Европа, ему придется иметь дело с королями, императорами, послами, полководцами, а с этим народом, известное дело, как с любимой женошкой, не расслабишься.

На самом деле с Бисмарком не произойдет никаких существенных перемен. Больше того — и пусть читатель не воспринимает это как игру в слова — он и станет тем, кем станет, благодаря тому, что всю жизнь останется самим собой! Просто случаю (хотя сам Бисмарк упорно твердил, что — Провидению) будет угодно, чтобы земляки-померанцы отрядили его своим депутатом в прусский ландтаг вместо заболевшего некоего Браухича. Причем они отлично знали, что ландтаг — всего лишь говорильня. — Вот пусть “сумасбродный юнкер” и прокисает там, а здесь, глядишь, посевы будут целы...

Как же земляки ошибутся! Они, как говорится, щуку бросят в реку. Клокочущая энергия померанца, переведенная в другое русло, в считанное время поможет ему стать самым заметным депутатом, темперамент задиры и бретера мигом растрясет полусонный прусский парламент. По всем признакам консерватор, ярый монархист Бисмарк делается грозой (с языком что бритва) прусских либералов и социалистов. В своих речах он не стесняется крепких выражений, когда говорит о начавшихся в 1848 году в Берлине революционных беспорядках и требует от королевского правительства самых жестких, с применением

оружия мер для их подавления. Вот как в те критические дни он разговаривает с самим прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV.

Король — Бисмарку. Как ваши дела?

Бисмарк. Настроение было прекрасно, но оно испортилось с тех пор, как королевскими властями за королевской печатью нам была привита революция. Нет уверенности в поддержке короля.

Королева (*криком*). Как вы смеете так разговаривать с королем?!

Король. Успокойся, Эльза, я сам как-нибудь разберусь... В чем, собственно говоря, вы меня упрекаете?

Бисмарк. В том, что вы вывели войска из Берлина.

Король. Я этого не хотел.

Королева. Король совсем не виноват. Он трое суток не спал.

Бисмарк. Король должен уметь спать.

“Еще мало, как говорит Бисмарк” — вспомнят присказку прошлых лет после того, как восстания в Пруссии будут подавлены и Бисмарк начнет в числе других яростно настаивать, чтобы прусские полки прошли по соседним княжествам и помогли их государям справиться с гидрой революции.

Совершенно убежденный в своем историческом избранничестве, он планомерно поднимается с одной ступени политической карьеры на другую. Представитель Пруссии в объединенном ландтаге союза германских государств, в котором он схлестнется с австрийским представителем за право лидерствовать. Посол в России, куда, он убежден, его пошлют, чтобы остудить его пыл невской ледяной водой. Посол во Франции, где он будет присматриваться к Наполеону III. И кем бы он ни был, где бы ни находился, ему не дает покоя идея, под которую он когда-то заключил пари на ящик шампанского, — идея превратить лоскутную Германию в единое государство. (Выходит, что у пьяного Бисмарка было на языке, то у него, трезвого, таилось в уме?) Да и с мыслью стать первым человеком Пруссии он не расстается. И хотя новый (но по возрасту уже старый) прусский король Вильгельм I, как и его предшественник на престоле, побаивается громадного померанца, считая его идею навязчивой и опасной, он назначит-таки его канцлером. Возможно, король пойдет на это в тайной надежде, что высокое назначение, как то случалось со многими рвавшимися к власти политиками, превратит хищного ястреба Бисмарка в робкого голубя. Ничуть не бывало! В одном из первых выступлений на новом посту тот во всеуслышание, словно нарочно подливая масла в огонь, заявит:

— Великие вопросы времени решаются не речами, не постановлениями большинства, а железом и кровью!

Эти его слова вызовут огромное возмущение среди либералов и социалистов, чуть не приведут к новой революции в стра-

не. “Я представляю, как все будет, — уныло признается король “железному канцлеру”. — На Оперной площади сначала отрубят голову вам, а потом мне...”

Бисмарк не испугается. Наоборот, ломая сопротивление осторожного короля и шумной парламентской оппозиции, он на всех парах поведет дело к тому, чтобы маленькая Пруссия, а не великая европейская держава Австрия, стала страной, вокруг которой объединятся все немцы: саксонцы, силезцы, баварцы, швабы, ганноверцы, мекленбуржцы... Рассказывают, однажды, с большим трудом заставив Вильгельма принять нужное решение, канцлер схватит в приемной короля поднос с бокалами и грохнет его об пол со словами: “Вот, теперь мне хорошо!” Не исключено, что именно такие слова он произносил в молодости после каждой выигранной дуэли...

Как проходило объединение Германии, подробно описано в учебниках. Укажем лишь на то, что оно станет возможным не в последнюю очередь благодаря твердости и ловким политическим маневрам канцлера Бисмарка. Мало-помалу его навязчивая (как поначалу думал не один король) идея захватит прусское общество, затем весь немецкий народ. Но путь к объединению окажется непростым и, как обещал Бисмарк, политым кровью.

Сначала канцлер уговорит Австрию совместно отнять у Дании немецко-говорящее княжество Шлезвиг-Гольштейн. Затем, когда дело будет сделано, он отберет у своей поделницы ее трофей — Гольштейн. Оскорбленная Австрия не стерпит обиды, ввяжется в войну с Пруссией и потерпит сокрушительное поражение. Через некоторое время возникнет напряженность между Пруссией и Францией. Наполеону III покажется, что Бисмарк зарвался и пора его проучить. В результате вспыхнувшей войны будет наголову разгромлена еще одна великая европейская держава — Франция. Прусский король Вильгельм (тот самый, который боялся за свою голову), прибыв в Версаль на белом коне победы — неслыханное дело в истории! — прямо здесь принимает корону германского императора. Стоя неподалеку, Бисмарк холодно усмехается в свой страшноватого цвета усы. Возможно, он думает, что пора напомнить американцу про ящик шампанского. В центре Европы утвердилось — не прошло двадцати лет — могучее государство Германская империя. И кто в ней первый человек? А?!

Как подумаешь, что в молодости Отто мог погибнуть на дуэли или от излишеств в вине и еде — что было бы?! Ведь из-за этого Германия да и весь мир в целом могли выглядеть иначе! Конечно, не надо преувеличивать роль личности в истории, но и преуменьшать ее не стоит. И даже если Бисмарк действительно был орудием самого Провидения, то, пожалуй, более точно-

го выбора оно не могло сделать. Бесшабашный Отто на поверку окажется хотя и тяжелым на руку, но на редкость талантливым, пронзительным политиком и дипломатом. Иначе говоря, в дополнение к тому, чем Пруссия в ту пору обладала — небольшая, но хорошо вооруженная, дисциплинированная армия, даровитые генералы, патриотический настрой в обществе и т.д. — талант и ум Бисмарка явятся тем фактором, который позволит маленькой второразрядной Пруссии совершить невозможное: разбить две великие державы.

Да, нрав и повадки Отто смолоду были и в зрелом возрасте останутся бесцеремонными. И это — мягко сказано. В политике Бисмарк не знает, что такое сантименты, при слове “мораль” он брезгливо морщится. (Когда в осажденном прусскими войсками Париже начнется голод и “железному канцлеру” доложат, что особенно тяжело приходится женщинам, он в стиле черного юмора спросит: “Детей своих они еще не начали поедать?”) Он надменен, сух в отношениях с подчиненными, груб с журналистами, часто распускает ландтаг, безжалостно выколачивает деньги на войну. За это и другое многие люди в Пруссии питают к нему ненависть. Недаром на канцлера то и дело совершаются покушения... Но вот парадокс: не имея собственных ему слабостей, недостатков и даже пороков, Бисмарк наверняка бы не смог выполнить свою историческую роль. В самом деле, все, что других политиков обычно губит на корню, канцлеру идет на пользу, помогает малыми средствами достигать впечатляющих результатов. К примеру, его ставшие притчей во языцех настырность и прямолинейная, как шпага, манера высказывать свои мысли, как ни странно, год за годом прибавляют ему политического веса. Едва заявив себя политиком, он ни от кого (в том числе и от короля) не скрывает, что хочет стать лидером страны и что, по его мнению, это рано или поздно случится. Еще будучи послом, он в частных беседах заявляет, что Пруссии в недалеком будущем придется воевать с Австрией, а потом, возможно, с Францией и что Европе придется смириться с усилением мощи и значения его страны. Словом, если все другие дипломаты считают, что язык им для того и дан, чтобы скрывать свои истинные намерения, то Бисмарк поступает в точности до наоборот. И это производит на его собеседников большое, если не сказать, страшное впечатление. Выслушивая его, они испытывают тягостное ощущение неизбежности того, о чем предупреждает этот самоуверенный, говорящий со стиснутыми зубами, улыбающийся лишь уголками рта человек. И вряд ли сам Бисмарк, исповедуясь перед потенциальными противниками, не сознает, что он делает со своими собеседниками. Недаром один из самых умных английских премьеров Дизраэли после разговора с Бисмарком предупредит членов своего кабинета: “Остерегайтесь этого человека! Он говорит то, что думает”.

А вот как он будет действовать, это Бисмарк тщательно от всех скрывает. Говоря языком шахмат, он продумывает игру на много ходов вперед (хотя, усыпляя бдительность противника, иногда прикидывается простаком, намеренно допускает “зевки”, чтобы в нужное время поставить мат). Этот гроссмейстер маневра и интриг годами, когда открыто, когда исподволь, стремится посорить Англию с Россией, Россию с Францией, чтобы великие державы, запутавшись в своих обидах и подозрениях относительно друг друга, не помешали пруссакам и австрийцам отнять у Дании Шлезвиг-Гольштейн, а затем Пруссии — разгромить Австрию. Замыслив войну с Францией, он долго ухаживает за ней, с заинтересованным сочувствием выслушивает Наполеона III, мечтающего присоединить к своей империи Бельгию, Люксембург и часть Италии. (А за глаза Бисмарк ядовито назовет французского императора и императрицу “двумя очаровательными женщинами”, намекая на слабых характерность Наполеона III.) Затем канцлер как бы между прочим попросит французского посла в Пруссии в письменной форме изложить, что хотела бы Франция получить в Европе за свой нейтралитет во время австро-прусской войны. Посол, увы, проявит неосторожность, напишет требуемое письмо, а Бисмарк, когда придет время, постарается, чтобы о территориальных притязаниях Парижа узнали в Лондоне и Петербурге. Возникнет международный скандал. Наполеон III как может выкручивается. А Бисмарк тем временем торопит генштаб Пруссии завершать подготовку к войне. Верно, старому Вильгельму I не хочется большой ссоры с тоже старым Наполеоном III, он готов к переговорам с французами и даже к некоторым уступкам. Тогда Бисмарк берет дело в свои руки. Дипломатическую депешу о беседе прусского короля с французским послом он отредактирует (и немедля передаст в печать) таким образом, что депеша приобретет оскорбительный для гордой Франции смысл. Взбешенный, с годами подрастерявший ум Наполеон III объявляет Пруссии войну. А Бисмарку лишь этого и надо! Большая сильная Франция в глазах Европы предстает как агрессор, от которого маленькая Пруссия вынуждена защищаться. Этот дипломатический трюк помогает хитроумному канцлеру выбить у прижимистого ландтага деньги на войну, утихомирить оппозицию и вызвать в стране высокую волну ура-патриотизма...

Но при этом не стоит думать, что Бисмарку на дипломатической арене противостоят лишь голые дураки. Случалось, он тоже терпел неудачи, его тоже обводили вокруг пальца. (Чаще других его хитрости разгадывал российский канцлер Горчаков.) И все же в те времена мало кто из политиков и дипломатов в полной мере осознавал, с каким опасным и непредсказуемым противником в лице Бисмарка они имеют дело. По словам одного историка, “железный канцлер” разрушал основы западно-европейской общности народов и основы европейской куль-

туры. Стремясь во что бы то ни стало выиграть очередную внешнеполитическую дуэль, Бисмарк привносит в дипломатию “закон джунглей”, игру без издавна принятых правил, не брезгуя, как в случае с письмом французского посла, ничем. Граф, герцог, затем и князь Бисмарк считает возможным нарушать данное им слово и своим вероломством может дать сто очков вперед любому разбойнику. Рассказывают, что, беседуя с иностранными коллегами, он вдруг ни с того, ни с сего с загадочным видом вставлял в свою речь чем-то полюбившиеся ему русские слова “ничего” и “авось”. Для чего? Скорее всего, чтобы вызвать у коллег, в отличие от него не знавших русского, чувство неловкости, смятаения и под эту сурдинку выторговать какую-нибудь уступку... Агрессивно-военственным настроем пополам со смещенными понятиями о чести и достоинстве прусские юнкеры отличались всегда, и Бисмарк среди них не станет исключением, даже заняв высший пост сначала в Пруссии, а затем в Германской империи.

Во внутренней политике он проявляет еще меньше щепетильности. Сталкивает в ландтаге одну партию с другой, обеспечивая себе свободу действий. Заигрывает с профсоюзами и рабочими, чтобы привести к ноге строптивых промышленников. Стремясь заручиться поддержкой крупного капитала, способствует принятию антипрофсоюзных законов. Терпящая поражение за поражением оппозиция, давая волю своим чувствам, обвиняет канцлера с парламентской трибуны в реакционности, непорядочности, интриганстве, Бисмарк же, грузно отвалившись в кресле, невозмутимо попыхивает сигарой или, повернувшись спиной к залу, углубленно читает газету. Нет, он не имеет привычки преследовать за критику в свой адрес. Канцлер поступает хуже: он не обращает на нее никакого внимания и продолжает гнуть свою линию...

Но что же именно вынуждает его действовать, не считаясь ни с чем? Особая преданность трону? Вряд ли. Монархист Бисмарк знает истинную цену своим государям. Об одном из них он скажет: “Если за него крепко ухватиться, в руке останется одна слизь”... Честолюбие? Не без этого, хотя за славой (в том числе, и худой) и наградами, он нарочно не гнался... Стремление к власти? У Бисмарка ее было более, чем достаточно. По словам одного историка, он “пользовался королями, как пользуются государственной печатью, прикладываемой к важным бумагам”... Желание разбогатеть? И без того богатый, Бисмарк, надо отдать ему должное, был чист на руку, не был замечен ни в казнокрадстве, ни во взяточничестве...

Наш герой — яркий пример того, что любой политик, даже такого масштаба, как он, прежде всего человек, а потом уже политик. Смолоду подверженный азарту карточного игрока и охотника, он сходно ведет себя и на посту канцлера, в особен-

ности, как дипломат: блефует, зорко высматривает добычу. Быть может, сам того не желая, он становится игрушкой собственных страстей. Это предположение, казалось бы, никак не вяжется с образом холодного, рассудочного Бисмарка — уж чем-чем, а стальной выдержкой “железный канцлер” обладал. Так, когда в ходе сражения с французами под Седаном ему сообщат, что убит его сын, он помрачнеет, но, сидя на своем громадном коне с биноклем, ни на минуту не прекратит наблюдения за битвой. Рассказывают также, что во время одного из покушений на него “железный канцлер” первым схватит стрелявшего, хорошенько стукнет его и сдаст в руки подбежавшим полицейским... Но вот Бисмарк садится писать мемуары. Более всего они интересны тем, что он рассказывает о самом себе. К примеру, в них можно найти строчки о том, что с ним творилось в тот день, когда Вильгельм I и его военные советники, опьяненные легкой победой над Австрией, не посчитаются с мнением канцлера, настаивавшего на том, чтобы условия мирного договора с побежденной стороной были умеренными: “Нервы мои не выдержали... я молча встал, прошел в смежную комнату и рыдался... Рыдая, я слышал, как военный совет был прерван”. Придя в себя, канцлер вернется в кабинет короля и вручит ему прошение об отставке. Вильгельм I не примет ее, но и не уступит канцлеру, видимо, решив, что иногда и ему можно проявлять характер. “Вернувшись в свою комнату, — продолжает Бисмарк, — я был в таком состоянии, что мне пришло на ум, не лучше ли броситься из открытого окна четвертого этажа”.

Не правда ли, это признание на многое проливает свет?! Стальные нервы канцлера его же и могли убить. Такие одержимые личности, как Бисмарк, безгранично верят в свою правоту, мысль об отступлении для них нестерпимо тяжела, порой — смертельно тяжела. Неслучайно, что Бисмарк, как никто из государственных деятелей его уровня, так часто подавал в отставку. И хотя его противники всякий раз уверяли общество, что это со стороны канцлера очередной шантаж, думается, они в большинстве случаев были не правы. Если у Бисмарка что-то срывалось или делалось не по нему, он совершенно терял аппетит, впадал в жесточайшую депрессию и надолго, куда-нибудь подальше от Берлина, уезжал: казалось, жизнь для него теряла всякий смысл...

Да, большинству представителей правящей прусской элиты была непонятна и чужда политическая логика канцлера. Между тем Бисмарк никогда просто так ничего не делал. Когда историки поднимут его архивы, изучат его секретную переписку, они поймут, что в голове этого человека, когда-то не желавшего посещать лекции, как бы умещалась вся Европа со всеми ее явными и тайными противоречиями, что он пропускал через себя море политической, экономической и другой информации

и беспрестанно анализировал ситуацию в мире и в самой Пруссии. Чтобы самому ненароком не остаться в дураках, Бисмарк пойдет даже на слезку за своими послами!..

Одерживая одну победу за другой, Бисмарк невольно рубит под собой сук. Вскоре после провозглашения Германской империи он со свойственной ему прямоотой, но не без горечи признается: “Я скучаю. Все великие дела совершены. Охотиться на зайцев у меня нет никакого желания. Вот если бы удалось завалить крупного кабана. Тогда бы я ожил”.

Нет, крупного успеха у него уже не будет. По его инициативе три страны — Россия, Германия и Австрия — заключат “союз трех императоров”, но своими закулисными маневрами Бисмарк подведет под него мину. Он ссорится с Англией, вновь конфликтует с Францией, но больше всего его раздражает фактом своего существования огромная Россия. Неплохо изучив нашу страну, он относится к ней и ее народу, мягко говоря, без особой симпатии (хотя для того, чтобы немцы знали ее лучше, предложит заменить в школах преподавание древнегреческого языка русским), вредит русским царям (один из них, очарованный умом Бисмарка, предлагал ему, в то время прусскому послу, принять русское подданство) как только может. Но об открытом военном противостоянии он никогда всерьез не помышляет. Стареющий канцлер всячески предупреждает молодого императора Вильгельма II и его воинственную команду, что война с Россией была бы губительной для Германии. “Даже самый благоприятный исход войны, — подчеркивал Бисмарк, — никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, так же быстро соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути...” Но Вильгельм II, как и “железный канцлер”, тоже упрям и своеволен. Одного ему недостает: ума Бисмарка. Он все меньше и меньше прислушивается к советам канцлера, а однажды, когда тот в очередной раз подаст в отставку, примет ее.

Не сразу уйдет с политической арены семидесятипятилетний Бисмарк. Некоторое время он еще пытается влиять на императора через прессу и своих старых друзей. Чтобы иметь трибуну, избирается в ландтаг. Порядком растолстевший, отягощенный множеством болезней, он садится на диету, летом и зимой спит с открытыми настежь окнами (от чего один из врачей, лечивших его, простудится и умрет) и, в конце концов, приобретет прекрасную для его лет форму. Но нет, ни сам он, ни его здоровый вид уже не нужны Вильгельму II. Поезд германской истории, который Бисмарк вел почти тридцать лет, помчится далее без него. Незадолго до смерти бывший канцлер придет в Гамбург, увидит дымь огромных фабрик и заводов, услышит

рев океанских судов, прибывших сюда со всего света, и с удивлением, смешанным с отчаянием, скажет:

— Да, это уже другой, новый мир...

Он умрет в своем роскошном лесном имении, почти забытым уже при жизни. Говорят, его последними словами были: "Но с точки зрения государственных интересов это невозможно!.." Таким упрямым, властным, непреклонным "железный канцлер" и отойдет в вечность...

Безусловно, Бисмарк — одна из самых грандиозных и противоречивых фигур XIX века. Историки сравнивают его с Ришелье, Талейраном, а некоторые ставят даже рядом с Наполеоном I. После Бисмарка Германию уже никто не называл "глупым Михаэлем". Она быстро догонит, а некоторые страны даже далеко опередит в экономическом, военном и других отношениях. Но вскоре, как это, к сожалению, не раз бывало в истории, она сама стала посматривать на соседние народы свысока. А они на нее — с тревогой и недоверием. Семена вражды, посеянные при самом активном участии "железного канцлера", менее чем через двадцать лет после его смерти взойдут кровавой Первой мировой войной, исход которой предопределят возникновение еще более страшной Второй. Победы Германии при Бисмарке обернутся для нее тяжелейшими унижительными поражениями. Некоторые историки считают "железного канцлера" предтечей фашизма. (Одна книга про него так и называется: "Бисмарк — белый революционер".) С этим можно спорить, но следует признать, что из его родной среды, прусского юнкерства, вышло немало отъявленных, не знавших ни жалости, ни пощады вояк. Гитлеровская Германия не раз использовала в своей внешней политике коварные приемы Бисмарка-дипломата. Но мы знаем, что он до конца своих дней был против войны с Россией (ведь это ему принадлежат слова "Русские медленно запрягают, но быстро ездят"), а вот Вильгельм II и Адольф Гитлер развяжут ее. Между прочим, один из внуков Бисмарка примет участие в заговоре против Гитлера с целью отстранения его от власти и угодит за это в концлагерь. Когда он принимал свое мужественное и смертельно опасное решение вступить в заговор, не стояла ли перед ним вопрошающая тень его знаменитого предка?.. ■

“Звездные”

Накануне женского праздника — 8 марта своими личными секретами здоровья и хорошего самочувствия с читателями “Смены” делятся известные актрисы, певицы, телезвезды.

Автор телевизионной программы
“Женский взгляд”
Оксана Пушкина:

“Все стрессы снимаю физкультурой”

— У меня все наоборот: люди делают зарядку утром, а я день зананчиваю в спортклубе, потом баня и сон. В спортклубе в первую очередь даю себе часовую кардионагрузку на беговой дорожке, а потом на тренажерах работаю над определенными зонами — животом, задними мышцами, грудью. Если у меня температура или я чувствую недомогание, то все равно иду в спортзал. Встаю на тре-

нажерную дорожку вместо часа минут на двадцать и стараюсь с потом прогнать всю простуду в первый же день.

После спортзала — баня. Примерно час я парюсь. У меня есть пузырек с эвкалиптом, и даже если я сижу в общей парилке, то дышу им, никого не стесняясь. Потом завариваю зеленый или обычный чай и примерно час прокачиваю себя им. После чего чуть-чуть остыну, сажусь в машину и домой. Максимум, что я принимаю из лекарственных средств — это аспирин с витамином С. Начиная с ноября, всю зиму обязательно принимаю витамины. В нашем климате иначе нельзя. Но лучше бани для укрепления иммунной системы нет ничего. Если вы не можете себе позволить часто ходить в баню, достаточно просто посидеть в ванной, попариться под горячим душем — это все из этой же серии.

Если кто-то говорит, что у него нет денег на занятия физкультурой, я в это не верю. На девятый этаж тоже можно подняться пешком, и это заменит вам 15 минут

Рецепты

занятий на тренажере. Можно просто идти быстрым шагом в течение часа: тридцать минут в одну сторону, тридцать в другую. Не надо бежать. Я, например, бегать ненавижу. Быстро хожу, пока не прошибет пот. С потом выходят из организма все шлаки. Короче говоря, движение до пота — вот такая формула здоровья. А после этого надо принять душ и этот пот смыть.

Эстрадная певица
Марина Хлебникова:

**“Предпочитаю
гомеопатию”**

— Единственный врач, услуга которого я пользуюсь доста-

точно часто — это фониатор, профессиональный доктор, который занимается моим голосовым аппаратом. Делает мне масляные горловые вливания, они помогают связкам отдыхать и плотно смыкаться. А в жизни я предпочитаю гомеопатию. Когда заболеваю, принимаю антигриппин или очень хорошие таблетки “Сандра”. Глотаю аскорбинку, отечественные поливитамины.

Из обычных лекарственных средств пью анальгин, ношпу. Терпеть не могу димедрол, но иногда в качестве снотворного могу выпить антигистаминный препарат типа диазолина. Чтобы чуть-чуть пошел сонный эффект, но не было дури при просыпании. Поскольку я все время за рулем — расслабляться нельзя. Пользуюсь рецептами народной медицины. Есть такое растение — лимонник. Завариваешь его и пьешь — очень тонизирует. После бани люблю целиком намазаться медом. Дело в том, что в меду много разных веществ, которые полезны для кожи и для цвета лица.

*Народная
артистка России*
Лариса Долина:

**“Кефир избавил
меня от болей
в желудке”**

— Все наши болячки от неправильного питания. Я по натуре гурман, и одно время страдала от лишнего веса. Потом решила, что пора браться за себя, и изменила свой образ жизни. Села на кефирную диету и за полтора года сбросила 24 килограмма! Кефир омолаживает организм, он выгоняет все шлаки, чистит стенки кишечника и вообще весь организм. Кефир очень полезный продукт, он дает энергетику, снимает чувство голода. Поэтому чем больше мы будем прибегать к его помощи, тем лучше будем себя чувствовать.

Кисломолочные продукты все полезны: творог, кефир, простокваша, варенец. Для взрослого человека вредно молоко, оно полезно детям до семи лет. Сметана полезна только как маска на лицо, потому что от нее очень толстеют. Кефир же можно пить столько, сколько хочется, сколько просит организм. Кроме того, он долго хранится, он очень внос-

ный, его пьешь с удовольствием. Я могу пять дней сидеть только на одном кефире и при этом работать. Я стала прекрасно себя чувствовать, у меня никогда не бывает болей в желудке и для цвета лица это полезно.

За помощью к медикам обращаюсь только тогда, когда у меня что-то болит, если я простужаюсь или у меня что-то со связками, а так не люблю ходить по врачам. Вот недавно я очень сильно простудилась на гастролях, и у меня был острый трахеит. При трахеите очень важно не надрывать голосовые связки, потому что ты можешь лишиться голоса на всю жизнь. Но я не могла отменять концерты. Поэтому принимала такие лекарства, которые меня моментально могут поставить на ноги — колдренкс, терафлюм. Пью шалфей — это очень полезно для горла, для связок. Очень положительно отношусь к витаминам. С детства у меня была плохая осанка, я сутулилась. Но я смогла выровнять спину. Конечно, это очень сложно, первое время было просто больно держать спину ровно. Зато когда привыкла, самочувствие стало совсем другим.

Посещаю тренажерный зал, плаваю в бассейне, проплывая по 250-300 метров за тренировку, начинаюсь, бегаю по беговой дорожке — 20-30 минут на большой скорости при крутом подъеме. Занимаюсь штангой, гирями, на разных тренажерах. Представьте себе, я ногами выжимаю 140 килограммов в положении лежа. Но самая большая нагрузка — это моя гастрольная жизнь, потому что я работаю каждый день трехчасовой концерт, очень много дви-

гаюсь по сцене, так что это тот же спорт. Работа, когда ты ее любишь, когда ты отдаешься полностью и чувствуешь отдачу от зрителей, очень положительно влияет на организм.

**Киноактриса
Наталья
Крачковская:**

**“Три тысячи
шагов в день”**

— Я принадлежу к категории полненьких женщин. Раньше я не ощущала своего веса, всегда была подвижной, веселой, жизнерадостной, легкой на подъем. Но пришло время, когда мой, как говорится, костяк, мой скелет сказал: “Наташа, мне тяжело все это таскать, пожалей меня, сбрось немножко в весе”. И я стала к нему прислушиваться.

Я принимала различные препараты для похудения. Когда появился гербалайф, пила его, наверное, месяцев восемь подряд. Что-то сбросила, но очень немного. А когда перестала пить, набрала все обратно. Потом появились тайские таблетки. Вот с ними я похудела хорошо, но потом снова набрала и даже больше. Если я сбросила 15 кило-

граммов, то набрала 28 – это я честно вам говорю. Конечно, если всю жизнь сидеть на этих таблетках, то вы будете держаться в определенной весовой категории. Но, подумайте, какое количество денег и какие луженые желудки надо иметь, чтобы всю эту заразу в себя принимать? А как только прекращаешь их принимать, моментально все возвращается на круги своя. Получается, что все это только во вред здоровью.

Моя подруга, врач, сказала, что худеть надо грамотно, нельзя в этих вопросах заниматься самодеятельностью. И я стала худеть по науке. Всем, кто хочет избавиться от лишнего веса, надо, во-первых, правильно питаться, во вторых, принимать лекарства, и в третьих, необходимо ежедневно делать три тысячи шагов. Совершенно случайно я открыла лекарство, которое для меня оказалось просто панацеей от всех моих бед. Оно называется “Нсеникал”. Я начала его пить и, представьте себе, у меня, полного и уже не юного человека, пришел в норму холестерин. Исчезло повышенное давление, а ведь я гипертоник, причем очень хороший. У меня нормализовался сон. И, наконец, я сбросила целых 16 килограммов! И мечтаю сбросить еще килограммов десять, чтобы чувствовать себя еще лучше.

*Ведущая телевизионной
программы
“Из жизни женщины”
Алла Будницкая:*

**“Два ведра
ледяной воды —
и простуды
как не бывало!”**

— Каждое утро, лежа в постели, я делаю гимнастику... для ленивых. Эти упражнения мне прислала телезрительница из Барнаула. Они предназначены тем, кому не хочется или у кого нет времени делать зарядку. Едва проснувшись, я растираю уши, лоб и вокруг глаз, затем щитовидку — все с закрытыми глазами. Потом делаю тридцать круговых движений по животу. Потом тридцать толчков животом — втянуть в себя и резко выпятить — это йоговское упражнение. Потом перехожу к ногам, уже с открытыми глазами растираю каждую ступню руками. Я купила деревянную терку и ею массирую ступни. После этого я кладу руки на голову и массирую затылок, а потом тридцать раз постукиваю пальчиками по голове. Эта гимнастика занимает всего 7-8 минут и дарит бодрость и хорошее самочувствие.

Затем я выпиваю стакан свежего сока — грейпфрут с апельсином и лимоном. Это замечательное сочетание, оно содержит уникальный набор витаминов, предупреждает простуды, грипп и другие заболевания. И вообще женщина, которая хочет быть в форме, должна обязательно пить много воды. Софи Лорен, например, выпивает по полтора-два литра воды в день. Но пить надо только фильтрованную воду.

Когда я очень устаю, то делаю несколько дыхательных упражнений “по йоге” и сразу же снижается уровень усталости. Кроме того, йоговское дыхание улучшает работу головного мозга, снимает головную боль. Люблю постоять на голове. Йоговские упражнения растягивают мышцы, которые становятся как резиновые, не деревенеют с возрастом. И это благоприятно отражается на фигуре и самочувствии.

В случае недомогания и простуды мне помогает обливание ледяной водой. Я выхожу на улицу босиком и обливаюсь двумя ведрами холодной воды. И это меня излечивает. Таким же образом я лечу своих внуков. Как только поднимается температура, под дикий визг и крик я обливаю их ледяной водой, и температура сразу спадает. У меня большой запас трав на всякие случаи жизни, и от болезней тоже. Сейчас, слава Богу, травы продаются во всех аптеках. И это, я считаю, самое лучшее лекарство для нас, женщин.

*Народная
артистка СССР*
Эдита Пьеха:

**“Лечусь теплым
пивом с яичным
желтком”**

— Одно из самых лучших лекарств — это движение. Я каждое утро прохожу 5-6 километров спортивной ходьбой. Недавно очень сильно подвернула ногу, растянула связки, но, несмотря на это, крепко бинтовала ногу и отправлялась гулять вокруг госпиталя. Делала шесть кругов — это пять километров сто метров. Спортивная ходьба повышает тонус, улучшает кровообращение и организм начинает работать, как отлаженный мотор на качественном бензине.

Мама научила меня лечиться от простуды теплым пивом со взбитыми яичными желточками. Поэтому лекарства я принимаю только в крайнем случае — это все-таки химия. Очень люблю травы. С удовольствием пью настои из шиповника, мальвы, ромашки, липы. Очень вкусный напиток получается из ягод можжевельника. Ведь прославленный джин — это настойка обыкновенной водки на ягодах можжевельника. А если сделать паровую баню из ягод можжевельника, то получается очень нежный напиток, который

обладает целебным свойством выводить лишнюю жидкость из организма.

Недавно я сделала ожог лица по испанской технологии. На лицо наносится специальный бальзам, который снимает верхний слой старой кожи толщиной примерно пол-миллиметра. Это вызывает страшную гиперемию, лицо делается цвета свеклы. И я два месяца ходила с таким лицом, под бинтами. Мне регулярно делали перевязки, причем под наркозом. Выйдя из клиники, я еще два месяца ходила под гримом, так как лицо постепенно обретало свой нормальный цвет. Конечно, я потеряла много времени, но не жалею об этом, потому что это очень хорошая процедура. После нее все морщины уходят, лицо становится гладким, хотя в моем возрасте уже давным-давно что-то должно было бы висеть. Но мне обращались многие артистки, в том числе Елена Образцова, и я всем рекомендовала этот метод.

*Народная
артистка России*
Людмила Чурсина:

**“Травы вместо
антибиотиков”**

— По молодости нам кажется, что здоровья и энергии хватит на

десятилетия, а когда потихонечку все начинает рассыпаться, думаешь: Боже мой, когда же это произошло? И понимаешь, что всю жизнь мотаясь по стране, меняя регионы, климаты, часовые пояса, нарушая режим сна, питаясь в каких-то непонятных студийных столовых (да и театральные столовые оставляют желать много лучшего), ты подрывала свое здоровье. Лечиться же было всю жизнь некогда. То воспаление легких, то бронхиты, то простуды с температурами — все переносила на ногах. Поэтому здоровье уже находится, как говорится, в запущенном состоянии. Но мне помогает траволечение. Пью алоэ, так называемые грудные сборы № 2, №3.

Таблетки стараюсь пить как можно меньше. Вот сейчас у меня то ли обострился бронхит, то ли воспаление легких. Так один врач мне выписал четыре таблетки по три раза в день, другой — три таблетки по три раза в день и ингаляцию. Я, руководствуясь своим необразованным в медицинском плане умом и интуицией, подумала: если я все это количество обрушу на свой уже в общем-то достаточно пострадавший от этой жизни и профессии организм, то что же с ним будет? Зачем же мне себя травить? Ведь антибиотиками, которыми нас пичкают при любом недомогании, мы сажаем свою иммунную систему практически с детства, с юности. А восстанавливать ее очень сложно. Хотя, конечно, бывают какие-то крайние ситуации, когда антибиотики — это благо.

Целебными свойствами обладает вода. Я очищаю воду по ме-

тоду Иванова. Сначала отстаиваю ее в серебряном чайнике. Потом ставлю воду на четыре часа в морозильник. Там образуется небольшая наледь, как на лужах при первых заморозках. Затем достаю ее, скальваю эту наледь и опять ставлю воду в холодильник уже на 8-9 часов. За это время вода полностью замерзает и образуется ледяное "колесо" хрустальной чистоты. А посередине этого "колеса" обычно бывает выпуклость бурого цвета, если вода очень грязная. Я ставлю замороженную воду под струю теплой воды, вымываю весь этот грязный бульон. Затем уже чистой водой омываю это ледяное "колесо", колю его на части и кладу в кастрюлю — вода готова к употреблению.

Когда наступает черная полоса, я просто ставлю музыку и танцую под нее — час, два, три. Делаю всевозможные гимнастики, начиная от дыхательной и кончая йоговской. В крайнем случае, обращаюсь к людям, которые помогают убирать слезы. Я в это верую, потому что любой взгляд, посыл, жест имеет энергию, любая мысль материальна. А скольким людям мы бываем неуютны, даже не потому, что мы такие плохие, просто потому, что жизнь жестокая. Поэтому иногда хочется, чтобы тебе помогли немножечко почистить ауру, восстановить биополе. Но я очень редко этим пользуюсь, потому что это тоже вторжение в мою энергетину, и Бог знает, как может отразиться на здоровье.

*Народная
артистка России*
Людмила Сенчина:

**“Плавание
в реке — залог
здоровья”**

— Большую часть года я живу на даче. Каждый день совершаю длительные прогулки в лесу, бегаю, занимаюсь гимнастикой, то есть все время тренируюсь. И всех призываю к движению. Я понимаю, что бывает трудно себя заставить выйти на улицу. Особенно, если погода плохая или пришла домой после работы усталая и кажется, что уже нет сил на то, чтобы заняться собой, своим здоровьем. Но если удается преодолеть себя, то обязательно бываешь вознаграждена. Даже короткая прогулка снимает усталость и улучшает самочувствие.

Сколько раз меня пытались затащить в заморские круизы и все бесполезно. Если бы мне даже выделили персональный самолет с душем, с ванной — не хочу! Я с удовольствием плаваю в обыкновенной речке и никаких шинарных бассейнов мне не надо. Уединение, общение с природой доставляет мне ни с чем не сравнимую

радость. А хорошее душевное состояние — это залог физического здоровья.

Сегодня многие женщины сталкиваются с проблемой лишнего веса. И для того, чтобы похудеть, принимают разные лекарства, глотают в огромном количестве таблетки, ожидая быстрого эффекта. Но все это рано или поздно может выйти боком, потому что это неестественно. За последние два года я похудела на 20 килограммов, не прибегая ни к каким лекарственным препаратам. Мне помогла в этом диета. В основном я ем овощи, иногда рыбу и очень редко курицу.

Я считаю, что человек должен обязательно любить себя, потому что жизнь — это высший дар. Я никому не завидую, не выясняю ни с кем отношений. Потому что если будешь огорчаться, злиться, то навредишь прежде всего самой себе. Все отрицательные эмоции отражаются на лице — на нем появляются морщины, становится хуже цвет лица. Бог дает человеку жизнь, здоровье, определенные органы для того, чтобы человек цвел, берег их, не осквернял, относился к этому дару, как к святыне. Надо беречь свое здоровье, уважать и любить себя. И если человек в принципе к себе хорошо относится, то он и к другим людям будет хорошо относиться.

Эстрадная певица
Анне Вески:

**“Собака —
мой лучший
тренер”**

— Для того, чтобы сохранять здоровье и прекрасную форму, надо завести собаку, которая тебя каждый день выгуливает. Тебе лень, а она все равно заставляет тебя идти с собой в лес. Я очень люблю животных, они обладают целительными качествами, успокаивают нервную систему. Побегашь с собакой, попрыгаешь, побросашь ей мячик, понагибашься за палкой — это же самая лучшая зарядка! Ну, и на велосипеде надо кататься. А еще надо дома иметь пару тренажеров и обязательно сауну. Нинание мази так не помогают, как сауна: старую кожу снимаешь и появляется новая. ■

Записал

Игорь ЛОГВИНОВ.

Фото:

**А. Басалаева,
К. Курашова,
С. Иванова,
Б. Семенова,
В. Федоренко.**

"АЭРОФЛОТ - РОССИЙСКИЕ АВИАЛИНИИ" ПРЕДСТАВЛЯЕТ
программу премирования часто летающих пассажиров
"АЭРОФЛОТ БОНУС"

**Летайте чаще -
летайте первым и
бизнес-классами -
летайте бесплатно!**

Наберите необходимое количество баллов из расчета **"один балл - один километр полета"** (при условии оплаты авиабилета по соответствующему тарифу), и **бесплатный билет Ваш**. За полет первым и бизнес-классами Вы можете получить дополнительные баллы.

30 000 баллов - бесплатный авиабилет в один из городов европейской части России

50 000 баллов - бесплатный авиабилет в Европу

более **70 000** баллов - бесплатный авиабилет в Северную Америку или Азию

Указанное количество баллов соответствует бесплатному авиабилету экономического класса. Порядок начисления баллов и оформления премиальных авиабилетов, а также условия их использования подробно изложены в правилах программы "Аэрофлот Бонус".

Если Вас заинтересовала новая программа Аэрофлота, присоединяйтесь!

Информация о программе

тел.: (095) 723-82-60;
www.aeroflotbonus.ru

АЭРОФЛОТ

Российские авиалинии

Претензии соседей неосновательны

*"Я проживала с мамой в непри-
ватизированной коммунальной
квартире, мы занимали две комна-
ты. В третьей комнате живет мать
одиночка с ребенком. Мама умер-
ла, и соседка претендует на одну
из наших комнат. Действительно
ли у меня могут отобрать комнату?"*

А.К. Николаева, Иркутская обл.

По правилам, установленным ч.2 ст.46 Жилищного кодекса РСФСР, освобождающееся изолированное жилое помещение в квартире, занимаемой несколькими нанимателями, передается тому нанимателю, который нуждается в улучшении жилищных условий или имеет жилую площадь менее установленной нормы на одного человека. Речь идет об освобождающихся жилых помещениях, то есть тех, в которых после смерти нанимателя не остается совершеннолетних членов семьи, которые могли бы быть признаны нанимателями в порядке ст.88 Жилищного кодекса РСФСР. Таким образом, если вы с мамой занимали две комнаты по одному договору найма, то комната не считается освобождающейся, ее не передадут другому нанимателю, и

договор найма должен быть пере-
оформлен на ваше имя.

Часть участка прилагается

*"Имею собственный дом и уча-
сток земли, закрепленный за до-
мом. Я не имею права собствен-
ности на землю, но мне хотелось
бы, чтобы часть участка перешла
к моему сыну, и он мог построить
там свой дом. Каким образом я
могу это сделать?"*

Л.И. Тимофеева, Мурманская обл.

Если земельный участок нахо-
дится у вас не в собственности, а
закреплен за домом на праве поль-
зования, то передать кому-либо
часть участка вы можете путем пе-
редачи в собственность части до-
ма. В соответствии со ст.37 Зе-
мельного кодекса РСФСР при пере-
ходе права собственности на стро-
ение, сооружение или при передаче
их другим гражданам вместе с эти-
ми объектами переходит и право
пользования земельным участком.
Если право собственности перехо-
дит к нескольким собственникам,
права на землю переходят в разме-
ре пропорционально долям собствен-
ности на строение, сооружение.

Вы можете заключить с сыном
один из договоров передачи части
дома в собственность: купли-прода-
жи или дарения, а затем после со-
ответствующей регистрации дого-
вора оформить новые документы о
праве на земельный участок в ад-
министрации по месту нахождения
дома.

Пенсию можно восстановить

*"Семь лет назад мои родители
уехали в Израиль на постоянное
место жительства. Сейчас они хо-
тят вернуться в Россию. Возмож-*

но ли это? Может ли им быть восстановлена пенсия, которую они получали до отъезда?"

В.С.Гридина,

Ленинградская обл.

Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию. Это право установлено ч.2 ст.27 Конституции РФ, а также Федеральным законом от 15.08.96 г. "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию". В соответствии с ч.2 ст.2 Федерального закона гражданин России не может быть лишен права на въезд в Российскую Федерацию.

В описанном вами случае пенсия за время проживания в иностранном государстве будет выплачиваться в соответствии с положениями Закона РФ от 2.07.93 г. "О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы Российской Федерации" в порядке, установленном пенсионным законодательством Российской Федерации.

Гражданам, возвратившимся в Российскую Федерацию, пенсия выплачивается за все прошлое время, когда пенсия не получалась, но не более чем за три года перед обращением за ее получением. Для получения пенсии после возвращения в Российскую Федерацию на постоянное жительство вашим родителям необходимо представить в орган социальной защиты населения соответствующее заявление и выписку из внутреннего паспорта с отметкой о регистрации по месту жительства на территории Российской Федерации.

Ответственность зависит от обстоятельств

"Заклучил договор с сельхоз-предприятием о перевозке на моей машине продуктов питания. По не зависящим от меня обстоятельствам молочные продукты по дороге испортились. Мне предъявили иск о возмещении ущерба. Должен ли я отвечать за испорченные продукты?"

Г.Н.Савичев, *Липецкая обл.*

Условия и пределы ответственности перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) груза или багажа установлены в ст.796 Гражданского кодекса РФ. Перевозчик несет ответственность за несохранность груза, происшедшую после принятия его к перевозке и до выдачи получателю груза или лицу, уполномоченному на получение груза.

Если вы считаете, что порча груза произошла не по вашей вине, а вследствие обстоятельств, которые вы не могли предотвратить, и устранение которых от вас не зависело, то на вас возлагается обязанность в случае спора доказывать это в суде. При этом документы о причинах несохранности груза (номерческий акт, акт общей формы и т.д.), составленные перевозчиком в одностороннем порядке, не имеют обязательной силы, и будут оцениваться судом в общем порядке. Также вы можете представить другие документы, подтверждающие обстоятельства, на которые вы ссылаетесь.

Ольга КОРЫТКО,

*адвокат, консультант "Смены"
по юридическим вопросам*

ДАНКО

Молодой певец, выступающий под псевдонимом Данко, заканчивал не музыкальное училище и не консерваторию, что было бы более естественно для певца, а... балетное училище и в свои 25 лет уже успел объездить почти весь мир вместе с Большим театром. Правда, танцуя, он еще играл на гитаре и исполнял романсы собственного сочинения.

Однажды, после сольного концерта, к нему подошел бывший бас-гитарист известной когда-то группы "Автограф" Леонид Гуткин и предложил работать вместе. Вскоре появился первый видеоклип "Московская ночь", музыку к этой песне написал Л. Гуткин, а слова — М. Аничкин. Следующие видеоработы оказались также удачными — "Делай раз" и "Малыш". Талантливого юношу заметили за границей. В Польше на всех радиостанциях зазвучала композиция "Русские идут" на английском языке, а в Германии на эту же песню, которую Данко исполнил дуэтом со шведской певицей Намиллой, участницей распавшегося коллектива "Армия любовников", делается пять аранжировок. В выпуске дебютного альбома "Данко" приняли участие: солист группы IFK Павел Филиппенно (сын известного актера), Дельфин, Александр Шевченко... Сейчас Данко учится на третьем курсе продюсерского факультета ГИТИСа и снимается в фильме Нелли Гульчук "Формула счастья" вместе с Михаилом Боярским, Натальей Андрейченко и Юлей Началовой.

— Вы тщательно скрываете свое настоящее имя. Вам больше нравится сценический псевдоним?

— Шоу-бизнес, которым я теперь занимаюсь, диктует свои законы. Должен быть какой-то секрет, тайна, чтобы людям было интересно, поэтому свое имя я не афиширую. А кто знает меня давно — зовет, как ему нравится. На Данко я тоже отзываюсь.

— А это связано с героем Матвея Горького?

— Вот оттуда и пошло! Когда я еще в школе учился, мы ставили спектакль "Горящее сердце". Я, видимо, хорошо сыграл главного героя...

— Вам не пришлось "ломать" себя, ведь раньше вы занимались балетом?

— Ни в коем случае! Популярная музыка или, как сейчас говорят, "попса", если качественно сделана — своего рода искусство. Мне перестраиваться не пришлось, это просто другой жанр, а пробовать себя в разных жанрах безумно интересно. Главное, быть профессиональным в том, что делаешь. Тем более, пел я всегда. Моя мама — педагог по вокалу, и я был этаным "маленьким вундеркиндом Лоретти". Солировал в хоре и выступал в лучших российских концертных залах.

— В балет вас тоже мама привела?

— Да, и поэтому настороженно отнеслась к моему увлечению эстрадой: "Ты, что, Большой театр — это так солидно, а остальное — так себе, игрушки!" А я чувствую, что танцы — не совсем мое, хотя балетная подготовка очень помогает в музыкальной карьере, где без пластичности и профессиональной хореографии не обойтись. Привитое с детства чувство ритма позволяет мне создавать ощущение танца даже в самых хаотичных движениях, которые присутствуют в современной музыке.

— А в камерном жанре больше не выступаете?

— Сейчас просто некогда — приходится много работать. Самое противное — когда не удается выспаться. Например, кон-

церт в ночном клубе заканчивается в четыре, а в семь уже сплывешь в аэропорт. Да еще рейс задерживают! Сидишь, мерзнешь, а ведь потом надо быть веселым, заводным перед публикой. Однажды летел я на гастроли в Мурманск, и вдруг — нелетная погода. Посадили нас в Петербурге. Парень, с которым познакомились в самолете, предложил съездить к его другу. Не пять часов же в аэропорту сидеть. Проехали через весь город, а его дома не оказалось. Зато весь Питер посмотрели.

— Вы постоянно меняете свой внешний облик. Это так важно?

— Для меня — нет, я вне сцены одет просто: без выкрутасов, даже могут и не узнать на улице. Но для зрителей нельзя "застывать" в одном образе, необходимы перемены. Причем дело не только в прическе, например, а в содержании и стиле песен. Мой новый альбом, который скоро по-

явится, будет серьезнее и лиричнее первого. Еще я планирую записать пластинку полностью на английском языке.

— Как-то на музыкальном канале проходила викторина, посвященная вашему творчеству. Ее победителем стал молодой человек. Почему-то считала, что среди ваших поклонников только девушки...

— Представьте, самые активные почитатели — омововцы с непроницаемыми, суровыми лицами. Только кончится концерт — они первые в очереди за автографом.

— Вы поете только о любви...

— Любовь, пожалуй, единственное, ради чего мы все живем. К тому же, это чувство многогранно и всеобъемлюще: если какое-либо дело делаешь с любовью (неважно какое: строишь заводы, пишешь книги), то оно "обречено" на удачу. ■

Беседовала

Ольга БЫСТРЫХ.

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
X международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

19. Л. ЛЕБЕДЕВ
Беларусь

б) Kc4-b8 в) Cg1-g8 # 2

20. Н. АКИМОВ
Казахстан

2

21. В. ШУМАРИН
Москва

2

22. В. ИВАНОВ
пос. Повенец, Карелия

2

23. Б. ЖЕЖЕРУН
Украина

2

24. А. КОШЕЛЬКОВ
Псков

2

25. Ш. АНБУЛАТОВ
Красноярск

3

26. Э. НАГОВИЦЫН
Ижевск

3

27. Е. БОГДАНОВ
Украина

3

28. Г. КОЗЮРА
Украина

3

31. Л. ПРОНИН
Москва

4

34. В. ГРЕБЕШНОВ
пос. Середка
Псковской обл.

б) Kрb2-a3 # 5

37. В. МОРОЗОВ
Москва

б) Kh1-f8 # 8

29. А. ВАРИЦКИЙ
Беларусь

3

32. В. КОВАЛЕНКО
г. Большой Камень
Приморского кр.

б) Kрh3-h2 # 4

35. А. ТОГЕР
Израиль

б) n.d4-c5 # 5

38. С. ТКАЧЕНКО
Украина

8

30. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

3

33. М. МАТРЕНИН
г. Колпино
Ленинградской обл.

б) n.a3-a4 # 4

36. Х. ГРУДЗИНСКИ
Польша

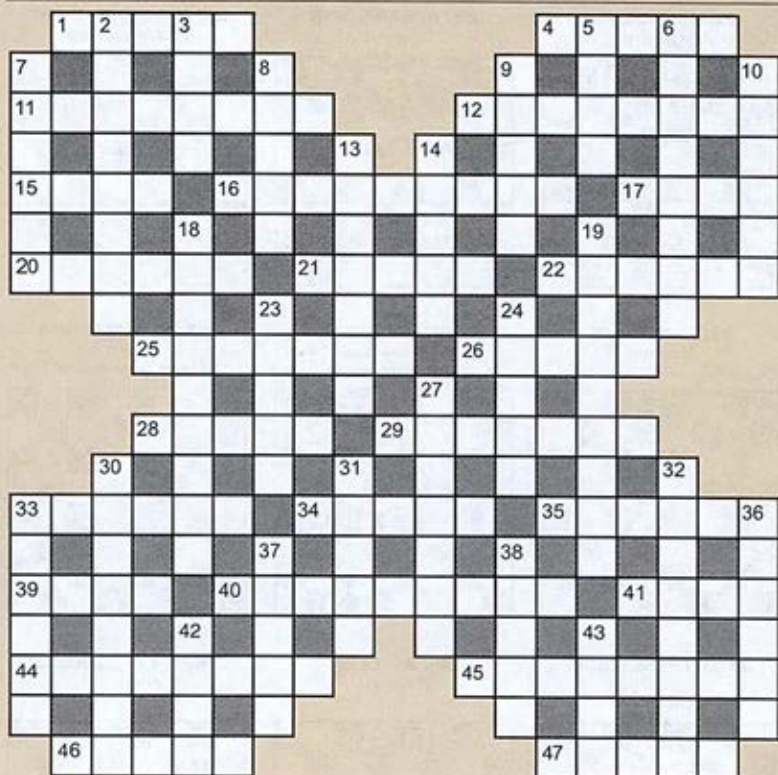

6

39. Н. ЗИНОВЬЕВ
Казахстан

11

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Человек с начатными мышцами. 4. Стунач в детстве. 11. Русский художник-авангардист, шокировавший обывателей: "Мы идем рука об руку с малярами". 12. Насекомое, чьи личинки питаются в основном тлями. 15. Целитель. 16. Бараний коллективизм, свойственный и людям. 17. Подручный сатаны. 20. Металл, который одни ученые считают самым тяжелым, а другие — вторым после осмия. 21. Древний город, где жил инок Филофей, сказавший о Москве: "Два Рима пали, третий стоит, четвертому не бывать". 22. Второй в истории шахмат чемпион мира. 25. Русский поэт, друг П. Чайковского. 26. Самая "умная чаша". 28. Миланская пинакотена, одна из крупнейших картинных галерей Италии. 29. Каждый из трех веселых друзей в экипаже машины боевой. 33. Ангер, сказавший, что Э. Рязанов снимает тание

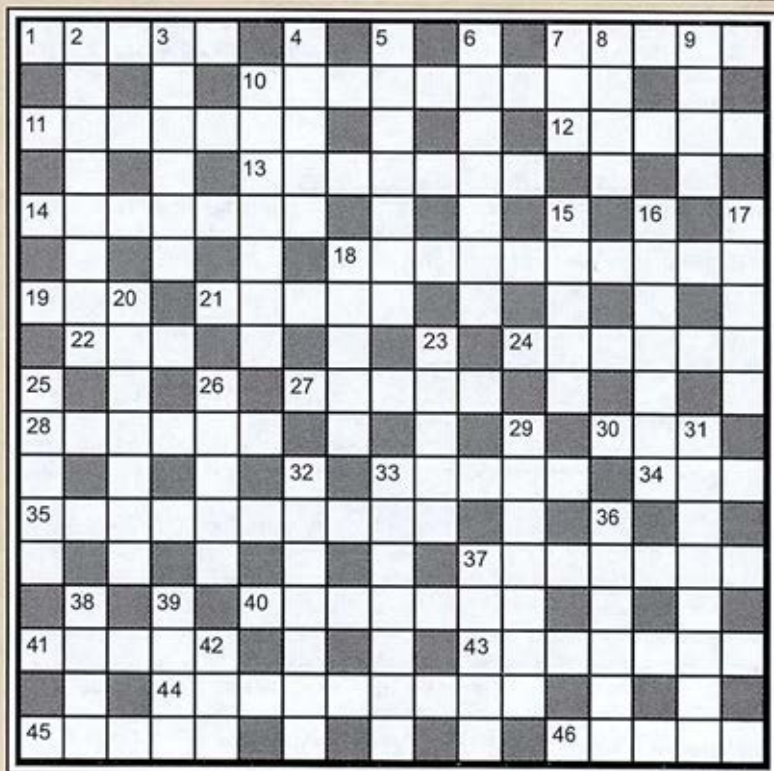
фильмы, какие ему самому хочется посмотреть. 34. Лягушкохватательница. 35. Крик Архимеда, голым высочившего из ванны. 39. Богатство, какое можно случайно вырыть. 40. Балет П. Чайковского. 41. Азартная карточная игра, в которую резался гоголевский Хлестаков. 44. Железная болезнь. 45. Театральный деятель, основатель театрального музея в Москве. 46. Танси для чунчи. 47. Ядовитое дерево из одноименного стихотворения А. Пушкина.

По вертикали. 2. Самоцвет, символизирующий влюбчивость и надежду. 3. Каждый из нас. 5. Яма под мельничным колесом, превращенная В. Маяковским в кипучую жизнь. 6. Бессмысленное заучивание, не прибавляющее знаний. 7. Д. Оруэлл считает, что их надо снять с молока, прежде чем подливать его в чай. 8. Громное музыкальное исполнение. 9. Зимний меховой мешок для рук. 10. Шлаг, ставший подручным Штирлица. 13. Каждый из жителей приморского города, которых можно удивить лишь тем, чего никогда не было, а то и быть не может. 14. Дон Кихот говорит Санчо Пансе, что "ничто так не ожесточает сердца бедняков, как... и дороговизна". 18. Самая употребительная мера рассеивания, т.е. отклонения от средней величины в математике. 19. Одинаковость, полезная лишь по отношению к закону. 23. Купец-удалец в русской песне. 24. Глаза, которые заливают. 27. Закуска, сорванная с оливы. 30. Дорога на высоком уровне. 31. "Вторая голова" мальчишка, найденная Умной в известном мультфильме. 32. Засухоустойчивое ореховое дерево, залегающее высоко в горы. 33. Роман, написанный А. Куприным в Париже. 36. Полынная настойка, запрещенная во Франции, так как быстро ведет к алкоголизму. 37. Немецкий поэт, в мае 1848 года в последний раз вышедший из дома, чтобы побывать в Лувре. Потом он уже не вставал с постели. 38. Шофер, которому скорость дороже жизни. 42. Перепись товаров в магазине. 43. Приправа, бьющая в нос. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 7. Эскудо. 10. Ехидна. 13. Лимон. 14. Ритон. 15. Низанье. 16. Симонов. 17. Инок. 19. Диво. 20. Мираж. 22. Фаянс. 23. Унтер. 24. Шаврина. 27. Ленау. 28. Борть. 31. Зацеп. 35. Юмор. 36. Роды. 37. Доверие. 39. Ракетна. 41. Катет. 42. Гонна. 43. Тореро. 44. Отиатр.

По вертикали. 1. Ясли. 2. Гуманист. 3. Сонька. 4. Мерида. 5. Щитовник. 6. Анно. 8. Низим. 9. Донор. 11. Химия. 12. Донос. 18. Чатуранга. 21. Журавль. 22. Француз. 25. Прометей. 26. Введение. 28. Бювар. 29. Рорер. 30. Тритон. 32. Арагон. 33. Цокот. 34. Пытка. 38. Оноп. 40. Нато.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Класс "Святой Анны", на которой В. Визе в 20-х годах XX века открыл остров, названный его именем. 7. Покрывало, каним женщина в средние века закрывала, разговаривая с мужчиной, нижнюю часть лица. 10. Древнеримский раб-боец, носивший в бою на правой ноге гамашу, на левой — бронзовую поножь. 11. Мера, равная 46 килограммам, в странах испанского и португальского языков. 12. Русская первооснова американского бейсбола. 13. Город, где фиванское войско под началом Эпаминонда впервые разбило армию Спарты. 14. Смех сквозь слезы. 18. Цветок, называемый в народе "оном дня". 19. "Джен..." — лучший роман Ш. Бронте. 21. Синичка, выщая закрытое гнездо, свисающее над водой. 22. В мифе литовцев сказано, что "Перун выезжал из своего великолепного замка и расчесывал зеленый...". 24. Французский живописец XX века, говоривший, что он "чувствует цветом". 27. Токсин, из-за которого вблизи грецкого ореха не растут другие деревья. 28. "Элинсир молодости" древних греков. 30. Французский писатель, проживший 82 года, как и боготворимый им Гете. 33. Писатель, родством с которым гордился Р. Стивенсон. 34. Берег, граница, конец у армян. 35. Голос З. Волконской, вос-

хищавший Россини. 37. Государство, чье название состоит из фамилии немецкого композитора и названия немецкой рени. 40. Советник от дворян уезда при губернаторе в России. 41. Морда волна или собаки в речи охотников. 43. Духовная ориентация в вечности. 44. Город, желтый в произведениях Д. Григоровича и Ф. Достоевского. 45. Греческий скульптор, к которому наиболее приложимы слова И. Виннельмана об "идеале благородной простоты и спокойного величия искусства древних". 46. "Двигатель" большинства географических открытий.

По вертикали. 2. Лондонский телеграфист, купивший у букиниста "Трактат об электричестве и магнетизме" Максвелла и при внимательном изучении его создавший операционное исчисление и многое другое. 3. В бытность В. Арсеньева Дерсу Узала был гольд, а теперь он был бы... 4. Два ряда лип, под сенью которых хорошо думается. 5. Синонимы везувиана: агат стеклянный, везувианжад, вилуит, гиацинтин, гиацинт ложный, жаад американский, ...изумруд вилюйский, нефрит американский, хризолит торговый. 6. Патриархальная семейная община у южных славян. 7. Вечный раб ярма. 8. Химический элемент, приведший А. Беннереля к открытию радиоактивности. 9. Время, в арабской средневековой философии сравнимое с молодостью. 10. Ученый, чье письмо содержит книга, вышедшая форматом 12x15,7 мм в 1896 году в Падуе. 15. Обычай в феодальной Франции, по которому сеньор мог потребовать, чтобы ему выделили часть общинных угодий. 16. Блестящие знания выпускника школы. 17. Ученый, при жизни удостоенный титула "Король математиков". 18. Немецкий живописец, которому отец дал имена в честь Норредню и Рафаэля. 20. Площадка на паруснике, с которой бросали ручной лаг. 23. Итальянский священник, основавший орден салезианцев. 25. Лицо, каное еще наесть надо. 26. Горная порода, часто богатая вольфрамовыми, железными и медными рудами. 29. Полководец, умеющий предвидеть. 31. "Записки у изголовья" придворной японки Сэй Сэнагон по жанру. 32. Представитель народа, который в Италии называют абрешами. 33. Чувство, вгоняющее в краску и сильное смущение. 36. Праздник, к которому готовился город в "Марбурге" Б. Пастернака. 37. Самый знаменитый сенбернар — под Парижем ему поставили памятник. 38. Родная страна знаменитой собирательницы и исполнительницы народных песен Виолетты Парра. 39. Стихотворение "Я иду долиной. На зытлке..." С. Есенин написал сразу после возвращения из Константинова. 42. Самая популярная туристическая местность в Северной Осетии. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 1. Ясень. 7. Сбег. 11. Георгий. 12. Реванш. 13. Эссе. 15. Шлейермахер. 16. Кастет. 18. Цапля. 21. ...миф... 22. Идол. 23. Детская. 24. Гений. 27. Охотовед. 28. Лужичане. 30. Шушун. 31. Пипетка. 32. Джеб. 33. ...час... 34. Хафиз. 39. Натрен. 40. Битяговский. 42. Аруз. 43. Юнатан. 44. Митенки. 45. Жрец. 46. Унион.

По вертикали. 2. Севастополис. 3. Нанаяц. 4. Целлулоид. 5. Дрейф. 6. Сихра. 8. Босх. 9. Гаер. 10. Фрюнктидор. 13. Зак. 14. Сепия. 17. Татев. 19. Детуш. 20. ...Остин... 21. Махаджирство. 24. Горец. 25. Нерна. 26. Щербинина. 28. Лунатична. 29. Жулин. 31. Памир. 35. Заинин. 36. Вяз. 37. Нотин. 38. Ессеи. 40. Бадж. 41. Туше.

22–25 марта
2001 года

Всероссийский Выставочный
Центр (павильон № 5)

Организаторы: Министерство образования Российской Федерации и Государственная организация "Международное образование"

Образовательные услуги

(российские и зарубежные учебные заведения и фирмы, представляющие обучение за рубежом; дистанционное образование; новейшие информационные технологии, интернет)

Производители и дистрибьютеры продукции для системы образования

(новые программы и программные продукты, мебель для учебных заведений, школьная одежда, приборы и оборудование для учебных кабинетов, учебные пособия, канцелярские товары, спортивное оборудование, развивающие игры и т.д.)

Печатные издания, книги

В рамках выставки пройдут семинары с участием российских и зарубежных специалистов, руководителей Министерства образования Российской Федерации.

ОБРАЗОВАНИЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ — НА ЯРМАРКЕ 2001 ГОДА!

Оргкомитет выставки: тел.: 954-51-95,
тел./факс: 954-17-32, e-mail: edex@ins.ru

ГО "Международное образование"

предлагает: образовательные программы за рубежом в государственных и частных учебных заведениях (языковых центрах, общеобразовательных школах, колледжах, университетах) и консультации по вопросам обучения за рубежом.

Тел./факс 954-54-14,
тел.: 954-50-47
e-mail: edex@ins.ru

Ярмарка профессий-2001

Международная выставка - высшее образование и трудоустройство

Разделы выставки

- Высшее образование в России и за рубежом
- Новые технологии обучения, дистанционное обучение
- Корпоративное и непрерывное обучение
- Послевузовское обучение, второе высшее образование
- Трудоустройство лиц с высшим образованием
- Повышение квалификации и переквалификация
- Автоматизированные системы проверки знаний и тестирования
- Профреабилитация и получение высшего образования лицами с ограниченными возможностями

Организаторы выставки:

Культурно-выставочный центр "Сокольники"
Образовательный центр "Бакалавр"

При поддержке Министерства образования Российской Федерации
и Министерства труда и социального развития Российской Федерации

**12-15
апреля 2001**

Россия, Москва

Культурно-выставочный центр "Сокольники"

07113 Москва, Сокольнический вал, 1

тел.: (095) 268-9520

Факс: (095) 268-0891, 268-9520

e-mail: kv@expsookol.ru

http://www.proffair.ru

КУЛЬТУРНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР
СОКОЛЬНИКИ

Информационные спонсоры

НОУ Школа-пансион "НОП центр"

(Научно-образовательный производственный центр)

Генеральный директор — член-корреспондент Академии менеджмента в образовании и культуре, канд. техн. наук
СМИРНОВ Владимир Николаевич.

Основана в 1993 году.

Лицензия № 909090. Свидетельство о гос. аккредитации № 0006927

Главного управления образования М.О.

Расположена в лесном массиве на берегу реки Воря в экологически чистом, тихом, живописном месте ближайшего Подмосковья, в 1 часе езды от ст. м. "ВДНХ". КРУГЛОГОДИЧНО принимает детей из любых регионов России и СНГ на непрерывное индивидуализированное обучение по программам Российского государственного стандарта и международной программе "Школа Завтрашнего Дня" в детский сад (с 4,5 лет) — школу — вуз в условиях полного ПАНСИОНА.

В классе до 10 учеников. Выявление и развитие способностей и резервных возможностей ученика, переход одаренных детей в старшие классы в течение учебного года. Индивидуальные занятия с отстающими. Медико-психологическая служба, массаж, логопед. Спортивно-оздоровительная программа (футбол, волейбол, настольный теннис, тренажерный зал, лыжи, восточные единоборства, бассейн, лесные походы).

Раздельное обучение и местонахождение дошкольной группы, начальной школы и старшекласников.

На базе своей кухни и столовой под руководством диетолога организовано шестизразовое питание детей. Работают кружки по интересам (танцевальный, театральный, изостудия, макраме, компьютерный и пр.). Можно получить музыкальное образование на различных инструментах с выдачей госаттестата.

Проводится довузовская подготовка старшекласников с ориентацией на выбранный вуз, специализация в области лингвистики, информационных технологий, юриспруденции и экономики. Параллельное обучение на 1 курсе Московской академии экономики и права с последующим переводом после окончания "НОП центра" на 2 курс академии. Стажировка в Англии и США.

Выпускники "НОП центра" получают государственный аттестат, международный сертификат "Школы Завтрашнего Дня", удостоверение "Референт-переводчик" и "Пользователь персональным компьютером".

Московская обл., г. Красноармейск	(095) 746-20-77
ул. Строителей, 1-А	(095) 584-16-90
(40 км от МКАД по Ярославскому шоссе)	(095) 537-26-38
Филиал в г. Химки, пос. Новогорск	(095) 572-01-92
Березовая аллея, 9-А	571-23-84
(м. Речной вокзал)	

Университетская математическая школа

Подготовительные курсы
в МГУ им. М.В. Ломоносова.
Компьютерные курсы для всех.

- **МАТЕМАТИКА**
- **ФИЗИКА**
- **СОЧИНЕНИЕ**

Указанные предметы
для учащихся
8-11 классов

- **НАЧАЛЬНАЯ
КОМПЬЮТЕРНАЯ
ПОДГОТОВКА**
- **КОМПЬЮТЕРНОЕ ДЕЛО-
ПРОИЗВОДСТВО**
- **КОМПЬЮТЕРНАЯ
ГРАФИКА И ОБРАБОТКА
ИЗОБРАЖЕНИЙ**
- **ИНТЕРНЕТ**
- **WWW-ДИЗАЙН**

939-45-25

Нруглосуточно

**Московский Государственный Институт
Стали и Сплавов Технологический уни-
верситет** — ведущий вуз страны по под-

готовке инженерных и научных кадров в области металлургии и материаловедения; производства и обработки металлов, композиционных, порошковых, сверхпроводящих и полупроводниковых материалов; разработки перспективных материалов и технологий; ресурсосбережения и экологии; сертификации и управления качеством; экономики и управления; информатики и АСУ.

Обучение ведется по 25 специальностям и направлениям подготовки на 8 факультетах дневного отделения и Вечернем факультете.

Проводятся два вступительных испытания: по математике и русскому языку (кроме Гуманитарного факультета).

Возможно обучение на контрактной основе, в том числе по дистанционной (заочной) форме.

В институте есть военная кафедра.

Подготовительный факультет института проводит рейтинговое тестирование, результаты которого учитываются при зачислении в институт, и организует занятия на подготовительных курсах.

**Адрес института: Москва, Ленинский пр-т, д.4,
м. "Октябрьская"-кольцевая.**

Тел. 236-9964 (автоответчик), 236-3078.

Адрес страницы в Интернет: www.misis.ru.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ СТАЛИ И СПЛАВОВ
Технологический университет
МИСИС

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА И СТРОИТЕЛЬСТВА

550 преподавателей (40 док. н., 340 канд. н.)

Формы обучения: очная, очная (интегрированная), очно-заочная, заочная. По интегрированной, очно-заочной форме обучения и на подготовительном отделении могут обучаться лица, проживающие и работающие в Москве и Московской области. Прием документов: на заочную и очно-заочную формы обучения — с 23.04.01. по 05.09.01.; на очную — с 25.06.01. по 11.07.01. Конкурс 2-4 человека на место в зависимости от специальности и формы обучения. Проходной бал 21-28 из 30. Имеются платные подготовительные курсы, подготовительное отделение. МИКХиС имеет учебные подразделения в городах: Апрелевке, Дмитрове, Егорьевске, Можайске, Новомосковске, Орехово-Зуеве, Сергиеве-Посаде, Серпухове, Смоленске, Ступино, Туймазы.

Факультеты, специальности (формы обучения)

1. Реконструкция и строительство зданий и сооружений

29.03.00. — Промышленное и гражданское строительство (очно-заочная и заочная)

29.15.00. — Экспертиза и управление недвижимостью (заочная)

06.11.00. — Менеджмент (заочная)

2. Городское, дорожное строительство и хозяйство

29.05.00. — Городское строительство и хозяйство (очная (интегрированная), заочная)

29.10.00. — Автомобильные дороги и аэродромы (заочная)

06.10.00. — Государственное и муниципальное управление (экстернат и заочная)

3. Инженерные системы и экология

29.07.00. — Теплогазоснабжение и вентиляция (очная (интегрированная) и заочная)

29.08.00. — Водоснабжение и водоотведение (очная (интегрированная) и заочная)

4. Технологический

25.08.00. — Химическая технология тугоплавких неметаллических и силикатных материалов (очная (интегрированная) и заочная)

29.06.00. — Производство строительных материалов, изделий и конструкций (очная (интегрированная), очно-заочная и заочная)

5. Механизация и автоматизация

17.09.00. — Подъемно-транспортные, строительные и дорожные машины и оборудование (заочная и очно-заочная)

17.16.00. — Механическое оборудование и технологические комплексы предприятий строительных материалов, изделий и конструкций (заочная)

29.13.00. — Механизация и автоматизация строительства (очная (интегрированная) и заочная)

6. Экономика и производственный менеджмент

- 06.08.00. — Экономика и управление в городском хозяйстве (экстернат, очно-заочная и заочная)
06.08.00. — Экономика и управление в строительстве (экстернат, очно-заочная и заочная)
06.08.00. — Экономика и управление предприятиями промышленности строительных материалов (экстернат, очно-заочная и заочная)

7. Гуманитарный

- 35.13.00. — Коммерция (Торговое дело) (очная и заочная)

Адрес: 109052 г. Москва, Средняя Калитниковская ул., 30

Тел.: Приемная комиссия 278-34-73

Подготовительное отделение 941-36-61

Подготовительные курсы 278-15-10

Факс: 278-15-10

Проезд: Метро "Таганская" или "Марксистская", далее тролл. 16,26,63 или авт. 46,51,106 до ост. "Улица Войтовича"
Метро "Пролетарская", далее трамв. 35 до конечной "Новокошарная площадь".

Московский

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ ЦЕНТР КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РФ

www.GAUDEAMUS.RU

гос. аккредитация № 25-0243

День открытых дверей — 21 апреля в 12.00

ФАКУЛЬТЕТЫ:

Иностранных языков (филология, языки: английский, испанский, итальянский, немецкий, португальский, французский; арабский, китайский, японский)

Переводческий (лингвистика и межкультурная коммуникация)

Страноведения и международной журналистики. Отделения: Европы и Америки, Азии и Африки

Международной журналистики (филология, журналистика, связи с общественностью)

Языки и культуры (филология, искусствоведение)

Экономики и права (мировая экономика, юриспруденция, государственное и муниципальное управление)

Компьютерные науки и информационные технологии (программное обеспечение ВТ, автоматизированные системы обработки информации и управления)

Дополнительного образования. Аспирантура

Телефоны приемной комиссии: 125-52-52, 125-52-42

Адрес: ст. м. "Академическая", ул. Кедрова д. 8/1, корп. 2

**Курсы иностранных языков
подготовительное отделение (1 и 1,5 года)**

Адрес: ст. м. "Улица 1905 года", Б. Трехгорный пер., 11

Тел.: 255-69-15, 255-69-29

**Общеобразовательная
"лингвистическая школа"**

при Институте иностранных языков. Тел.: 205-72-02

В детстве Ирина вместе с родителями любила ходить в музей Изобразительных искусств, что на Волхонке. Часами простаивала у картин французских импрессионистов и мастеров Возрождения. Именно через детские впечатления к ней пришло ощущение, что живопись — это ее призвание... После окончания "Училища 1905 года" занималась нининной графиней — сделала серию графических листов по пьесе "Дело" Сухово-Нобылина, "Мертвым душам" Гоголя, "Оливеру Твисту" Динненса. Но главным в творчестве

Ирины стала живопись — победило пристрастие к масляной технике, хотя работает она и в технике акварели и пастели.

Художница пишет натюрморты, портреты, но больше всего привлекают пейзажи. Ирина как бы стремится остановить вечно изменчивую природу, избранные прозрачными мазками то среднюю полосу России, то юг, то горы Швейцарии. Причем природу — в состоянии покоя и тишины, не потревоженную присутствием человека. Ирина создает целые серии и никогда не пишет с натуры, а только по воспоминаниям и фотографиям. Летом и осенью Ирина отправляется в Ноктебель, в знаменитые Нимерийские степи, воспетые в стихах М.Волошина. Живописные волошинские холмы у Ирины выходят то голубыми, то медово-песочными, то изумрудными. Есть у нее и изображения гор — Сюри-Над, Кара-Даг, написанные в разное время дня, с изменчивым освещением. А зимой Ирина ездит по старинным русским городам. Из Суздаля привезла картины Покровского монастыря, Рождественского собора Кремля и множество этюдов снежных улочек. В январе нынешнего года во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике состоялась персональная выставка художницы.

Вообще Ирина много выставляется. Два года назад прошла ее персональная выставка в Цюрихе в галерее "Кранах", а также в Базеле и Асконе. В Москве она сотрудничает с галереей "Асти". Участвует в благотворительном аукционе "Сотбис" в Москве, несколько раз проходили ее персональные выставки в ЦДХ.

Зеленые яблоки.

"Я занимаюсь исследованием изменяющихся состояний, будь то в пейзаже, натюрморте или портрете, — говорит Ирина. — И этот анализ дает мне эмоциональный настрой. Очень уважаю японцев с их культом созерцания, например, они часами могут любоваться цветущей сакурой. Главное — должна быть внутренняя гармония, согласие с самим собой, состояние душевной ясности и просветленности".

Людмила КАНДАЛОВА

▲ Праздник осени.

▲ Сирень белой ночью.

Saeco®

GAGGIA®

АВТОМАТИЧЕСКИЕ КОФЕМАШИНЫ

для дома и офиса

Встроенная
кофемолка
Счетчик чашек
Регулировка
степени помола
кофе
Подогрев чашек,
таймер

*20 сортов
свежесваренного
колумбийского
кофе*

*Измельщенный эспрессо
и капучино из зерен*

товар сертифицирован

Дербеневская наб., дом 1/2
тел.: (095) 959-7887, т./ф.: 959-7898

Официальный представитель в РФ <http://www.ape.ru>

Гарантия 12 месяцев